

Ю. А. ПЕТРОСЯН

**МЛАДОТУРЕЦКОЕ
ДВИЖЕНИЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. А. ПЕТРОСЯН

МЛАДОТУРЕЦКОЕ
ДВИЖЕНИЕ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

A166345

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор

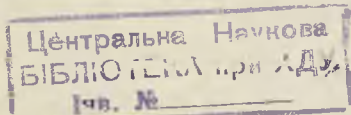
А. Д. ЖЕЛТЯКОВ

В работе рассматривается история младотурецкого движения на различных его этапах — от создания первых организаций до буржуазной революции 1908 г. Основное внимание уделено показу места и значения этого движения в общественно-политической истории Турции в новое время. Исследование построено, главным образом, на материалах, почерпнутых из оригинальных источников, преимущественно турецких. Широко использованы также материалы русских дипломатических архивов.

1-6-3

69-71

g

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа ставит своей целью осветить основные вопросы истории турецкого буржуазно-либерального движения в Османской империи во второй половине XIX — начале XX в. Зародившись в начале 60-х годов XIX в., турецкое буржуазно-либеральное реформаторское движение, пройдя ряд этапов в своем развитии, приобрело буржуазно-революционный характер и завершилось в 1908 г. первой в истории Турции буржуазной революцией. Всестороннее исследование процесса становления и развития тех сил, которые боролись против феодального абсолютизма, представляется важнейшим условием правильного понимания движущих сил и характера буржуазной революции 1908 г.

В современной исторической литературе, как правило, обособленно рассматриваются конституционное движение 60—70-х годов XIX в. и младотурецкое движение конца XIX — начала XX в. Между тем если эти общественно-политические движения оценивать как выраженные определенными тенденциями социально-экономического и политического развития Османской империи в эпоху нового времени, то необходимо будет признать их политическую и идейную неразрывность. Деятельность «новых османов» и младотурок, направленная против феодально-абсолютистского строя, была непосредственным отражением борьбы между отжившим свой век феодальным укладом жизни и новыми силами, расчищавшими путь для капиталистического развития страны. Поэтому представляется необходимым рассматривать факты политической истории движения «новых османов» и младотурок и их идеологию в неразрывной связи, как процесс, имеющий общую социальную направленность. Деятель-

ность «новых османов» в 60—70-х годах и младотурок на рубеже столетий стала той формой, в которую история облекла сложный процесс формирования политического и идейного самосознания турецкой национальной буржуазии до революции 1908 г.

Вся история младотурецкого движения — от ставшего его прелюдией конституционного движения 60—70-х годов до младотурецкой революции 1908 г. — была по своему объективному социальному содержанию борьбой за обеспечение политических условий для развития экономики по капиталистическому пути, борьбой за установление буржуазных норм и порядков в политической, экономической и культурной жизни страны. В идейно-политическом отношении младотурецкое движение есть история становления и развития турецкого буржуазного либерализма и постепенного вызревания буржуазно-революционных идей и настроений. Вместе с тем младотурецкое движение стало и первым в истории Турции идейно-политическим течением, отразившим процесс зарождения национального самосознания турецкого народа в сложных условиях многонационального государства, в котором турки занимали господствующее положение. Наконец, младотурецкое движение стало первой в истории Турции формой борьбы против экономической и политической экспансии империализма, первым выражением политического протеста против превращения страны в полуколонию империалистических держав.

Таким образом, младотурецкое движение было важным явлением в общественно-политической жизни Османской империи в эпоху нового времени. Исследование политической истории и идеологии этого движения представляет большой научный интерес как для изучения основных тенденций социального и общественно-политического развития Турции накануне первой в ее истории буржуазной революции, так и для выявления основных закономерностей исторического развития народов Востока в период ломки феодальных норм и порядков. Изучение истории младотурецкого движения имеет немалое значение и для сопоставительного анализа исторического процесса в странах Востока в эпоху «пробуждения Азии».

Термин «младотурки» вошел в обиход европейской историографии и журналистики в 60—70-х годах XIX в. в связи с деятельностью первых турецких конституцио-

налистов. «В европейских газетах и литературе, — отмечает А. Ф. Миллер, — турецкое конституционное движение называли „Молодой Турцией“, а его участников — „младотурками“. Впрочем, такие расплывчатые названия применялись и прежде в период танзимата, и позднее — ко всяким течениям, направленным на обновление Турции» [168, стр. 6]. Однако участники конституционного движения 60—70-х годов и тайных антиправительственных организаций конца XIX — начала XX в. редко применяли термин «младотурки». Конституционалисты 60—70-х годов называли себя «новыми османами», а участники тайных кружков и групп, составивших ядро общества «Единение и прогресс» («Иттихад ве тераккы»), именовали себя либо «османскими либералами», либо, реже, «новыми османами». Это обстоятельство было отнюдь не случайным. Оно было продиктовано тем, что вплоть до революции 1908 г. участники турецкого буржуазно-либерального и буржуазно-революционного движения выступали под лозунгом «общеевропейского», «османского» патриотизма. После революции 1908 г., когда в идеологии турецкой буржуазии на первый план стали выдвигаться национальные идеи и концепции, термин «младотурки» в его французском звучании вошел в турецкий язык. В период пребывания партии «Единение и прогресс» у власти этот термин обычно употреблялся для обозначения иттихадистов.

В современной европейской историографии нет единого отношения к употреблению термина «младотурки». Так, Эрнест Ремсор использует термин «младотурки» для общего обозначения деятелей движения «новых османов» и младотурецких организаций конца XIX — начала XX в. [265]. В то же время Бернард Льюис пользуется термином «младотурки» только применительно к деятелям групп и организаций, боровшихся против деспотического режима Абдул Хамида; турецких конституционалистов 60—70-х годов XIX в. этот исследователь называет «младоосманами» [262а, стр. 147—156, 192—205].

Среди современных турецких историков также не существует единства в этом вопросе. Шериф Мардин, автор значительных работ по истории младотурецкого движения и его идеологии, называет «новыми османами» или «младоосманами» конституционалистов 60—70-х годов, а «младотурками» — участников тайных антиабсолютистских групп и обществ конца XIX — начала XX в.

[264; 231]. Другой известный исследователь политической истории Турции, Т. З. Тунчая, более широко пользуется термином «младотурки», употребляя его для обозначения «революционеров или бунтарей, подготовивших первую и вторую конституции и стремившихся реформировать Османскую империю в соответствии с требованиями времени» [239, стр. 103]. Следуя этому принципу, Т. З. Туная называет «новых османов» «младотурками», а деятельность младотурецких организаций конца XIX—начала XX в. именует «вторым движением младотурок» [240, стр. 43, 68].

В настоящей работе мы исходим из того, что социальная направленность конституционного движения 60—70-х годов XIX в. и деятельности младотурецких организаций конца XIX — начала XX в. в основном совпадают. Социальная направленность конституционного движения позволяет говорить о деятельности «новых османов» как о прелюдии младотурецкого движения в рамках политической истории Турции. Еще более органической была идейная связь турецких конституционалистов и младотурецких организаций. В плане истории становления и развития идей, определявших содержание движения, конституционное движение 60—70-х годов следует рассматривать как первый этап младотурецкого движения. Учитывая особенности в тактике и идеологии «новых османов» и младотурок на рубеже столетий, целесообразно, однако, анализируя и излагая в едином потоке факты общественно-политической истории движения, пользоваться разными терминами — «новые османы» и «младотурки» — для обозначения участников младотурецкого движения в разные периоды его развития, как это и принято в советской исторической литературе.

Задача настоящего исследования — осветить основные вопросы истории младотурецкого движения: его социальную основу и направленность, политическую программу, идейные воззрения его лидеров, особенности его развития на различных этапах.

Методологической основой исследования являются принципы исторического материализма, рассматривающего исторический процесс во взаимосвязанности явлений базиса и надстройки в жизни общества. Труды классиков марксизма-ленинизма представляют первостепенную важность для правильного понимания и оценки экономического и политического положения Османской

империи в рассматриваемый период. Ленинская характеристика эпохи империализма дает прочную основу для анализа особенностей развития Османской империи, ставшей полуколонией империалистических держав. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса есть важные для оценки конституционного движения 60—70-х годов характеристики, касающиеся идеологии и политики движения, причин его поражения. Работы В. И. Ленина содержат принципиальные оценки движущих сил и характера турецкой буржуазной революции 1908 г., завершившей младотурецкое движение.

В советской исторической литературе нет специально-го монографического исследования истории младотурецкого движения на всех этапах его развития — от конституционного движения 60—70-х годов XIX в. до буржуазной революции 1908 г. Сказанное не означает, однако, что советские историки-туркологи не изучали проблемы, связанные с историей борьбы за конституцию 1876 г. и младотурецкого движения до революции. Однако в этих работах политическая история младотурецкого движения освещается очень бегло, внимание исследователей концентрируется на анализе фактов борьбы за конституцию в 1876 г., революционных событий июля 1908 г. и последующего развития страны в период правления младотурок; почти не освещены социально-политические и идейные воззрения младотурок до революции 1908 г.

Вместе с тем книги и статьи А. А. Алимова, Г. З. Алиева, А. А. Валуйского, Г. Л. Бондаревского, Х. З. Габидуллина, Э. Ю. Гасановой, А. Д. Желтякова, А. Ф. Миллера, Х. И. Муратова и А. Д. Новичева, А. С. Тверитиновой, В. И. Шпильковой содержат значительный фактический материал, ценные выводы и наблюдения, касающиеся экономической и политической истории Турции в период младотурецкого движения. Оценивая в целом такие работы историков 30-х годов, как статьи А. А. Алимова «Борьба за конституцию 1876 г. в Турции» и «Революция 1908 г. в Турции» (написана при участии Х. И. Муратова) и книга Х. З. Габидуллина «Младотурецкая революция», следует прежде всего отметить, что они созданы (особенно книга Х. З. Габидуллина) в результате использования очень узкого круга источников, в особенности турецких. Интересные работы А. А. Алимова содержат ряд неточных или противоречивых оценок, касающихся социального и национального состава

конституционного движения 60—70-х годов XIX в. и младотурецких организаций на рубеже столетий.

Наиболее глубокий анализ истории младотурецкого движения и буржуазной революции 1908 г. содержится в работах А. Ф. Миллера («50-летие младотурецкой революции» и «Буржуазная революция 1908 г. в Турции»). В них в сжатой форме дана характеристика основных этапов младотурецкого движения, его движущих сил и последствий. Ценный для темы настоящего исследования материал содержат статьи А. А. Валуйского, освещающие факты народных волнений в Малой Азии накануне младотурецкой революции. Для характеристики основных черт социально-экономического развития Османской империи во второй половине XIX — начале XX в. большую ценность имеют работы А. Д. Новичева, в особенности его книга «Очерки экономики Турции до мировой войны». Наконец, общие курсы истории Турции, созданные А. Ф. Миллером и А. Д. Новичевым, позволили автору данного исследования опереться в своей работе на опыт и знания советских историков в области изучения новой истории Турции. В настоящем исследовании использованы с учетом новых материалов и фактов и ранее опубликованные работы автора по истории конституционного движения 60—70-х годов и младотурецкого движения конца XIX — начала XX в.

Данная работа построена главным образом на изучении турецких источников. В ней используются публицистические произведения лидеров и идеологов «новых османов» и младотурок — Намыка Кемалья, Зии, Мидхата, Мустафы Фазыла, Ахмеда Ризы, Мурада, Сабахеддэна. Для характеристики политической программы движения и идейных воззрений его лидеров привлечены многие нелегальные издания «новых османов» — младотурок — газеты, брошюры, листовки. Широко использованы также мемуары участников движения — Ибрагима Темо, Кязима Дуру, Джемалья Кутая, Ахмеда Бедеви, Курана, Ахмеда Ниязи. Все эти источники, а также важные архивные материалы, изданные И. Х. Узунчаршылы [см. 122], позволяют осветить основные вопросы политической истории движения. Для изучения истории различных организаций младотурок использованы опубликованные А. Б. Кураном и Т. З. Туная уставы младотурецких тайных обществ. Один из них — устав «Общества прогресса и единения» (1907 г.) — использован в подлиннике, ко-

торый автор обнаружил в 1961 г. среди остатков библиотеки Ибрагима Темо в г. Меджидие (Румыния). Благодаря любезности его вдовы — Нафие Темо — тогда же были получены для изучения некоторые из нелегальных изданий младотурок [см. 188].

Важные источники для изучения борьбы за конституцию в 1876 г. и младотурецкого движения — материалы Архива внешней политики России (АВПР). Сведения в донесениях русских дипломатических представителей в Турции позволяют подробно осветить деятельность младотурецких организаций накануне и в период революции 1908 г. В фондах АВПР хранятся копии ряда воззваний младотурок, опубликованный протокол конгресса младотурок 1907 г. Необходимо отметить, что часть дипломатических документов, касающихся революции 1908 г., была опубликована в 1930—1931 гг. в журнале «Красный архив». Однако в настоящей работе эти документы использованы в подлинниках.

Большую ценность для изучения истории младотурецкого движения на всех его этапах имеют работы видных турецких исследователей — А. Б. Курана, Ю. Х. Баяра и Э. З. Карала, — в которых наиболее полно представлены систематизированные сведения по истории этого движения. Однако в этих работах нет анализа социальной основы и направленности младотурецкого движения. Анализ социально-экономических предпосылок младотурецкой революции подменяется подробным изложением деятельности различных групп младотурок. Отсутствует и социальная характеристика младотурок как выразителей интересов зарождавшейся турецкой национальной буржуазии. Названные турецкие историки не идут дальше характеристики младотурок как представителей интеллигенции, недовольных феодально-абсолютистским режимом. Турецкие исследователи не придают должного значения массовым народным выступлениям накануне революции. В их работах почти ничего не говорится о восстаниях в Восточной Анатолии в 1906—1907 гг., не дано должной оценки наметившейся антиимпериалистической тенденции младотурецкого движения. Младотурецкая революция освещается как явление, изолированное от подъема революционного движения в странах Востока, развившегося под мощным воздействием русской революции 1905—1907 гг. Отсутствие социально-экономического анализа условий, в которых раз-

вивалось младотурецкое движение, невнимание к антифеодальной и национально-освободительной борьбе народных масс Османской империи сказываются и на общих оценках младотурецкой революции названными турецкими историками. Они не употребляют даже термин «буржуазная революция», именую революционный взрыв в июле 1908 г. «конституционной революцией» или даже просто «объявлением конституции». Вместе с тем содержащийся в книгах А. Б. Курана, Ю. Х. Баюра и Э. З. Карала фактический материал, почерпнутый во многих случаях из недоступных нам источников, делает эти работы важными и полезными для разработки истории младотурецкого движения [подробнее см.: 160].

Среди других книг турецких авторов, использованных при написании настоящей работы, следует выделить уже отмеченные книги Шерифа Мардина, посвященные характеристике идеологии «новых османов» (на английском языке) и политических идей младотурок. В сущности эти работы — первая попытка систематического изложения основных принципов политической программы и идеологии младотурецкого движения. Шериф Мардин использовал в своих исследованиях многие газеты, издававшиеся младотурками в эмиграции и в большинстве своем отсутствующие в наших библиотеках. Высоко оценивая его работы как первый в турецкой историографии опыт анализа идеологии младотурецкого движения, необходимо отметить, что, хотя Шериф Мардин и стремится к дифференцированному анализу политических и идейных воззрений различных групп и течений в младотурецком движении, он все же не вскрывает их социальной подоплеку. В книгах Шерифа Мардина идейные разногласия младотурок предстают как явления, вызванные лишь идейными факторами и влияниями.

В 50—60-х годах XX в. ряд европейских исследователей уделил внимание разработке истории младотурецкого движения. Конституционное движение 60—70-х годов подробно освещено в книге Р. Х. Девисона, в которой рассмотрена история реформ в Османской империи в 1856—1876 гг. Эта интересная книга написана на основе использования широкого круга источников и литературы. Однако нельзя согласиться с предлагаемым в этой книге подходом к конституционному движению как своеобразному завершающему этапу периода танзиматских реформ. Хронологически исследование Р. Х. Девисона

продолжает работа Р. Деверо, где весьма подробно рассмотрены обстоятельства провозглашения первой турецкой конституции и деятельности парламента. Среди использованных им источников, не имеющих в нашем распоряжении,— материалы американских дипломатических архивов и документы и протоколы первого турецкого парламента, изданные в Турции в 1940 и 1954 гг. Р. Деверо в своей книге преимущественно излагает факты. Его объяснения причин поражения конституционного движения и роспуска парламента сводятся в конечном счете к рассуждениям о том, что к конституционному строю не были подготовлены ни правящие круги, ни население Османской империи.

Изданная в 1957 г. книга Эрнеста Ремсора — единственное специальное исследование, содержащее систематическое изложение деятельности различных групп и организаций младотурок с конца XIX в. до революции 1908 г. Особую ценность книге Э. Ремсора придают использованные им неопубликованные воспоминания ряда деятелей младотурецкого движения. Эти воспоминания были присланы Э. Ремсору при содействии турецкого министра внутренних дел в 1941 г. Широко используя эти ценные материалы, Э. Ремсор в то же время почти не привлек документальные материалы, собранные в книгах А. Б. Курана и Т. З. Туная. Касаясь методологической стороны книги Э. Ремсора, следует отметить, что ее автор оставляет в стороне экономические и социальные предпосылки младотурецкой революции, поверхностно анализирует политические и идейные воззрения младотурок, игнорирует вопрос о влиянии русской революции 1905—1907 гг. на развитие младотурецкого движения. Однако, несмотря на отмеченные недостатки, книга Э. Ремсора, насыщенная ценным фактическим материалом, представляет интерес для исследователей истории младотурецкого движения.

Источники и исследования, использованные при написании настоящей работы¹, не позволяют с достаточной полнотой осветить все вопросы истории младотурецкого движения, в частности не позволяют достаточно глубоко проанализировать процесс зарождения и развития турец-

¹ Характеристику ряда источников и исследований, использованных при написании разделов, излагающих историю движения «новых османов», см.: [184].

кой национальной буржуазии, более детально и конкретно охарактеризовать социальный состав младотурецких организаций конца XIX — начала XX в.

Источники, которые имеются в нашем распоряжении, дают возможность проанализировать общественно-политическую историю младотурецкого движения. Что касается процесса становления и развития идеологии движения, то в настоящей работе делается попытка систематического изложения и анализа основных черт социально-политических и идейных воззрений «новых османов» и младотурок.

Автор рассматривает свою работу как первый опыт изучения истории и идеологии младотурецкого движения на всех этапах его развития — от деятельности конституционалистов 60—70-х годов XIX в. до турецкой буржуазной революции 1908 г.

Автор благодарит всех сотрудников Тюрко-монгольского кабинета ЛО ИВАН СССР и Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВАН СССР, принявших участие в обсуждении этой работы. Автор приносит свою особую признательность профессору А. Ф. Миллеру и доценту А. Д. Желтякову, оказавшим своими советами и замечаниями помощь в подготовке книги к печати.

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
В 60—70-х годах XIX в.**

На рубеже эпохи империализма в мировой истории некогда могущественная Османская империя переживала острый социальный и политический кризис. Неоднократно предпринимавшиеся в первой половине XIX в. попытки турецких правящих кругов с помощью реформ свернуть процесс разложения основ турецкого феодального государства и политический распад империи остались безуспешными. Даже танзиматские реформы 40—50-х годов¹ не смогли остановить тот глубокий процесс социального и политического разложения, которым характеризовалось положение Османской империи с конца XVIII в.

Османская империя представляла собой в этот период крайне отсталую сельскохозяйственную страну. Уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве был необычайно низок. «Сельское хозяйство в Турции,— писал один из очевидцев,— еще стоит на той же ступени, как и более чем на 2000 лет назад: примитивный плуг, незнание с системой удобрений... молотба зерна, как во времена Моисея» [134, ч. II, стр. 245].

Большая и лучшая часть земель была сосредоточена в руках крупных землевладельцев, у которых арендовали землю крестьяне. Очевидцы отмечали, что в этот период преобладающей формой производственных отношений в сельском хозяйстве Османской империи была система

¹ См. о них: [169, стр. 68—82; 178, стр. 83—91; 180; 203; 257].

издольной аренды. Путешествовавший в 1879 г. по Турецкой Армении армянский священник Гарегин Срвандзьянц, описывая местность между Харпутом и Диярбакыром, писал: «Местные беки перевели все поземельные документы (гапу) на свое имя, не спрашивая жителей, налоги же поземельные и имущественные, а также подымную подать платит население, а записываются платежи в счет аги... Поселяне живут на правах марабов (т. е. издольщиков. — Ю. П.) и делятся с беем произведениями земли» [72, стр. 27—28]. Он же писал, что, хотя все земельные повинности несли крестьяне, хозяином земли считался бей. Крестьяне сеяли, пахали и убрали хлеба своими средствами; по уплате десятины и других налогов правительству оставшееся количество урожая делилось между крестьянином и беем, причем размер доли бывал различен [72, стр. 39]. Другой очевидец писал о распределении земельной собственности в Македонии, что значительная часть земли входила в состав больших поместий, владельцами когорых были местные беи или стамбульские чиновники и пашы. Эти поместья — чифтлики, занимая большие пространства, обрабатывались крестьянами — ераджи (одно из названий крестьянина-издольщика), владельцы же жили в городах, поручив дела управляющим [60, стр. 135, 137]. Как видно, господствующими отношениями в сельском хозяйстве оставались отношения, о которых В. И. Ленин писал, что такое ведение хозяйства, когда крестьянина вынуждают собственными средствами обрабатывать землю помещика, есть «...крепостническая эксплуатация миллионов обнищавшего крестьянства посредством имений в тысячи десятин, имений помещиков...» [14, стр. 276]. Эта система производственных отношений, по самой своей сущности враждебная прогрессивному развитию производительных сил, оказывала сдерживающее влияние на сельское хозяйство Османской империи, тормозила развитие капиталистических отношений². В. И. Ленин, анализируя сущность издольщины, писал, что при этой системе хозяйствования помещик выступает не как предприниматель-капиталист, а «в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева» [10, стр. 73].

² Подробнее о сдерживающем влиянии издольщины на развитие сельского хозяйства Турции см.: [77, стр. 57—60].

Вместе с этим в рассматриваемый период важной причиной низкого уровня сельскохозяйственного производства в Османской империи был феодально-султанский государственный режим. Налоговая политика султанского правительства подрывала это производство в самой основе. Главным сельскохозяйственным налогом был ашар (десятина) — натуральный налог с урожая; сбор этого налога обычно отдавался на откуп. Откупная система взимания ашара была в этот период настоящим бичом турецкого крестьянства, разоряя его, приводя к сокращению сельскохозяйственного производства. Это обстоятельство единодушно отмечали многочисленные очевидцы; его не могли скрыть и турецкие должностные лица. Бейрутский губернатор, например, доносил правительству: «Ашар (десятина) этого района, так же как и других районов, продается откупщикам с торгов. В результате вместо одной десятины народ платит несколько. Чтобы показать, к чему приводит подобное угнетение, я должен указать на следующий факт: в этом районе десятина была введена в 1866 г., и вот население, чтобы избежать притеснений откупщиков, т. е. чтобы после отдачи откупщику всех плодов насаженных ими деревьев не платить еще штрафа деньгами, срубило и уничтожило по меньшей мере до 15 тыс. масличных деревьев» [цит. по: 141, стр. 8]. На практике ашар значительно превышал десятую долю урожая. В 1867—1872 гг. размер его даже официально был увеличен до 12,5%, т. е. десятина была превращена в восьмину. На деле же размер ашара был намного выше и зависел, как правило, от произвола откупщиков. Очевидцы утверждали, что размер ашара составлял четверть и даже треть урожая [134, ч. II, стр. 245]. В. Теплов, посетивший Адрианополь в 1874 г., отмечал: «Что убивает болгарского земледельца, так это, во-первых, способ собирания налогов, дающий простор самому грубому произволу» [169, стр. 36].

Кроме ашара крестьяне были обложены рядом других налогов — поземельный налог, налог на скот, а также другие более мелкие подати. Взимались они правительственными чиновниками, причем в различном размере и даже под другими названиями в различных районах, завися в конечном счете от произвола местной администрации. Так, русский консул в Эрзуруме писал в июне 1872 г. послу в Константинополь, что «если нынешние

подати непомерны, а систематическая неопределенность, недосказанность и неизвестность их — невыносимы, то в особенности несносны для народа фантастические, лишь на случайном капризе, личной жадности и вечном невежестве сборщиков и властей основанные способы самого взимания этих сборов. В разных деревнях одной и той же казы или даже одного и того же нахие (единицы административного деления Османской империи. — Ю. П.) тот же самый налог именуется иначе, взимается иначе, в различном размере, в иные времена года и при иных условиях» [40, л. 4]. Жители Яффы, владельцы апельсиновых садов, жаловались, что налоги таковы, что «иное дерево не дает столько дохода, сколько за него нужно платить подати!». Из-за крайней обременительности налога жители стали бросать садоводство [68, стр. 60]. Налоговая политика правительства в самой основе подрывала производство такой важной в Османской империи сельскохозяйственной культуры, как табак. Производство табака было обложено высоким налогом. Вначале было установлено три категории — простой, средний и лучший табак — с соответствующим обложением в 6, 12 и 24 пиастра за окка³. Затем, однако, правительство решило, что будет «удобнее» обложить все сорта одинаковым налогом в размере 12 пиастров за окка. В результате табакоряды в районах производства простого табака были совершенно разорены, так как крестьянин мог продать свой табак за 7—8, в лучшем случае за 10 пиастров за окка [134, ч. II, стр. 273—274]. Один английский путешественник, посетивший в эти годы вилайет Трабзон, рассказывал, что крестьяне жаловались на непосильные налоги и на произвол налоговых чиновников. Так, при взимании налога со строений какая-нибудь хижина, не стоящая и 400 пиастров, оценивалась в 7—8 тыс. пиастров, молодое плодовое дерево, пусть даже дикая яблоня, облагалось 4 пиастрами налога [134, ч. II, стр. 41].

Ко всем этим обстоятельствам нужно прибавить правительственные повинности — принудительные работы на строительстве и ремонте дорог, безвозмездное содержание различных сборщиков податей и сопровождавших

³ Пиастр — денежная единица, одна сотая золотой турецкой лиры; в середине 70-х годов 1 пиастр равнялся приблизительно 6 копейкам золотом. Окка — турецкая мера веса, равная 1 кг 225 г.

их обычно полицейских и другие поборы. Английский консул в Трабзоне Дж. Пальгрив, составивший детальное описание вилайета в конце 60-х — начале 70-х годов, приводил следующие характерные цифры: за вычетом расходов на содержание семьи и разных расходов по хозяйству у крестьянина оставалось к концу года 120 пиастров, а различных налогов он должен платить около 240 пиастров. «Задача в высшей степени мудреная! — писал он. — Ключ к ее разрешению находится в обстоятельстве, которое может быть наблюдаемо на месте и которое было подтверждено мне сверх того двумя областными губернаторами во время последнего моего путешествия; они говорят, что под их ведомством нет ни одного поселянина, за которым бы не числилось недоимок, превышающих весь возможный его доход за три года подряд» [63, стр. 35]. Чем, как правило, часто кончалось такое положение, видно из следующего замечания известного ориенталиста А. Д. Мордтманна. «В настоящее время, — писал он, — около 40 тыс. человек томится в турецких тюрьмах за долги, и большинство именно за недоимки по налогам» [134, ч. I, стр. 35].

Одним из препятствий развитию производительных сил в сельском хозяйстве страны оставалось ростовщичество. К. Маркс писал о ростовщичестве, что оно «эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния» [1, стр. 159—160]. Гнет ростовщиков и необычайно высокий ссудный процент (30, 40, 60 и даже выше) отмечали почти все путешественники, бывавшие в Османской империи в конце 60-х — начале 70-х годов.

Наконец, одной из причин, мешавших развитию сельскохозяйственного производства, было сохранение внутренних таможенных пошлин и крайний недостаток путей сообщения. «Пекари (Стамбула. — Ю. П.), — писал А. Д. Мордтманн, — покупают гораздо дешевле иностранную муку, чем местную, так как за каждый мешок пшеницы, который мельницы столицы получают из Румелии или Анатолии, они должны уплачивать внутреннюю пошлину» [134, ч. II, стр. 287]. К 1876 г. Азиатская Турция имела всего лишь две небольшие железнодорожные

линии. Немногим больше была сеть железных дорог в Европейской Турции. Мало было в стране шоссейных и грунтовых дорог, к тому же они находились в запущенном состоянии. Такое положение препятствовало широкому развитию товарности сельского хозяйства. Характерен такой факт, сообщенный русским дипломатом Я. Д. Малама. Один купец отправил в 1874 г. пшеницу из Эрзурума в Трабзон. За 6290 пудов он заплатил 4536 руб., т. е. приблизительно 72 коп. за пуд. За перевозку пшеницы (наем выючных лошадей и покупку мешков и веревок) купец истратил 4151 руб., т. е. каждый пуд ему обошелся еще 66 коп. В результате пшеница, которая стоила на месте 72 коп. пуд, с доставкой на расстояние 280 верст по шоссе обходилась ему уже 1 руб. 38 коп. за пуд [41, стр. 108]. Такое же положение в ряде районов Центральной и Восточной Анатолии, Сирии, Курдистана отмечали многие авторы. «В различных местностях, — писал А. Д. Мордтманн, — жители рассказывали мне, что после уборки урожая они вынуждены бросать прежний урожай в воду, так как его нельзя продать из-за недостатка путей сообщения, а хранить негде» [134, ч. II, стр. 63].

Все указанные причины мешали развитию сельского хозяйства; сельскохозяйственное производство во внутренних районах страны не утратило в этот период натурального характера. На это обстоятельство указывали многие очевидцы. «Несмотря на вполне благоприятные условия для развития хлебопашества в самых широких размерах, — писал Я. Д. Малама, — оно ограничивается обыкновенно потребностью самих обывателей» [41, стр. 108]. Примерно то же самое писал в 1876 г. из Эрзурума корреспондент тифлисской армянской газеты «Мшак» (№ 27): «Во многих местах, во многих уездах крестьянин не видел денег, монет. Он все обменивает на природные продукты, ими же платит подати правительству».

В состоянии упадка находилось и промышленное производство Османской империи. Один из наблюдателей отмечал, что она вынуждена покупать в Европе «все предметы потребления, исключая прямые продукты сельского хозяйства, — ткани, скобяные товары, рабочие инструменты, химические продукты, броненосные суда и даже печатные станки, доводящие до сведения публики правительственные акты» [252, стр. 78]. Дж. Пальгрев

свидетельствовал, что простая поездка по внутренним частям Анатолии убеждает в упадке ремесла и промышленности. «Целые города,— писал он,— еще сравнительно недавно бывшие в цветущем состоянии благодаря той или иной отрасли промышленности, ныне совсем обнищали и запустели» [63, стр. 87].

В стране имелись богатейшие залежи медной руды, однако разработка ее велась очень плохо. Так, в вилайете Диярбакыр существовали медеплавильные заводы, но эксплуатация их велась нерегулярно, часто прерывалась и ввиду бесчестного управления редко бывала прибыльна [134, ч. II, стр. 250]. Дж. Пальгрев, описывая вилайет Трабзон, отмечал, что, несмотря на богатые природные ископаемые (серебро, свинец, железо), разработка этих богатств не велась (исключая небольшой железный рудник в Тиреболу) [63, стр. 16]. Уровень техники на многих горнозаводских предприятиях был так низок, что при обработке руды терялось от 20 до 40% металла [181, стр. 135—136].

В состоянии упадка находилось и некогда сильно развитое производство шелковых, шерстяных и бумажных тканей. А. Д. Мордтманн, хорошо знакомый с экономическим положением страны, писал, что шелковая промышленность в ряде районов парализована и ограничена лишь вывозом коконов и шелка-сырца [134, ч. II, стр. 288]. Участники экспедиции австрийского инженера И. Черника также отмечали упадок промышленного производства в Северной Сирии, значительное уменьшение производства шерстяных и шелковых изделий в Дамаске, Алеппо и Бейруте [75, стр. 185—186]. Во много раз сократилось шелковое производство Бурсы и Диярбакыра, откуда в начале XIX в. в большом количестве отправлялась продукция на внешний рынок.

Важнейшими причинами упадка и главными препятствиями развитию промышленного производства являлись феодально-султанский режим и усиливающееся проникновение в страну иностранного капитала. Участники экспедиции И. Черника в результате своих наблюдений составили следующее мнение о причинах промышленной отсталости Османской империи: «Сначала неразумная система пошлин, поощряющая, подобно тому как и в Персии, чужеземную промышленность, изгнала с родного рынка различные собственные изделия, затем конкуренция Запада, производящего при помощи усо-

вершенствованных машин продукты дешевле и в большем количестве, нанесли чувствительный удар местной промышленности. Не удивительно потому, что ввоз иностранных товаров скоро превысил вывоз местных изделий» [75, стр. 185].

Административный произвол, внутренние таможенные пошлины, различные налоги и сборы подавляли местное промышленное производство. Господствовавший в стране феодальный режим был серьезным препятствием на пути развития капитализма. Ф. Энгельс указывал, что «...турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности» [7, стр. 33]. Недостаточная обеспеченность безопасности жизни и собственности оставалась в 60—70-х годах XIX в. одним из препятствий на пути промышленного развития страны. Уже сама попытка организации какого-либо промышленного предприятия была обставлена такими административными проволочками, что отбивала у местных предпринимателей охоту к этим попыткам. Обычно вали (губернатор) за какую-либо концессию запрашивал огромную сумму. Если же дело переносилось для рассмотрения в столицу, то правительство, как правило, запрашивало мнение того же губернатора. Последний, не получив крупной взятки, под самыми невероятными предлогами объявлял требуемую концессию «невыгодной для развития края». Повсеместным явлением были незаконные поборы и взяточничество. Один из хорошо осведомленных авторов писал о положении в вилайетах Ван и Хакьяри: «Управление этих вилайетов таково же, как во всей империи; злоупотребления, к сожалению, слишком явны... Отдаленность центральной власти от этих областей наталкивает многих (из числа чиновников администрации.— Ю. П.) на злоупотребление своим положением, позволяя себе всякого рода хищения и несправедливости» [130, стр. 31]. Любое законное дело не получало хода в государственном аппарате до тех пор, пока соответствующий чиновник не получал взятку. Обычная для Османской империи того времени картина выглядела так. Для получения назначения на пост губернатора вилайета чиновник должен был уплатить

крупную взятку великому везиру или какому-либо влиятельному министру. Деньги на это он обычно брал взаймы у ростовщика. Между тем в столице без конца менялись великие везиры, а с ними и министры; ввиду господствовавшей же в административном управлении системы протекций беспрестанно менялись и губернаторы. Так, например, один крупный чиновник, Реуф-паша, был назначен губернатором в Салоники. Не успел он, однако, прибыть туда, как указом великого везира был назначен в Боснийский вилайет; два дня спустя его назначили командующим турецкими войсками в Герцеговине, а через десять дней направили губернатором в Монастыр. Другой сановник был назначен в Трабзонский вилайет, но не успел он приехать на место, как получил указ о назначении в Сирию [252, стр. 58—59]. Такие факты были обычным явлением. Один русский путешественник передавал свой разговор с губернатором Аданы, который сам признавался, что не знает, как долго он пробудет на этом посту. Его секретарь, оставшись наедине с путешественником, сказал: «Каймакамов, министров, великих везирей сменяют каждую пятницу — где же быть порядку? Нам, младшим чиновникам, по году не платят жалованья: поневоле мы воры и взяточники» [74, стр. 141]. Чиновник, обязанный в срок уплатить крупную сумму ростовщику и не уверенный в длительности своего пребывания на занимаемом посту (в любой момент его покровитель в столице мог по случайному капризу султана потерять власть), старался поскорее нагрabить побольше.

До чего доходил произвол местной администрации, видно из следующего. Часто бывали, например, случаи, когда по прибытии в порт судов турецкого каботажного флота их занимала полиция и полицейские чины объявляли капитанам, что груз конфискуется в пользу правительства. На деле же это был произвол губернатора, который злоупотреблял своей властью в целях наживы. Губернатор платил собственнику груза сумму, которая была намного ниже действительной стоимости груза, а затем через своих агентов продавал товар в свою пользу. Так действовал даже стамбульский префект Хюсейн-бей, который принуждал все турецкие суда, привозившие в город топливо, сдавать грузы в его магазины, уплачивая крайне низкую цену. Таким путем он монополизировал всю дровяную и угольную торговлю столицы [134,

ч. II, стр. 256—257]. К этому следует добавить, что взяточничество и произвол процветали также и среди полицейских чинов.

Все эти обстоятельства приводили к тому, что местный капитал предпочитал принимать участие в ростовщичестве, откупе налогов, в поставках различным государственным учреждениям, но не в промышленном предпринимательстве. Этому способствовала и налоговая политика феодально-султанского правительства. Так, турецкое шелкоткачество облагалось десятиной с сырья, гербовым сбором, 12-процентными внутренними пошлинами и другими мелкими сборами. Изготовление вина и других спиртных напитков также облагалось десятинным сбором с сырья, 10% взималось в качестве налога за право производства, 8% взималось за право ввоза машин и сырья (очищенный спирт, хмель) из-за границы [134, стр. 286, 288].

Серьезным препятствием на пути развития промышленного производства было сохранение цехов (эснафов) с присущей им феодальной регламентацией производства [177, стр. 98—99].

Наряду с внутренними причинами, мешавшими развитию промышленного производства в Османской империи, важнейшим препятствием на пути этого развития был и иностранный капитал. Общеизвестно, что конкуренция иностранных товаров, начавших проникать на внутренний рынок Османской империи уже в начале XIX в., была одной из важных причин упадка ее промышленного производства. К. Маркс писал в 1853 г., что «...ввоз иностранных промышленных изделий имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции...» [2, стр. 100]. Именно в результате конкуренции иностранных товаров пришло в упадок шелковое производство Бурсы и Диярбакыра, шерстяное и шелковое производство Дамаска, Алеппо, Бейрута и других промышленных центров. Турецкая правительственная комиссия отмечала в 1866 г., что в течение последних 30—40 лет в результате иностранной конкуренции сильно сократилось и кожевенное производство [233, стр. 428]. Характерный факт был сообщен в 1875 г. русским консулом в Биголии (Монастырский вилайет). На ярмарке 1874 г. в Прилепе, куда стекались говары

почти со всей Румелии, товаров местного производства было представлено на 38 280 лир, тогда как общая стоимость иностранных товаров (преимущественно из Англии, Австрии, Франции) равнялась 207 314 лирам, т. е. в пять с лишним раз превышала стоимость товаров местного производства, представленных на ярмарке [45, л. 2—5].

Если в начале XIX в. от иностранной конкуренции страдали в основном прибрежные районы страны, то в 60—70-е годы этого столетия губительному воздействию конкуренции стали подвергаться и внутренние районы. Об этом свидетельствуют рассказы очевидцев о состоянии промышленности Мосула, Амасьи и ряда других городов в 60-х годах XIX в. [233, стр. 427—428]. Это же отмечали участники экспедиции И. Черника, подтверждавшие значительное количество европейских товаров на рынках Диярбакыра, Урфы и других городов Юго-Восточной Анатолии [75, стр. 147, 154].

Иностранная конкуренция оказывала столь губительное воздействие на местное промышленное производство потому, что капитуляции и составленные на их основе торговые договоры Османской империи с иностранными государствами лишали местную промышленность всякой защиты от конкуренции развитой промышленности Запада. Торговые договоры, заключенные Османской империей с иностранными державами в 1861—1862 гг., подтверждали все капитуляционные права иностранных подданных (экстерриториальность, консульские суды, право содержания своих почтовых учреждений и т. д.). По этим договорам иностранцы имели право ввозить и вывозить любые товары (исключая оружие и военное снаряжение, соль и табак, являвшиеся монополиями государства), импортные пошлины устанавливались в размере 8% объявленной ценности товара. Иностранные товары были свободны от внутренних таможенных пошлин. Ясно, что такие условия не могли создать каких-либо преград иностранным товарам и лишали местное производство всякой защиты перед лицом иностранной конкуренции. Известный исследователь Малой Азии П. А. Чихачев писал в 1858 г., что торговля Османской империи «парализована варварским законом, по которому с каждой импортной сделки взимается 5%, а с каждой экспортной — огромная пошлина в 12%» [73, стр. 116].

Такое положение в основных своих чертах существовало уже в первой половине XIX в., но в 60—70-х годах оно стало особенно ощутимым в связи с усилением проникновения иностранного капитала (во всех его формах) в экономику Османской империи. В эти годы были заложены основы превращения ее в полуколонию иностранного капитала. В годы Крымской войны (1853—1856) был заключен первый иностранный заем в размере 75 млн. фр. За ним последовала целая серия займов, заключавшихся на кабальных условиях [см. 177, стр. 192—193]. Начиная с 1853/54 финансового года государственный бюджет постоянно сводился со все большим дефицитом. Для погашения дефицита в бюджете правительство вновь и вновь прибегало к внешним займам. Это положение привело к тому, что уже в 1865 г. страна стояла на пороге финансового банкротства, которого удалось избежать с большим трудом, опять-таки при помощи внешних и внутренних займов [18, л. 544—547]. В дальнейшем финансовое положение страны продолжало ухудшаться. К 1876 г. Османская империя, заключившая 14 внешних займов, обладала государственным внешним долгом в 277 млн. лир (более 6 млрд. фр.). В то же время в бюджете 1875/76 г. расходы превышали доходы на 116 млн. фр. Около половины расходной части бюджета 1875/76 г. уходило на уплату процентов и погашений по государственным займам. А так как выплата процентов и погашений обычно обеспечивалась предоставлением иностранным банкам различных статей доходной части бюджета, то султанское правительство постепенно утрачивало контроль над финансами страны. Так с ухудшением финансового положения Османской империи росла ее зависимость от иностранного капитала.

Другим мощным орудием закабаления стали иностранные концессии и банки. В 50—60-х годах XIX в. англо-французский капитал приобрел первые концессии на строительство железных дорог в Азиатской и Европейской Турции. Условия этих концессий усиливали финансовую кабалу, в которую все более и более попадала Турция. Так, по бюджету 1875/76 г. она выплачивала около 6 млн. фр. так называемых километрических гарантий, т. е. разницу между реальным и гарантированным правительством концессионерам валовым доходом на километр железной дороги.

После Крымской войны ввоз капитала постепенно на-

чал приобретать все большее и большее значение. Иностранцы, пользуясь поддержкой своих правительств и капитуляционными привилегиями, стали добиваться всевозможных концессий — на строительство железных дорог, разработку полезных ископаемых, на создание различных банков и т. д. В 60-х годах иностранные капиталисты получили ряд концессий на разработку природных ископаемых в Европейской Турции. В этот же период начали создаваться первые иностранные банки. Важнейшим из них был учрежденный в 1856 г. Оттоманский банк (англо-французский капитал), который в 1863 г. получил права государственного банка — право эмиссии банкнот, право на официальное посредничество во всех операциях правительства по внешним и внутренним займам. Оттоманский банк получил широкие привилегии — освобождение всех операций банка от налогов, безвозмездное приобретение земли и т. д. Позднее он получил еще и казначейские функции. Такое положение вместе с растущей финансовой задолженностью Османской империи иностранному капиталу привело к тому, что иностранные банки, и в первую очередь Оттоманский банк, постепенно захватили контроль над финансами страны.

Растущую экономическую зависимость страны от иностранного капитала прекрасно отражал и внешнеторговый баланс Османской империи. До середины XIX в. он сводился без дефицита, экспорт преобладал над импортом. Начиная же с 50-х годов внешнеторговый баланс стал сводиться со значительным дефицитом. В 1880 г. импорт уже почти вдвое превышал экспорт. Данные о внешней торговле в 60-х годах свидетельствуют о том, что она превратилась в рынок сбыта и источник сырья для иностранного капитала. Основные предметы вывоза состояли из разного рода сельскохозяйственного сырья (шелк-сырец, шерсть, хлопок, табак, опиум и т. д.). Вызались же разнообразные промышленные изделия: текстильные, кожаные, металлические, различные предметы потребления [56, стр. 264—287]. Внешняя торговля Османской империи в этот период отражала процесс превращения ее в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав. Турецкий экономист Исмаил Хюсрев образно характеризовал этот процесс, говоря, что «капитализм, подобно ремесленнику, делающему глиняные трубки, вылепил из Турции желательную для себя форму

и организовал ее соответственно своим интересам и господствующим при нем отношениям» [220, стр. 124].

В 50—60-х годах иностранный капитал начал вкладывать средства и в промышленные предприятия в Османской империи. В связи с этими капиталовложениями иностранные капиталисты добились в 1867 г. права на владение земельной собственностью для иностранных подданных. «Европейский капитализм, — писал турецкий исследователь Хюсейн Авни, — для своего экономического проникновения в Османскую империю, для строительства новых железных дорог, эксплуатации недр и сооружения складов и пристаней, весьма естественно, требовал продажи земельных участков» [137, стр. 18]. Однако капитал преимущественно вкладывался в предприятия по обработке сырья. Так, уже в 1852 г. в Ливане был ряд фабрик по производству шелка-сырца, принадлежавших иностранному капиталу. Крупнейшая из них, которой владели французы, производила ежегодно для вывоза во Францию 10 тыс. кг хлопка-сырца и 50 тыс. кг шелка-сырца [233, стр. 428]. В 1864 г. англо-американский капитал создал бумагопрядильные фабрики в Волю и Ларисе (Фессалия); в том же году под Адрианополем франко-греческий капитал организовал три фабрики по производству шелка-сырца. Французские капиталисты организовали в Дамаске несколько фабрик по производству шелковой пряжи [56, стр. 272, 275, 285]. Это были первые шаги. Позднее, с развитием сети железных дорог, иностранный капитал захватил всю промышленность по обработке сельскохозяйственного сырья.

Таким образом, в 60—70-х годах XIX в. для экономического положения Османской империи были характерны крайняя отсталость сельскохозяйственного и промышленного производства, финансовое закабаление страны иностранным капиталом и постепенное превращение ее в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав. Между тем, несмотря на тяжелое экономическое и финансовое положение, львиная доля государственных средств расточалась непроизводительно; огромные суммы тратились на содержание двора султана, на строительство дворцов и т. д. Турецкий историк Ахмед Саиб писал, что за годы правления султана Абдул Азиза (1861—1876) на одно только строительство дворцов было израсходовано более 7 млн. лир (161 млн. фр.) [207, стр. 133]. Огромные суммы расходовались на закупку за границей

современного вооружения для армии и флота. При Абдул Азизе было построено несколько десятков судов, причем большинство из них заказывалось за границей. В результате занятые за границей деньги в значительной мере текли обратно в иностранные банки в виде оплаты за военное снаряжение и военные корабли. К этому нужно добавить, что крупные суммы, отпускавшиеся на приобретение снаряжения и обмундирования для султанской армии, оседали в карманах военных чиновников, поставщиков обмундирования и продовольствия.

В конце 60-х—начале 70-х годов османское правительство делало некоторые шаги для укрепления экономического положения страны. Так, в середине 60-х годов была сделана попытка ограничить ростовщичество путем организации ссудных касс. Однако в результате злоупотреблений чиновников, управлявших этими кассами, эффект их был ничтожен. В конце 60-х годов Высокая Порта создала специальную комиссию для выработки мероприятий по улучшению положения местной промышленности. Работа этой комиссии свелась к реорганизации некоторых ремесленных цехов (эснафов) в товарищества (ширкет), которым государство предоставило ряд льгот сроком на 12 лет (освобождение от некоторых пошлин на ввоз инструментов и сырья, предпочтение в закупках произведенных товаров государственными органами и т. д.) [233, стр. 431]. Одновременно в Стамбуле и в ряде вилайетских центров были организованы ремесленные училища. В 1863 г. в Стамбуле была открыта первая в истории страны промышленная выставка, на которой были представлены изделия местного и иностранного производства:

В начале 60-х годов османское правительство осуществило некоторые мероприятия с целью поощрить местное производство хлопка, спрос на который в этот момент резко возрос в связи с гражданской войной в США. В 1862 г. правительство объявило, что лица, которые начнут разводить хлопок на пустующих землях, получат эти земли бесплатно и на пять лет будут освобождены от уплаты ашара [223, стр. 252—253].

В 1874 г. Порта объявила об отмене внутренних таможенных пошлин (с оговоркой, что это не распространяется на морские перевозки, а также на такие продукты, как табак, соль и спирт) [см.: 134, ч. II, стр. 287; 143, стр. 34—35]. Однако эта отмена была иллюзорна

и не осуществлялась на практике. Скоро само правительство предало забвению это решение. Официальный ежегодник Эрзурумского вилайета на 1881 г. содержал, например, сведения о доходах внутренних таможен вилайета [58, стр. 19] ⁴.

В 1874 г. Порта сделала даже попытку добиться пересмотра существующих торговых договоров. Из официальной ноты, направленной иностранным державам, явствовало, что этот пересмотр должен был, согласно мнению султанского правительства, свестись к следующим основным моментам: 1) установление единого таможенного тарифа вместо частных тарифов, существовавших в договорах с различными государствами; 2) определение специальных пошлин по ряду товаров; 3) повышение ввозных пошлин; 4) оставление за Портой права повышения ввозных пошлин в случае, если будет повышаться акциз на однородные товары местного производства; 5) предоставление Порте права взимания маячного, якорного, карантинного и других сборов и т. д. [43, л. 159]. Русский посол в Стамбуле сообщал, что Высокая Порта намеревалась добиться повышения пошлин до 20% средней цены ввозных товаров [43, л. 175]. Однако османское правительство действовало крайне нерешительно и не смогло осуществить свой проект, встретивший сильное противодействие западных держав. Причина этой нерешительности заключалась, конечно, в тяжелом финансово-экономическом положении страны и в возросшей зависимости ее от иностранного капитала. В конце 1875 г. Порта перестала настаивать на своем требовании, особенно нуждаясь в поддержке иностранного капитала в связи с обострением финансового кризиса и босно-герцеговинским восстанием [43, л. 183—184].

Совершенно очевидно, что отдельные мероприятия правительства (если бы даже они последовательно проводились в жизнь) не могли изменить положение в экономической жизни страны, так как они не устраняли главных препятствий на пути прогрессивного развития ее производительных сил: феодально-султанский режим и иностранный капитал со всеми его позициями внутри страны.

⁴ Фактически внутренние таможенные пошлины были ликвидированы в 1898 г.

Тяжелому экономическому положению страны соответствовало внутривластное положение. Финансовое закабаление Османской империи иностранным капиталом приводило к усилению и без того жестокой налоговой эксплуатации крестьянства, вызывая рост его недовольства правительством. В эти годы ухудшилось и положение городских ремесленников, мелких чиновников и низшего офицерства армии и флота в связи с тем, что правительство в поисках средств стало все чаще прибегать к выпуску в большом количестве бумажных денег (каймэ), не имевших никакого обеспечения. Это приводило к снижению ценности денег и необычному росту дороговизны. Очевидцы отмечали, что недовольство в связи с этим охватило в 60-е годы широкие слои населения. «Все народы Турции, — писал Ф. Миллинген, — без различия расы и веры, теряют терпение, стремясь освободиться от ига власти, которую они признают неспособной управлять ими... Несомненно, что сами мусульмане в Анатолии готовы к восстанию...» [130, стр. 364]. Турецким правящим кругам во многих случаях удавалось сдержать рост народного недовольства, разжигая религиозную рознь, поощряя мусульманский фанатизм. Однако положение широких масс крестьянства в Османской империи было настолько тяжелым, что вспышки религиозного фанатизма не могли, конечно, серьезно заглушить его недовольство правительством. Во всяком случае, турецкий крестьянин не менее крестьянина-нетурка испытывал на себе всю тяжесть феодальной эксплуатации. «Турецкая знать, — писал в этот период английский исследователь Ч. Уильсон, — относится несочувственно к бедным мусульманским крестьянам и смотрит на них, как на низшие существа. Крупные землевладельцы эксплуатируют их и обращаются с ними, как с народом порабощенным; единственным звеном, связующим оба класса, служит общая религия» [57, стр. 62].

Недовольство султаном и его правительством проявлялось неоднократно и в весьма различных формах. В сентябре 1859 г. в Стамбуле был раскрыт заговор, вошедший в историю Турции под названием «Кулелийского инцидента», поскольку в Кулелийских казармах в Ченгалькее (Стамбул) содержались арестованные участники заговора [см.: 201; 185; 221]. Заговорщики, среди которых были учащиеся медресе, мелкие чинов-

ники и офицеры, солдаты и служащие арсенала, представители мусульманского духовенства, ставили своей целью низложение султана Абдул Меджида. О программе заговорщиков и их дальнейшей цели нет определенных сведений⁵, однако очевидно, что заговор возник в атмосфере всеобщего недовольства султаном и его правительством. Руководители заговора были приговорены к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой. Все арестованные заговорщики были сосланы на каторгу. Правительство без особого труда расправилось с заговором, ибо он не имел сколько-нибудь серьезной опоры в массах. Однако стихийное народное недовольство давало о себе знать еще не раз. Так, в начале 60-х годов в Стамбуле происходили волнения, вызванные ростом дороговизны и грозившие перейти в восстание против правительства [68, стр. 41]. Русский военный агент в Стамбуле писал в середине 1860 г., что два батальона стамбульского гарнизона даже «решились в случае беспорядков не содействовать их прекращению» [52, л. 71]. О недовольстве различных слоев населения правительством сообщали русские дипломатические представители и позднее. В начале 1867 г. русский посол в Стамбуле сообщал, что в столице чиновники стали выражать недовольство, для устранения которого правительство вынуждено было спешно выплатить им жалованье текущего месяца (в то время жалованье часто не выплачивали по полгода), сделав для этого новый местный заем в 100 тыс. лир. Посол писал, что возбуждение среди жителей столицы — христиан и мусульман — таково, что не исключена возможность беспорядков, направленных против султанского двора и отдельных министров [26, л. 97—99].

В 60—70-х годах усилилась и освободительная борьба угнетенных нетурецких народов Османской империи. Хотя восстания этих народов носили характер борьбы за освобождение из-под власти турецкого султана, в основе их, как правило, лежала антифеодальная борьба крестьянства. Это нашло свое отражение в ряде крупных восстаний. В 1861 г. восстали крестьяне Герцеговины и Боснии, в 1866 г. — греки на Крите. В 60-х годах несколько раз восставал против турецкого деспотизма болгарский народ. Восстания болгар и греков

⁵ Этот вопрос рассматривается подробно в гл. II.

(о-в Крит) возглавила молодая национальная буржуазия. Эти выступления приобрели характер национально-освободительных движений. В 1862 г. вспыхнуло крупное восстание армян-горцев в Зейтуне. Султанское правительство с большим трудом и с большой жестокостью подавляло эти восстания. Они еще больше расшатывали и без того слабый государственный механизм Османской империи.

Экономическому и внутривосточному положению страны соответствовало и ее международное положение, которое начиная с Крымской войны 1853—1856 гг. характеризуется все большей потерей самостоятельности в вопросах внешней политики. Европейские державы, пользуясь растущей экономической зависимостью Османской империи, через своих послов в Стамбуле постоянно вмешивались во внутренние дела государства. Это вмешательство осуществлялось то под предлогом «помощи» в осуществлении реформ, то под видом «защиты» немусульманских подданных от произвола и насилия. Менее всего думая об улучшении положения трудящихся масс немусульманского населения Османской империи, европейские державы использовали каждый удобный случай, чтобы усилить там свои позиции. Дело при этом не ограничивалось одним дипломатическим давлением на Высокую Порту, а доходило даже до открытой интервенции, как это было во время друско-маронитской резни в Ливане (1860 г.). Совершенно очевидно, что если Турция не была разделена между колониальными державами или не стала колонией какой-либо одной державы, то причиной тому было соперничество империалистических держав, не дававшее ни одной из них возможности прямого захвата страны. Поэтому Турция была ареной непрекращавшейся борьбы империалистических держав за преобладающее экономическое и политическое влияние. Эта борьба приобрела новое содержание в связи с перерастанием мирового капитализма в империализм. В. И. Ленин писал, что борьба из-за полувисимых стран «...особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен» [16, стр. 379]. Объясняя причины обострения этой борьбы, В. И. Ленин указывал, что чем меньше остается стран, в которые можно вывозить капитал так же выгодно, как в колонии или такие зависимые страны, как Тур-

ция, где финансовый капитал получает тройную по сравнению с вывозом капитала в независимые страны прибыль, «...тем ожесточеннее борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и проч.» [15, стр. 235].

Таково было в общих чертах экономическое и политическое положение Османской империи в 60—70-х годах XIX в. Оно характеризовалось крайней экономической отсталостью страны, обострением ее внутренних социальных и национальных противоречий, ростом финансово-экономической зависимости от иностранного капитала, потерей самостоятельности в вопросах внешней политики.

Вместе с тем в стране постепенно шло развитие капиталистических отношений, прежде всего в городах и в меньшей мере в деревнях. В условиях феодально-султанского государственного режима и растущей зависимости страны от иностранного капитала этот процесс шел крайне медленно и с огромными трудностями. Тем не менее по сравнению с положением, существовавшим в начале XIX в., налицо были известные сдвиги. В определенной степени этому способствовали, несмотря на всю их недостаточность, танзиматские реформы. Новая административная система (закон о вилайетах 1867 г.), некоторое упорядочение судопроизводства и другие подобные мероприятия, осуществленные в 50—60-х годах, в некоторой, хотя и недостаточной, степени обеспечивали неприкосновенность жизни и имущества.

В стране неуклонно шло развитие товарно-денежных отношений, приводившее к зарождению и развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности. В некоторой степени этому способствовал и земельный закон 1858 г., юридически оформивший ликвидацию военно-ленной системы землевладения. Земля все чаще и чаще стала пускаться в торговый оборот. Этому также способствовал закон 1867 г. о расширении прав наследования земли.

Начиная со второй четверти XIX в. Османская империя все больше втягивалась в мировой товарооборот. Росла товарность турецкого сельского хозяйства в тех его отраслях, которые были связаны с внешним рынком (различные технические и садовые культуры). Весьма показательны в этом отношении данные о внешней торговле крупнейшего торгового порта страны —

Измира. Если в 1839 г. его внешнеторговый оборот составлял около 53 млн. фр., то в 1856 г. — уже 120 млн., в 1876 г. — 187 млн., а в 1881 г. — 221 млн. фр. Особенно возрос импорт, отражая рост экономической зависимости страны от иностранного капитала; к 1881 г. он увеличился в семь раз по сравнению с 1839 г. Однако значительно, почти в три раза, возрос за этот же период и экспорт [126, стр. 188—189]. Показателен и рост тоннажа торгового судооборота Измира, выросшего с 830 436 т в 1860 г. до 1 967 028 т в 1880 г. [126, стр. 195]. В связи с ростом спроса на внешних рынках значительно повысился экспорт ряда технических и садовых сельскохозяйственных культур. Так, например, если в 1840 г. через Измир вывозилось во Францию опиума на 48 тыс. фр., то в 1858 г. — на 314,3 тыс., а к 1876 г. — уже на 504 тыс. фр. Резко повысился и экспорт изюма. В 1873 г. во Францию из Малой Азии вывозилось лишь на 642 тыс. фр. сушеного винограда, а к 1881 г. экспорт его вырос до 10,6 млн. фр. [126, стр. 15, 24]. Значительно возрос вывоз и других фруктов. Рост экспорта ряда продуктов сельского хозяйства вызвал рост их товарности. Например, в 1862 г. годовая продукция хлопка в западных районах Малой Азии равнялась всего 12 тыс. кип. В последующие годы она резко выросла и достигла 150 тыс. кип. Этому способствовала, как отмечалось, гражданская война в США, во время которой иностранный капитал стал искать новые источники сырья для текстильной промышленности. Хотя после окончания этой войны хлопковое производство в Турции стало вновь сокращаться, тем не менее в 1876 г., например, оно в несколько раз превышало уровень 1862 г. (вывоз хлопка через один только измирский порт составлял в 1876 г. 72 365 кип) [126, стр. 11—12]. В 70-х годах из ряда районов Северной Сирии в значительных размерах экспортировалась в Европу и Америку овечья шерсть, в ряде мест производился на экспорт в больших размерах шелк-сырец; из Хомса, например, вывозилось шелка-сырца на 35 тыс. лир (815 тыс. фр.) [75, стр. 12, 185].

Из-за отсутствия во внутренних районах Малой Азии железных дорог рост товарности сельского хозяйства шел в основном в прибрежных, преимущественно западных, районах Османской империи. Другой характерной чертой этого процесса было то, что рост шел не

под влиянием внутреннего спроса, а в результате развития экспорта. Таким образом, наряду с развитием производства ряда технических и садовых сельскохозяйственных культур шел процесс превращения страны в аграрно-сырьевую базу иностранного капитала, возрастала зависимость от него сельского хозяйства.

В результате развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве страны наряду с преобладанием полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства некоторое распространение начали получать и капиталистические формы. Рост спроса на хлопок вызвал известное развитие капиталистических отношений в хлопковом производстве Аданы, где стала широко применяться система найма рабочей силы для работы на расширившихся хлопковых плантациях [137, стр. 24—27]. В начале 60-х годов XIX в. в окрестностях Бурсы имелись отдельные крупные помещичьи хозяйства, где использовались наемный труд и сельскохозяйственные машины [65, стр. 134—135].

На пути развития капитализма в сельском хозяйстве стояли, однако, такие серьезные препятствия, как господствовавшие еще в нем полуфеодальные отношения, феодальная султанская власть и иностранный капитал. Последний, хотя и способствовал развитию товарно-денежных отношений в прибрежных районах страны, не был заинтересован в развитии капиталистических отношений в ее сельском хозяйстве. Феодальными налогами обеспечивалась уплата процентов по займам и «километрических гарантий». Сохранение полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства давало иностранному капиталу и возможность получения сырья по максимально дешевым ценам.

Вместе с некоторым развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве шло их развитие и в промышленности. Элементы этих отношений существовали в промышленности страны уже в первых десятилетиях XIX в. А. Д. Новичев, анализируя факты о положении промышленности Османской империи в первой половине XIX в., делает вывод о том, что в этот период «в Турции уже существовала не только, как выражается Маркс, общая предпосылка капиталистического способа производства—производство и обращение товаров,— но и сам капитализм в зачаточном состоянии, имелась уже капиталистическая промышленность на

дому, имелись также отдельные крупные мануфактуры и фабричные предприятия» [177, стр. 98].

Данные о состоянии промышленного производства страны в рассматриваемый период показывают, что повсеместно было распространено мелкотоварное производство. Из сведений о внутренней торговле Анатолии видно, что почти все вилайеты вывозили часть своей промышленной продукции в другие районы [см. 254]. Для характеристики этого производства приведем данные о текстильном производстве Ванского вилайета. В 900 мастерских, изготавливавших хлопчатобумажные и грубые шерстяные ткани, было занято 2300 человек; общая их продукция равнялась 90 тыс. кусков, из них 25 тыс. кусков вывозились за пределы вилайета [254, т. II, стр. 677]. Такого рода мелкотоварное производство существовало повсеместно в центральных и восточных районах. Наряду с ним существовали и развивались мануфактура и отдельные предприятия фабрично-заводского типа. В 60-х годах в связи с мероприятиями правительства по перевооружению армии и флота известный рост обнаружила военная промышленность. Русский военный агент в Стамбуле сообщал в 1870 г., что в арсенале Топхане, где шла переделка старых ружей, было занято на производстве до 3,5 тыс. рабочих, в Кырк-Агаче, где изготавливались патроны, — до 3 тыс., в Зейтун-Бурну, где отливались пушки, — до 1,5 тыс. человек [53, л. 8—9]. Он же сообщал в 1871 г., что в связи с продолжающимся перевооружением армии и флота расширялись работы в Топхане, где шло строительство новых мастерских, установка новых машин, выписанных из Англии, и т. д. [54, л. 8—9]. Кроме этих предприятий в это же время были основаны государственные фабрики, производившие обмундирование и снаряжение для армии (в Стамбуле, Бейкозе, Измите). С этими предприятиями были связаны торговцы — поставщики сырья, заинтересованные в развитии промышленного производства.

Таким образом, развитие капитализма шло (хотя и крайне медленными темпами) и в промышленном производстве. С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности шел и процесс образования единого внутреннего рынка. Его дальнейшему расширению мешали недостаток путей сообщения и сохранение внутренних таможенных пошлин.

Говоря о развитии капиталистических отношений в Османской империи в 60—70-х годах, следует отметить, что в балканских провинциях империи, в частности в Болгарии, это развитие шло гораздо более быстрыми темпами. В Болгарии в этот период налицо были уже экономические предпосылки образования нации. Это обстоятельство обусловило силу и размах болгарского национально-освободительного движения, возглавленного национальнoй буржуазией.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности вело к росту буржуазии и в Малой Азии. Преобладающее место в ней занимала, однако, нетурецкая, преимущественно греческая и армянская, буржуазия. «...Кто ведет торговлю в Турции? — писал Ф. Энгельс в 50-х годах XIX в. — Во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю...» [5, стр. 25]. Такое положение было результатом ряда исторически сложившихся обстоятельств. Немусульманские подданные Османской империи традиционно занимались торговлей в ее регионе, имели прочные связи с внешним рынком и иностранным капиталом, пользовались, как правило, не только турецким, но и иностранным подданством, обеспечивавшим право на капитуляционные привилегии. Естественно, что все это обеспечивало представителям нетурецкой буржуазии прочные экономические позиции и позволяло им сосредоточить в своих руках не только всю внешнюю, но и значительную часть внутренней торговли и промышленного производства.

Тем не менее в стране существовала и постепенно росла и турецкая торговая буржуазия, принимавшая деятельное участие в торговле товарами, которые производились внутри страны [137, стр. 6]. Зарождалась и турецкая промышленная буржуазия. В 60-х годах в Эрзурумском вилайете, например, в руках мусульманского населения, подавляющую часть которого составляли турки, были внутренняя мелкая торговля и некоторые отрасли местной промышленности [130, стр. 164]. В 60—70-х годах интерес к производству для рынка начало проявлять под влиянием роста спроса на сельскохозяйственное сырье и все большее число крупных землевладельцев. Многие из них стали активно участ-

зовать в торговле. Накапливаемые капиталы могли бы быть вложены и в промышленное производство. Однако первые же шаги в торговле или промышленном предпринимательстве, которые делали представители молодой турецкой национальной буржуазии, становились для них предметным уроком своего полного социального и политического бесправия перед лицом феодально-султанской бюрократии и иностранного капитала. Именно в конкретных условиях повседневной деятельности представители молодой турецкой буржуазии и либерально настроенных помещиков могли с легкостью увидеть и осознать факт все возрастающей экономической и политической зависимости страны от иностранного капитала. В результате в среде нарождающейся турецкой национальной буржуазии все более росло и крепло недовольство феодально-султанским режимом, стремление добиться создания условий, благоприятных для укрепления экономических позиций молодой турецкой буржуазии. Примечателен в этой связи такой факт. В конце 1876 г., в самый разгар борьбы за провозглашение первой турецкой конституции, в одной из стамбульских газет было высказано требование пересмотреть торговые договоры Османской империи, повысить евозные пошлины до 20%, отменить те статьи торговых договоров, которые мешают развитию местной торговли и промышленности [134, ч. II, стр. 299—300].

Выразителем интересов турецкой национальной буржуазии стала молодая турецкая интеллигенция. Ее появление и относительно быстрый рост были результатом известного культурного развития Османской империи в годы танзимата (например, реформы в области просвещения) [см.: 159, стр. 34—63]. Становление и развитие светской школы, появление первых научных обществ, быстрый рост периодической печати, резкое расширение культурных и научных контактов с государствами буржуазной Европы — все это, несомненно, стимулировало количественный и качественный рост кадров той турецкой интеллигенции, в среде которой в 60-х годах XIX в. возникли буржуазно-либеральные конституционные идеи.

**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МЛАДОТУРОК.
«НОВЫЕ ОСМАНЫ»—ПЕРВЫЕ ТУРЕЦКИЕ
КОНСТИТУЦИОНАЛИСТЫ**

Движение, поставившее своей целью превратить Османскую империю в конституционно-монархическое государство для создания благоприятных политических условий во имя социального и культурного прогресса страны, зародилось в середине 60-х годов XIX в. Однако нельзя сказать, что только в этот период возникла идея, что конституционная монархия как форма управления государством может быть применена в конкретных условиях Османской империи. Вопрос о регламентации власти монарха рамками светской законности заинтересовал некоторых прогрессивных турецких государственных деятелей значительно раньше тех лет, когда слово «конституция» стало подлинным знаменем борьбы с феодально-султанским абсолютизмом и клерикальной реакцией. Турецкие дипломатические чиновники в Европе имели возможность познакомиться с системой конституционной монархии уже в конце XVIII—начале XIX в. Так, личный секретарь турецкого посла в Лондоне Агяха-эфенди Махмуд Раиф-эфенди внимательно изучал английскую систему конституционной монархии. Он «направлял в Высокую Порту проекты, утверждая, что для подъема османского государства необходимо реформировать его, отдав предпочтение конституционному строю английского государства» [235, стр. 39]. Русский дипломат, посол в Стамбуле в 1798—1802 гг. В. С. Тамара отмечал в одном из своих писем министру иностранных дел А. Р. Воронцову, что Махмуд

Раиф-эфенди «великий почитатель г-на Питта и конституции английской» [171, стр. 76]. Вернувшись в Стамбул, Раиф-эфенди, занимавший в 1806—1807 гг. пост реис-эфенди — турецкого министра иностранных дел, — «приложил всю энергию для осуществления проектов, посылавшихся им из Лондона», но погиб во время реакционного мятежа янычар и ямаков в 1807 г. [235, стр. 39—40]. Конечно, не гибель Раиф-эфенди была причиной неудачи его проектов. Они были слишком нереальны в конкретной обстановке Османской империи на пороге XIX в., ибо не могли в тот период опираться на соответствующие общественные силы внутри страны.

Первая в истории Турции попытка поставить вопрос о регламентации власти султана рамками светской законности была, пожалуй, предпринята в годы танзиматских реформ Решид-пашой. В работах, посвященных танзимату, идеи Решид-паши редко рассматриваются как преддверие конституционных преобразований в Османской империи, как первый шаг на пути к ликвидации феодального абсолютизма султана. Между тем Решид-паша при жизни был представителем и идейным вождем, а после кончины — знаменем той молодой прогрессивно настроенной турецкой чиновничьей интеллигенции, которая «видела в реформах единственный путь к спасению страны от окончательного порабощения» и в среде которой, «хотя и смутно, формировалось сознание, что Турция должна отказаться от средневекового восточного деспотизма и перейти к новому строю, гарантирующему жизнь и имущественные права и устраняющему предлог для иностранной опеки» [169, стр. 68]. К этому следует добавить, что таким путем хотели ликвидировать и угрозу распада империи в результате роста национально-освободительных движений ее народов.

Отражением подобных идей и был, в сущности, знаменитый Гюльханейский хатт-и шериф, подготовленный по инициативе и при непосредственном участии Решид-паши. Этот исторический документ обычно рассматривается историками лишь как султанский указ, положивший начало танзиматским реформам. Между тем представляется весьма важным то обстоятельство, что этим указом султан впервые в истории Османской империи обещал принять на себя определенные постоянные обязательства по отношению к своим подданным.

Гюльханейский хатт-и шериф содержал [см.: 199а, стр. 203—207; 203, стр. 42—50] торжественно провозглашенное обещание султана, что отныне всем подданным Османской империи без различия вероисповедания будет гарантирована безопасность жизни, чести и имущества. «Действительно, — отмечалось в указе, — жизнь и честь не составляют ли высшего из существующих благ?.. Если не существует безопасности имущества, то все остаются холодны к призыву государя и отечества; никто не занимается улучшением общественного достояния, так как каждый погружен в собственные заботы. Когда же гражданин спокойно владеет своей собственностью всякого рода, то он с жаром предается своим делам, стараясь расширить их круг для увеличения собственных выгод, и он ежедневно чувствует в своем сердце умножение любви к государю и отечеству, преданность родине, и эти чувства становятся в нем источником деяний самых похвальных» [199а, стр. 204]. Указ определил необходимость правильного распределения и взимания налогов и призыва на военную службу с установлением определенного ее срока. Он гарантировал, что отныне судебные процессы будут публичными, невиновные наследники преступника не будут лишаться законных прав, а его имущество не будет конфисковываться. Указ содержал также положение о равенстве всех подданных империи в правах и обязанностях независимо от вероисповедания. Таким образом, в указе было провозглашено торжественное обещание обеспечить выполнение в сущности буржуазных требований гарантий жизни и имущества.

При оценке места этого важного документа в истории становления и развития конституционных идей в Турции важно иметь в виду следующее обстоятельство. Указ содержал совершенно определенно выраженное обязательство султана не совершать никаких действий, противоречащих этому указу. «В залог верности нашего обещания мы желаем, — говорилось в указе, — поместив эти уставы в зале, где хранится славный плащ пророка, в присутствии всех улемов и сановников империи принести (уставам) присягу именем божьим и затем принять такую же присягу от улемов и сановников империи» [199а, стр. 206].

Содержание Гюльханейского хатт-и шерифа дает, на наш взгляд, основание считать его в известной мере

первой в истории Турции попыткой если и не ограничить, то, во всяком случае, как-то регламентировать власть монарха рамками светской законности. Когда выдающийся турецкий писатель и общественный деятель 50—60-х годов XIX в. Ибрагим Шинаси в своих работах отстаивал значимость светского законодательства и говорил о важности созданного великим везиром закона, ограничивавшего власть султана [264, стр. 271—272], то перед ним мог быть только один пример — Гюльханейский хатт-и шериф и его автор — Решид-паша. Немецкий историк Турции Хельмут Шеел считает, что «по своей форме этот хатт-и шериф выглядел высочайше утвержденной конституционной хартией Турции» [259, стр. 57].

Конечно, нельзя преувеличивать возможность такого подхода к оценке исторического значения этого указа. Хатт-и шериф 1839 г. еще не был законодательным актом, а лишь декларацией, определявшей принципы для составления законов. При этом, как справедливо отмечает видный современный турецкий историк Тарык Туная, декларируя гарантию прав личности, указ рассматривал их не как естественные права человека, а лишь как высочайшую милость монарха [240, стр. 34].

Гарантии указа остались на бумаге, никакого органа, контролировавшего их исполнение (таким органом в условиях конституционно-монархического государства является парламент), в период создания указа не было даже в проекте. Однако основная мысль этого бесспорно прогрессивного акта была, в сущности, зародышем идеи конституционной монархии. Не случайно Решид-паша — творец этого указа — позволял себе при каждом удобном случае говорить султану столь рискованные для сановника Османской империи того времени слова: «Закон выше падишаха» [194, стр. 29].

По свидетельству некоторых турецких историков, Решид-паша был сторонником и более радикальных преобразований. Так, вернувшись однажды из поездки в Европу, он говорил султану Махмуду II, что, по его мнению, «нет другого разумного способа спасения империи, кроме обращения к конституционному управлению» [235, стр. 51]. Эти же мысли он изложил во время одного из своих докладов султану Абдул Меджиду, откровенно заявив ему, что установление конституционного управления необходимо [229, стр. 40]. Однако

такого рода идеи не могли в 30—40-х годах получить в Турции сколько-нибудь значительную общественную поддержку. Они начинают приобретать реальную перспективу развития только в конце 50-х — начале 60-х годов, когда численно и идейно начинает крепнуть молодая турецкая интеллигенция, выступавшая выразителем социальных и политических интересов нарождающейся турецкой национальной буржуазии и либеральных помещиков.

В этот период начинают складываться более благоприятные условия для распространения в образованных слоях турецкого общества идеи преобразования Османской империи в конституционную монархию. Этому способствовали многие факторы, но в их числе особое место занимает отмеченное выше распространение светского образования. В результате развития просвещения в 40—50-х годах XIX в. в Османской империи появляется и начинает расти получившая светское образование интеллигенция, из среды которой черпало свои основные кадры конституционное движение 60—70-х годов. Другим важным обстоятельством было растущее общение молодой турецкой интеллигенции с идейной жизнью и знакомство с государственным и политическим строем буржуазных государств Запада, в особенности Франции. В частности, немаловажное значение в деле распространения буржуазно-либеральных взглядов в среде турецкой молодежи, в особенности среди образованного офицерства армии и флота, имело личное общение турок с армиями союзников в период Крымской войны 1853—1856 гг. Один из наблюдателей отмечал, что следствием этого общения явилось появление среди турок «веяний парламентаризма» [66, стр. 134].

Таким образом, можно предположить, что идеи конституционной монархии в зародыше имели место в среде турецкой чиновничьей интеллигенции в конце 50-х — начале 60-х годов.

* * *

Первой организованной попыткой установить в Османской империи режим конституционной монархии некоторые историки склонны считать «Кулелийский инцидент» 1859 г. Видный современный турецкий исто-

рик Ниязи Беркес считает 1859 год годом начала конституционного движения [251, стр. 203]. Мнение о наличии у заговорщиков конституционных проектов высказывали и другие авторы — современники событий [см.: 201; 185]. Так, Ф. Миллинген, лично знавший одного из руководителей заговора 1859 г., генерала Хюсейна Даим-пашу, писал, что целью заговорщиков было обеспечение конституционных прав населения империи [130, стр. 159]. Н. Беркес, ссылаясь на А. Вамбери, отмечает, что Хюсейн Даим-паша находился под влиянием венгерских революционеров-эмигрантов и что заговорщики считали необходимым заставить султана даровать конституцию, так как находили, что Коран и абсолютизм несовместимы [251, стр. 203]. Интересные сведения о планах участников заговора сообщаются В. И. Шпильковой в статье, где приводятся извлеченные из русских дипломатических архивов сведения о том, что заговорщики имели намерение создать выборную палату депутатов [201, стр. 102].

Между тем турецкий историк Улуг Игдемир, изучивший как литературу вопроса, так и турецкие архивные материалы — протоколы приговоров участникам заговора, считает, что у заговорщиков не было конституционных планов [см. 221]. Не считали заговор 1859 г. началом конституционного движения и такие хорошо осведомленные современники событий, как видные деятели движения «новых османов» Намык Кемаль и Тевфик Эбуззия. Ничего не писал о конституционных планах заговорщиков и другой отлично осведомленный современник — историк Ахмед Мидхат [см.: 185, стр. 106—107].

Нам представляется наиболее правильным мнение А. Б. Курана, который, отметив, что кулелийские события 1859 г. следует считать «первым шагом, направленным к свободе», вместе с тем высказывал очень осторожное предположение, что у отдельных участников заговора могли быть конституционные идеи [227, стр. 7—8].

Изучение фактов и различных точек зрения приводит к выводу, что заговор 1859 г. не был простым дворцовым заговором, направленным против личности султана, как это считают некоторые историки, в частности А. Мидхат и У. Игдемир. Несомненно, что заговорщики стремились не только низложить Абдул Меджида, но и изменить существовавшее в стране положение. Об этом

свидетельствуют данные, приведенные в статье В. И. Шпильковой, о наличии у заговорщиков конституционных проектов. Эти данные представляются нам преувеличенными в том смысле, что конституционные проекты не имели четкого характера и вряд ли приверженцами этих проектов были все или даже большинство участников заговора. Но стихийное, подчас еще не осознанное, стремление не просто свергнуть султана, но изменить существующее в стране положение вещей было, вероятно, у многих заговорщиков в 1859 г. В турецких архивных материалах, опубликованных У. Игдемиром, имеются данные о том, что заговорщики стремились «разрушить порядки и законы путем смены правительства, подняв народ и войска против высокого султаната» [221, стр. 44]. Примечателен и другой факт. Из протоколов, изданных У. Игдемиром, видно, что глава заговора шейх Ахмед ставил своей целью создать в обществе такие порядки, при которых строго выполнялись предписания шариата [239, стр. 90]. В этой связи интересно и высказанное в книге Н. Беркеса мнение о том, что заговорщики считали, что применение принципов шариата повлечет за собой образование представительного собрания народа и ответственного перед ним правительства [251, стр. 204]. Шейх Ахмед, призывая к строгому выполнению предписаний шариата, считал противоречащим ему равноправие христиан и мусульман, гарантированное танзиматскими хаттами 1839 и 1856 гг. Очевидно, что в этой позиции руководителя заговора своеобразно отразилось недовольство широких слоев турецкого населения «засильем гяуров». Это недовольство в сущности было стихийным, неосознанным протестом народа против иностранной кабалы, в которую все более попадала Турция. Н. Беркес, касаясь этого вопроса, отмечает, что одной из причин появления заговора 1859 г. было то экономическое положение, в которое попала Турция в результате проникновения иностранного капитала в ее экономику в годы танзимата [251, стр. 204].

Таким образом, «Кулелийский инцидент» 1859 г. был первым в истории Турции организованным политическим выступлением, инициаторы которого стремились объединить его участников вокруг определенных (пусть еще не очень четких и неоднородных) идей улучшения положения страны. Вполне возможно, что среди неко-

торых деятелей заговора из числа образованного чиновничества и офицерства могли иметь хождение и идеи о целесообразности режима конституционной монархии. Все эти обстоятельства делают «Кулелийский инцидент» одним из наиболее примечательных политических событий кануна периода конституционного движения.

* * *

Непосредственные идейные предпосылки возникновения политического движения, ставящего своей целью борьбу за политический, экономический и культурный прогресс Османской империи, появились в самом начале 60-х годов XIX в. как результат существования газеты «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей») и разносторонней деятельности ее создателя и редактора Ибрагима Шинаси. Современный турецкий исследователь Шериф Мардин так оценивает роль Ибрагима Шинаси в становлении и развитии движения «новых османов»: «Хотя многие течения оказали влияние на движение „новых османов“, тем не менее интеллектуальные традиции этого движения были заложены одним человеком. Этим человеком был поэт Шинаси-эфенди, чьи произведения знакомили турецкую интеллигенцию с литературными, социальными и политическими концепциями Европы XIX в.» [264, стр. 252]. Выдающийся турецкий поэт, писатель и общественный деятель Намык Кемаль считал Ибрагима Шинаси духовным наставником «новых османов» [230, стр. 377].

Ибрагим Шинаси, по праву считающийся родоначальником новой турецкой литературы, был наиболее ярким представителем молодой турецкой разночинной интеллигенции 50—60-х годов XIX в. Родившись в 1826 г. в семье скромного артиллерийского офицера и очень рано потеряв отца, он быстро познал горечь нужды. Однако благодаря счастливому стечению обстоятельств способный юноша в 1840 г. оказался в числе нескольких молодых турок, которых решил отправить для обучения за границу сам инициатор и вдохновитель танзиматских реформ Мустафа Решид-паша. Пробыв в Париже до 1852 г., И. Шинаси не только получил там хорошее гуманитарное образование, но и весьма глубоко изучил общественную и культурную жизнь Фран-

ции тех лет. Он сблизился с рядом крупных французских литераторов и ученых, в частности с А. де Ламартином и Э. Ренаном. В годы жизни во Франции И. Шинаси «поддерживал тесные связи с либеральными кружками французской столицы» [264, стр. 253]. По некоторым сведениям, он даже принял активное участие в политических демонстрациях во время революции 1848 г.¹ [154, стр. 353].

В 1852—1858 гг. И. Шинаси в качестве одного из сотрудников Решид-паши находился на государственной службе, которую он оставляет после смерти Решид-паши и все свои силы отдает общественной деятельности, литературе и журналистике.

В 1860 г. И. Шинаси начал редактировать организованную Агях-эфенди первую турецкую частную газету — «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»), где впервые были опубликованы статьи И. Шинаси по самым разным вопросам экономического и культурного развития Османской империи. Однако сотрудничество с Агях-эфенди, собственником газеты, оказалось кратковременным. Через шесть месяцев Ибрагим Шинаси порвал с ним из-за стремления Агях-эфенди не поднимать в газете острые общественные и политические проблемы.

Наиболее значительным явлением в деятельности и творчестве И. Шинаси в эти годы была его пьеса «Женитьба поэта», впервые напечатанная именно на страницах «Терджюман-и ахваль» в 1860 г.² Эта пьеса, положившая начало турецкой национальной драматургии, была создана, по мнению некоторых исследователей, под влиянием Ж. Б. Мольера [255, стр. 184]. В ней автор резко высмеял мусульманский обычай заключения брачного контракта через посредников, обычай, лишавший молодых людей права на выбор своего счастья. Пьеса И. Шинаси внушала читателю мысль о том, что «дело не в пороках и недостатках отдельных лю-

¹ Этот весьма важный для нас факт биографии И. Шинаси не упоминается в известных нам других источниках. Многие современные исследователи ставят его под сомнение. Так, Р. Девисон пишет, что факт участия И. Шинаси в революции 1848 г. и вынесенный им из этого республиканизм — проблематичны [255, стр. 183]. Шериф Мардин, посвятивший в своей книге большую главу взглядам Ибрагима Шинаси, просто не упоминает об этом факте.

² Подробную характеристику этой пьесы, равно как и всего творчества Ибрагима Шинаси, см.: [163, стр. 47—61].

дей, а в порочности существующего строя и жизненного уклада» [163, стр. 56].

Пьеса И. Шинаси не только открыла путь к обсуждению важных проблем семьи и быта, роли и положения женщины в обществе, но и заставила многих представителей молодой турецкой интеллигенции серьезно задуматься над связью этих проблем с более широким кругом вопросов социальной и политической жизни своей страны. Турецкий литературовед Ахмед Хамди Танпынар так оценивает значение этой пьесы: «Шинаси, конечно, не Мольер и не Гольдони, но если принять во внимание смысл и значение его пьесы для того времени, то есть для Турции 60-х годов, то ценность комедии станет очевидной. Истина такова, что Шинаси этим своим произведением... подарил нам ключ к пониманию жизни того времени» [цит. по: 163, стр. 60].

Еще более важное значение для пробуждения общественного мнения и привлечения его к острым проблемам страны имела созданная И. Шинаси газета «Тасвир-и эфкяр», первый номер которой вышел в свет 27 июня 1862 г. Газета, как писал И. Шинаси в этом номере, ставила своей задачей распространение знаний и просвещения [232, стр. 40]. Она, несомненно, сыграла весьма значительную роль в пропаганде передовых для того времени идей буржуазного Запада и тем самым в процессе идейного формирования турецкой интеллигенции.

Уже в первом номере «Тасвир-и эфкяр» И. Шинаси смело высказал мысль о праве народа выражать свое мнение по вопросам жизни страны. «Народ, — писал он, — выражает все свои мысли относительно интересующих его вопросов через газету. Поэтому газета чрезвычайно необходима для каждой культурной нации» [цит. по: 163, стр. 49]. Продолжая развивать свою мысль, И. Шинаси, одним из первых употребляя понятие «нация», подчеркивал значение общественного мнения в государственных делах. «Государство, — писал И. Шинаси, — это учреждение, ведающее делами нации в качестве ее представителя и приобретающее всю свою силу исключительно в служении делу благосостояния нации. Нация имеет право посредством „слова“ и „письма“ выразить свою точку зрения относительно своего благополучия» [цит. по: 163, стр. 50]. Оценивая эту сторону деятельности и воззрений И. Ши-

наси, следует признать его первым общественным деятелем Турции, понимавшим роль и значение общественного мнения в жизни страны. Шериф Мардин с полным правом назвал главу о нем в своей книге «Генезис идеологии новых османов» — «Шинаси — рождение общественного мнения».

Ибрагима Шинаси считают первым выдающимся проповедником идей так называемой вестернизации (или европеизации) Османской империи. Суть этих идей состояла в стремлении использовать и применить на турецкой почве европейские государственные институты, а также внедрить во все области экономической и культурной жизни страны достижения Европы. Оценивая эту сторону деятельности И. Шинаси, Шериф Мардин отмечает одно, на наш взгляд весьма существенное, обстоятельство. Шериф Мардин подчеркивает, что до И. Шинаси вся реформаторская деятельность в области европеизации Турции, все идеи в этой области исходили от государственных деятелей, от правительства. И. Шинаси же стал «первым частным проповедником этих идей». Именно благодаря его деятельности сформировалась та группа интеллигентов — сторонников реформ, которая несколько позднее составила ядро руководства движением «новых османов» [264, стр. 256].

В 1862—1864 гг. небольшое помещение редакции «Тасвир-и эфкяр» стало центром прогрессивной общественной мысли в столице Османской империи. «Эти маленькие, тесные комнаты на втором этаже над довольно примитивной типографией скоро стали центром притяжения всего того прогрессивного, стремящегося к реформам, к обновлению, что было тогда в турецком обществе. Даже наиболее передовые люди из знати, из крупного чиновничества и офицерства частенько приходили сюда, как в центр, где зарождается новое будущее Турции» [194, стр. 96].

Душой и идейным вождем литературно-общественного круга редакции «Тасвир-и эфкяр» был Ибрагим Шинаси. Поэтому краткое рассмотрение его идейных воззрений важно для понимания той идейной атмосферы, в которой росли будущие активные деятели либерально-конституционного движения, возглавленного «новыми османами», в частности Намык Кемаль, ставший в 1863 г. одним из ближайших сотрудников И. Шинаси в газете.

Наиболее определенной чертой мировоззрения Ибрагима Шинаси было просветительство. В литературном и публицистическом наследии И. Шинаси легко обнаружить такие общие для многих стран Востока в этот период идеи просветительства, как пропаганда знаний и просвещения, демократизация литературы и языка, овладение достижениями науки и культуры стран Запада и на этой основе реформы государственного устройства.

Как пьеса «Женитьба поэта», так и статьи И. Шинаси в «Тасвир-и эфкяр» положили действенное начало борьбе за превращение турецкого языка в инструмент выражения общественной мысли. Движение за реформу и упрощение турецкого языка, за приближение языка литературных произведений к народному языку, за освобождение языка и литературы от арабо-персидского влияния получило в литературной и публицистической деятельности И. Шинаси свое первое конкретное воплощение [см.: 154, стр. 354—358; 163, стр. 50, 57—59].

«Ибрагим Шинаси в „Женитьбе поэта“ на практике доказал, — отмечает Х. Кяmileв, — что на разговорном турецком языке можно писать не хуже, а лучше и точнее, чем на языке „диван эдебияты“ (придворная средневековая литература. — Ю. П.). Тем самым он развенчал и отверг существовавшее в течение длительного времени мнение, согласно которому турецкий язык, употребляющийся в быту, на базаре, на улице и считающийся языком простонародья, не годится для литературы» [163, стр. 59].

Публицистика И. Шинаси и его сподвижника в «Тасвир-и эфкяр» Намыка Кемаля впервые ввела в обиход литературы и журналистики такие понятия, как «нация», «отечество», «свобода», «патриотизм», «революция» и т. п.

Вся литературная деятельность Ибрагима Шинаси была подчинена идее о том, что литература должна перестать быть уделом избранных, что литературное творчество должно стать орудием воспитания народа. Известный исследователь истории турецкой поэзии Е. Гибб писал, что «Шинаси справедливо считают основоположником современной школы османской литературы, так как только он один серьезно и систематично пытался превратить литературу из простого развлечения знато-

ков в инструмент морального и интеллектуального воспитания всего народа» [259а, стр. 28].

В своих статьях И. Шинаси многократно подчеркивал значение внедрения достижений европейской науки, техники и культуры в жизнь Османской империи. Он считал, что причины быстрого прогресса европейских государств прямо связаны с развитием искусства, ремесла и промышленного производства [264, стр. 275]. Такие идеи в этот период уже получили известное распространение среди турецкой интеллигенции. В частности, идея о том, что труд и промышленное развитие были основой европейской цивилизации, высказывались и на страницах созданной в 1862 г. газеты «Мират» («Зеркало»), издатель которой, Рефик-бей, работал вместе с И. Шинаси в «Терджюман-и ахваль». Шериф Мардин пишет, что Рефик-бей, умершего в 23-летнем возрасте в 1865 г., «новые османы» считали своим предшественником. Один из турецких исследователей высказывал мысль о том, что Рефик-бей привлек внимание Намыка Кемалея к либеральным идеям Запада [264, стр. 259—260]. Таким образом, значение европеизации Османской империи в самых различных аспектах понималось многими деятелями общественно-литературного круга И. Шинаси как важнейший инструмент прогресса.

Иногда И. Шинаси приравнивал благополучие страны к процессу европеизации. С этим связано его преклонение перед личностью Решид-паши, величайшей заслугой которого И. Шинаси считал внедрение в Турцию «европейского климата мнений» [цит. по: 264, стр. 267]. Ибрагим Шинаси в 40-х годах был даже склонен рассматривать танзиматские реформы как ограничение прав султана. Так, в одном из написанных в Париже стихотворений, посвященных Решид-паше, были такие строки:

Эй, президент республики народных добродетелей,
Своим законом ты ограничил власть султана.

Примечательно, что в этом стихотворении он впервые в турецком языке употребил слово «реисиджумхур», ставшее многие годы спустя официальным титулом президента республиканской Турции [194, стр. 85—86].

В публицистических произведениях И. Шинаси впервые в Турции была высказана мысль о праве народа

знать и оценивать происходящее вокруг. Он утверждал, что бог дал человеку разум для того, чтобы человек исследовал мир, его окружающий [264, стр. 267, 273]. Уже в «Терджуман-и ахваль» И. Шинаси писал: «В связи с тем что люди, живущие в определенных обществах, ограничены в своих действиях различными юридическими обязательствами, вполне естественно, что они рассматривают как часть своих прав любые идеи, направленные на защиту интересов отечества. Если хотят получить реальные доказательства этого утверждения, вполне достаточно указать на политические газеты тех народов, пределы понимания которых расширены силой знания» [цит. по: 264, стр. 263]. Так И. Шинаси обосновывал значение общественного мнения, основанного на знании, в политической жизни государства. В этой же статье он писал о праве народа выражать «идеи, которые могут быть полезны отечеству» [цит. по: 264, стр. 273]. Неясно, правда, имел ли И. Шинаси в виду это право в качестве права «всего народа» либо права индивидуумов, «которые достигли опыта и знания», как он несколько позже писал в «Тасвир-и эфкяр» [цит. по: 264, стр. 273]. Во всяком случае, очевидно, что И. Шинаси признавал за интеллигенцией право формировать общественное мнение по любым вопросам жизни общества и государства. Такая точка зрения была новой и важной для формирования турецкой интеллигенции начала 60-х годов XIX в. в качестве активной общественно-политической силы.

Во взглядах И. Шинаси по вопросам государства и права были идеи, резко отличавшиеся от традиционных мусульманских доктрин. Ибрагим Шинаси, в частности, высказывал мысль об ответственности правителя за свои действия как в этом мире, так и в потустороннем. Более того, он выдвигал идею значимости светского законодательства, когда законы, подготовленные государственными деятелями, ограничивали власть султана [264, стр. 271, 272]. Ибрагим Шинаси считал, что новые светские законы способствовали бы подъему Османской империи. По его мнению, Решид-паша создал новую политическую теорию и новый закон. Эта идея была, как отмечает Шериф Мардин, «совершенно еретичной» для турецко-мусульманской теории права, выводящей все законоположения лишь непосредственно из положений Корана и шариата. В системе взглядов

И. Шинаси на первое место в вопросах права и закона выдвигались не религиозное право и султанские канунаме, а «закон везира», т. е. законы, созданные государственными деятелями [264, стр. 272]. Таким образом, во взглядах И. Шинаси получили известное развитие идеи, подготавливавшие почву для восприятия образованной частью турецкого общества этого времени мысли о возможности и целесообразности реформ государственного устройства империи на основе законов, не вытекающих непосредственно, прямо из религиозных установлений. Сказанное не значит, конечно, что И. Шинаси выступал против догматов ислама. Однако он считал возможным регулировать жизнь общества и государства и по законам, созданным государственными деятелями. Эти взгляды Ибрагима Шинаси имели, несомненно, немалое значение для идейного формирования молодой турецкой интеллигенции, в среде которой в середине 60-х годов XIX в. возникла идея преобразования абсолютистской Османской империи в конституционную монархию.

* * *

Июнь 1865 г. стал важнейшей вехой на пути к превращению самодержавной Османской империи в конституционно-монархическое государство, отправной точкой конституционного движения 60—70-х годов и младотурецкого движения в целом.

Вечером 6 июня на даче Сагыра Ахмед-бея в Еникее (пригород Стамбула) встретились пять молодых людей, чтобы обсудить вопрос о проведении широкого собрания всех лиц, которых они предполагали привлечь к участию в задуманном ими тайном обществе. Такое собрание состоялось на следующий день, 7 июня, под видом пикника в Белградском лесу на европейском берегу Босфора. Так описывал первые шаги тайного общества, которое стало известно в истории Турции под названием «Общество новых османов», один из его участников, известный турецкий публицист и издатель Тевфик Эбуззия³. На воскресном «пикнике» участники соб-

³ Его воспоминания, опубликованные в 1909 г. в ряде номеров газеты «Ени тасвир-и эфкяр», служат до сих пор едва ли не единственным источником о начальном этапе деятельности «новых османов».

рания приняли решение о создании общества [230, т. I, стр. 293]⁴. Этот день стал началом его деятельности.

Вопрос о названии общества в начальной стадии его деятельности не совсем ясен. Точно известно только то, что, когда в 1867 г. члены общества начали издавать в Европе свои газеты, они выходили в качестве органов «Общества новых османов». Что касается начального периода деятельности общества, то, судя по имеющимся сведениям, члены организации называли себя на первых порах «Союзом патриотизма» [251, стр. 204; 255, стр. 188; 264, стр. 20—21]. Однако в 1867 г. они стали именовать себя «Обществом новых османов»⁵, и уже именно под этим названием шла вся их деятельность в конце 60-х — начале 70-х годов⁶.

Были ли у «Общества новых османов» четкие организационные принципы и устав? На этот вопрос трудно дать определенный ответ, ибо никаких документов на этот счет не сохранилось. Тарик Туная считает, что общество имело устав, в основу которого был положен устав карбонариев [239, стр. 93]. Этот устав подготовил член общества, журналист и издатель газеты «Утарит»

Не располагая этими экземплярами, приходится использовать те сведения Т. Эбуззии, которые приведены в работах современных турецких исследователей.

⁴ Р. Девисоп считает, что вопрос о дате организации общества неясен, и выражает сомнение в том, что им был именно день «пикника» [255, стр. 188].

⁵ Ш. Мардин определенно считает, что члены организации стали именовать себя «Обществом новых османов» именно с момента эмиграции в Европу, летом 1867 г. [264, стр. 44—45].

⁶ В Европе тех лет членов и сторонников этой организации стали называть младотурками. Так, впрочем, в европейской прессе уже было принято называть сторонников реформ в Османской империи в течение всего периода танзимата, причем это название применяли в отношении реформаторов самого разного толка [см.: 255, стр. 173—174]. Сами члены организации называли себя «новыми османами», а не «новыми» и «молодыми» турками. И это не случайно. Название общества было тесно связано с одной из центральных идей «новых османов» — доктриной османизма, о которой пойдет речь в гл. III. Заметим также, что в европейской исторической литературе младотурками называли как турецких конституционалистов 60—70-х годов, так и непосредственных продолжателей их дела — участников тайных младотурецких организаций конца XIX — начала XX в. И хотя, как отмечалось в предисловии, социальная основа и направленность позволяют говорить о «новых османах» как о начальном этапе младотурецкого движения, не следует ставить знак полного равенства между «новыми османами» и их последователями — младотурками конца XIX — начала XX в.

(«Меркурий») Айстуллах-бей, который, по некоторым сведениям, использовал в работе над уставом две книги — об обществе карбонариев и о «польских секретных обществах» [255, стр. 21] (имеются, вероятно, в виду польские революционные организации).

Большинство современных турецких историков считает, что в короткий срок членами общества стали 245 человек, которые были разбиты на группы, по некоторым данным — по семь человек в каждой. Однако следует повторить, что точных данных источники на этот счет не содержат. В. А. Гордлевский, основываясь на рассказе Тевфика Эбуззи, писал, что число членов общества доходило до 367 человек [154, стр. 373], однако в данном случае, вероятно, имелся в виду более широкий круг лиц, связанных с обществом или сочувствовавших ему.

Кто же составлял ядро общества, кто определял и направлял деятельность «новых османов»? Каков был его социальный состав? Основным источником ответа на эти вопросы являются биографические сведения о крупных деятелях общества⁷.

Наиболее видными членами «Общества новых османов», его идейными руководителями были, несомненно, выдающийся турецкий поэт и писатель Мехмед Намык Кемаль, известный публицист и писатель Абдул Хамид Зия-бей и видный литератор и публицист Али Суавифенди.

Мехмед Намык Кемаль-бей родился в 1842 г. в семье обедневшего потомка старинного рода анатолийских феодалов, который вел свое начало от знаменитого великого везира Махмуда I Топала Осман-паши. Получив образование в одной из первых стамбульских светских школ — рюштие, юноша поступил на работу в переводческое бюро министерства иностранных дел. Это бюро, созданное Решид-пашой, по существу, готовило кадры чиновников-дипломатов. Здесь работали главным образом люди, получившие наиболее хорошее по тем временам светское образование, имевшие представление о западной культуре и литературе. Примечательно,

⁷ Наиболее ценные и систематизированные данные об этом содержатся в работах М. Дж. Кюнтая, Шерифа Мардина, Р. Девисона, В. Стамбулова и Х. Кямлева, из которых главным образом взяты приводимые ниже сведения о членах общества {см.: 230; 231; 255; 194; 163}.

что чиновничью школу здесь прошел не только Намык Кемаль, но и ряд других видных деятелей «Общества новых османов». Молодой чиновник Намык Кемаль скоро стал довольно известен как талантливый поэт. Вначале он создавал свои стихи в стиле творчества поэтов-«классиков», следовавших канонам арабо-персидской поэзии. Затем Намык Кемаль примкнул к группе тех молодых турецких литераторов, которые начали борьбу за освобождение поэтического творчества от мертвых классических форм, от слепого подражательства арабо-персидской поэзии. В эти годы он сблизился, как отмечалось выше, с Ибрагимом Шинаси и стал одним из его ближайших соратников по изданию «Тасвир-и эфкяр».

Историки по-разному оценивают роль И. Шинаси на первом этапе деятельности общества. Большинство считает, что он причастен к идее создания общества и принимал на первых порах участие в его деятельности. По наиболее распространенной версии, И. Шинаси очень скоро, однако, отходит от общества и в 1865 г. эмигрирует во Францию, опасаясь ареста из-за участия в подготовке покушения на великого везира Али-пашу. На этом, во всяком случае, закончилась общественная деятельность Ибрагима Шинаси. Последние годы своей жизни он занимался исключительно литературной и научной деятельностью. В 1869 г. он вернулся в Стамбул, где и умер 13 сентября 1871 г.

Намык Кемаль стал после отъезда И. Шинаси в Париж редактором «Тасвир-и эфкяр», которая и при нем оставалась центром притяжения прогрессивно настроенной интеллигенции и учащейся молодежи.

Другой видный деятель «Общества новых османов», Абдул Хамид Зия-бей, родился в 1825 г. (к моменту создания общества сорокалетний Зия — один из самых старших его членов, ибо большинство членов общества были молодыми людьми в возрасте от 20 до 30 лет). Зия-бей был сыном чиновника Галатской таможни; он также получил образование в первых стамбульских рюштин, а с 1855 г. начал служить в канцелярии одного из министерств. Вскоре Зия-бей стал довольно известным поэтом [см.: 247, стр. 349—383], продолжая чиновничью деятельность. Способного чиновника заметил Решид-паша, который покровительствовал Зие-бею до самой своей смерти. Зия-бей занимал ряд важных госу-

дарственных постов в столице и в провинциях, в частности был губернатором Кипра. К моменту создания общества он имел репутацию либерального чиновника, последователя Решид-паши, и находился в весьма натянутых отношениях с руководителями Порты тех лет Али-пашой и Фуад-пашой.

Несколько иным был жизненный путь Али Суави-эфенди. Он родился в Стамбуле в семье ремесленника в 1838 г., учился и в медресе и в светской школе — рюштие. Получив образование, Али Суави-эфенди был преподавателем в медресе в Пловдиве, а также учителем рюштие в Бурсе и в Пловдиве. Вскоре он обратил на себя внимание довольно резкими выступлениями против правительства в мечеях. Приехав в Стамбул, Али Суави-эфенди вскоре облизился с Намыком Кемалем и стал одним из деятельных членов созданного общества. В январе 1867 г. Али Суави-бей начал издавать в Стамбуле газету «Мухбир» («Корреспондент»).

Многие активные члены общества были выходцами из богатых семей феодальной бюрократии. Один из организаторов общества, Сагыр Ахмед-бейзаде Мехмед-бей, на даче отца которого впервые собрались будущие члены общества, принадлежал к очень видной бюрократической фамилии. Его дедом был великий везир Мехмед Неджиб-паша, а его дядя Махмуд Недим-паша занимал этот пост дважды в годы деятельности «новых османов». Мехмед-бей получил образование в Париже и был близок с Намыком Кемалем. К стамбульской феодально-бюрократической аристократии принадлежал видный член общества Кани-пашазаде Рифаат-бей, а также ряд других деятелей.

Некоторые члены общества в разное время занимали крупные государственные посты. Каязаде Решад-бей впоследствии стал губернатором и получил титул паши. Менапырзаде Нури-бей — молочный брат будущего султана Абдул Хамида II, бывший в годы создания общества журналистом и чиновником переводческого бюро, позже стал турецким правительственным комиссаром при известной иностранной табачной компании «Режи».

В общество входили и такие крупные военные и государственные чиновники, как помощник министра полиции Мустафа Асым-паша и командующий стамбульским гарнизоном генерал Омер Наили-паша, венгр по

происхождению, участник революции 1848 г. в Венгрии, принявший ислам, сделавший в Турции военную карьеру и отличившийся во время Крымской кампании. Члены общества избрали Омера Наили-пашу, вероятно отдавая дань его военным заслугам и революционной молодости, председателем общества. Активным участником общества стал и начальник стамбульского военного училища Сулейман-паша, сыгравший важную роль в борьбе за конституцию в 1876 г. Несколько месяцев в деятельности «новых османов» участвовал и Мемдух-бей, впоследствии министр внутренних дел.

Большую группу членов общества составили журналисты и литераторы. Кроме Намыка Кемалья, Зии и Али Суави в общество вошли упомянутый выше журналист Агях-эфенди⁸, журналист и издатель «Мират» Рефик-бей, работавший и в переводческом бюро, журналист и издатель газеты «Утарит» Айетуллах-бей, также бывший чиновником переводческого бюро. Некоторое время в общество входили писатель и историк Ахмед Мидхат-эфенди и известный поэт Реджаизаде Экрем-бей. Оба они, так же как и Мемдух-бей, порвали с обществом после неудачного заговора 1866 г.

Говоря о лицах, не входивших в общество, но близких к нему по духу или связанных с ним, нужно выделить фигуру выдающегося турецкого государственного деятеля Ахмеда Мидхат-паши, ставшего в конце 1875—начале 1876 г. лидером «новых османов» и возглавившего борьбу за провозглашение первой турецкой конституции.

«Новые османы» вербовали своих сторонников в среде образованных офицеров армии и флота, молодых учителей новой светской школы, чиновников, литераторов, публицистов и журналистов. Намык Кемаль писал в одной из своих неопубликованных статей в феврале или марте 1867 г., что среди офицеров генерального штаба, моряков, медиков, литераторов и издателей 90% были, пожалуй, приверженцами общества [230, т. I, стр. 291]. Правда, в этой статье Намык Кемаль не говорит прямо об «Обществе новых османов», а просто пишет о своей принадлежности к обществу, члены которого связаны «братством мнений и родством сердец». Р. Девисон вы-

⁸ Чапаноглу Агях-эфенди тоже происходил из знатного рода аналитических деревенцев.

сказывал в этой связи предположение, что либо Намык Кемаль хотел замаскировать факт существования тайного общества, либо в этот период общество не имело (после провала заговора 1866 г. и арестов) строгой организации [255, стр. 195].

Во всяком случае, определенно можно говорить о том, что большинство членов общества, и в особенности его руководящее ядро, принадлежало к молодой, в основном феодально-бюрократической по происхождению турецкой чиновничьей и творческой интеллигенции.

Какие цели ставило перед собой «Общество новых османов», какова была его программа? Часть турецких и европейских исследователей считает, что общество не имело политической программы в современном смысле этого слова, что оно на первых порах было лишь организацией прогрессивно и патриотически настроенной молодежи и ограничивалось критикой действий правительства. Другие историки полагают, что общество имело конкретную программу, которая ставила целью достижение конституционной монархии [см.: 239, стр. 92—93]. Н. Беркес приводит в своей книге мнение Тевфика Эбуззии о том, что общество было создано для осуществления мер, «необходимых для свержения абсолютистского режима и установления конституционного управления» [251, стр. 204—205]. Р. Девисон, излагая различные сведения о планах общества, более осторожно пишет о том, что члены общества были объединены своей оппозицией к правительству и желанием создать конституционный контроль над администрацией [255, стр. 193].

Источники, известные в настоящее время, не содержат, к сожалению, сколько-нибудь определенных сведений о первоначальной политической программе и целях «новых османов». Единственный документ, до некоторой степени отражающий политическую программу общества в этот период, — открытое письмо египетского принца Мустафы Фазыл-паши султану Абдул Азизу.

Крупнейший феодал, брат правителя Египта Исмаил-паши, владелец огромных поместий и нескольких сахарных заводов в Египте Мустафа Фазыл-паша был крупным турецким сановником, занимал посты министра просвещения и финансов, был председателем высшего финансового совета Порты [см.: 264, стр. 28—39; 255, стр. 197—205]. В результате личных разногласий

с великим везиром Али-пашой и министром иностранных дел Фуад-пашой он вышел в отставку и уехал в Париж. Проявленная им оппозиция по отношению к Высокой Порте объяснялась также и тем, что вследствие изменения порядка наследования престола египетского хедива он лишился права на хедиват, на что рассчитывал в качестве брата египетского хедива Исмаил-паши (по новому порядку престолонаследия титул хедива должен был перейти к сыну Исмаил-паши⁹). Уехав в Париж, Фазыл-паша обратился к султану с письмом, в котором критиковал действия правительства и предлагал ряд мер для улучшения положения государства.

Письмо это было литографским способом опубликовано в Париже в начале 1867 г. на французском языке¹⁰. Оно было с большим энтузиазмом встречено «новыми османами», переведено другом Иамыка Кемалья Садуллах-беем 8 марта 1867 г. на турецкий язык и немедленно отпечатано с помощью близкого к «новым османам» издателя французской газеты в Стамбуле «Курье д'Орьян» Жана Пьетри в литографии Кайола (француз, принявший ислам). Письмо было распространено в количестве 50 тыс. экземпляров [230, т. I, стр. 277—281; 255, стр. 207—208; 264, стр. 38—39]. В распространении письма активное участие принимали Намык Кемаль, Тевфик Эбуззия и ряд сотрудников «Гасвир-и эфкяр». Тем самым «новые османы» солидаризировались с письмом, которое, очевидно, как-то отражало их идеи в тот период. В этой связи рассмотрение содержания письма представляет несомненный интерес.

Письмо, написанное в самом верноподданническом духе, с постоянным, чуть ли не в каждом абзаце обращением к султану — «мой государь», Мустафа Фазыл-паша начинал с рассуждения о том, что «правда принадлежит к числу тех вещей, которые с наибольшим

⁹ В это время султан Абдул Азиз вынашивал проект изменения порядка престолонаследия, принятого в османской династии, желая сделать наследником своего старшего сына Юсуфа Иззеддина. Понимая, что это натолкнется на серьезные препятствия политического и религиозного характера, Абдул Азиз решил в качестве опыта разрешить изменение порядка престолонаследия в Египте [подробно об этом см.: 183].

¹⁰ Нами использован турецкий текст этого документа [см. 86].

трудом получают доступ во дворцы султанов», что правду о положении страны скрывают окружающие султана сановники [86, стр. 3]. И далее он говорил, что считает своим долгом открыть султану истинное положение вещей. «Ваше величество! — писал Фазыл-паша. — Восстания христианских подданных государства Вашего полнотью являются результатом интриг наших внешних врагов. Вместе с тем к этому также в значительной мере причастно нынешнее управление» [86, стр. 4]. Фазыл-паша заявлял, что в результате неудовлетворительного управления нынешнего правительства все без исключения подданные империи подвергаются угнетению и притеснениям, Европа же полагает, что угнетаются и притесняются лишь христиане. Между тем мусульмане, никогда не прибегающие к покровительству иностранных государств, терпят еще большие притеснения, чем немусульмане [86, стр. 4—5]. Однако, писал Фазыл-паша, «больше у мусульман не осталось ни сил, ни терпения, ни самоотверженности, чтобы переносить горе и беды», и поэтому недовольство царит повсюду [86, стр. 5].

Далее, после рассуждений о славном прошлом и блистательных успехах предков, Фазыл-паша отмечал, что в настоящее время народ более всего страдает от произвола чиновников, действия которых якобы султану неизвестны. А так как общественное мнение в Османской империи крайне слабо, то чиновники бесконтрольны и их произволу нет препятствий. «Поэтому Ваши подданные, — писал Фазыл-паша, — делятся на две группы. Одна группа — необузданные тираны, другая — угнетаемые, страдающие от их произвола» [86, стр. 8]. При этом он опять подчеркивал, что эти тираны творят произвол, используя власть и авторитет султана.

Затем Фазыл-паша обращал внимание султана на необходимость распространения просвещения и образования, говоря, что для этого нужна свобода, ибо «нация, живущая в неволе, напрасно будет стремиться к знаниям» [86, стр. 11].

Автор письма писал о тяжелом финансовом положении страны. Причиной его он считал произвол во взимании налогов, разоряющих население. Описывая экономическое положение страны, Фазыл-паша указывал, что «ремесло, торговля и сельское хозяйство день ото дня сокращаются», что «ремесло совершенно разрушено» [86, стр. 13]. Касаясь главных причин такого положения,

Фазыл-паша писал: «Причиной, препятствующей тому, чтобы нация наша, подобно другим, была бы деятельной и искусной в ремесле, является единственно беззаконие нашей системы гражданского управления» [86, стр. 14]. Фазыл-паша утверждал, что без свободы, без достаточной гарантии прав личности и собственности нельзя развивать сельское хозяйство и ремесло. Поэтому он призывал султана спасти государство, изменив образ управления, «украсив его сводом свободных законов» [86, стр. 16], установив такой «свободный порядок», который бы уравнивал в правах и повинностях всех подданных империи, как мусульман, так и немусульман, обеспечил бы свободу личности и безопасность имущества [86, стр. 17].

Фазыл-паша утверждал, что если этот «свободный порядок» будет установлен, то он «в короткий срок изменит отношения между нами (т. е. Османской империей.— Ю. П.) и европейскими нациями» [86, стр. 18], ибо, обеспечив свободу и равенство всех подданных, государство станет действительным защитником и покровителем подданных всех вероисповеданий и избавится от иностранного вмешательства. Об этом вмешательстве он отзывался резко отрицательно, заявлял, что оно было причиной «разного рода ущерба» для государства и прикрывало фразами с цивилизации своекорыстные стремления различных государств [86, стр. 17—18].

Призывая султана создать «свободный порядок», Фазыл-паша подчеркивал, что он не предлагает нечто необычайное, и ссылался на историю европейских государств, которые, по его словам, добились могущества и процветания, установив у себя «свободный порядок» [86, стр. 21—24].

Практические предложения Фазыл-паши сводились к тому, что он предлагал султану образовать в каждом вилайете собрание из «знатных лиц», составленное из свободно избранных депутатов. Эти собрания, по мысли автора письма, окажут султану помощь в государственных делах. Их уполномоченные должны будут время от времени прибывать в столицу, сообщать султану истинное положение дел в стране и докладывать о нуждах населения [86, стр. 25—26]. По мысли Фазыл-паши, такой порядок положит конец обману султана окружающими его сановниками. В заключение автор писал, что к его голосу присоединяются голоса миллионов поддан-

ных султана, единодушно призывающих его к исполнению его «исторической миссии».

Таково содержание документа, который может считаться первым программным заявлением «новых османов». Как видно, это весьма умеренная программа, которая требовала ликвидировать деспотизм и произвол чиновников, обеспечить развитие ремесла, торговли и сельского хозяйства, укрепить финансовое положение страны и устранить иностранное вмешательство в ее внутренние дела. При этом все надежды возлагались на либерализм султана, окруженного честными и преданными интересам государства сановниками. Предполагалось, что султан будет опираться на совещательные советы, составленные из знатных лиц. Правда, в пространных рассуждениях о «свободном порядке» в европейских государствах можно было усмотреть явный намек на конституционное управление, но прямо о нем не говорилось.

В Старопечатном отделе библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии хранится текст письма Мустафы Фазыл-паши султану Абдул Азизу, несколько отличный от рассмотренного выше. В этом недатированном издании письма, отпечатанного на болгарском языке типографским способом в виде брошюры-листочка, есть такие строки: «Государь! Сласите империю! Даруйте конституцию!» [133, стр. 6] — и далее говорится, что автор предполагает представить султану проект конституции, разработанный им и его друзьями.

Вероятнее всего, что этот вариант письма Мустафы Фазыл-паши был опубликован позже, возможно в конце 1867 или 1868 г., когда находившиеся в эмиграции «новые османы» уже открыто выступали с требованием провозглашения конституции¹¹. Этот болгарский вариант, равно как и другие издания на языках народов империи — греческом и армянском, примечателен тем, что свидетельствует о стремлении сторонников «новых ос-

¹¹ Существовали различные варианты издания письма, благодаря которым в работах некоторых историков говорится, что в письме Фазыл-паши содержался прямой призыв к провозглашению конституции [см., например: 255, стр. 204]. Однако ни в рассмотренном нами турецком тексте, ни в специальной главе в книге Шерифа Мардина [264, стр. 276—282], где использованы разные варианты издания этого письма, нет данных о том, что Фазыл-паша выступал в 1866 г. с прямым призывом к конституции [подробно о разных вариантах издания письма см.: 264, стр. 38—39, 276—277].

манов» вести пропаганду либерально-конституционных идей и в среде нетурецких народов Османской империи. Это обстоятельство не было случайным, оно было связано с доктриной османизма, которая именно в этот период стала все более проявляться в публицистической деятельности «новых османов».

Рассмотренное выше письмо было не единственным политическим выступлением Мустафы Фазыл-паши, поддержанным «новыми османами». 7 февраля 1867 г. в брюссельской газете «*Le Nord*» было опубликовано письмо Мустафы Фазыл-паши, в котором он, называя себя представителем партии «Молодая Турция», писал, что никакие препятствия не помешают этой партии «продолжать разработку проекта реформ, которые выросли из мысли, опыта и страданий». Фазыл-паша писал, что в деле служения общим целям и интересам родины не имеет значения религиозная принадлежность, нужно лишь быть хорошим патриотом и прогрессивным человеком¹².

Это письмо Фазыл-паши получило живой отклик в Стамбуле. Вначале оно было напечатано в газете Жана Пьетри «*Курье д'Орьян*», а 21 февраля 1867 г. — в «*Мухбир*». Через два дня Намык Кемаль перепечатал это письмо в «*Тасвир-и эфкяр*» [264, стр. 35—38: 255, стр. 206—207].

Суммируя все известное нам о деятельности «новых османов» в этот период, можно говорить определенно лишь о том, что членов общества объединяло недовольство положением в стране и политикой правительства Али-паши. Все члены общества были согласны с тем, что это правительство, внешняя и внутренняя политика которого приносит стране вред, должно быть устранено. Однако «новые османы» еще не имели общей сформировавшейся точки зрения относительно дальнейших перспектив развития страны, не имели единого мнения о характере будущих реформ. «Новые османы, — отмечает М. Дж. Кюнтай, — были едины не в том, чего они хо-

¹² См. об этом письме: [264, стр. 34—35; 255, стр. 201—202]. Заметим, что, называя себя представителем «партии», Фазыл-паша едва ли имел в виду что-либо, кроме своей принадлежности к сторонникам реформ в Османской империи. Данных о его прямых связях с «новыми османами» в начале 1867 г. нет. Намык Кемаль и Али Суави, во всяком случае, отрицали какую-либо связь с Фазыл-пашой в этот период.

тели, а в том, чего они не хотели. В том, что они не желали Али-паши, все двести сорок пять были единодушны» [230, т. I, стр. 358].

Довольно ярко характеризовал обстановку идейных расхождений в этот период по вопросу о методах осуществления будущих реформ один из активных деятелей движения «новых османов» — Нури-бей. «Я начал испытывать, — писал он, — сомнение относительно возможности осуществления наших целей, когда стал задумываться над тем, что не так-то легко осуществить перемены в масштабе страны по желанию кучки людей... Мехмед считал, что установление в нашей стране либерального режима возможно только при поддержке народного движения. Зия, напротив, полагал, что осуществление наших идей будет зависеть от получения власти путем договоренности с султаном. Агях полагал, что для овладения ключевыми позициями на пути к цели нам следует попытаться достигнуть примирения с правительством. Что касается Кемаля, то он полагал, что „османский народ хранит верность своим властителям и нам ничего не удастся сделать, если султан того не захочет...“, и поэтому он считал, что нет другого пути, кроме возведения на престол такого султана, который смог бы осуществить необходимые реформы. Рифаат... настаивал на том, что следует предпринять любую попытку в рамках законного. Решид... был уверен, что из создавшегося положения нет выхода и, прежде чем давать рекомендации, нужно приобрести огромные знания» [цит. по: 251, стр. 207—208].

Возможно, что идеи конституционной монархии имелись у некоторых членов общества уже на первых порах его деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует и интерес ряда членов общества к уставу и деятельности карбонариев, боровшихся, как известно, за уничтожение феодально-абсолютистских режимов в итальянских государствах, активно выступавших против реставрированной династии Бурбонов во Франции и принявших участие в пизльской революции 1830 г.

Отдельные сторонники «новых османов» уже в начале 1867 г. высказывались за установление в Турции конституционного режима. Так, видный египетский аристократ, зять Фазыл-паши, крупный турецкий дипломат Халиль Шериф-паша, примкнувший в 1867 г. в эмиграции к «новым османам», открыто выступил с призывом

к провозглашению конституции. 12 февраля 1867 г. он распространил в Стамбуле листовку, где говорилось, что Турции необходим свободный конституционный режим, который спасет ее от иностранного вмешательства и будет способствовать подъему экономики [см.: 255, стр. 206; 264, стр. 32—34]. «Только конституционный режим,— писал Халиль Шериф,— может спасти и укрепить Турцию. Конституция немедленно восстановит авторитет мусульманского государства..., стерев политическое и социальное различие между мусульманами и немусульманами. Для немусульман отпадет необходимость слушать лицемерные обещания извне, когда они все получают от государства — справедливость, безопасность собственности. Возрождение политической и социальной жизни воспитает любовь к труду и непременно принесет плоды всеобщего благосостояния. Конституция! Она в один день, в один час делает для Турции то, что не в состоянии были сделать реформы в течение сорока лет» [цит. по: 269, стр. 120—121]. Если оставить в стороне восторженное и несколько примитивное изложение значения конституционной реформы, то следует признать, что в этих словах Халиля Шериф-паши обнаруживается довольно ясное понимание смысла и перспектив конституционного переустройства государственной машины Османской империи.

Однако выступление Халиля Шериф-паши не было изложением позиции «новых османов». В это время даже наиболее прогрессивно настроенные лидеры общества в лучшем случае изучали эту идею. Примечательен такой факт. В мае 1867 г., накануне своей эмиграции, Намык Кемаль говорил одному из своих знакомых, Абдурахману Хасан-бею, что он беседовал с Жаном Пьетри, который «два часа ему толковал о конституции... в конце концов убедил, что конституция может быть введена и у нас» [цит. по: 230, т. I, стр. 360]. Окончательно конституционные идеи превратились у Намыка Кемалья и у других лидеров движения в четкое требование конституционной монархии только в эмиграции, где это требование стало политической платформой «новых османов».

Весна 1867 г. стала еще одной важной вехой в истории движения «новых османов». В мае этого года группа наиболее активных деятелей общества (примерно

десять человек) эмигрировала в Европу. Этому предшествовали драматические события. Прежде всего правительство Али-паши приняло довольно резкие меры по отношению к прогрессивной прессе, которая все более решительно выступала против правительства. Остро критиковали правительство Намык Кемаль в «Тасвир-и эфкяр» и Али Суави в «Мухбир». Как отмечалось выше, эти газеты даже печатали такие крамольные материалы, как письмо Фазыл-паши в «Ле Норд». Намык Кемаль критиковал правительство за то, что оно допустило иностранное вмешательство в решение критского вопроса. В «Мухбир» печатались статьи с критикой таких действий правительства, как иностранные займы или эвакуация турецкого гарнизона из Белграда.

6 марта 1867 г. правительство опубликовало официальное уведомление, в котором говорилось, что «часть местной прессы, не понимая духа, которым должна руководствоваться журналистика на Востоке, сделалась страстным органом всех крайних партий и тенденций, в высшей степени вредных для общих интересов страны. Она часто нападала на самую основу империи и, вместо того чтобы посвятить себя защите страны, где она живет и процветает, встала на позицию врагов своей родины, сделалась поборником разрушительных идей и пропагандирует неслыханную ложь». И далее уведомление гласило, что при сложившихся обстоятельствах правительство оставляет за собой право «всякий раз, когда этого потребуют общие интересы страны, принимать административные меры независимо от существующего закона о печати» [135, т. II, стр. 326]¹³.

19 марта правительство закрыло «Мухбир», Али Суави был сослан в Кастамону. 24 марта вышел последний номер «Тасвир-и эфкяр». Али-паша 11 марта распорядился назначить Намыка Кемалья помощником вали в Эрзурум, а Зию — начальником округа на Кипр. Правительство явно решило очистить столицу от либеральных пропагандистов. Особенно это относилось к Намыку Кемалю и Зие, которые были признанными идейными руководителями прогрессивной турецкой молодежи Стамбула. В ответ на решение правительства Намык Кемаль и Зия начали готовиться к тайному побегу в

¹³ Первый в Турции закон о печати, поставивший прессу под правительственный надзор, был издан в 1865 г.

Европу. Они решили принять предложение Фазыл-паши, который в этот момент пригласил их приехать в Париж, где, как он им сам писал, думал объединить их на поприще служения «делу спасения, счастья и свободы отечества» [194, стр. 114]. Письмо это было передано Кемалю и Зие Жаном Пьетри и итальянцем Сакакини — директором одного из сахарных заводов Фазыл-паши в Египте. Предложение было принято, и началась подготовка к побегу. В эти дни Намык Кемаль и Зия имели встречу с Мидхат-пашой, которому они сообщили о своем намерении бежать из Стамбула и договорились о «способе переписки» [194, стр. 116—117].

Примерно в это же время группа членов общества вынашивала план заговора с целью отстранения от власти правительства Али-паши [см.: 255, стр. 210—212; 264, стр. 42—43; 223, стр. 302; 154, стр. 373—374]. В один из весенних дней 1867 г. они встретились в мечети Ая-Софья, чтобы обсудить план действий. Они договорились поднять мятеж во время традиционного посещения султаном резиденции правительства, потребовать от Абдул Азиза назначить нового великого везира. Мехмед-бей — вдохновитель идеи заговора — предлагал кандидатуру своего дяди Махмуда Недим-паши; кое-кто предлагал видного сановника Ахмеда Вефик-пашу.

Многое остается неясным в истории этой попытки «новых османов». По некоторым сведениям, было две встречи заговорщиков, причем вторая уже после отъезда Намыка Кемалья и Зии. Предполагается, что в этой встрече участвовало и доверенное лицо Фазыл-паши — его стюард Азми-бей. Неясен и назначенный срок выступления¹⁴. Один из историков-современников писал, что заговорщики даже готовы были, если султан откажется удовлетворить их требования, низложить Абдул Азиза; они даже подготовили для этой цели воззвание, где говорилось, что султан обращается с народом, как с рабами, потерял любовь народа и перестал быть «его

¹⁴ В. А. Гордлевский, описывавший заговор против Али-паши со слов Тевфика Эбуззин, называет 15 мухаррема 1283 г. (30 мая 1866 г.). Из труда В. А. Гордлевского эта дата попала в книгу В. Стамбулова [194, стр. 109—110]. В работе автора настоящего исследования [см. 184] также была принята эта дата заговора. Однако, сопоставив еще раз все известные факты истории движения в 1865—1867 гг., необходимо признать более правильной другую датировку заговора — примерно апрель — май 1867 г.

отцом и тенью аллаха», а потому должеч быть низложен. На престол в этом случае предполагалось возвести имевшего либеральную репутацию принца Мурада [268, стр. 202]. Заметим, что независимо от точности этих фактов определенно известно, что «новые османы» были тайно связаны с Мурадом через Намыка Кемалю, который одно время был воспитателем сына наследника престола. Есть сведения и о контактах членов общества с другим принцем — Абдул Хамидом.

Заговор был раскрыт в результате доноса Айетуллах-бея. Правительство произвело аресты. Среди арестованных в мае — июне 1867 г. были Омер Наили-паша, Мустафа Асим-паша, чиновник военного министерства Тахсин-эфенди, преподаватель медресе Велиуддин-эфенди, упомянутый выше Азми-бей и др. Предатель выдал не всех, а арестованные никого не назвали¹⁵. Некоторые члены общества несколько дней скрывались в редакции газеты Жана Пьетри, а затем, опасаясь ареста, разными путями бежали в Европу.

17 мая 1867 г. на борту французского парохода «Босфор» тайно покинули Стамбул Намык Кемаль и Зия. Побег был организован Жаном Пьетри. Днем позже, 18 мая, из Кастамону с помощью агентов Мустафы Фазыл-паши бежал Али Суави. 30 мая все трое приехали в Париж, где они немедленно встретились с Фазыл-пашой. В эти дни он был буквально отцом турецких либералов и патриотов. Правда, очень скоро стало ясно, что Фазыл-паша не столько был озабочен судьбой отечества, сколько стремился использовать довольно популярных литераторов и общественных деятелей в своей личной борьбе с Али-пашой. Но главное в этот момент было в том, что поддержка Фазыл-паши и его огромное состояние сделали возможным создание заграничного эмигрантского оппозиционного политического центра.

¹⁵ Р. Девисон пишет, что к 1 июня 1867 г. было арестовано 16 человек. Любопытно, что среди арестованных он упоминает имя одного из руководителей «Кулеийского инцидента» 1859 г. — Хюсейна Даим-пашу. Поскольку Хюсейн Даим-паша был осужден на пожизненную каторгу, то остается предположить, что он был к этому времени помилован и вновь арестован не столько как активный участник этого заговора, сколько как вообще подозрительное лицо.

Вскоре после приезда Намыка Кемалья, Зия и Али Суави в Париж бежали из Стамбула Решад-бей, Нури-бей, Агях-эфенди и Мехмед-бей. К эмигрантам присоединились также Рифаат-бей, оставивший работу в турецком посольстве, а также генерал Хюсейн Васфи-паша, который тоже был арестован в 1867 г. по обвинению в заговоре, освобожден за недостатком улик, но разжалован. Бежав в Европу, он открыто примкнул к «новым османам».

10 августа 1867 г. в доме Фазыл-паши состоялось собрание всех эмигрантов [см.: 230, т. I, стр. 481—482; 264, стр. 41—45; 255, стр. 213], которое решило начать издание газет общества в Европе. Было решено возобновить издание «Мухбир», а также был намечен проект издания газеты «Хюрриет». Фазыл-паша предоставил нужные для этого средства (около 250 тыс. фр.), а также назначил ежемесячное содержание эмигрантам. Так начался эмигрантский период деятельности «новых османов».

Весьма любопытны сведения о первых политических контактах эмигрантов в Европе. По некоторым данным, 30 августа 1867 г. был принят статут организации эмигрантов, проект которого подготовил Зия при активном участии польского эмигранта графа Владислава Платера (эмигрировал в 1830 г.) и австрийского социалиста Симона Дэйча, члена I Интернационала и будущего участника Парижской Коммуны [255, стр. 213—215]¹⁶. Статут подписали Фазыл-паша, Намык Кемаль, Зия, Платер и Дэйч.

В этом документе говорилось, что «Партия молодой Турции» будет бороться за выполнение программы реформ, изложенной в письме Фазыл-паши, и добиваться соответствующего изменения режима и смены правительства. Кроме того, говорилось о необходимости противодействовать русскому влиянию на Востоке, в частности в Турции [255, стр. 213—214].

Предполагалось, что польский эмигрант, руководитель восстания 1863 г. Мариан Лангиевич, с которым был связан Зия, будет, с одной стороны, заниматься организацией агентуры в Стамбуле и на Балканах,

¹⁶ Эти и другие сведения о связях «новых османов» с польскими революционными эмигрантами почерпнуты Р. Девисоном из книги Адама Левака о польской эмиграции в Турции в 1831—1878 гг., изданной в Варшаве в 1935 г.

имея в виду проведение антирусской пропаганды, и, с другой — привлечь на сторону «новых османов» нетурецкое население Балкан [255, стр. 215—216]. Однако все эти планы и проекты, если они и существовали в том виде, как их описывает Адам Левак, остались на бумаге. Тем не менее сведения о связях «новых османов» с польскими революционерами интересны; имеются сведения и об их контактах с мадзинистами, различными группами социалистов и с масонскими организациями [255, стр. 215]. Однако эти сведения весьма неконкретны, и совершенно неясно, какое влияние эти столь разные политические и общественные группировки имели на «новых османов».

Газету «Мухбир» предполагалось издавать в Париже, но этот план не был осуществлен. Ввиду ожидавшегося прибытия в Париж султана Абдул Азиза французские власти предложили турецким политическим эмигрантам покинуть Париж, так как турецкий посол Мехмед Джемил-паша сообщил французскому правительству, что эмигранты замешаны в антигосударственном заговоре. Эмигранты вынуждены были переехать в Лондон, где 31 августа 1867 г. вышел первый номер «Мухбир». В нем объявлялось, что «Мухбир» начала выходить вновь, «найдя страну, где не запрещено говорить правду» [цит. по: 232, стр. 43]. В выпущенном редакцией извещении говорилось: «Мы сочли уместным основать в Лондоне газету „Мухбир“, чтобы способствовать прогрессу образования и цивилизации населения Востока, придавать смелость новым идеям и поправлять мнение Европы о жителях Востока» [55, л. 52]. По свидетельству очевидцев, газета тысячами экземпляров переправлялась в Турцию [134, ч. I, стр. 223]. Намык Кемаль принимал в этом самое активное участие, поддерживая связь с одним из стамбульских таможенных чиновников — Ахмед-эфенди. В одном из писем к нему Намык Кемаль писал, что и в европейских государствах прогресс был достигнут в результате того, что глаза народу сумели открыть люди, разъяснившие ему его права и обязанности. «Теперь и наша задача такова, — говорил Намык Кемаль. — Вот увидите, что произойдет, если издание „Мухбир“ продлится месяцев пять-шесть». В этом же письме он писал о затруднениях во ввозе газеты в страну и просил оказать помощь в пропуске газет через таможенный досмотр, сообщая, что напра-

вил к Ахмед-эфенди надежных людей [230, т. I, стр. 486—487].

С первых номеров газеты обнаружился ряд разногласий между Али Суави, с одной стороны, и Намыком Кемалем и Зией — с другой. И все же они продолжали сотрудничать в газете. Намык Кемаль прилагал много усилий, чтобы избежать раскола в среде эмигрантов. Однако, как пишет современный турецкий исследователь Джемаль Кюнтай, содержание «Мухбир», редактируемого Али Суави, не соответствовало идеям Намыка Кемалья, Зии и других членов эмигрантского кружка. Недовольство началось с того, что Али Суави не только не изложил в первом номере «Мухбир» программу «новых османов», но даже не считал необходимым издавать газету от имени «Общества новых османов» [230, т. I, стр. 482—483], как это позже сделали Намык Кемаль и Зия, начав выпуск газеты «Хюрриет». Кроме того, с первых же номеров Али Суави стремился выдерживать все материалы «Мухбир» в строго мусульманском духе, доходя иногда до откровенного фанатизма [см.: 255, стр. 216—217; 230, т. I, стр. 491]. В конце концов это привело к разрыву Намыка Кемалья и Зии с газетой и с Али Суави.

В это время (в конце 1867 г.) Мустафа Фазыл-паша примирился с Али-пашой и, добившись разрешения султана, вернулся в Стамбул. Надо заметить, что «новые османы» сочли это чуть ли не победой «Общества новых османов». Так, Намык Кемаль писал отцу из Лондона, что, по их мнению, Фазыл-паша вернулся в Стамбул, чтобы стать великим везиром и добиться конституции [230, т. I, стр. 549—551]. Однако очень скоро они разочаровались в своих наивных надеждах. Либерализм Фазыл-паши был в лучшем случае прихотью фрондирующего вельможи. «Новых османов» он использовал как оружие в борьбе за власть с Али-пашой и Фуад-пашой. Вернувшись в Стамбул, он занял пост министра юстиции, вовсе не помышляя о борьбе за конституцию. Правда, еще некоторое время он продолжал оказывать материальную поддержку эмигрантам, затем и эта связь прервалась.

Но «новые османы» активно продолжали свою деятельность. 29 июня 1868 г. вышел первый номер газеты «Хюрриет». Газета объявляла, что она является органом «Общества новых османов». Ответственным редак-

тором был Намык Кемаль, большинство статей печаталось без подписи, но все, что публиковалось в газете до номера 63 (до выхода из ее редакции Намыка Кемалья), было отражением совместной точки зрения Намыка Кемалья и Зии.

Газета «Хюрриет» периода тесного сотрудничества в ней двух крупнейших деятелей движения «новых османов», их признанных идейных руководителей, была самой содержательной, самой авторитетной газетой эмигрантов. Она регулярно публиковала статьи, в которых подробно анализировалось положение Османской империи. В этих статьях нашли свое наиболее полное отражение политические взгляды «новых османов». Основой всех политических статей газеты было требование учреждения в Османской империи конституционной монархии. «Хюрриет», как и «Мухбир», в большом количестве экземпляров нелегальным путем переправлялась в Турцию. Турецкий историк Ахмед Саиб писал, что «Хюрриет» тайно переправлялась в страну и спрос на нее среди населения был так велик, что цена газеты в Стамбуле доходила до одной лиры [207, стр. 115].

Несколько слов следует сказать и о других газетах, издававшихся «новыми османами» в эмиграции. Несмотря на то что органом общества стала «Хюрриет», еще некоторое время продолжала выходить «Мухбир». При этом надо заметить, что сотрудники «Хюрриет» не отмежевались от нее совершенно. В первом же номере «Хюрриет» писалось: «Али Суави-эфенди, принадлежащий, ввиду известных своих добродетелей, к избранным, просвещенным патриотам, составляющим гордость родины, издает в Лондоне газету „Мухбир“, запрещенную в Стамбуле за то, что она осмеливалась писать правду» [цит. по: 230, т. I, стр. 564]. Кроме того, Али Суави дважды (в № 28 и 42) печатал статьи в «Хюрриет» [230, т. I, стр. 435]. Кроме этих двух газет «новые османы» издавали еще несколько второстепенных и недолговечных газет. Так, согласно сообщению «Хюрриет» от 31 мая 1869 г. (№ 49), Мехмед-бей начал в это время издавать в Париже газету «Иттихад» («Единение»). «Хюрриет» сообщала, что ряд статей этой газеты печатается на турецком, греческом, армянском и арабском языках. К сожалению, этим исчерпываются сведения об этой газете, которая, очевидно, стремилась к популяризации идей «новых османов» среди нетурецких народов

империи. Вероятно, она просуществовала недолго, ибо в 1870 г. Мехмед-бей предпринял вместе с Хюсейном Васфи-пашой издание в Женеве новой газеты — «Икиляб» («Революция»). Газета отличалась резкой критикой султана Абдул Азиза, которого обвиняли в том, что он своим расточительством резко ухудшил финансовое положение страны. Кроме этих газет нужно упомянуть еще о журнале «Улюм» («Знания»), который в начале 1870 г. начал издавать в Париже Али Суави после прекращения издания «Мухбир». Журнал этот также был недолговечен и выпускался всего в нескольких десятках экземпляров. Али Суави был единственным сотрудником этого журнала. Он сам размножал его, переписывая от руки.

Как было сказано, главным органом эмигрантов до 1870 г. была газета «Хюрриет». Однако в начале 1870 г. Намык Кемаль вышел из состава редакции. Причиной этого явились принципиальные политические разногласия между ним и Зией. Существование их сводилось к тому, что, по мнению Зии, все беды и несчастья империи зависели лишь от личных свойств министров султана, а потому он считал необходимым всю тяжесть критики перенести на них. Намык Кемаль же, настроенный более радикально, считал, что дело не в одних лишь министрах, но и в безудержном произволе султана, который «может обуздать лишь конституция».

После разрыва Намык Кемаль уехал в Париж, а оттуда ввиду начавшейся франко-прусской войны в Брюссель. После недолгого пребывания в Брюсселе он переехал в Вену, где встретился с Халилем Шериф-пашой, который в 1870 г. был назначен турецким послом в Вене¹⁷. Здесь Намык Кемаль пытался создать новую газету. Зия издавал «Хюрриет» в Лондоне до номера 89. О позиции, занятой им, можно судить по письму Намыка Кемалья отцу, в котором он писал, что «Хюрриет» «начала защищать султана» [230, т. I, стр. 446]. Одновременно статьи, направленные против великого везира, стали принимать столь оскорбительный характер, что турецкий посол в Лондоне Муссурус-паша добился вмешательства английских властей, которое вынудило Зию покинуть Лондон (ему грозил арест по обвинению в подстрекательстве к убийству Али-паши). Продолжив в ап-

¹⁷ Халиль Шериф вернулся в Стамбул вместе с Фазыл-пашой.

реле 1870 г. в Женеве издание «Хюрриет», Зия вступил в полемику с газетой «Инкиляб», стремясь всю вину за бедственное положение страны возложить на министров султана. «Хюрриет» выходила до 12 июня 1870 г. (последний номер 100).

Таким образом, в 1870 г. в среде эмигрантов царил раскол. Али Суави выпускал в Женеве журнал «Улюм», а Зия — газету «Хюрриет». Намык Кемаль намеревался в Вене организовать новую газету — «Истикбаль» («Будущее»), однако этот план не был им осуществлен. Мехмед-бей, Решад и Нури вступили в ряды французской армии и участвовали в боях. Во время осады Парижа и Парижской Коммуны все трое оставались, по некоторым сведениям, в городе и принимали активное участие в его обороне, примкнув к коммунарам [268, стр. 72]. Раскол в среде «новых османов» умело использовало турецкое правительство, обеспокоенное деятельностью эмигрантов, так как эмигрантская пресса, проникавшая в страну, возбуждала население, особенно оказывая влияние на турецкую молодежь. Правительство начало действовать через Фазыл-пашу, по «ходатайству» которого в конце 1870 г. Намыку Кемалю было дано разрешение на возвращение в Стамбул. Намык Кемаль согласился вернуться. Как видно из его дальнейших действий, он возвращался с твердым намерением продолжить борьбу против абсолютизма внутри страны. Али-паша после приезда Намыка Кемалю в Стамбул (ноябрь 1870 г.) пытался приблизить его к себе, но Намык Кемаль, оставшись верным своим принципам, начал сразу же готовить почву для возобновления деятельности «новых османов» внутри страны. Сделать это удалось, однако, лишь после смерти Али-паши. Великий везир Махмуд Недим-паша, продолжая политику своего предшественника, направленную на возвращение эмигрантов на родину, где можно было поставить их под надзор правительства, добился у султана общей амнистии для эмигрантов. Со временем все эмигранты возвратились в Турцию¹⁸.

Так закончился второй период деятельности «Общества новых османов». Эмиграция сыграла очень боль-

¹⁸ В ноябре 1871 г. возвратился из эмиграции Агях, в 1872 г. — Нури, Решад и Зия, в 1874 г. — Мехмед-бей. Али Суави пробыл в эмиграции до ноября 1876 г., вернувшись в Стамбул в самый разгар борьбы за конституцию 1876 г.

жную роль в формировании идейных и политических воззрений «новых османов». Именно здесь было четко сформулировано требование конституционной монархии, ставшее основой их политической программы. В эмиграции «новые османы» близко познакомились с прогрессивной французской литературой, с произведениями Руссо, Вольтера, Монтескье, Гюго, Мольера, Ламартина, Кондорсе. Намык Кемаль и Зия перевели на турецкий язык ряд их произведений. Зия перевел «Эмиля» Руссо и «Тартюфа» Мольера, Намык Кемаль — известное произведение Монтескье «О духе законов» и ряд произведений Гюго, Руссо, Кондорсе и Ламартина. Очевидно, что чрезвычайно важную роль в формировании общественно-политических взглядов «новых османов» сыграло изучение произведений Руссо, Монтескье, Вольтера, в которых содержалась острая критика абсолютизма и пропагандировалась идея конституционной монархии.

Некоторые из рассмотренных выше фактов из жизни «новых османов» в Европе позволяют высказать предположение о том, что ряд деятелей турецкого конституционного движения какое-то время находился и под влиянием республиканских и социалистических идей. И хотя эти идеи не нашли позже непосредственного отражения в политической деятельности первых турецких конституционалистов, такие факты, как участие ряда деятелей движения в обороне Парижа в дни Парижской Коммуны или контакты с социалистами из Интернационала, не могли пройти совершенно бесследно для мировоззрения турецких эмигрантов.

Немалое значение имело практическое знакомство «новых османов» с конституционными учреждениями европейских государств, с их передовой для того времени наукой и культурой. В эмиграции многие из них изучали общественные науки. Намык Кемаль, в частности, в Париже сблизился с видным французским юристом Эмилем Аккола и серьезно изучал государственное право и экономику. Из эмиграции «новые османы» вернулись обогатившиеся солидным опытом журналистской деятельности, который они вскоре же попытались использовать для широкой пропаганды своих взглядов внутри страны.

Намык Кемаль, возвратившись на родину, начал подготовку к изданию новой политической газеты. 1 июня 1872 г. в Стамбуле начала выходить газета «Ибрет»

(«Наставление»), которая сыграла важную роль в распространении конституционных идей. Редактором газеты был Намык Кемаль. К сотрудничеству в газете были привлечены Тевфик Эбуззия, Решад и Нури¹⁹. В первом номере в редакционной статье отмечалось: «По нашему убеждению, важнейшей обязанностью газеты является сообщение нашему народу сведений, относящихся к основным политическим вопросам и к культурному прогрессу. Поэтому мы и будем в основном прилагать к этому делу наши скромные способности... священной нашей обязанностью мы считаем говорить правду в той степени, в какой это дозволено законом о печати» [232, стр. 58].

Выход первого номера газеты «Ибрет» был встречен населением Стамбула как выдающееся событие. «В день выхода первого номера газеты... на улицах Константинополя царил необычайное оживление. На публику сильнее всего, лучше всякой рекламы подействовали имена младотурок — издателей газеты. Быстро номер был раскуплен. Днем было выпущено второе издание в пять тысяч экземпляров. Всего первый номер разошелся в количестве двадцати пяти тысяч экземпляров» [154, стр. 360]. С первых же номеров газета начала печатать статьи по самым острым политическим вопросам, не останавливаясь перед резкой критикой правительства, всячески популяризируя идеи свободы и конституции. В условиях реакционного абсолютистского режима газета осмелилась, по словам одного из очевидцев, даже выступить в защиту Парижской Коммуны [71, стр. 7]. Статьи «Ибрет» вызывали большой интерес среди населения. Тевфик Эбуззия писал впоследствии, что этот интерес рос с каждым днем, что ежедневно стамбульцы первым делом покупали «Ибрет» [230, т. II, стр. 115]. В результате издание газеты было запрещено на четыре месяца. Одновременно правительство решило удалить из столицы сотрудников газеты. Намык Кемаль был назначен начальником округа в Гелиболу, Нури — секретарем губернатора в Анкару, Тевфик Эбуззия — главным секретарем Измирского центрального суда, Ре-

¹⁹ Газета «Ибрет» выходила уже в 1871 г. как частная газета, основанная неким Искендер-эфенди. Одно время с владельцем газеты вел переговоры об аренде Ахмед Мидхат, но договор заключен не был. В 1872 г. газету арендовал Намык Кемаль с группой упомянутых сотрудников. Газета выходила до номера 182.

шад — уездным начальником в Биледжик. Все они были вынуждены принять назначения, носившие характер высылки из столицы. Однако Тевфику Эбуззие вскоре удалось вернуться в Стамбул, так как судебная инстанция, куда он был направлен секретарем, была упразднена. Он возобновил издание выпускавшейся им еще в 1871 г. газеты «Хадика» («Сад»), а вскоре, после сорокадневного перерыва, опять стала выходить газета «Ибрет»²⁰. Намык Кемаль из Гелиболу посылал в редакцию «Ибрет» свои статьи, фактически осуществляя общее руководство газетой. В декабре 1872 г. ему удалось вернуться в Стамбул.

Продолжая издавать «Ибрет», Намык Кемаль работал над ставшей позже широко известной пьесой «Отечество или Силистрия».

Эта пьеса была поставлена в Стамбуле в марте 1873 г. Ее премьера стала крупным политическим событием, ибо содержание пьесы было пронизано идеями патриотизма. Хотя в пьесе не было призыва к борьбе против существовавшего государственного режима, ее патриотическое содержание было вызовом правительству, сделавшему турок бесправными в своей стране. Восторженная молодежь на первых представлениях пьесы устраивала бурные овации в честь автора.

Султанское правительство, вновь обеспокоенное активизацией «новых османов» и их приверженцев, в конце марта окончательно закрыло «Ибрет». Намык Кемаль был арестован и сослан на Кипр. Арестованы и сосланы были также Нури, Исмаил Хаккы, Тевфик Эбуззия.

Таким образом, весной 1873 г. правительству формально удалось положить конец общественно-политической деятельности лидеров «новых османов». Однако было уже практически невозможно остановить распространение среди турецкой интеллигенции идей «новых османов». Газеты «новых османов», их публицистические произведения получили весьма широкую известность в образованных слоях турецкого общества тех лет. И хотя пропагандистская деятельность первых турецких конституционалистов не вышла за рамки сравнительно узкого круга гражданской и военной интеллигенции, учащейся моло-

²⁰ Следует полагать, что досрочного возобновления выхода газеты «Ибрет» добился Мидхат-паша, ставший в конце июля 1872 г. на несколько месяцев великим везиром.

дежи, тем не менее «новым османам» удалось сделать многое. Сами понятия «конституция», «парламент», «ответственное правительство», «политические свободы» впервые всерьез стали обсуждаться в стране, где господствовал феодально-абсолютистский режим. Почва для политической борьбы за конституционные реформы была подготовлена.

* * *

Обострение экономического и политического кризиса Османской империи в 1875—1876 гг. создало обстановку, благоприятную для нового подъема конституционного движения²¹. Резко ухудшилось экономическое положение страны; буквально катастрофическим стало финансовое положение империи осенью 1875 г. Порты заявила о своем частичном финансовом банкротстве. В 1875 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание в Боснии и Герцеговине; в сентябре 1875 г. против турецкого владычества выступили болгары в Старой Загоре. В порядок дня европейской политики вновь встал «восточный вопрос». Возникла угроза вмешательства европейских держав во внутренние дела Османской империи.

Все эти обстоятельства, в особенности новая угроза вмешательства великих держав и отторжения от империи ряда ее европейских провинций, вызвали резкий рост недовольства правительством, которое охватило почти все слои населения. В этих условиях сторонники конституционных реформ, которых возглавил видный турецкий государственный деятель Мидхат-паша, связанный с «Обществом новых османов» с момента его возникновения, активизировали свою деятельность. В марте 1876 г. государственным деятелям ряда европейских держав был разослан «Манифест мусульман-патриотов», в котором говорилось о том, что спасением Турции является установление парламентарного режима.

²¹ Обстоятельства, связанные с ходом борьбы за конституцию 1876 г., изложены автором в его книге, опубликованной в 1958 г. [см. 184]. Поэтому здесь внимание концентрируется на освещении, с уделом новых данных и материалов, тех вопросов, которые в упомянутой работе освещены неполно, — борьба вокруг проекта конституции, характеристика состава парламента, деятельность парламентской оппозиции.

Оценив сложившуюся ситуацию, Мидхат-паша и его сторонники решили использовать благоприятный момент, чтобы добиться не только смены правительства и ликвидации угрозы иностранного вмешательства, но и осуществления конституционных реформ. Характерной чертой деятельности конституционалистов в этот период был их блок с частью феодально-клерикальных кругов, которая была по-своему недовольна политикой султана, поставившего страну на грань катастрофы. Однако представители этой группы не были склонны к провозглашению конституции и ограничению власти султана. Блок турецких конституционалистов с этой группировкой отражал слабость конституционного движения, боязнь его лидеров пойти на организацию широкого народного антиправительственного выступления.

Внешнеполитические обстоятельства (предстоявшее 30 мая вручение Порте «Берлинского меморандума») ускорили ход событий. В ночь с 29 на 30 мая 1876 г. был низложен султан Абдул Азиз. Низложившие его заговорщики преследовали разные цели. Всех их объединяло стремление путем дворцового переворота ликвидировать опасность массовых антиправительственных выступлений и иностранного вмешательства. Участвовавшие в заговоре сторонники «новых османов» и их лидер Мидхат-паша надеялись, что им удастся добиться от нового султана — Мурада V (царствовал в мае—августе 1876 г.) провозглашения конституции. Надежды на это были укреплены амнистией Намыка Кемалея, Тевфика Эбуззии, Нури и других сосланных «новых османов», которые уже 7 июня вернулись в Стамбул. Однако сторонникам конституции не удалось осуществить свои планы, которые натолкнулись на решительное сопротивление консервативно настроенного большинства кабинета министров. Не помогли даже организованные сторонниками Мидхат-паши манифестации софт с требованием провозглашения конституции. Переворот достиг, однако, своей внешнеполитической цели: «Берлинский меморандум» не был вручен Турции [см.: 184, стр. 95—100].

Вопрос о конституции был отложен на неопределенное время, хотя Мидхат-паша, ставший 6 июня 1876 г. председателем Государственного совета, разработал проект конституции. К началу июля позиции сторонников конституции в правительстве несколько усилились после того, как ряд министров — противников консти-

туции, в том числе военный министр Хюсейн Авни, были убиты гвардейским офицером Хасаном во время совещания министров в доме Мидхат-паши.

В первой половине июля вопрос о конституции обсуждался на большом чрезвычайном совете, в котором кроме министров приняли участие крупные сановники, представители мусульманского духовенства и главы немусульманских религиозных общин. Мидхат-паша и Зиябей, занявший пост управляющего делами министерства просвещения, весьма решительно высказались за немедленное провозглашение конституции. Их выступления вызвали горячие споры, решение не было принято, но было постановлено размножить проект Мидхат-паши для изучения его всеми участниками совещания.

Поскольку все это происходило в обстановке ухудшавшегося внешнеполитического положения Османской империи (Сербия и Черногория начали военные действия против Турции, поддерживая повстанцев в Боснии и Герцеговине), реакционные круги попытались, ссылаясь на трудности военного времени, оттянуть обсуждение проекта Мидхат-паши. 21 июля 1876 г. великий везир даже издал распоряжение, запрещающее всякие толки о реформах и публикацию статей на эти темы без разрешения управления по делам печати. Комитет по цензуре предложил всем газетам временно воздержаться от обсуждения конституционных проектов [см.: 184, стр. 101—104].

Внутриполитическая обстановка в августе осложнилась еще больше из-за болезни нового султана, страдавшего сильным расстройством нервной системы. Сторонникам конституции, возлагавшим на Мурада V надежды, пришлось согласиться с необходимостью провозглашения султаном принца Абдул Хамида. Однако предварительно Мидхат-паша встретился с принцем и добился его обещания провозгласить конституцию немедленно после востшествия на престол.

31 августа 1876 г. на престол вступил султан Абдул Хамид II. Сразу же стало очевидно, что он не намерен выполнить своего обещания. Новый султан ни слова не сказал о конституции в традиционном указе, связанном с востшествием на престол, хотя в проекте указа, подготовленном Мидхат-пашой, было даже положение о создании комиссии для выработки конституции. Абдул Хамид окружил себя крайними реакционерами.

Однако ряд обстоятельств вынудил султана начать игру с конституционалистами. Вновь осложнилось внешнеполитическое положение. В войне с Сербией и Черногорией турки одержали победу. Но угроза вмешательства великих держав стала еще реальнее. По предложению России державы решили провести в Стамбуле международную конференцию для обсуждения планов реформ, которые должно осуществить турецкое правительство, а также для решения вопроса об условиях мира между Турцией, с одной стороны, и Сербией и Черногорией — с другой. Учитывая эти обстоятельства, Абдул Хамид решил пойти на публичное обсуждение проекта конституции.

В эти дни газета «Вақыт» («Время») опубликовала большую статью, в которой доказывалось, что введение конституционного управления вызывается насущными потребностями страны [101, стр. 99—110].

В эти же дни стамбульский улем Эсад-эфенди опубликовал памфлет «Конституционное правительство», в котором также доказывалось, что конституционный режим не противоречит духу и нормам ислама, а также традициям османского государства. Эсад-эфенди пропагандировал в своем сочинении английскую парламентскую систему и также высказывался за палату депутатов, составленную из мусульман и христиан [255, стр. 367]. Серию статей, посвященных защите идей конституционной реформы и парламентарной монархии, опубликовал в газете «Иттихад» Намык Кемаль [255, стр. 366]. Все эти выступления в прессе находили широкий отклик в кругах стамбульской военной и гражданской интеллигенции, в среде учащейся молодежи столицы.

Все эти обстоятельства вынудили султана Абдул Хамида и феодально-клерикальные реакционные круги согласиться с дальнейшим обсуждением проекта конституционных преобразований. Султан написал Мидхат-паше письмо, в котором говорилось, что он не отвергает предложенный им проект конституции, но считает необходимым устранить из проекта ряд положений, не соответствующих системе и возможностям страны [206, стр. 33]. Под этим Абдул Хамид подразумевал, как стало известно позднее, имевшееся в проекте некоторое ограничение прав султана.

После нового заседания большого чрезвычайного совета 26 сентября 1876 г. был составлен и передан сул-

тану официальный документ, в котором говорилось о необходимости установления конституционного строя. Учитывая сложившееся соотношение сил в правительстве, а также принимая во внимание международное положение империи, Абдул Хамид был вынужден 7 октября издать ирадэ, в котором признавалась необходимость провозглашения конституции, учреждения парламента и разработки нового законодательства. В этом важном документе говорилось, что для тщательного изучения всех этих вопросов и подготовки проекта конституции создается специальная комиссия из видных улемов и гражданских чиновников. Было объявлено, наконец, что результаты работы этой комиссии будут затем рассмотрены советом министров и султаном [78, т. II, стр. 195—196].

Немедленно была составлена и назначена указом султана комиссия по разработке проекта будущей конституции. Она состояла из 28 человек — 16 крупных гражданских чиновников, 10 улемов и 2 генералов²². По настоянию Мидхат-паши в состав комиссии были включены Зия и Намык Кемаль, ставший членом Государственного совета. Председателем комиссии был Мидхат-паша²³. Абдул Хамид и его сторонники возлагали большие надежды на то, что большинство членов комиссии, составленной в основном из высших сановников и улемов, либо вообще не поддержат проект конституции, либо выработают документ, который бы обеспечивал полное сохранение всех прав султана. Однако реакционная группа членов комиссии, возглавлявшаяся министром юстиции Ахмедом Джевдет-пашой и министром без портфеля Намык-пашой, оказалась в меньшинстве. Мидхат-пашу, Намыка Кемалья и Зию весьма энергично поддержали многие члены комиссии, в частности Сервер-паша; товарищ министра общественных работ, советник Мидхат-паши армянин Одиан-эфенди, участвовавший в

²² Поименный список членов комиссии приведен в приложении к книге Р. Деверо [256, стр. 259—260].

²³ Хотя в работах некоторых европейских и турецких авторов утверждается, что председателем комиссии был министр общественных работ Сервер-паша, это ошибка, связанная, возможно, с тем, что Сервер-паша был председателем другой комиссии, которая в августе рассматривала меры, связанные с подготовкой возможного хатта об отречении султана Мурада V. Во всяком случае, такие самые осведомленные люди, как Ахмед Мидхат и Махмуд Джелаледдин, называли в своих работах председателем комиссии Мидхат-пашу [см.: 256, стр. 47].

подготовке проекта конституции; товарищ министра иностранных дел грек Каратеодори-эфенди; член Государственного совета улем Сейфеддин-эфенди и другие члены комиссии. Таким образом, в комиссии создавалась довольно благоприятная для конституционалистов атмосфера [см.: 256, стр. 48—51; 255, стр. 369—373]. Известный французский историк Турции и современник событий А. Убичини писал в 1877 г., что большинство членов комиссии «состояло из образованных людей, принимающих участие в важных событиях в жизни своей страны, знающих Европу, людей, которых Мидхат заблаговременно склонил на свою сторону, и готовых идти за ним. С самого начала они голосовали за наиболее либеральные меры» [цит. по: 256, стр. 48].

Комиссия собиралась по четыре раза в неделю в помещении Государственного совета, а вечерние заседания проходили дома у Мидхат-паши либо у кого-либо из других сановников. Комиссия разделилась на рабочие комитеты, где и проходила основная работа. Наиболее важным рабочим комитетом, который разрабатывал проект конституции, а также закон о выборах, руководил Зия. В состав этого комитета входили Намык Кемаль, председатель гражданского суда в Ускюдаре Мустафа Хайруллах-эфенди, член Государственного совета армянин Чамич Ованес-эфенди, член Государственного совета Рамиз-эфенди, директор султанского лицея Галатасарай Сава-паша, комиссионер биржи Абидин-бей. Два других комитета были заняты подготовкой законов о власти в провинциях (под председательством Дживед-паши) и о печати (под председательством Сервер-паши).

После того как комитет по выработке проекта конституции закончил работу, его предложения были рассмотрены Мидхат-пашой, а затем размножены и розданы для изучения всем членам комиссии. Какие материалы были в распоряжении комитета, готовившего проект, не совсем ясно. Существует мнение, что кроме проекта Мидхат-паши было много других проектов конституции. Определенно можно, однако, говорить о проектах Мидхат-паши и первого секретаря султана Кючюк Саид-бея, поскольку их тексты дошли до нас, будучи воспроизведены в книге Ахмеда Мидхата [78, т. II, стр. 321—335], а также о проекте Сулейман-паши, о котором известно по публикации его сына [см.: 255, стр. 344—345]. Р. Деверо называл также в числе авторов ряда

проектов и Намыка Кемалю. Р. Деверо отмечал также, что, хотя члены комитета, который готовил проект конституции, были приверженцами Мидхат-паши и находились под влиянием его идей, подготовленный в результате работы комитета документ был плодом коллективного труда и основывался на идеях, извлеченных из более чем тысячи разных источников, использованных в процессе работы [256, стр. 49].

Первоначальный проект Мидхат-паши предусматривал в парламенте только нижнюю палату — палату депутатов из 120 членов. Предполагалось, что две трети депутатов будут выборными, а одна треть — назначаться правительством. Проект вводил в систему государственного управления пост премьер-министра вместо должности великого везира, существенно расширял функции и права кабинета министров. Проект весьма широко определял и права палаты депутатов. В нем говорилось, что законы на рассмотрение палаты депутатов могут вноситься как правительством, так и депутатами, что палата имеет право контроля над финансами страны, право определения размера податей и способа их взимания, а также может привлекать к суду государственных служащих, совершивших противозаконные действия [см.: 78, т. II, стр. 328]²⁴.

Саид-бей предлагал в своем проекте двухпалатный парламент — палату депутатов и сенат. Предполагалось, по этому проекту, 750 депутатов парламента избирать путем прямого голосования. Первая статья проекта Саид-бея гласила, что верховная власть в империи находится в руках султана. Этот проект, предложенный одним из ближайших к султану сановников, не случайно начинался именно с этого пункта, акцентируя внимание на сохранении принципа незыблемости и неприкосновенности верховных прав монарха и в условиях парламен-

²⁴ Для того чтобы понять, насколько проект Мидхат-паши в этой части отличался от окончательного текста опубликованной конституции, достаточно привести текст ст. 80. В нем конституция весьма скромно определила права палаты: «Палата депутатов обсуждает внесенные в нее законопроекты. Она принимает, изменяет или отвергает постановления, касающиеся финансов и конституции. Она подробно рассматривает общие расходы государства, заключающиеся в бюджетной смете, и определяет общую сумму по соглашению с министром. Она также по соглашению с министрами определяет свойства, общую сумму и способ распределения и реализации доходов, назначенных на покрытие расходов» [199а, стр. 228].

тарного режима. В противоположность этому в первой статье проекта Мидхат-паши речь шла о неприкосновенности империи и неизменности ее границ, а в первой статье проекта Сулейман-паши говорилось о том, что Османская империя — конституционное и независимое государство.

Любопытная деталь содержалась в проекте Сулейман-паши. Автор проекта предлагал при выборах депутатов избирать представителей от мусульман по географическому признаку, а депутатов-немусульман избирать как представителей религиозных общин. В этом проекте выдвигалась также идея избрания в палату депутатов от Египта, Туниса, Сербии, Черногории и Румынии; вероятно, автор проекта стремился таким своеобразным методом вернуться к временам, когда эти страны были провинциями империи.

Резкое противодействие султана и реакционных кругов вызывала та часть проекта Мидхат-паши, в которой речь шла о правах султана. Хотя в проекте были перечислены важнейшие верховные права султана и говорилось о том, что он в качестве халифа является покровителем ислама, что он глава армии и ему принадлежит решение вопросов войны и мира, право назначения и смены министров, роспуска парламента, что личность его неприкосновена и свободна от всякой ответственности, тем не менее проект Мидхат-паши содержал весьма существенные по тем временам ограничения власти монарха. Так, если султан и имел право роспуска парламента, то был ограничен обязанностью созвать новый парламента в шестимесячный срок. Вопрос о средствах на содержание султана и его двора должен был решаться парламентом. Не султан, а правительство получало право назначения президента палаты депутатов. Проект предоставлял, наконец, премьер-министру право лично формировать кабинет министров и представлять его султану для утверждения. Последнее положение позволило противникам Мидхат-паши тут же обвинить его в том, что он вынашивает в качестве будущего главы государства честолюбивые замыслы и хочет обеспечить себе свободу действий [104, т. I, стр. 221].

После длительных обсуждений комиссия пришла к согласованному решению, остановившись на идее двухпалатного парламента с палатой депутатов из 120 членов, избираемых из числа мусульман и немусульман,

а сенатом. Некоторые члены комиссии из числа улемов пытались вновь поставить под сомнение вопрос о праве немусульман на представительство в парламенте. Но Мидхат-паша и поддерживавшее его большинство комиссии настояли на своем, понимая, что такое решение не только подорвало бы важную для Мидхат-паши и «новых османов» идею единства всех подданных империи, но и могло помешать выполнению важнейшей в этот момент задачи устранения с помощью конституции угрозы иностранного вмешательства во внутренние дела страны.

12 октября 1876 г. министр иностранных дел Савфет-паша разослал послам держав официальное уведомление о том, что султан принял решение созвать палату депутатов и сенат, а также организовать в провинциях генеральные советы для контроля за деятельностью администрации.

Вскоре газеты «Басирет» («Проницательность») и «Истанбул» («Стамбул») опубликовали подготовленный комиссией избирательный закон, который определял, что выборы 120 депутатов будут проведены непрямым голосованием, на основе системы выборщиков. В нем определялось также, что палата депутатов должна заседать с 13 декабря до конца февраля; депутаты должны избираться на трехлетний срок, причем одна треть депутатов подлежала ежегодной замене. Нормы представительства каждой провинции определялись Портой. Однако этот закон еще раз был рассмотрен во вновь созданной комиссии под председательством Сервер-паши. Затем результаты работы этой комиссии были опубликованы в виде официального документа 28 октября 1876 г. В нем число членов палаты было увеличено со 120 до 130, срок созыва парламента был установлен для первого года созыва 1 марта [256, стр. 50—51].

Абдул Хамид проявил себя в эти дни довольно ловким и дальновидным политиком. Он сделал ряд шагов, которые могли бы свидетельствовать о приверженности нового султана к идеям прогресса и цивилизации. В частности, в речи, произнесенной в Адмиралтействе, Абдул Хамид заявил, что необходимо основать в столице ряд новых высших учебных заведений для распространения специальных знаний.

Абдул Хамид счел даже возможным пойти на то, чтобы выслать из столицы некоторых наиболее враждеб-

ных конституционному движению сановников и улемов, которые в этот момент начали подстрекать мусульманское население Стамбула, доказывая, что допуск немусульман в палату депутатов будет вопиющим нарушением шариата. По инициативе Мидхат-паши полиция произвела расследование деятельности лиц, выступавших с такими заявлениями. Были собраны доказательства, что агитацию против проекта конституционных реформ вели кази-аскер анатолийский Мухиддин-эфенди и ряд его единомышленников из числа крупных сановников и улемов. Все они были арестованы²⁵. 21 октября 1876 г. Мидхат-паша представил кабинету министров документы, обличавшие деятельность арестованных. Министры решили, что в создавшейся международной обстановке нужны решительные меры против таких агитаторов и что их следует судить. Султан вначале не был склонен соглашаться с мнением кабинета, но министры пригрозили отставкой. Абдул Хамид согласился на ссылку 20 арестованных при условии, что суд над ними будет проходить в местах ссылки. Хотя султан в сложившихся условиях вынужден был идти на уступки конституционалистам, он стремился уберечь себя от репутации гонителя улемов. Примечательно, однако, что высылка арестованных не только не вызвала волнений в среде духовенства и софт, но, напротив, через несколько дней султан получил подписанное многими улемами Стамбула послание, в котором одобрялись меры, принятые против группы Мухиддина. Во всяком случае, весь этот инцидент свидетельствовал о том, что позиции конституционалистов были на этом этапе достаточно сильны и их поддерживали самые различные общественные слои в столице.

Между тем политическое и военное положение Османской империи продолжало осложняться. Хотя возобновленные турками военные действия против Сербии принесли Турции победу и открыли ее войскам дорогу на Белград, русское правительство 31 октября в категорической форме потребовало от Турции заключения перемирия в двухнедельный срок. Россия провела частичную мобилизацию. 2 ноября Порта дала согласие на двухмесячное перемирие, но тут же энергично была начата

²⁵ Об обстоятельствах этого дела, известного под названием «заговор Мухиддина», см.: [256, стр. 51—53].

подготовка к возможной войне с Россией. Началась мобилизация и вербовка в ополчение, был введен под видом обязательных «пожертвований» чрезвычайный военный налог. Все эти меры усилили недовольство населения, участилось дезертирство из армии.

Достоинно внимания то обстоятельство, что мероприятия правительства по подготовке к войне были самым активным образом поддержаны сторонниками конституции. Именно по инициативе Намыка Кемалья и Зии был создан в столице комитет для вербовки добровольцев в «национальную гвардию», председателем которого был избран Мидхат-паша. Однако комитет был закрыт султаном. Реакция явно боялась роста популярности лидеров конституционалистов, а также опасалась, что «национальная гвардия» может стать их серьезной опорой [см.: 230, т. I, стр. 296; 206, стр. 66].

Борьба вокруг проекта будущей конституции шла весь ноябрь и первую половину декабря 1876 г. [см.: 256, стр. 53—58; 255, стр. 375—380]. Она шла в комиссии, в кулуарах дворца, где все большую активность стали проявлять сановники из дворцовой камарильи Абдул Хамида. Они делали все возможное, чтобы сохранить неограниченные права султана даже в том случае, если придется пойти на провозглашение конституции, считаясь со сложившимися обстоятельствами.

К 20 ноября комиссия закончила свою работу и Мидхат-паша неофициально передал проект для изучения султану. В проекте было 140 статей, он определял права султана и предусматривал двухпалатный парламент, вводил пост премьер-министра, имевшего право самостоятельно формировать кабинет. Абдул Хамид начал обсуждать этот проект с великим везиром и своими дворцовыми советниками. Мехмед Рюштю высказался против включения в конституцию параграфа, определяющего права султана, считая, что само перечисление этих прав ведет к развенчанию личности султана. Он также возражал против введения поста премьер-министра и считал необходимым оставить за султаном право назначения всех министров. Эту позицию Мехмеда Рюштю, которая явно соответствовала настроению самого султана, горячо поддержали придворные.

25 ноября султан направил Мидхат-паше письмо, в котором заявил, что обнаружил в проекте ряд мест, несовместимых, по его словам, с нравами и обычаями

страны. «Мы придаем, — писал Абдул Хамид, — большое значение сохранению прав суверена в новой организации. Поэтому мы желаем, чтобы конституция была обсуждена в совете министров и переделана в указанном нами смысле» [цит. по: 125, стр. 78—79]. Русский посол в Стамбуле Н. П. Игнатъев сообщал в конце декабря 1876 г., что султан отклонил проект конституции и потребовал изменить его [47, стр. 227].

Представляет интерес ответ Мидхат-паши на это письмо султана. Глава конституционалистов ответил, что проект можно изменить, что, передавая султану проект, он имел в виду произвести затем изменения в соответствии с желаниями султана. Однако главное внимание в этом письме было уделено необходимости срочного провозглашения конституции в связи со сложившейся политической ситуацией. Мидхат-паша был озабочен тем, чтобы конституция была провозглашена до начала работы конференции держав в Стамбуле. Р. Деверо отмечал, что ответ Мидхат-паши производит впечатление, что его больше волновал факт опубликования, нежели само содержание конституции [256, стр. 54]. Такая оценка, пожалуй, несправедлива. Ситуация была крайне сложной, позиции сторонников конституции были далеко не такими прочными, чтобы идти на открытый конфликт с султаном. Мидхат-паша вел тактически необычайно сложную игру, в которой допускал, очевидно, и отступления от своих позиций, считая, что главное — провозглашение конституции любой ценой. Мидхат-пашу, естественно, очень волновал вопрос о предстоящей конференции. Он писал, в частности, в ответе на письмо Абдул Хамида, что, если новые реформы не будут осуществлены до начала работы конференции, для Османской империи останется лишь один выход — принять предложения держав и «решиться на то, чтобы вечно жить под их опекой» [цит. по: 125, стр. 79].

1 декабря 1876 г. началось обсуждение проекта конституции в кабинете министров. Заседания носили весьма бурный характер. Здесь сторонники Мидхат-паши и его идей оказались в явном меньшинстве, и им пришлось пойти на значительные уступки. Были отклонены все предложения, которые хотя бы незначительно ограничивали права султана. Из проекта был изъят параграф об институте премьер-министра. Статья, предусматривавшая свободный выбор официального языка любой про-

винцией, была заменена статьей о том, что единственным официальным языком империи является турецкий язык. Было сохранено, правда, положение о праве национальных меньшинств вести обучение в школах на родном языке. Острая дискуссия развернулась вокруг статьи о свободе печати. Большинство министров выступило против этой статьи. В этом пункте Мидхат-паша решил не уступать и пригрозил отставкой, которая была, конечно, крайне нежелательной для султана и Порты накануне созыва конференции держав. Таким способом Мидхат-паше удалось спасти хотя бы эту важную статью проекта.

Наконец, 6 декабря совет министров утвердил проект конституции, состоявшей теперь из 119 статей. На следующий день проект был официально вручен султану. Вновь начались совещания султана с наиболее приближенными к нему придворными. Тем временем в Стамбуле 11 декабря началась «предварительная конференция» — совещание уполномоченных европейских держав (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии и России) без участия турок. Совещание выработало проект автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии, реализацию которого было намечено осуществить под контролем специальных комиссий, назначаемых всеми державами — участницами конференции [162, стр. 107].

Когда определилась программа требований держав, стало ясно, что феодально-клерикальным реакционным кругам придется пойти на уступку конституционалистам. Султан и его приближенные, однако, лихорадочно искали средство, которое бы свело к минимуму значение конституции и обеспечило возможность при первом же удобном случае нанести решительный удар по сторонникам конституции. Таким средством стало печально знаменитое добавление к ст. 113 проекта, которое позволяло султану личным решением высылать неугодных ему лиц за пределы империи.

Идея о включении в конституцию подобного положения была подана султану Дамадом Махмудом и Кючюк Саидом в те дни, когда во дворце обсуждался проект, представленный султану уже после утверждения его кабинетом министров. Статья 113 проекта конституции предусматривала, что в случае возникновения беспорядков в какой-либо части империи правительство может объявлять в этих районах осадное положение и приоста-

навливать действие гражданских законов. Придворные предложили султану дополнить эту статью положением о том, что султан имеет право высылать за пределы империи лиц, образ действий которых будет признан вредным для безопасности государства. Это положение фактически обеспечивало султану возможность в любой момент расправляться со своими противниками в «конституционном порядке». Это предложение обсуждалось несколько дней. Султан колебался, но, конечно, не потому, что был не согласен с этим предложением. Абдул Хамид прикидывал, хватит ли у него сил заставить сторонников конституции принять такую поправку. 15 декабря султан принял решение настаивать на этом дополнении к ст. 113, заявив, что если кабинет министров не согласится с поправкой, то он откажется провозгласить конституцию. 16 декабря Мидхат-паша побывал во дворце и, вернувшись, сообщил о решении султана Намыку Кемалю и Зие. Оба энергично стали протестовать и требовать, чтобы Мидхат-паша принял решительные меры против внесения этого пункта в конституцию «В результате добавления этой статьи, — заявил Зия, — конституция сводится на нет. Впредь правительство будет опираться на конституцию, высылая за пределы страны кого угодно... Где видана такая конституция?» [цит. по: 222, стр. 345].

По словам одного из очевидцев событий, Мидхат-паша приложил много усилий, чтобы дополнение к ст. 113 не было включено в текст конституции, но не смог этого добиться [104, стр. 223]. Это было важное поражение конституционалистов. Султан и его приближенные выбрали очень удачный момент для удара. До открытия заседаний конференции держав оставались считанные дни, поддержки большинства в кабинете Мидхат-паша не имел, а об организации массовых выступлений он и его сторонники и не помышляли. Впрочем, такая возможность сама по себе была весьма проблематична. Одно дело — поднять софт на борьбу за идею конституции, освященную авторитетом ислама, но совсем другое — поднять население столицы и тех же софт на выступление против султана и его прав. И Мидхат-паше пришлось согласиться.

18 декабря в Стамбуле было объявлено о предстоящем провозглашении конституции. 19 декабря султан сделал еще один дипломатический маневр. Весьма

популярный в Европе Мидхат-паша был назначен на пост великого везира. Султан не ошибся: биржи Лондона и Парижа ответили на это решение немедленным повышением курса турецкой валюты.

22 декабря в доме Дамада Махмуда собрался кабинет министров для последнего обсуждения проекта конституции. На этом заседании противники конституции сделали последнюю попытку сорвать ее провозглашение. Дживдет-паша, которого поддержал ряд министров, заявил, что необходимость в провозглашении конституции отпала, поскольку на престоле монарх разумный и способный [125, стр. 84—85; 206, стр. 51—52]. Мидхат-паша резко ответил, что «свержение султана Абдул Азиза было совершено во имя такой священной цели, как стремление положить конец абсолютизму», а потому он подаст в отставку, если решение о немедленном провозглашении конституции не будет принято кабинетом [214, стр. 57]. Непримируемая позиция Мидхат-паши и предстоящее открытие конференции держав с участием Турции решили дело. Кабинет министров принял постановление о провозглашении конституции.

* * *

23 декабря 1876 г. в Стамбуле был дождливый день, однако на площади у здания Порты собралось множество людей, пришедших на церемонию официального провозглашения первой в истории Турции конституции. Около часа дня перед собравшимися появился первый секретарь султана Саид-бей. Он вручил Мидхат-паше султанский указ о провозглашении конституции и ее текст. Мидхат-паша передал эти документы главному секретарю Порты Махмуду Джебелялдину, который и зачитал их. Самого султана на церемонии не было. Его указ гласил, что конституция совместима с законами религии и является продолжением реформ, начатых султаном Абдул Меджидом, что она обеспечит свободу и равенство всех подданных империи. Указ обязывал великого везира проследить за неукоснительным соблюдением конституции во всей империи [255, стр. 381—382]. Мидхат-паша выразил благодарность султану за провозглашение конституции, которая будет способствовать прогрессу страны. Прозвучала молитва за здоровье султана. Прогремел салют из 101 пушки, возвестивший о

превращении Османской империи в конституционно-монархическое государство.

Эхо салюта громко отдалось под сводами зала, в котором в эти же часы начала свою работу конференция держав. Турецкий представитель Савфет-паша немедленно сделал делегатам торжественное заявление: «Великий акт, который совершился в этот момент, изменил форму правления, существовавшую в течение 600 лет: провозглашена конституция, которой его величество султан осчастливил империю» [162, стр. 107]. Савфет-паша заявил далее, что труды конференции теперь излишни, ибо все решает провозглашенная только что конституция. Представители держав не приняли такой гарантии, и конференция продолжала работу. Однако главная цель была достигнута; турецкая делегация, ссылаясь на новую конституцию, заняла непримиримую позицию, отвергая все предложения держав и ведя дело к срыву конференции.

Провозглашенная 23 декабря конституция была важнейшим политическим документом в новой истории Турции [см.: 78, т. II, стр. 355—383; 112, стр. 25—38; 199а, стр. 216—235]. Она торжественно провозглашала личную свободу и равенство перед законом всех подданных без различия вероисповедания, гарантировала безопасность движимой и недвижимой собственности, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей на основе закона, безусловное запрещение барщины, конфискаций и штрафов. Конституция провозглашала свободу печати, объявляла об обязательности начального образования. Всем подданным империи гарантировалось право занятия государственных должностей при условии знания турецкого языка, объявленного государственным языком империи. Конституция устанавливала создание двухпалатного парламента — сената из членов, пожизненно назначаемых султаном, и палаты депутатов, избираемой мужским населением империи (из расчета один депутат на 40 тыс. жителей). Депутатами могли быть избраны подданные империи, владеющие турецким языком, достигшие тридцатилетнего возраста, пользующиеся гражданскими правами, не находящиеся под следствием и не «претендующие на иностранное подданство». Конституция определяла, что палата депутатов имеет право принимать, отвергать или изменять различные постановления,

касающиеся финансов и конституции, и утверждать государственный бюджет. Однако даже эти скромные права палаты зависели от сената, который мог отвергать законопроекты, принятые палатой депутатов. Наконец, конституция определяла обязанности и права министров и государственных чиновников, провозглашала гласность и независимость судов и несменяемость судей. Статьи конституции, относившиеся к финансовым вопросам, устанавливали, что взимание налогов может производиться только на основе закона и что все государственные расходы должны определяться бюджетом; статья 100 особо подчеркивала, что всякие сверхсметные расходы могут производиться только после того, как будет принят специальный закон об этом расходе.

В ряде пунктов конституции отразилось стремление увековечить господство турок над угнетенными народами империи. Конституция объявляла всех подданных империи независимо от вероисповедания «османами»; статья 1 конституции объявляла, что Османская империя, включая все ее нынешние территории и автономные провинции, есть единое целое, которое не может быть разделено ни под каким предлогом. Стремление лишить угнетенные народности всякой возможности легальной борьбы за независимость отражала статья 71, которая гласила, что «каждый член палаты депутатов является представителем всех османов, а не исключительно того округа, которым он избран».

Провозглашенная конституция крайне широко определяла права султана. Те незначительные ограничения его власти, которые содержались в первоначальном проекте Мидхат-паши, были устранены²⁶. Добавление к ст. 113 делало власть султана совершенно неограниченной. Были в конституции и другие статьи, отличавшие ее от проекта Мидхат-паши. Так, в нее была включена статья о том, что ислам является государственной религией. Президент палаты депутатов назначался султаном, а не правительством, как это предусматривалось проектом. В проекте Мидхат-паши содержалась статья о том, что «османские подданные имеют право создавать на основе специального закона всякого рода торговые и промышленные общества, которые будут полезны ро-

²⁶ Был сохранен только пункт о том, что в случае роспуска палаты депутатов султан обязан в шестимесячный срок назначить новые выборы.

дине: в этом деле они будут удостоены всякого рода льгот со стороны правительства» [78, т. II, стр. 331]. Из этой статьи, отражавшей стремление «новых османов» к экономическому прогрессу страны, сохранилась в конституции только ее первая часть — о праве создавать торговые, земледельческие и промышленные общества. Положение о льготах из текста выпало.

Хотя конституция весьма мало ограничивала власть султана, она была важным прогрессивным явлением в истории Турции. Сам факт торжественного провозглашения буржуазных свобод (неприкосновенность личности и имущества, свобода печати и т. п.) и особенно создания парламента был серьезным шагом вперед в условиях феодально-султанского режима. Претворение в жизнь положений конституции могло бы в известной мере ограничить феодально-бюрократический произвол, царивший в стране.

Факты свидетельствуют о том, что сторонники конституции добились ее провозглашения, используя благоприятно сложившиеся политические обстоятельства, не прибегая к массовой борьбе за конституцию. Поддержки масс города и деревни в своей борьбе с феодально-абсолютистским режимом они и не искали.

Примечательно, что турецкое население в провинциях встретило конституцию без особого энтузиазма, о чем писали из разных районов страны русские консулы. Нетурецкое население отнеслось к провозглашению конституции крайне недоверчиво [см.: 50, л. 658, 661, 676; 49, л. 125; 39, л. 72].

Настроения турецкого и нетурецкого населения провинции довольно удачно охарактеризовал австрийский консул в Эдирне, который сообщал в Вену, что «многие не верят в новую конституцию; турки — так как не желают, чтобы христиане получили формальное равенство в правах, болгары — из-за боязни, что перевес в голосах получат мусульмане» [цит. по: 256, стр. 84]. Американский консул в Салониках высказывал в своем донесении примерно ту же мысль. Он писал 20 января 1877 г.: «Провозглашение конституции вызвало у турок чувство удивления, тревоги и безразличия. Удивление по поводу большого количества неясных вещей²⁷, тревогу по пово-

²⁷ Ахмед Мидхат справедливо отмечал, что большинство населения не знало и не понимало даже слов «конституция» и «парламент» [78, стр. 197].

ду предоставления равных прав христианам... Христиане же старались вовсе не думать об этом по той причине, что совершенно не верили [конституции]» [цит. по: 256, стр. 84—85].

В Стамбуле сторонники конституции предприняли ряд мер, чтобы усилить политическое звучание новой конституции. Они организовали вечером 23 декабря демонстрацию в поддержку конституции. Мидхат-паша демонстративно посетил армянского и греческого патриархов. Впервые в истории Турции великий везир посещал глав общин. Он говорил в этих беседах о необходимости сплочения всех народов Османской империи.

Султан Абдул Хамид, поддержанный феодально-клерикальной реакцией, вскоре начал готовить решительный удар по конституционалистам. После того как международная конференция в Стамбуле 20 января 1878 г. прервала свою работу, не приняв никаких решений, султан решил прежде всего расправиться с Мидхат-пашой. В начале февраля он был арестован и выслан за пределы империи. Эти дни с особой силой выявили отсутствие у конституционного движения прочной классовой опоры. Репрессии против сторонников конституции не вызвали сколько-нибудь серьезных выступлений в их защиту. Тем не менее султан и феодально-клерикальная реакция не рискнули сразу пойти на упразднение конституции. Абдул Хамид стремился использовать ее во внешнеполитических целях; немалую роль играло и то, что идеи конституции были весьма популярны среди части чиновничества и офицерства, стамбульских ремесленников и торговцев, учащейся молодежи столицы.

В 1877—1878 гг., в условиях начавшейся русско-турецкой войны, состоялись две сессии первого турецкого парламента.

Как отмечалось выше, еще до провозглашения конституции был выработан и 28 октября 1876 г. опубликован закон о порядке выборов депутатов. В провинциях депутатов избирали члены административных советов, в Стамбуле были проведены двухстепенные выборы: 40 избранных населением выборщиков избрали депутатов от Стамбула. Всего было избрано 119 депутатов (71 мусульманин и 48 немусульман). Среди депутатов были турки, армяне, греки, евреи, болгары, сербы, босняки, арабы и курды²⁸. Насколько можно судить по далеко

²⁸ В книге Р. Деверо приведены поименные списки депутатов

не полным и не ясным сведениям о роде занятий или профессии каждого депутата, среди депутатов-турок были главным образом отставные государственные чиновники (состоя на государственной службе, нельзя было быть депутатом), крупные землевладельцы и улемы, а также отдельные представители турецкого купечества и ремесленников. Среди депутатов-немусульман было немало представителей крупной торгово-ростовщической буржуазии.

Сессия парламента продолжалась до конца июня 1877 г. уже в обстановке начавшейся русско-турецкой войны. За это время были обсуждены законопроекты об организации муниципалитетов и об административном управлении вилайетов, о выборах в парламент и бюджете, о печати и отбывании воинской повинности немусульманами, об осадном положении, вопрос о мире с Черногорией. В прессе этого времени турецкий парламент часто стремились изобразить послушным орудием султана и двора. Это было далеко не так. Хотя депутаты и не выступали с прямой критикой султана и Порты, многие из них позволили себе довольно резко критиковать систему административного управления, порядки в судопроизводстве; в выступлениях ряда депутатов ставились вопросы, связанные со злоупотреблениями провинциальной администрации, а также отдельных крупных чиновников центральных ведомств. Наконец, в мае 1877 г. палата даже потребовала объяснений кабинета министров в связи с поражениями турецкой армии на фронте. 28 июня сессия была закрыта²⁹.

Несмотря на то что срок полномочий парламента не истек, осенью 1877 г. были проведены новые выборы в

двух созывов палаты, в которых указаны религиозная и этническая принадлежность, а в ряде случаев и профессия или род занятий [см.: 256, стр. 261—275]. В ряде работ называлась другая цифра избранных депутатов — 115. В данном случае мы исходим из наиболее полных и уточненных данных, приводимых Р. Деверо.

²⁹ Подробнее о работе этой сессии см.: [184, стр. 131—137; 256, стр. 186—207]. Р. Деверо обращает внимание на любопытный исторический факт. Принятый на этой сессии закон о выборах в палату депутатов действовал в несколько измененной форме еще в течение восьми избирательных кампаний, как в период младотурецкого режима, так и после победы национально-освободительного движения 1919—1923 гг., вплоть до выборов 1939 г. Таким образом, между первым «мидхатовским» парламентом и Великим национальным собранием Турецкой Республики существует не только историческая, но и прямая правовая связь.

палату депутатов, которые проходили в обстановке еще меньшей гласности, чем первые; по словам французского дипломата — очевидца событий этих дней, когда палата собралась, никто толком и не знал, как она была избрана [131, стр. 644]. В составе палаты этого созыва было 113 депутатов (64 мусульманина и 49 немусульман). Социальный и этнический состав палаты этого созыва был примерно тем же, что и состав палаты первого созыва. Но число оппозиционно настроенных депутатов оказалось в палате значительно большим, а тон их выступлений гораздо резче, чем в период работы первой сессии. На этот раз многие депутаты в своих выступлениях критиковали правительство. Достоин внимания то обстоятельство, что оппозицию возглавляли депутаты Измира — одного из тех районов Азиатской Турции, где быстрее шло развитие капиталистических отношений и существовала довольно сильная буржуазия.

Буржуазный характер парламентской оппозиции ярко проявился в конце января — начале февраля 1878 г. при обсуждении жалоб предпринимателей в связи с затяжкой решения в правительстве вопросов о предоставлении концессий на промышленное предпринимательство. Наконец, дело дошло до того, что палата депутатов стала ставить вопросы о недоверии великому везиру и ряду министров, вынудив султана даже пойти на смену кабинета и замену должности великого везира постом премьер-министра [см.: 184, стр. 138—145; 256, стр. 207—249].

Все эти события происходили в условиях катастрофического поражения турецких войск. Перед русской армией была открыта дорога на Стамбул. В январе—феврале 1878 г. резко обострилось недовольство населения турецкой столицы, вызванное военным поражением и все ухудшавшимся экономическим положением страны. Порта решила в этих условиях покончить с приносившим ей немало хлопот парламентом, заодно полностью развязав себе руки для переговоров с Россией о заключении мира. Султан давно ждал только повода, чтобы положить конец деятельности палаты депутатов — этого вызывавшего у Абдул Хамида постоянное раздражение детища мидхатовского либерализма. Последним мужественным актом парламентской оппозиции было выступление Енишехирлизаде Ахмед-эфенди на созванном 13 февраля 1878 г. под председательством самого сул-

тана чрезвычайном совете, в котором приняли участие министры, улемы, военные, а также представители сената и палаты депутатов. Рассматривались проблемы, возникшие в связи с угрозой наступления русской армии на Стамбул. Премьер-министр Ахмед Вефик предложил всем собравшимся высказать свое суждение о создавшемся положении и путях выхода из него. Когда очередь дошла до Ахмед-эфенди, то он заявил, что султану нужно было обращаться за советом значительно раньше, когда еще была возможность избежать бедствия, а теперь палата депутатов снимает с себя всякую ответственность за сложившуюся ситуацию [256, стр. 243]. Речь оппозиционного депутата вызвала страшный гнев султана, который в этот же день принял решение распустить палату. 14 февраля, за месяц до окончания срока сессии, палата депутатов, не обсудив даже бюджета, указом султана была распущена на неопределенный срок. Наиболее активных участников оппозиции выслали из столицы, некоторые депутаты, в частности Ахмед-эфенди, были даже на короткое время арестованы. Так закончил свою деятельность первый турецкий парламент.

Весной и летом 1878 г. имели место две попытки низложить Абдул Хамида и восстановить на троне султана Мурада. Одна из них, вошедшая в историю под названием «Чераганского инцидента», трагически окончилась 20 мая, когда Али Суави и большая часть созданной им группы заговорщиков погибли на месте схватки с войсками и охраной при попытке освободить Мурада из его заточения во дворце Чераган. Цели заговорщиков не очень ясны, хотя и можно предполагать, что Али Суави стремился восстановить в правах конституцию. Летом был открыт другой заговор против Абдул Хамида, который возглавляли чиновник Азиз-бей и биржевой делец, грек по происхождению Клеанти Скальери. Эта группа заговорщиков тоже пыталась освободить Мурада, организовав его побег, но была раскрыта. Часть заговорщиков была арестована и осуждена, некоторым удалось бежать за границу³⁰.

Эти две попытки государственного переворота, быв

³⁰ Весьма детально изучены все обстоятельства этих заговоров по архивным материалам известным турецким историком И. Х. Узунчаршылы, опубликовавшим ряд интересных статей в журнале Турецкого исторического общества [см.: 242; 243; 244; см. также: 184, стр. 145—147].

шие, возможно, слабыми отголосками конституционного движения, султану удалось ликвидировать с легкостью, ибо заговорщики были далеки от организации скольконибудь серьезного массового антиправительственного выступления. Эти заговоры никак не изменили главного — разгон парламента означал, по существу, полное поражение конституционного движения.

И все же Абдул Хамид не решился отменить конституцию. Многие годы, вплоть до конца XIX в., ее текст даже публиковался в официальных правительственных ежегодниках. А первое время после разгона парламента правительство и султан даже делали вид, что конституция действует и вот-вот вновь соберется палата депутатов. Примечательно, что созданный по конституции сенат даже пополнялся новыми членами до апреля 1880 г. [256, стр. 277]. Министр иностранных дел Савфет-паша писал 6 ноября 1878 г. в циркуляре, предназначенном для распространения через турецкие посольства в иностранной прессе: «Конституция Османской империи... не прекратила своего существования в качестве основного закона страны и остается в силе... Конституция обязательна для всех чиновников и должностных лиц, подчиняющихся воле султана... Султан постоянно заботится о благе и процветании народа, все его стремления и усилия направлены на восстановление порядка, который позволит полностью осуществить все положения конституции...» [256, стр. 249]. Султан и Порты лишь некоторое время формально продолжали признавать конституцию, рассчитывая на внешнеполитический эффект, стремясь прикрыть конституционным покровом быстро крепнувший деспотический режим. Мрачным парадоксом истории стал вскоре тот факт, что именно после провозглашения конституции Османская империя превратилась в арену самых кровавых злодеяний феодально-абсолютистской власти.

Поражение конституционного движения имело важные последствия для дальнейшей истории Турции. К. Маркс отмечал, что оно явилось одной из главных причин поражения Турции в войне 1877—1878 гг. «Наконец, — писал он В. Либкнехту 4 февраля 1878 г., — и это одна из главных причин их окончательного поражения, — *турки не сделали вовремя революцию* в Константинополе; таким образом, воплощение старого сервального режима, *Махмуд-Дамад*, зять султана, остал-

ся подлинным руководителем войны, а это абсолютно то же самое, как если бы русский кабинет прямо руководил войной против самого себя» [4, стр. 247].

Многие исторические причины обусловили поражение конституционного движения, но главной была крайняя слабость и узость его социальной базы. Силы, которые социально и политически были заинтересованы в укреплении конституционного режима, были еще очень слабы. Турецкая национальная буржуазия только зарождалась, ее экономические позиции в стране были весьма незначительны. Инонациональная буржуазия империи не поддержала турецких конституционалистов из-за широко пропагандировавшейся ими доктрины паносманизма. Поддержки широких масс города и деревни конституционалисты 60—70-х годов не имели, да они и не искали ее, делая в своей борьбе с феодально-клерикальной реакцией ставку не на массовое движение, а на заговоры против султана и правительства. Нерешительность и идейная непоследовательность возглавлявшей движение молодой турецкой интеллигенции была в этот период исторически предопределена тем, что она многими узами была еще прочно связана с феодально-помещичьей консервативной средой.

Историческое значение конституционного движения состоит в том, что оно стало для нарождавшейся турецкой национальной буржуазии первой серьезной пробой сил. В эти годы накоплен был некоторый опыт политической борьбы, который помог молодой турецкой интеллигенции, отражавшей интересы нового растущего класса, в ее дальнейшей борьбе с феодальным абсолютизмом. В этом смысле велико было и прогрессивное значение деятельности первого турецкого парламента, который стал для национальной буржуазии первой школой легальной борьбы за свои права. Весьма высоко оценил деятельность этого парламента Ф. Энгельс, писавший в июне 1877 г.: «Если бы только у нас в Германии был такой парламент, как в Константинополе!» [8, стр. 216].

Конституционное движение 60—70-х годов, пройдя в 1876—1878 гг. через радость побед и горечь поражений, оставило заметный след в истории, стало первой важной вехой на пути к буржуазно-парламентарной монархии в Турции. В эти годы фактически начали формироваться те силы, которые составили основу младотурецкого движения конца XIX — начала XX в. Именно в этом

смысле можно с полным правом назвать конституционное движение 60—70-х годов и деятельность «новых османов» прелюдией младотурецкого движения в рамках политической истории страны. Если же говорить об истории становления и развития идей, определявших содержание движения, то можно рассматривать конституционное движение как первый этап борьбы младотурок, которые в конце XIX в. начертали на своих знаменах все основные лозунги турецких конституционалистов 60—70-х годов.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕЙНЫЕ
ВОЗЗРЕНИЯ ТУРЕЦКИХ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ
60 — 70-х годов**

Конституционное движение 60—70-х годов XIX в., начатое «новыми османами», сыграло значительную роль не только в политической и общественной жизни Османской империи. Первые турецкие конституционалисты внесли немалый вклад в дело становления и развития буржуазно-либеральных идей и их распространения в своей стране. Именно идеи «новых османов» послужили основой социально-политической и идейной платформы младотурецкого движения. В этой связи заслуживают подробного рассмотрения взгляды «новых османов» и их главных идеологов — Намыка Кемалья, Зия, Али Суави и Мидхат-паши — по основным вопросам социальной, политической и культурной жизни Османской империи, их позиция в вопросах теории государства и права, религии, общественной морали.

Наиболее полное и четкое выражение политической программы и идейных воззрений «новых османов» мы находим на страницах их эмигрантской прессы, а также в ряде политических трактатов и литературных произведений лидеров и идеологов движения.

В газетных статьях и политических памфлетах идеологи «новых османов», в особенности Намык Кемаль и Зия, немалое место отводили вопросам происхождения государства и его роли в жизни человеческого общества.

Намык Кемаль считал, что государство проходит в своем развитии две стадии: вначале возникает общество, регулирующееся суммой правил, по которым члена-

ми общества достигнута определенная договоренность. На второй стадии, в результате разделения труда, возникает правительство. «Так как невозможно, чтобы общество выполняло все функции,— писал Намык Кемаль в газете „Хюрриет“ 20 июля 1868 г., — возникает необходимость избрать имама и сформировать правительство. А это есть не что иное, как представительство определенного числа членов общества для выполнения этих функций».

Эта схема Намыка Кемалья носит светский характер и выходит за пределы догматов ислама. Однако, решая проблему «добра» и «зла» в жизни человеческого общества, он утверждал, что эти понятия предопределяются шариатом — религиозным правом мусульман. «Когда выросли общества,— писал Намык Кемаль в „Хюрриет“ 24 августа 1868 г., — и образовались государства и правительства, возникла необходимость создать связующую нить, которая помогла бы каждому члену цивилизованного общества определять общественное мнение в делах общего правления. Этой связующей нитью был шариат — политический закон, служащий для совместного и строгого управления и защиты членов общества. Его толкование объясняется соглашением общества, но его основа — естественный закон. У нас этот естественный закон есть божественная справедливость, определенная в Коране». Шериф Мардин, цитируя это высказывание Намыка Кемалья, справедливо отмечает, что оно в сопоставлении с вышеприведенным мнением Намыка Кемалья о происхождении государства показывает смещение светского и религиозного начал в теории Намыка Кемалья, которое восходит к двойственной природе его мышления [264, стр. 293]. На наш взгляд, это характерно для большинства идеологов движения «новых османов», в идейных воззрениях которых, с большей или меньшей степенью отчетливости, переплелись религиозные и светские представления, догматы ислама и различные европейские теории происхождения государства и права, с которыми знакомились молодые турецкие интеллигенты в середине XIX в.

Намык Кемаль в своих теоретических высказываниях постоянно стремился к синтезу традиционно-мусульманских и буржуазно-либеральных идей и теорий в области общественного и государственного устройства. Так, Намык Кемаль принимал положение Монтескье о том, что

закон есть сумма отношений, идущих от самой «природы вещей». Принимая это положение и анализируя его, он в «Ибрет» доказывал, что эта мысль Монтескье не противоречит традиционной мусульманской концепции закона, ибо автором «природы вещей» был бог. Выказывание Вольтера о том, что «если бы бога не было, его следовало бы выдумать», Намык Кемаль рассматривал как доказательство того, что только религия может быть мерилем человеческих поступков [264, стр. 314, 318].

Двойственность подхода Намыка Кемалья к этим проблемам довольно ярко выразилась и в его оценке причин упадка Османской империи. С одной стороны, он в «Хюрриет» поддерживал традиционную для его времени и среды точку зрения, что этот упадок был результатом ослабления выполнения предписаний шариата. Намык Кемаль писал, что всякий раз, когда оказывались нарушенными принципы шариата, государство терпело урон. Он утверждал, что обеспечение будущего страны нужно искать на путях следования нормам шариата, так как шариат находится под защитой бога, а потому даже тираны не могут его изменить [87, 24.VIII.1868, стр. 2, 3]. С другой стороны, Намык Кемаль, видевший в нарушении предписаний шариата основную причину упадка Османской империи, перевел «Руины...» Вольтера, где автор утверждает, что империи приходят в упадок, если они не придерживаются естественных законов природы и разума. Переводя на турецкий язык это сочинение, Намык Кемаль как бы отдавал определенную дань признания и естественнонаучному объяснению причин упадка Османской империи.

Примерно та же двойственность характеристик в вопросах теории происхождения государства и права присутствовала в сочинениях Зии, идеи которого в этих вопросах были в общих чертах сходны с идеями Намыка Кемалья. Однако Зия придавал особое значение институту верховной власти и считал основной причиной упадка страны упадок верховной власти [264, стр. 340].

В своей статье в «Хюрриет» от 14 декабря 1868 г. Зия довольно подробно излагал свой взгляд на возникновение институтов власти в обществе. По мнению Зии, первоначальным был договор между людьми и избранными ими судьями [87, 14.XII.1868, стр. 7—8]. Такая теория общественного договора шла вразрез с мусульманской теорией первоначального договора между людьми

и богом [264, стр. 346—347]. В этих высказываниях Зии несомненно ощущается влияние идей, содержащихся в переработанном им «Эмиле» Руссо, произведении, насыщенном идеями о «социальном договоре» и «общей воле». Влияние идей «Эмиля» Руссо ощущается и в том, что, говоря о первоначальном договоре между людьми и судьями, Зия определял роль судьи как роль платного слуги общества, постоянно ответственного перед обществом [87, 14.XII.1868, стр. 7—8]. Это перекликается с идеей Руссо, который говорил в «Эмиле», что народ не может без условий отдать принадлежащую ему власть. Шериф Мардин отмечал, что теории Зии о процессе становления общества весьма напоминают, в частности, и анализ этого процесса, содержащийся в другом произведении Руссо — «Рассуждение о происхождении неравенства» [264, стр. 344].

Хотя идеологи «новых османов» не создали самостоятельной теории государства и права, их попытки перенести на турецкую почву идеи прогрессивных европейских мыслителей, в частности идеи французских просветителей, были значительным, качественно новым шагом в истории общественной и политической мысли в Османской империи. Их работы выводили молодую турецкую интеллигенцию за пределы традиционных мусульманских представлений в тех важных вопросах, от понимания и решения которых зависела в значительной мере идейная и политическая направленность конкретной деятельности «новых османов», ставивших своей целью экономический, политический и культурный прогресс Османской империи.

Важное теоретическое значение для формирования политической программы конституционного движения имело положение о неотчуждаемости верховной власти, впервые в Турции обоснованное в работах Намыка Кемала. Он утверждал, «что право верховной власти принадлежит всем» [87, 20.VII.1868, стр. 1]. Эту идею Намык Кемаль подробно развивал в серии статей под названием «Письма о конституционном режиме». Здесь он утверждал, что нормальное существование государства должно основываться на согласии его граждан, которые от природы наделены определенными правами, а функция государства — обеспечение этих прав. Принадлежащее народу право верховной власти передается определенной группе лиц разными способами, но лучшей формой госу-

дарства является та, что в меньшей степени угрожает свободе личности [см.: 251, стр. 210—211].

Характеризуя эти высказывания Намыка Кемалья, Ниязи Беркес справедливо отмечал, что доктрина естественного права не существовала в философской и правовой системе ислама, а потому Намыка Кемалья следует считать одним из первых, а может быть, по словам Н. Беркеса, и первым мусульманином, понявшим сущность либерализма и значение власти народа [251, стр. 211].

Сознавая необходимость согласовать все эти идеи с нормами ислама, Намык Кемаль утверждал, что законность политической власти должна обеспечиваться выполнением двух условий: она должна основываться на согласии народа, а также осуществляться в соответствии с законом, основанном на абстрактном понятии «добра». Но, как отмечалось выше, сами понятия «добра» и «зла» предопределены, по мнению Намыка Кемалья, шариатом. «В исламе добро и зло, — писал Намык Кемаль, — определены шариатом, который является выражением абстрактного добра и наивысшим критерием правды» [251, стр. 212]. Отсюда напрашивается логический вывод о том, что естественное право народа обеспечивается религиозным правом ислама. Правда, как отмечал Н. Беркес, совместимость доктрины естественных прав и шариата не всегда присутствовала во взглядах Намыка Кемалья, который уже в 1872 г. в статье «Право» отошел от своих прежних убеждений относительно доктрины естественных прав [251, стр. 212].

Исключительно большое значение придавали идеологи конституционного движения обоснованию теоретической совместимости принципов и норм шариата с идеей конституционного управления. Стремление согласовать либеральный реформизм с нормами и принципами ислама было одной из наиболее характерных черт идеологии «новых османов». Весьма четко выразил эту идею Намык Кемаль, говоря о необходимости соединить религиозные принципы Востока и научные достижения Запада [76, стр. 5].

Огромная роль ислама во всех областях политической и общественной жизни Османской империи в XIX в. общеизвестна. Естественно, что деятели молодого турецкого буржуазно-либерального движения сами были верующими мусульманами. Однако гораздо важнее тот исто-

рический факт, что они стремились сделать религий активным союзником в осуществлении своих общественно-политических идеалов. К. Маркс был глубоко прав, когда писал Ф. Энгельсу 25 мая 1876 г.: «Ты помнишь, что недавно, когда мы говорили о Турции, я указал тебе на возможность возникновения среди турок пуританской партии (опирающейся на Коран). Это теперь осуществилось» [3, стр. 13].

На страницах эмигрантской прессы и в различных публицистических произведениях «новых османов» постоянно и настойчиво пропагандировалась идея о полном соответствии установлений ислама и принципов конституционного управления. «Наш шариат,— писала „Хюрьриет“,— базируясь на конституционных принципах в делах всенародного управления, несовместим с произволом» [87, 9.XI.1868, стр. 3]. В этой же газете Намык Кемаль писал 7 сентября 1868 г.: «Мы требуем конституционного управления. Мы требуем создания палаты депутатов... Это наше требование мы основываем на религии» [87, 7.IX.1868, стр. 8].

В 1868 г. один из видных турецких государственных деятелей, Тунуслу Хайреддин-паша, примкнувший к движению «новых османов», опубликовал ставшую в тот период весьма широко известной брошюру под названием «Реформы, необходимые для государств мусульманских», в которой весьма значительное место уделил рассмотрению вопроса о совместимости догматов ислама и конституционной реформы¹. «Все авторы,— писал Т. Хайреддин-паша,— которые писали о политико-религиозных вопросах мусульманской юриспруденции, единодушны в имеющем силу закона толковании, что само перепоручение большинства функций суверена не является ограничением суверенитета, но, наоборот, составляет одно из суверенных прав, принятых мусульманской религией. Речь идет только о том, чтобы развить старый принцип империи» [128, стр. 25].

В иной форме ту же мысль высказывал и Али Суави, заявлявший, что в соответствии с основными принципами ислама общественными делами следует руководить при помощи общественного обсуждения [134, ч. I, стр. 225].

¹ О Тунуслу Хайреддин-паше и его сочинении см.: [257, стр. 200—202; 262, стр. 66—69; 264, стр. 385—395; 255, стр. 228—231].

Али Суави считал, что ислам вполне пригоден в условиях современного ему мира, в котором возникли новые экономические и политические учреждения, что все необходимое обществу может быть почерпнуто из положений мусульманской религии. Шериф Мардин отмечал, что политические убеждения Али Суави базировались на положениях Корана и раннего ислама, что он вообще был пуристом, идущим к самым истокам ислама, человеком, считавшим, что упадок мусульманских государств начался с отделения дел государственных от религии [264, стр. 374]. Намык Кемаль писал в «Ибрет» в 1872 г., что «Османское государство основано на религиозных принципах, и, если эти принципы будут нарушены, в опасности будет политическое существование государства» [цит. по: 255, стр. 226]. Намык Кемаль прямо говорил, что если бы ему довелось участвовать в выработке проекта конституции, то он бы потребовал, чтобы на каждую его статью была получена соответствующая фетва — постановление шейх-уль-ислама, узаконивающее какое-либо государственное решение на основе положений Корана [87, 14.IX.1868, стр. 7].

Конечно, ссылки на авторитет религии были важны и в практических целях политической борьбы. Все это сыграло существенную роль в борьбе за конституцию в 1876 г. Однако было бы неправильно видеть во всех этих высказываниях идеологов «новых османов» лишь стремление обеспечить себе поддержку влиятельного духовенства. Подобное объяснение означало бы несколько упрощенный подход к анализу идеологии движения. Правильнее было бы в этой связи видеть в идеологии турецких конституционалистов 60—70-х годов некоторые черты, перекликавшиеся с идеями мусульманской реформации — течения, которое в 70-х годах XIX в. стало частью буржуазно-национального движения в Египте, а позже, в конце XIX в., переросло в самостоятельное движение за реформу ислама [см.: 172, стр. 110—139; 157, стр. 7—12]. Во всяком случае, и в идеологии «новых османов» и в воззрениях египетских мусульманских реформаторов налицо стремление доказать, что ислам вполне пригоден в качестве идейной основы для организации управления государством в новых социальных условиях.

Идеологи конституционного движения 60—70-х годов находились под заметным влиянием идей просветительства. В эти годы такие идеи были постоянно на переднем

плане в системе идейных воззрений «новых османов», они выдвигались ими как важнейший инструмент в борьбе за социальный и культурный прогресс.

В своих работах Намык Кемаль сам называл тех европейских мыслителей, которые оказали влияние на его взгляды: Монтескьё и его «Дух законов», Руссо и его сочинение «Об общественном договоре», Вольней и его исторические сочинения, Локк и его труды [см.: 264, стр. 332—333]. Влияние идей этих крупнейших представителей европейского просветительства XVIII в. определенно ощущается во многих теоретических рассуждениях Намыка Кемалья и Зии. В частности, приведенные выше их высказывания о том, что первоначально государство возникло в результате добровольного соглашения людей, есть, по существу, отражение просветительской теории общественного договора. Идея о том, что верховная власть принадлежит народу, взята Намыком Кемалем из сочинения Руссо «Об общественном договоре», в котором содержалось подробное обоснование верховной власти народа, неотчуждаемого народного суверенитета. Другое важное положение в теоретических воззрениях Намыка Кемалья — идея о разделении законодательной и исполнительной власти (об этом ниже) — результат влияния трудов Монтескьё.

Влияние просветительских идей ощущается и в вере Намыка Кемалья в изначальную гармонию, существовавшую в природе и человеческом обществе. «Порядок осуществляется, — писал он, — гармонией, которая изначальна заложена в вещах. Если бы малейшее колесо на фабрике вышло из строя, пострадали бы все ее части; если бы самый маленький спутник Юпитера изменил свой обычный путь, условия, регулируемые Солнцем, были бы абсолютно нарушены» [цит. по: 264, стр. 306].

Изучение трудов Руссо, Вольтера и Монтескьё оказало, несомненно, огромное влияние на формирование политических идей первых турецких конституционалистов, поскольку именно в сочинениях этих выдающихся мыслителей своего времени содержалась резкая критика феодального абсолютизма и пропагандировались идеи конституционной монархии. В частности, близкое знакомство с трудами Монтескьё, который «боролся против абсолютизма, фигурировавшего у него под именем деспотизма, за ограниченную, т. е. конституционную, монархию» [156, стр. 273], сыграло значительную роль в определении по-

литической программы турецкого конституционного движения.

Под несомненным влиянием просветительства сформировались и взгляды Зии на причины экономического и политического прогресса, которые приписывались им безличным силам истории. Вот что писал он в «Хюрриет» 6 июля 1868 г.: «Так как нынешний век есть время человеческой молодости, идеи свободы распространяются по земле подобно потоку, вырвавшемуся из своих берегов; так что никакие средства защиты, к которым прибегают тираны,— аресты, ссылки и даже казни — не могут быть плотиной, которая могла бы сдержать этот поток» [87, 6.VII.1868, стр. 2].

Следуя принципам европейских просветителей XVIII в., идеологи «новых османов» рассматривали просвещение народа как основной инструмент социального, политического и культурного прогресса человечества. Общую идею турецких просветителей Намык Кемаль выразил так: «Просвещение в наш век — источник жизни каждого народа» [76, стр. 17]. Он же постоянно подчеркивал, что просвещение и образование явились основой всех экономических и культурных успехов Европы того времени [76, стр. 44—45].

Зия писал в одном из своих стихотворений:

Если ты хочешь познать мир,
Изучай язык Европы,
Наука там в почете,
И ты не избегай знаний.
Надо знать тамошнюю науку;
Оставь фанатизм и суеверия!
Не познав ее, чельзя стать поэтом,
Изучая языки, никто не станет гяуром.
Если ты любишь свою страну,
Приложи усилия, получи образование.
Сделай для народа побольше переводов,
Чтобы он воспользовался ими

[цит. по: 163, стр. 24—25].

Али Суави в стамбульском издании «Мухбир» писал в январе 1867 г. о необходимости догнать Европу по уровню образования. Он прямо говорил, что нужно воспользоваться накопленным Европой запасом знаний для обеспечения материального прогресса Османской империи [264, стр. 369].

Тема необходимости глубоко изучать и использовать

в конкретных условиях своей страны все важнейшие достижения науки и культуры европейских стран постоянно звучала во всех статьях «новых османов», в которых затрагивался вопрос о причинах экономической и культурной отсталости Османской империи. «Новые османы» считали, что именно культурная отсталость Османской империи, необычайно плохая постановка дела народного образования и просвещения были важнейшим препятствием на пути экономического и культурного прогресса их страны. «Одна из основных причин отсталости нашего народа,— писал Зия,— недостаточное развитие образования и знаний». При этом он конкретизировал свою мысль, указывая, что в Османской империи на нужды образования ассигнуются суммы, едва достаточные для выплаты жалования чиновникам ведомства просвещения и самых незначительных прочих расходов [77, стр. 62—63].

Большое значение вопросам организации народного образования придавал Мидхат-паша. Так, будучи генерал-губернатором Дунайского вилайета, он направил в министерство просвещения записку, в которой доказывал чрезвычайную важность практического осуществления всеобщего начального образования. Он предлагал, в частности, для улучшения преподавания в светских школах (рюштие) расширить круг изучавшихся в них дисциплин, преподавать иностранные языки [88, стр. 75—85].

«Новые османы» обращали большое внимание на резкий разрыв в развитии культуры и образованности между мусульманско-турецким и христианским населением Османской империи. Известно, что, несмотря на экономический и политический гнет, немусульманское население империи, особенно болгары, армяне и греки, используя исторически сложившееся право религиозных общин Османской империи на школьную автономию, добились значительно больших, чем турки, успехов в образовании. Примечательно, с какой горечью писал об этом Зия. Он отмечал, что среди армян и греков редко найдешь ребенка, который не умеет к десяти годам читать и писать на родном языке, тогда как среди турок и в 15 лет очень немногие могут написать по-турецки пару строк или прочитать газету [87, 27.VII.1868, стр. 3].

Все эти идеи «новых османов» несомненно определили ту атмосферу, в которой в сентябре 1869 г. был издан Органический закон о народном образовании, в под-

готовке которого участвовал и один из деятелей движения «новых османов», видный турецкий просветитель Тевфик Эбуззия. 60—70-е годы XIX в. стали в полном смысле этого слова переломным периодом в истории просвещения в Турции, и заслуга «новых османов» и их идеологов в этом весьма значительна [см.: 159, стр. 34—63]. Влияние идей турецких просветителей нашло свое отражение и в факте создания в 1865 г. «Просветительского мусульманского общества», которое открыло в Стамбуле несколько начальных школ и основало в 1873 г. свой лицей. Примечательно, что в одной из начальных школ этого общества до эмиграции преподавал турецкое письмо Намык Кемаль.

Борьбу за развитие народного образования Намык Кемаль продолжал буквально до последних лет своей жизни. Уже после поражения конституционного движения, будучи ссыльным чиновником на о-ве Мидилли (Лесбос), Намык Кемаль в представленной им в 1880 г. Абдул Хамиду II записке о нуждах острова и его населения прежде всего обращал внимание султана на крайне неудовлетворительное состояние народного образования на острове. Намык Кемаль с горечью писал, что, в то время как просвещение играет выдающуюся роль в прогрессе человечества, школы на острове находятся в «достойном сожаления состоянии, а абсолютное большинство населения неграмотно». Отмечая и здесь более высокий уровень образованности среди христиан — жителей острова, Намык Кемаль подчеркивал, что их обучением заняты общины, а турецкими школами ведают правительственные органы, которые ограничивают заботу о них лишь выплатой жалованья чиновникам. Намык Кемаль предлагал осуществить на практике закон об обязательном начальном обучении, открыв начальные школы в каждой деревне, расширить программу средних школ первой ступени — рюштие, создать ремесленные училища [120, стр. 246—249].

Исключительно большое внимание «новые османы» в газетах и публицистических произведениях уделяли конкретной характеристике экономического и политического положения Османской империи и определению путей, по которым должно пойти ее прогрессивное развитие.

Первые турецкие конституционалисты весьма подробно рассматривали в своих работах экономическое положение Османской империи, подчеркивая, что оно все бо-

лее ухудшается. Намык Кемаль отмечал в «Хюрриет» 10 августа 1868 г., что сельское хозяйство, ремесло и торговля находятся в стране в полном расстройстве и упадке, хотя природные условия благоприятствуют их развитию. Зия писал в 1869 г., отмечая, насколько разорена страна, что Анатолия «похожа на место пожарища: где ни пройдешь — всюду разрушенные села, руины» [77, стр. 12].

«Новые османы» считали, что основными внутренними причинами такого экономического положения страны были непосильные налоги и методы их взимания, ростовщичество и произвол администрации. Говоря о существовавших в этот период налогах, «новые османы» отмечали, что размеры их совершенно непосильны для народа, разоряют его. Намык Кемаль писал, что налоги доводят дело до того, что «население многих мест питается древесной корой и травами» [87, 31.VIII.1868, стр. 1]. Злоупотребления, которые имели место при сборе поземельного налога — ашара, косвенных налогов и прочих податей, при проведении рекрутского набора, указывал Зия, разорили население: «Подобно тому как до танзимата каждая область была в руках нескольких феодалов, так теперь они находятся в руках влиятельных лиц и членов меджлисов (местные административные советы при губернаторах. — Ю. П.). Эти лица угнетают и притесняют народ так, как им хочется» [77, стр. 12—13].

«Новые османы» резко выступали против откупной системы сбора налогов, справедливо считая ее одной из основных причин разорения крестьянства и упадка сельского хозяйства. Зия, в частности, отмечал, что откупная система взимания ашара буквально разоряет население, ибо в результате произвола откупщиков десятина превращается в восьмую, седьмую и даже в пятую часть урожая. Столь же резко писал Зия о ростовщичестве, ярко описывая, как, попав раз в сети ростовщика, крестьянин не может из них выбраться до конца своих дней [77, стр. 55—56, 58—59].

Некоторые факты позволяют высказать предположение, что «новые османы» считали необходимой отмену основного налога — ашара. В частности, Намык Кемаль, отмечая тяжесть этого налога, высказывал мнение о том, что его надо упразднить за счет увеличения других налогов [223, стр. 246—247]. Мидхат-паша, будучи генерал-губернатором Багдадского вилайета, заменил натураль-

ный налог с урожая финиковых плантации денежным налогом [135, т. V, стр. 304].

Как видно, аграрная программа «новых османов» была в целом довольно умеренна. Она не шла дальше отмены откупной системы и ограничения ростовщичества. Кроме этого, «новые османы» ратовали за применение достижений науки в сельском хозяйстве. Намык Кемаль предлагал использовать достижения сельскохозяйственной науки в Европе, создавать показательные хозяйства [223, стр. 246].

Говоря о положении промышленности страны, «новые османы» подчеркивали, что ее развитию мешали деспотический режим и конкуренция иностранных товаров. Так, Зия писал, что причиной упадка ремесла и торговли в Османской империи были деспотический режим в стране и иностранная конкуренция [87, 3.V.1869, стр. 8]. Касаясь причин упадка местной промышленности, Кемаль отмечал: «В то время как с импортных товаров взималась таможенная пошлина в размере 5%, с товаров внутреннего производства взималось 8%, — словно специально задались целью разрушить нашу промышленность» [87, 31.VIII.1868, стр. 1].

Отражая интересы нарождавшейся турецкой национальной буржуазии, «новые османы» ставили весьма резко вопрос о ликвидации капитуляционных привилегий иностранцев, а также о пересмотре неравноправных торговых договоров Османской империи с европейскими державами. Примечательно, что они решительно выступали против права иностранных подданных владеть землей в Османской империи, которое было установлено в 1867 г. «Новые османы» полагали, что это решение султанского правительства означало в условиях экономической и политической слабости страны откровенное пренебрежение интересами развития собственной промышленности, сельского хозяйства и торговли [87, 16.XI.1868, стр. 2].

«Новые османы» считали, что губительное воздействие на экономику страны оказывает финансовая политика правительства. Они во всех своих статьях утверждали, что бесперывные внешние займы ухудшают и без того тяжелое экономическое положение страны. «Новые османы» беспощадно критиковали правительство за то, что оно после Крымской войны заключило ряд крупных займов. Зия писал: «Ввиду того что в качестве основно-

го принципа действий было избрано положение о том, что вне займов нет ни жизни, ни спасения для Османского государства, погашение займа производилось при помощи новых займов, что подобно выкапыванию новых, еще больших ям для засыпки старых. Финансовые операции сегодня в таком состоянии, что государственная казна вынуждена ежегодно треть или, возможно, половину доходов выделять на уплату процентов и капиталов по займам и почти половину этой суммы отправлять за границу, между тем как ввиду дурного управления империя разорена, а народ несчастен» [94, стр. 47—48]. И далее Зия отмечал, что ввиду такого положения чиновники не получают жалованье по 8—10, а армия — по 15—20 месяцев, государственный аппарат разлагается, а в плохо снабжаемой и отвратительно обмундированной армии царит воровство [94, стр. 49].

В одном из номеров «Хюрриет» была напечатана статья, в которой говорилось, что займы делаются кучкой сановников, без учета мнения нации, без согласия народа. В статье подчеркивалось, что эти займы выгодны лишь европейским банкирам и их стамбульской агентуре, что занятые средства идут на удовлетворение прихотей султана и его министров, а не на нужды государства [87, 16.XI.1868, стр. 1—2].

«Новые османы» считали, что именно султан и его правительство виновны в тяжелом финансовом положении страны. Так, газета «Инкиляб» отмечала, что за десять лет царствования султан Абдул Азиз увеличил долг страны с 7 млн. до 100 млн. лир. «Браво его усилиям!» — иронически восклицала газета [230, т. I, стр. 519].

«Новые османы» полагали, что доходы страны могут резко возрасти, если будут приняты меры для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, если правительство будет серьезно заботиться об экономическом прогрессе, вместо того чтобы пытаться разрешить экономические трудности с помощью внешних займов.

Таким образом, «новые османы» в своих выступлениях по вопросам экономического положения выдвинули ряд прогрессивных, хотя и ограниченных, требований, направленных на развитие экономики империи².

² В упомянутой выше записке Намыка Кемаля султану Абдул Хамиду II о положении о-ва Мидилли в сущности изложена на

Основным политическим средством, которое может обеспечить экономический и культурный прогресс Османской империи, «новые османы» считали превращение ее в конституционную монархию. Намык Кемаль, в частности, писал в «Хюрриет» 17 августа 1868 г., что режим конституционного управления создаст необходимые условия для использования естественных богатств страны, развития промышленности и торговли, охраны общественного богатства и ликвидации злоупотреблений государственной казной [87, 17.VIII.1868, стр. 3]. «Новые османы» говорили и писали о конституции как о своеобразной панацее от всех бед страны. «Только принятие конституционного управления,— утверждал Намык Кемаль,— будет способно уничтожить существующий деспотизм и расточительность и устранить недоверие народа» [87, 20.VII.1868, стр. 3—4].

«Новые османы» не отрицали известного прогрессивного значения танзиматских реформ, в результате которых, по словам Намыка Кемалья, в Османской империи начали пробиваться «ростки прогресса» [109, стр. 24]. Однако «новые османы» постоянно подчеркивали, что эти реформы не решили важнейшие проблемы страны, не ликвидировали бесконтрольность правительства [234, стр. 845]. Довольно резко критиковал, в частности, танзиматский хатт 1856 г. Зия. Говоря о провозглашенном этим указом равенстве всех подданных империи, Зия с горечью отмечал, что это равенство — ничего не значащее слово до тех пор, пока высшие власти Стамбула утопают в роскоши, а бедняки Измита вынуждены топить своих детей, не имея средств на их содержание [87, 5.XI.1868, стр. 3].

Впервые конкретная программа конституционных реформ в Османской империи была изложена «новыми османами» в газете «Хюрриет» в 1868 г. Уже в первом ее номере, выпущенном 29 июня 1868 г., «новые османы» заявили о необходимости установления контроля за действиями правительства посредством конституционного управления и выдвинули требование о разделении законодательной и исполнительной власти. В этом же номере «Хюрриет» Намык Кемаль теоретически обосновал эти

конкретном материале жизни острова примерно та же программа развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, которая была сформулирована в 60-х годах в политической публицистике «новых османов» [см.: 186, стр. 184—187].

требования. Утверждая, что свобода дана людям богом, он говорил, что общество может быть свободным только тогда, когда члены его уверены в своих личных и политических правах. Соблюдение личных прав должно обеспечиваться беспристрастными судьями, а обеспечение политических прав зависит от разделения власти и установления конституционного управления [87, 29.VI.1868, стр. 3—4]³.

«Новые османы» в целом выступали за парламентарную конституционную монархию. Большинство наиболее видных деятелей конституционного движения было согласено с идеей создания парламента в качестве выборного законодательного органа. Однако конкретное содержание проектов конституции и системы будущего парламентарного устройства Османской империи определялось различными деятелями движения по-разному.

Намык Кемаль считал, что парламент должен принимать решения по важнейшим политическим вопросам, с последующим утверждением их султаном, а правительство должно исполнять эти решения.

Конкретный план Намыка Кемалья исходил из того, что будущая турецкая конституция должна иметь своим образцом французскую конституцию периода второй империи (1851—1870). Как известно, представительные учреждения Франции этого периода состояли из трех палат: Законодательного корпуса, который избирался населением и не имел права законодательной инициативы, сената, состоявшего из назначаемых императором членов из числа высшей знати и духовенства, и, наконец, Государственного совета, который разрабатывал законы на основе проектов императора [148, стр. 561]. Намык Кемаль в «Хюрриет» писал, что конституция второй империи, которая принесла Франции благополучие, вполне подходит для Османской империи [87, 14. IX.1868, стр. 7]. Несколько позже, в 1872 г., он говорил в «Ибрет», что для примера может быть взята и бельгийская конституция [264, стр. 311]. Следуя французской модели, Намык

³ Заметим, что Шериф Мардин считает, что термин «усул-у мешверет» Намык Кемаль чаще употреблял в значении «правления представителей» и реже в значении «конституционализм» [264, стр. 309]. Вряд ли от этого меняется существо дела. В этом случае может идти речь о том, что употреблялся термин, форма которого была наиболее близка идее соответствия конституционного управления догматам ислама.

Кемаль предлагал создать три органа власти — Государственный совет (шура-и девлет) из 40 или 50 назначаемых султаном членов, который должен вырабатывать законы; выборное Национальное собрание или палату депутатов (шура-и уммет) для утверждения законопроектов, выработанных Государственным советом, и для контроля над бюджетом; сенат (меджлис-и айян), который утверждает законы, принятые палатой депутатов [см.: 87, 21.IX.1868, стр. 6; 251, стр. 213; 255, стр. 224—225; 264, стр. 311]. Примечательно, что сенат, в который, по мысли Намыка Кемалья, войдут принцы, видные улемы и военачальники, должен был быть своеобразной гарантией неприкосновенности парламентарного режима. Намык Кемаль прямо говорил, что составленный таким образом сенат нужен для защиты конституции и палаты депутатов [230, т. I, стр. 362]. Это его высказывание показывает, насколько далеки были даже весьма радикальные деятели конституционного движения от опоры на массы в борьбе за конституционные преобразования. Опору будущей палаты депутатов они видели не в народе, а в сенате, состоящем из представителей высшей знати и духовенства.

В среде турецких конституционалистов были и другие проекты осуществления конституционных реформ. Так, Халиль Шериф-паша в мае 1876 г. доказывал русскому послу Н. П. Игнатьеву, что к Османской империи того времени вполне может быть применен проект конституции, который был выработан для Франции Эммануэлем Жозефом Сиейесом при Людовике XVI [20, л. 225]⁴.

Иным было отношение к проектам конституционной реформы у Зии Он, как и Намык Кемаль, считал, что Османская империя нуждается в создании парламентарного режима. Но, говоря о нем, он акцентировал все внимание на том, чтобы подчеркнуть неизбежность прав монарха. Предлагая создать национальное собрание — палату депутатов, он тут же подчеркивал, что «законная независимость монарха» не будет сокращена. «Так как национальная ассамблея, — писал Зия, обращаясь к султану, — о которой думает Ваш слуга, не перешагнула за пределы установлений шариата, то при новой системе

⁴ Э. Ж. Сиейес — видный деятель французского просвещения и один из руководителей партии конституционалистов в Учредительном собрании Франции в период революции 1789 г.

независимость султана будет связана так же, как она связана религиозным законом. Например, стоит ли, чтобы министры были ответственны перед национальным собранием за свои действия, которые можно было бы считать ущемлением Вашей воли? Можно ли считать знаком Вашей независимости свободу министров угнетать народ и грабить казну? Хотели бы Вы такую независимость?» [87, 11.X.1869, стр. 2].

Зия был представителем той части турецкой чиновничьей интеллигенции, которая была за весьма умеренную конституционную реформу и представляла себе парламент чем-то вроде совещательного органа при султани, призванного ограждать монарха от «дурного влияния» корыстолюбивых сановников. Более радикальное крыло, возглавлявшееся Намыком Кемалем, видело в конституции и палате депутатов путь к полной ликвидации феодального абсолютизма. Эти течения в среде «новых османов» отчетливо проявились в двух одноименных произведениях Зии и Намыка Кемалю.

Зия в небольшом публицистическом произведении «Сон», написанном в эмиграции, изображал султана Абдул Азиза в виде доброго монарха, обманутого дурными и алчными сановниками. Хотя в начале этого сочинения идет речь о необходимости созыва парламента и ответственности министров и т. д., далее на первый план в качестве основного средства решения всех проблем государства выдвигается идея смещения ненавистного «новым османам», и особенно лично Зие, великого везира Али-пашы [77, стр. 8—9, 15—16, 23]. Основная мысль автора состояла в том, что достаточно устранить плохих сановников, как султан сам созовет палату депутатов и наступит эра всеобщего благоденствия. М. Дж. Кюнтай отмечает, что это произведение Зии, публиковавшееся в ряде номеров «Хюрриет» в октябре 1869 г. под названием «Султан Абдул Азиз-хан — Зия-бей — Али-паша», сразу же вызвало беспокойство Намыка Кемалю [230, т. I, стр. 432]. Он имел основания быть озабоченным. Зия явно стремился внушить читателям «Хюрриет» веру в «доброе султана», обманутого сановниками.

В противоположность этому Намык Кемаль в своем «Сне» грезил не о «добром султани», а о явлении людям «феи свободы», освобождающейся от сковывавших ее цепей [107, стр. 20—21]. Это произведение Намыка Кемалю звучало как страстный призыв к свободе, гимн

борьбе с тиранией. Турецкая молодежь воспринимала это произведение Намыка Кемаля как своеобразный манифест свободы. Не случайно «Сон» Намыка Кемаля тайно размножался и распространялся среди турецкой молодежи [213, стр. 34].

Можно предположить, что Намыку Кемалю не были чужды и республиканские идеи. Так, в одной из статей в «Хюрриет» он писал, что, хотя не может быть и речи об установлении республики в данных конкретных условиях Османской империи, тем не менее сама идея республики в принципе не может отрицаться. «Разве ислам не был своего рода республикой, когда он возник?» — замечал Намык Кемаль [87, 14.IX.1868, стр. 6]. Сын и биограф Намыка Кемаля Али Экрем даже считал, что если бы реформы осуществлялись исключительно в соответствии с мнением Намыка Кемаля, то Османская империя после установления конституционной монархии стала бы и республикой [213, стр. 56]. В этом есть, конечно, немало преувеличения, но сам факт, что Намык Кемаль не отрицал республиканскую форму государственной власти в принципе, достоин внимания. Примечателен и такой факт. Хотя Мидхат-паша — отец первой турецкой конституции — никогда не выступал с идеей превращения Османской империи в республику, он также проявлял интерес к этой форме государственного устройства. Во всяком случае, Мидхат-паша обсуждал республиканскую форму правления в своей переписке с известным французским буржуазным республиканцем Гамбеттой⁵. Турецкий исследователь Кенан Акюз считает, что издатели «Инкиляб» Мехмед-бей и Хюсейн Васфи-паша высказывались за республиканскую форму государства [248, стр. 488].

Весьма сложна и своеобразна позиция Али Суави в этих вопросах. Он не всегда был последователен в своем отношении к парламентарному режиму. 6 февраля 1868 г. он выступил в «Мухбир» со статьей «Государство не может существовать без представительной палаты», а позже высказывал мнение о том, что простое уничтожение плохих министров возродит присущую исламу систему справедливости, что основанная

⁵ Об этом пишет в воспоминаниях, изданных в Стамбуле в 1946 г., Али Хайдар Мидхат — сын Мидхат-паши [см.: 255, стр. 363].

На исламе демократия может возникнуть в результате точного соблюдения шариата [264, стр. 377, 381]. В журнале «Улюм» Али Суави весьма скептически отзывался (в мае 1870 г.) о европейских парламентарных режимах. В этой статье содержался своеобразный призыв к возврату в идеализируемое Али Суави общество периода республик древности, когда все люди собирались, по его словам, вместе и говорили о делах государства. «Кто говорил? Все — старики, женщины, дети; все, кто видел, слышал, знал. И все улаживалось естественным путем. Этой привилегии, которую я называю „правом республики“, больше нет» [264, стр. 382—383].

Вместе с тем Али Суави был, пожалуй, единственным из «новых османов», кто выступал с пропагандой идеи гражданского неповиновения. В отличие от Намыка Кемаля и Зии, которые, каждый в рамках своих убеждений, не шли дальше письменных форм протеста против деспотизма и тирании, Али Суави призывал к борьбе. «О вы, кто желает справедливости! — восклицал он. — Если вы хотите ходить с опущенной головой, подобно улиткам, тираны никогда не разрешат вам поднять свой голос. Вы — рабы. Но если вы возьметесь за меч и докажете ваше присутствие на поле чести, вы сумеете противостоять тиранам: вы — люди, вы — свободны. О люди! Как долго вы собираетесь верить, что появится Мехди и освободит вас?.. Неужели вы верите, что эмиры, которые свободны от сомнения и ответственности, откажутся от той прибыли, которую они от вас получают, и будут покровительствовать вам?» [цит. по: 264, стр. 378]. В основе идейных разногласий, вызвавших в 1867 г. разрыв Намыка Кемаля и Зии с «Мухбир» Али Суави, лежали, пожалуй, именно эти два фактора: чрезвычайный исламский пуризм Али Суави и его призывы к открытому гражданскому неповиновению. Некоторые исследователи считают, что одной из причин идейного раскола «новых османов» были и их весьма серьезные разногласия по вопросу об отделении светской власти от духовной [217, стр. 213—214].

Таким образом, лидеры «новых османов» по-разному определяли пути борьбы за прогресс своей страны. Диапазон их воззрений на этот счет достаточно широк — от убежденного, но мирного конституционного реформизма Намыка Кемаля до бунтарства Али Суави

с его программой активной борьбы за довольно туманные идеалы всеобщего равенства и свободы.

Главной причиной этих идейных разногласий было то, что молодая турецкая интеллигенция, составившая ядро «новых османов», сама была еще многими узами связана с феодальным строем, особенно с его бюрократией. Это накладывало отпечаток на идейное развитие «новых османов», определяло непоследовательность, а подчас и противоречивость их идейных позиций. Постоянная борьба светского и духовного начал, определявшая двойственность мышления лидеров движения, также была одной из важных причин их идейной непоследовательности. Стремление во что бы то ни стало сочетать традиции ислама и современные европейские институты государственной власти приводило к серьезным затруднениям и вызывало резкие идейные колебания.

Выдвинутая «новыми османами» общая идея необходимости конституционных реформ нашла свое отражение и в политическом трактате, принадлежавшем перу человека, который не был непосредственно связан с их деятельностью. В 1869 г. в Стамбуле на французском языке была издана книга «Турки в прошлом и настоящем», автором которой был турецкий офицер Мустафа Джелаледдин, поляк по происхождению, бежавший в Турцию после 1848 г., поступивший на турецкую службу и погибший в Черногории в 1876 г. Автор книги утверждал, что турки весьма прогрессивны, а ислам не препятствует прогрессу. Он предлагал созвать палату депутатов и даже распределил места в ней между различными народами империи: 100 мест — мусульманам, 101 — немусульманам (25 — армянам, 25 — болгарам, 14 — грекам и т. д.). Джелаледдин считал, что у палаты будут законодательные права и право контроля над бюджетом. По его проекту должен был быть создан и сенат [255, стр. 232—233]. Таким образом, конституционные проекты «новых османов» находили активных сторонников и пропагандистов не только среди членов их общества.

Однако «новые осмапы» не были единственным идейным течением в конституционном движении 60—70-х годов. Если молодая турецкая интеллигенция, отражавшая интересы буржуазного развития страны, стремилась в целом к серьезным реформам для обес-

печения экономического и культурного прогресса и сохранения империи, то совсем другие цели преследовали некоторые представители крупной феодально-султанской бюрократии, примкнувшие к конституционному движению. Чувствуя, что под ударами освободительного движения угнетенных нетурецких народов империи и под натиском иностранного капитала некогда могущественная империя все более шатается и вот-вот может рухнуть, некоторые крупные сановники начали задаться целью внешне несколько реформировать государственное управление, не затрагивая социальные и политические основы государства. Наиболее ярко эта позиция отражена в упоминавшемся уже сочинении Хайреддин-паши «Реформы, необходимые для государств мусульманских».

С одной стороны, Хайреддин-паша выступал за ограничение власти монарха. «Суверены, — писал он, — подвержены, как и все мы, слабостям человеческой природы. Или они обладают способностями для того, чтобы управлять другими, или, имея эти способности, они недостаточно умеют владеть своими страстями, а иногда же они не имеют ни способностей, ни энергии. Нет необходимости доказывать, что содействие со стороны нации и ответственность министров, наконец, существование контроля ни в коем случае не смогут помешать суверену, который принадлежит к первой категории, претворить в жизнь благо, которого он желает, и что он, напротив, должен приветствовать поддержку людей, призванных к тому, чтобы контролировать его акты» [128, стр. 20]. Мысль свою Хайреддин-паша заканчивал словами: «И не заключает ли автор „Истории консульства и империи“⁶ свое сочинение следующим афоризмом: „Единоличное правление всегда опасно, каково бы ни было превосходство главы государства“» [128, стр. 27].

С другой стороны, Хайреддин-паша фактически сводил конституционное управление к контролю действий султана высшими сановниками государства. Он писал, что в соответствии с кодексом султана Сулеймана I (1520—1566) управление государством и действия султана должны находиться под контролем министров и улемов, которым принадлежит право предостерегать

⁶ Речь идет, вероятно, о сочинении Тьера.

султана от неверных действий и излагать его, если он нарушает закон и следует своим прихотям. «Таким образом, — утверждал Хайреддин-паша, — положительная роль улемов и министров такова же, как и роль, которую выполняют в конституционных государствах Европы палаты представителей, и можно даже сказать, что эта роль более высокая, ибо к мотивам земного порядка, которые требуют и узаконивают этот контроль, у мусульман присоединяется требование религии» [128, стр. 34]. Таким образом, Хайреддин-паша выступал за контроль действий монарха, но в его представлении палата депутатов или другой парламентский орган, контролирующий действия султана, должен быть чем-то вроде совета высших сановников и духовенства. В этой позиции отразилось стремление ряда высших представителей феодально-султанской бюрократии, чувствовавших неизбежность реформ, выхолостить идею парламентарного режима, свести ее к контролю действий султана со стороны высшей феодальной бюрократии.

Все изложенные выше точки зрения на характер и существо будущего конституционно-монархического режима сплошь и рядом сливались в одном потоке конституционного движения 60—70-х годов. Однако очевидно, что стремление наиболее прогрессивной части «новых османов» обеспечить, следуя лучшим традициям европейских просветителей, с помощью конституционных реформ социальный и культурный прогресс страны не имело, конечно, ничего общего с желанием определенных феодально-бюрократических кругов использовать внешнюю форму государственного управления конституционных государств Запада с целью консервации феодальных норм и порядков. Борьба отмеченных двух течений стала особенно острой в 1876 г., в период непосредственной разработки проекта первой турецкой конституции.

Большое внимание «новые османы» уделяли такой важнейшей проблеме жизни Османской империи в XIX в., как национальный вопрос. К его решению первые турецкие конституционалисты подходил с явно реакционных великодержавных позиций. Их лидеры требовали сохранения турецкого господства над славянами Балкан, греками, армянами, арабами, курдами и другими народами империи. «Новые османы» были открыто

враждебно настроены в отношении национально-освободительных движений и устремлений этих народов.

«Новые османы» считали безусловное сохранение целостности империи одним из важнейших пунктов своей программы. Они весьма решительно выступали поэтому против любых попыток угнетенных народов империи вести борьбу за освобождение из-под власти султана, против их стремления заручиться поддержкой европейских держав в этой борьбе. Они выступали, в частности, против предоставления независимости Черногории, а черногорцев, боровшихся с оружием в руках за свободу и независимость своей родины, Зия даже называл «разбойниками» [94, стр. 31]. «Новые османы» резко критиковали правительство за то, что под нажимом европейских держав оно допустило предоставление независимости Молдавии, Валахии и Сербии. Намык Кемаль и Али Суави в 1867 г. выступили с решительным протестом против передачи сербам турецких крепостей в Сербии и вывода оттуда турецких гарнизонов [230, т. I, стр. 470; 154, стр. 370]. Во время крупного восстания греков на о-ве Крит «новые османы» решительно выступали против уступок восставшим. Зия, в частности критикуя правительство за уступки повстанцам под нажимом держав, особо подчеркивал, что такая политика способствует росту освободительных настроений у других народов империи, в особенности среди болгар [94, стр. 35—38].

Однако лидеры и идеологи «новых османов» не просто отрицали право нетурецких народов империи на независимое развитие. Они пытались даже теоретически обосновать историческую нецелесообразность национально-освободительных движений. Именно с этой целью ими была сформулирована доктрина паносманнизма (османлылык), сформировавшаяся в 60—70-х годах XIX в. как важнейшая идейно-политическая концепция молодого турецкого либерально-конституционного движения. Ее основное содержание было четко определено лидерами «новых османов» как идея равенства и единства всех народов многонациональной турецкой державы в пределах «общей родины» — Османской империи.

Строго говоря, выдвигая эту идею, идеологи «новых османов» попытались наполнить новым содержанием форму средневековой официальной традиции. В Осман-

ской империи издавна именовали «османами» всех подданных турецкого султана. Э. З. Карал отмечает, что в сущности в XVI—XVIII вв. в практике жизни Османского государства существовал своеобразный «династийный османизм» (ханедапа мюстепит османлылык) [223, стр. 297].

В условиях мощного роста национально-освободительных движений паносманизм стал для руководителей и идеологов «новых османов» важнейшим идейным обоснованием возможности и необходимости сохранения империи. Выдвигая принципы конституционного преобразования и борясь за их осуществление, «новые османы» всячески пропагандировали мысль о несомненной ликвидации национальной и религиозной борьбы в реформированном государстве. Они утверждали, что возможно единение всех народов империи в рамках некоей единой «османской общины» (уммет-и османие).

«Новые османы» не отрицали, что деспотизм и произвол властей были одной из причин многочисленных восстаний народов Османской империи. Однако они утверждали, что от этого произвола страдают сами турки и все другие мусульманские народы империи не меньше, если не больше нетурецкого христианского населения, интересы которого постоянно защищают различные европейские державы. Более того, игнорируя широко известные исторические факты жестокой ассимиляторской деятельности турецких завоевателей, лидеры «новых османов» доказывали, что все турецкие народы Османской империи покорились не столько мечу, сколько правосудию турецких султанов, которые никогда не оказывали никакого давления на покоренные ими народы. Такого рода идеи особенно ярко были выражены в сочинении Мидхат-паши «Турция, ее прошлое и будущее», опубликованном в Париже в 1878 г. [см.: 129]⁷.

«Новые османы» утверждали, что достаточно ликвидировать нынешний деспотический режим, от которого страдают все народы империи, как наступит эра полного согласия и благоденствия всех этих народов. Мидхат-паша утверждал, в частности, что установление конституционного правления явится исходным моментом возрождения и развития всех народов Османской

⁷ Эта работа была переведена на турецкий язык.

империй и сможет связать их в один прочный союз [106, стр. 31—32]. Таким образом, «новые османы» полагали, что в результате провозглашения конституции будет ликвидирована национальная и религиозная борьба. Именно в этом видели они главное средство спасения целостности Османской империи. Не случайно Мидхат-паша заявлял, что освободительным движениям нетурецких народов империи следует противопоставить чувство единой родины и общего патриотизма [106, стр. 14—15]. Али Суави отмечал, что «все народы, населяющие сегодня Османскую империю, составляют одну нацию — осмапы» [цит. по: 255, стр. 221—222].

Таким образом, «новые османы» — некоторые искренне и наивно, другие с чисто политическими целями — утверждали, что с провозглашением конституции произойдет объединение всех народов Османской империи в пределах «общей родины» в одну «османскую нацию». По проектам «новых османов», в будущий парламент должны были быть избраны представители всех народов империи. Намык Кемаль писал в «Хюрриет», что в палате депутатов будут лица всех вероисповеданий [87, 7.IX.1868, стр. 8].

К концу 70-х годов пропаганда «новых османов» ввела паносманистские идеи в обиход политической жизни страны. Они постоянно высказывались на страницах турецких газет и журналов, нашли свое отражение и в дебатах в первом турецком парламенте. При этом вместо ранее употреблявшегося термина «османская община» (уммет-и османие) все чаще употреблялся термин «османская нация», «османский народ» (османлы миллети) для обозначения всех народов империи. Этот термин вошел в текст ответа парламента на тронную речь султана, он употреблялся и в прениях. Примечательно, что один крупный турецкий сатирик заявил в 1877 г. корреспонденту «Таймс» во время открытия парламента: «Все эти депутаты — османы. Отныне они не мусульмане, не греки и не армяне» [224, стр. 497].

Пропагандируя идею единства, «новые османы», однако, явно имели в виду сохранить господствующее положение турок и в будущем реформированном государстве всеобщего благоденствия. Так, Намык Кемаль в одной из своих неопубликованных статей, призывая к объединению всех народов империи, писал: «Мы гово-

рим, однако, что если христиане потребуют у нас власть, то, естественно, они не будут иметь права жаловаться на то, что мы не включили их в правительство» [цит. по: 230, т. I, стр. 186]. Намык Кемаль шел еще дальше и пытался даже теоретически обосновать право турок на их господствующее положение в империи. Он заявлял, что «среди османов и по количеству людей и по способностям первое место занимают турки, обладающие такими преимуществами, достоинствами и качествами, как широта познавательных способностей, природная выдержка, выносливость и спокойствие» [цит. по: 223, стр. 296]. Даже современный турецкий исследователь Шериф Мардин вынужден писать о том, что при таком восхвалении турок, какое было свойственно Намыку Кемалю, было бы весьма трудно убедить другие этнические меньшинства Османской империи в том, что они получают в новом государстве такие же права, как и турки. Анализируя дальнейшее развитие паносманистских взглядов Намыка Кемалья, Ш. Мардин отмечает, что постепенно Намык Кемаль отходил от доктрины паносманизма, делая больше упор на объединение всех мусульман Османской империи под руководством турок [264, стр. 331—332].

Как видно, политика «новых османов» в национальном вопросе, какими бы фразами и лозунгами она ни прикрывалась, практически сводилась к сохранению турецкого господства над армянами, арабами, курдами, греками, славянами и другими народами Османской империи.

Такая установка «новых османов» ослабляла их позиции в борьбе с феодальным абсолютизмом, так как серьезно мешала союзу турецких конституционалистов с нетурецкой буржуазией империи. Хотя ряд видных деятелей конституционного движения и был связан с некоторыми представителями крупной стамбульской нетурецкой буржуазии (армянским банкиром принца Мурада Мкртыч-эфенди или греческим банкиром Христати-эфенди), это не означало союза с нетурецкой буржуазией в целом. Стамбульская инациональная торгово-ростовщическая буржуазия издавна была крепко связана с турецкими феодально-бюрократическими кругами. Ее представители чаще всего сами не поддерживали национально-освободительные движения угнетенных народов империи.

Болгарский историк Стр. Димитров, характеризуя политику турецких либеральных кругов накануне апрельского восстания в Болгарии, справедливо отмечает, что турецкие конституционалисты этого периода не смогли увидеть в национально-освободительном движении балканских народов своего союзника и понадобилось еще три-четыре десятилетия, чтобы турецкие революционеры решились в период революции 1908 г. объединиться с революционным движением угнетенных народов империи [246, стр. 45—46].

Наряду с идеями паносманизма в идеологии «новых османов» были и другие реакционные черты. Им, в частности, не были чужды панисламистские идеи. Правда, в идеях панисламизма «новые османы» видели прежде всего средство борьбы с растущим засильем европейских держав на мусульманском Востоке, в том числе в Турции. В частности, Намык Кемаль писал в «Ибрет», что идея единения ислама начала получать широкое распространение тогда, когда стало очевидно, что в одиночку мусульманским странам невозможно противостоять силе европейских держав [76, стр. 30]. Однако «новые османы» видели в пропаганде идей панисламизма и другой смысл — возможность использования ислама для удержания власти турецкого султана как халифа мусульман над нетурецкими мусульманскими народами империи. Намык Кемаль считал, что религия ислама позволяет объединить лазов, албанцев, курдов и арабов независимо от их расовых и языковых различий [230, т. II, стр. 106].

Некоторые высказывания идеологов и лидеров движения позволяют предположить, что именно «новые османы» бросили на политическую почву Турции те семена турецкого национализма, которые впоследствии вылились в реакционную идеологию пантюркизма. Так, Али Суави утверждал, что турки — самая высшая и древняя раса по своей исторической, политической, военной и культурной роли. Он же заявлял, что турецкий язык — богатейший и совершеннейший из языков мира [223, стр. 293]. Али Суави проявлял большой интерес к судьбам тюркоязычных народов Средней Азии. В частности, он писал, говоря о них, что его волнует судьба этих «турецких мусульман, которые придерживаются нашей религии, принадлежат к нашему роду и к нашей семье» [цит. по: 264, стр. 371]. Али Суави не раз

говорил и писал именно о «тюркской расе» (тюркы) и о ее выдающейся роли в истории мировой культуры.

Огромное внимание уделяли «новые османы» вопросам внешней политики Османской империи. Главными их требованиями были полная независимость и самостоятельность империи. Как уже было отмечено, «новые османы» решительно выступали против капитуляционных привилегий иностранцам, против иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Намык Кемаль считал, например, что такие вопросы, как восстание на о-ве Крит, — внутреннее дело Османской империи, а потому иностранное вмешательство в него недопустимо. Зия протестовал против того, что Порта допустила в 1861 г. иностранную интервенцию в Сирии и Ливане [94, стр. 46]. Намык Кемаль утверждал, что такого рода вмешательство обычно преследует корыстные цели. Он писал в этом духе о политике Англии и Франции. Англичане, говорил он, «не обнажая меча, стремятся ограбить мир», а французы «заботятся о независимости всех наций мира, кроме тех, которые находятся под их управлением» [230, т. I, стр. 68].

«Новые османы», ратовавшие за полную независимость Османской империи от европейских держав, критиковали деятелей танзимата за то, что они поставили реформы под контроль этих держав. «Наиболее достойная возражения сторона танзимата, — писал Намык Кемаль в „Ибрет“, — будет состоять в том, что он находился под европейской опекой» [цит. по: 234, стр. 781]. «Новые османы» критиковали Порту за то, что хатт-и хумаюн 1856 г. был издан при прямом вмешательстве иностранных держав. Намык Кемаль отмечал, что, вместо того чтобы упорядочить государственное управление, сделать Османскую империю конституционной монархией и тем самым укрепить государство и положить конец иностранному влиянию, Порта этим ферманом лишь пошла на уступки иностранным державам, даровав некоторые льготы христианам. Допустив же внесение вопроса об этих льготах в Парижский трактат, подчеркивал Намык Кемаль, Порта дала в руки держав новый предлог для вмешательства во внутренние дела страны [87, 20.VII.1868, стр. 2]. Острое недовольство «новых османов» вызвало хозяйничанье иностранных дипломатов. С глубокой горечью Зия писал

о том, что по прихоти посольств и консульств смещаются великие везиры, министры, чиновники [87, 12.VII.1869, стр. 6—8].

«Новые османы» считали, что дело реформ и возрождения Османской империи должно целиком принадлежать самим туркам. Французский публицист, современник «новых османов», Габриель Шарм писал, что «патриоты Молодой Турции были глубоко убеждены, что их страна способна спасти себя одна, без помощи Европы и великих держав». «Новые османы» считали, что Турция в состоянии самостоятельно в несколько лет восстановить свое прежнее благосостояние [253, стр. 152—153]. Намык Кемаль устами героя пьесы «Ватан» доказывал, что его страна может сама постоять за себя, защитить себя без посторонней помощи [113, стр. 78].

«Новые османы» видели в конституции средство против усиливавшегося с каждым годом подчинения Османской империи западноевропейскими державами. Мидхат-паша, по словам знакомых с ним лиц, видел в ней средство для укрепления государства и отпора все усиливающемуся влиянию Европы [66, стр. 81]. «Новые османы» считали, что конституционная Османская империя сможет построить свои отношения с иностранными державами на началах полного равноправия. Намык Кемаль писал, например, что если будет провозглашена конституция, то Османская империя будет в состоянии поставить вопрос о пересмотре существующих торговых договоров [234, стр. 793].

Вместе с тем, выступая с требованием независимости и самостоятельности Османской империи, «новые османы» ориентировались во внешней политике на Англию. Это объяснялось рядом обстоятельств. Выше говорилось, что «новые османы» стремились во что бы то ни стало сохранить власть турок над покоренными народами. Известно, что Россия оказывала поддержку освободительной борьбе славянских народов Балкан. Независимо от политики царского правительства, направленной на обеспечение интересов русского царизма на Ближнем Востоке, поддержка России имела исторически объективное освободительное значение для угнетенных народов Балканского полуострова и для армянского народа. Англия же выступала решительным противником освободительных движений угнетенных на-

родов Османской империи; ее политика в этот период основывалась на формуле «сохранения целостности Османской империи». Эта так называемая политика статус-кво, означавшая, по словам Ф. Энгельса, увековечение угнетения Турцией христианских подданных Порты [6, стр. 31], явилась основной причиной симпатий «новых османов» к Англии. Намык Кемаль писал в «Хюрриет», что «среди европейских государств Англия наиболее способствует охране наших прав и сохранению власти султана» [87, 23.XI.1868, стр. 6]. Такого же рода идеи проповедовала «Ибрет». Очевидно, «новые османы» не сумели понять, что эта политика Англии отнюдь не была вызвана действительной заботой о суверенитете султана и целостности Османской империи. Надо заметить, что жизнь очень скоро разрушила иллюзии «новых османов» и показала им истинную цену английской «дружбы», когда Англия оккупировала после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. о-в Кипр. Под предлогом защиты целостности Османской империи английское правительство стремилось установить свое господствующее влияние над всей ее обширной территорией и воспрепятствовать усилению влияния России на Востоке, и особенно на Балканах. Это и было одной из главных причин того, что английское правительство стояло за сохранение власти султана над покоренными народами. Указанными обстоятельствами объясняется та крайняя враждебность по отношению к России, которой отличались все статьи «новых османов» по вопросам внешней политики.

Есть основания полагать, что некоторые из лидеров «новых османов» все же понимали истинные цели английской политики. Зия писал: «Европейцы смотрят на Османскую империю как на покойника. И хотя уже невозможно вернуть покойнику жизнь, они все же стремятся сохранить этот труп из-за страха перед захватом Стамбула Россией, а также потому, что не находят ничего, что будет поставлено на место покойника» [77, стр. 11]. Возможно, что Зия и некоторые другие лидеры движения понимали подоплеку политики Англии и считали необходимым использовать англо-русские противоречия.

Были и другие обстоятельства, способствовавшие проанглийской внешнеполитической ориентации «новых османов». В своей борьбе за конституционное преобра-

зование Османской империи они рассчитывали на поддержку Англии, которую считали образцом конституционной монархии. Намык Кемаль, например, в газете «Ибрет» в статье «Лондон» восторженно описывал свободу общественного мнения в Англии и английский парламент, о котором писал, что последний олицетворяет «силу общественного мнения» в отношении правительства, является «колыбелью возникновения» важнейших политических принципов и т. д. [76, стр. 32]. Е. А. Рагозина в своих воспоминаниях писала, что, несмотря на то что Мидхат-паша был ревностным защитником полной независимости Турции, он был известен «как восторженный поклонник западной цивилизации, и в особенности английского парламента, точную копию которого ему вздумалось перенести в свое отечество» [66, стр. 133]. Другой современник отмечал, что Мидхат-паша был «большой поклонник Англии, приверженец ее конституции» [260, стр. 582].

Характеризуя социально-политические и идейные воззрения «новых османов», следует также особо отметить, что они были первым в истории Турции политическим движением, в формировании идеологии которого значительное место заняли патриотические идеи и настроения. Многие из «новых османов» выступали страстными пропагандистами идей любви к родине. Подлинным идеологом патриотизма стал в 60—70-х годах Намык Кемаль, большинство литературных и публицистических произведений которого было пронизано патриотическими чувствами и настроениями. «Нужно любить отчизну, — проникновенно писал Намык Кемаль в „Ибрет“, — ибо жизнь, одно из величайших благ, дарованных нам богом, начинается с вдыхания воздуха отчизны. Отчизна — это не расплывчатые линии, начертанные мечом завоевателя или пером писца. Это святая идея, состоящая из комплекса благородных чувств, таких, как народ, свобода, братство, польза, суверенитет, уважение к предкам, любовь к семье и воспоминания детства» [цит. по: 264, стр. 327]. Глубоким чувством патриотизма проникнуты строки одного из стихотворений Намыка Кемалья: «Если я умру, не увидев свой народ в благоденствии, о котором мечтаю, то пусть начертает на камне могильном моем: отечество в печали, печален и я» [цит. по: 109, стр. 19]. В другом стихотворении он писал, что если гибнет родина, то

человеку остается одно — умереть вместе с пей [109, стр. 21].

Патриотические настроения и идеи «новых османов» свидетельствовали о пробуждении национального самосознания турок и в свою очередь способствовали его усилению и формированию. Значительную роль в этом процессе сыграла борьба «новых османов» за близость языка литературных произведений к народному, за простоту стиля, за освобождение турецкой литературы от арабо-персидского влияния.

Продолжая эту важную линию деятельности Ибрагима Шинаси и его единомышленников, «новые османы» выступали за реформу литературного языка, насыщенного арабскими и персидскими словами и недоступного простому народу. «Нет дела более бесполезного, чем писать книги для избранных», — говорил Намык Кемаль [109, стр. 24]. Зия писал в статье «Поэт и стиль», опубликованной в «Хюрриет», что произведения турецких поэтов эпохи средневековья, слепо подражавших арабо-персидским образцам, не были турецкой поэзией. Он доказывал, что истинная турецкая поэзия живет в народе, в его легендах и песнях [109, стр. 9—12]. Али Суави настаивал на очищении турецкого языка от арабо-персидских основ и считал необходимым перевести на турецкий язык молитвы. Он заявлял, что термин «османский язык» («лисан-ы османи»), употреблявшийся в то время для обозначения турецкого языка, есть просто политический термин, а на деле это — «турецкий язык» («лисан-ы тюрки») [223, стр. 215, 292].

Важно отметить также, что именно в годы деятельности «новых османов» было положено начало новому важному явлению в турецкой историографии. В этот период турецкие историки, ранее писавшие только об истории ислама и Османской империи, начали изучать историю тюркоязычных народов. Значительное внимание этому, в частности, уделял Али Суави, который в издававшемся им журнале «Улюм» опубликовал немало материалов по истории тюркоязычных народов мира [223, стр. 293].

Таковы были в основных своих чертах социально-политические и идейные воззрения первых турецких конституционалистов. Их изучение показывает, что движение «новых османов», будучи движением моло-

дой, феодально-бюрократической по происхождению, турецкой интеллигенции, отражало интересы буржуазного развития Турции, интересы парождавшейся турецкой национальной буржуазии. Деятельность первых турецких конституционалистов была исключительно важным, новым явлением в общественной жизни страны. Впервые в ее истории инициативу в проведении коренных реформ в области государственного устройства начали проявлять представители политической оппозиции феодально-абсолютистскому режиму [158, стр. 131—132]⁸.

Историческая заслуга «новых османов» прежде всего в том, что они первыми в истории Турции подняли знамя борьбы с феодальным абсолютизмом. Требования конституционных реформ отражало направление буржуазно-либерального реформизма в идеологии «новых османов», представлявших собой социально и политически силы, заинтересованные в создании условий для развития капиталистических отношений, для формирования буржуазных норм и порядков. Требования «новых османов» относительно ликвидации административного произвола, развития экономики и культуры, обеспечения экономической и политической независимости страны имели несомненно прогрессивное значение. В идеологии «новых османов» переплелись буржуазно-либеральный реформизм и просветительство с нормами и принципами ислама. Это обстоятельство наложило отпечаток особого своеобразия на идейные воззрения «новых османов». Крайне сложные исторические условия, в которых проходило в Турции становление буржуазного либерализма, обусловило и наличие в идеологии движения «новых османов» некоторых реакционных черт, в особенности в их позиции по отношению к нетурецким народам Османской империи.

Социально-политические и идейные воззрения «новых османов» стали, несомненно, важной вехой в развитии общественно-политической и философской мысли в Турции.

⁸ А. Д. Желтяков, отмечая это важное положение, справедливо критикует Тарыка Туная за то, что он несколько переоценивает эту сторону деятельности «новых османов», рассматривая ее как свидетельство зарождения «демократического общественного мнения», тогда как все факты говорят о том, что конституционное движение 60—70-х годов было не демократическим, а буржуазно-либеральным течением.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛУКОЛОНИЮ И АБДУЛХАМИДОВСКИЙ РЕЖИМ

В последней четверти XIX в. завершился процесс превращения Османской империи в полуколонию империалистических держав. Известно, что процесс становления империализма вызвал новые качественные изменения в колониальной политике капиталистических государств. «К многочисленным „старым“ мотивам колониальной политики,— указывал В. И. Ленин,— финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за „сферы влияния“ — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр.— наконец за хозяйственную территорию вообще» [16, стр. 421—422]. При этом В. И. Ленин отмечал, что эпоха империализма создает «...целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» [16, стр. 383]. Методы колониальной эксплуатации эпохи империализма привели к превращению ряда отсталых стран Востока в полуколонии — страны, формально сохранившие государственную независимость, а на деле полностью подчиненные экономическим и политическим интересам крупнейших империалистических держав. Эта участь постигла и Османскую империю.

Тридцатилетний отрезок ее истории после поражения конституционного движения широко известен в исто-

рической литературе как «эпоха зулюма» (гнета) султана Абдул Хамида II. Наиболее характерными чертами этого периода были превращение Османской империи в «хозяйственную территорию» империалистических держав и установление в стране режима крайней феодально-абсолютистской деспотии.

В конце XIX — начале XX в. Османская империя продолжала оставаться отсталой аграрной страной с очень низким, подчас примитивным уровнем развития сельскохозяйственного производства. Английский путешественник, побывавший в 80-х годах во многих районах Малой Азии, писал, что «обработка почвы производится повсеместно первобытными способами и приносит результаты, несколько не соответствующие плодородию земли» [59, стр. 282]. Даже в сравнительно более развитых сельскохозяйственных районах Западной Анатолии аграрно-технический уровень земледелия поражал очевидцев своей примитивностью. Так, французский генеральный консул в Измире отмечал в начале 90-х годов, что во всем Айдынском вилайете «земледелие, за малым исключением, находится еще в младенческом состоянии, а сельскохозяйственные орудия крайне примитивны» [267, стр. 74].

Анализируя причины очень низкого уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве Османской империи в конце XIX — начале XX в., советский турколог А. Д. Новичев пишет, что «причина скрывалась в производственных отношениях, господствовавших в турецком сельском хозяйстве, и в эксплуататорской роли иностранного капитала в Турции» [177, стр. 52]. Сочетание крупного землевладения с мелким землепользованием сохранялось в этот период как наиболее характерная черта сельскохозяйственного производства. Характеризуя систему землепользования в Айдынском и Конийском вилайетах, один из очевидцев отмечал, что в крупных помещичьих хозяйствах почти исключительно была принята исполная система арендной обработки земель [267, стр. 73]. Оставаясь повсеместно преобладающей формой эксплуатации крестьянства, издольщина продолжала тормозить развитие сельского хозяйства страны. Наряду с этой полуфеодальной, полукрепостнической системой землепользования крестьянство ряда районов Восточной Анатолии все еще жило в условиях подлинного крепостничества, выполняя для местных

феодалов различные виды барщины. Крестьянин Османской империи буквально изнывал под тяжестью многочисленных непосильных налогов, особенно страдая от безудержного произвола откупщиков при взимании ашара. Откупщик (мюльтезим) и ростовщик (мурабахаджи) были на рубеже столетий самыми зловещими фигурами в турецкой деревне. Прямые и косвенные налоги составляли основную часть доходного раздела бюджета Османской империи в эти годы. Так, в бюджете на 1897/98 г. из 18,5 млн. лир дохода около 15 млн. лир (более 80%) составляли налоговые поступления [165, стр. 155]. Огромное официальное налоговое бремя еще более увеличивалось в результате произвола местной администрации, рассматривавшей процедуру сбора налогов как средство личного обогащения. К. Мак Коан отмечал, что в результате административного произвола сумма сборов значительно превышала требования казны: разница оседала в карманах чиновников провинциальной администрации [59, стр. 173—174]. Несмотря на то что размер ашара и способы его взимания ранее не раз были поводом для крестьянских восстаний, абдулхамидовские власти продолжали даже увеличивать размеры десятины. В конце XIX в. она вновь выросла до 12,5% с урожая, а чудовищный произвол откупщиков повсеместно превращал этот губительный для крестьян налог в 30 и 40%! Русский военный агент в Стамбуле, характеризуя откупную систему сбора налогов, писал в августе 1898 г.: «Отвратительная система сбора податей через откупщиков, принося правительству значительный ущерб, ложится на население, в особенности христианское, самым тяжелым бременем, массою злоупотреблений и произвольным применением закона оценки. Можно без преувеличения сказать, что, если бы откупная система была отменена, производительность страны утроилась бы» [42, л. 317].

В конце XIX — начале XX в. сельское хозяйство страны находилось уже в прямой зависимости от иностранного капитала и его позиций в Османской империи. Производство зерновых, особенно пшеницы, не выдерживало иностранной конкуренции. Стамбул и ряд прибрежных городов империи снабжались иностранной мукой и зерном. Этот факт — яркое свидетельство экономической отсталости страны, в собственном зерновом хозяйстве которой очень низка была товарность. В некоторых от-

раслях сельского хозяйства иностранный капитал стал выступать непосредственным хозяином производства. Поистине печальную славу снискала, в частности, созданная в 1883 г. специальная организация, получившая от султанского правительства монополию на производство и экспорт турецкого табака. Эта организация — «Режи де табак де л'эмпир огтоман» («Управление табаками Османской империи») — стала одним из мощных орудий экономического закабаления Турции и жесточайшей эксплуатации турецкого крестьянства. Общество «Режи», располагая весьма разветвленной сетью отделений по всей стране, чувствовало себя полным хозяином в табаководческих районах. Говоря о том, что крестьянин-табаковод с полным основанием смотрел на «Режи» как на государственный аппарат, А. Д. Новичев отмечает, что «смыкание феодального и султанского аппарата и иностранного капитала выступало перед турецким крестьянином в данном случае во всей своей жестокой действительности» [177, стр. 74].

Иностранный капитал играл в рассматриваемый период роль сильнейшего тормоза развития сельского хозяйства Турции. Она все более и более становилась источником крайне дешевого сельскохозяйственного сырья для крупнейших империалистических держав. Иностранный капитал был заинтересован в том, чтобы получать это сырье по самым низким ценам. Наилучшим средством для этого было сохранение полуфеодальных и феодальных способов эксплуатации турецкого крестьянства. Так с постепенным вовлечением Османской империи в орбиту мировой империалистической экономики наряду с господствовавшей системой феодально-султанского абсолютизма возникли дополнительные важные причины консервации докапиталистических отношений в сельском хозяйстве страны. К внутренним причинам, сдерживавшим развитие сельского хозяйства Османской империи присоединил свои усилия иностранный капитал.

Вместе с тем по мере дальнейшего развития железнодорожного строительства и втягивания Османской империи в систему мирового товарооборота продолжалось развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. В несколько раз выросли перевозки хлеба по железным дорогам. В частности, перевозки зерна по линии Хайдар-паша — Анкара выросли с 1893 до 1911 г.

в пять с лишним раз. Довольно резко выросло в этот период товарное производство ряда технических и садовых культур, в особенности хлопка, табака, изюма. Росла и товарность скотоводства: в 1893—1895 гг. вывоз ангорской шерсти увеличился более чем вдвое [177, стр. 76—79]. С развитием товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве продолжалось медленное развитие капиталистических отношений в турецкой деревне. Сдерживаемые серьезными внутренними и внешними препятствиями, капиталистические формы производства внедрялись с большим трудом, но к концу XIX в. они уже получили некоторое распространение в экономически более развитых районах Анатолии. Очевидцы отмечали, в частности, в этот период, что в сельскохозяйственном производстве Айдынского и Конийского вилайетов наряду с издольщиной практиковалась сдача земли в аренду на основе определенной арендной платы и применялся наемный труд. Здесь начали появляться и отдельные помещичьи имения, в которых хозяйство вели агрономы, получившие образование в Европе, и использовались сельскохозяйственные машины [267, стр. 73—74]. Такое положение было характерно и для Аданского хлопководческого района.

Говоря о росте товарно-денежных и отмечая некоторое развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Османской империи в конце XIX в., необходимо постоянно иметь в виду, что важнейшей особенностью этого процесса было то, что он шел не только под влиянием развития внутреннего рынка страны, но в еще большей мере в результате воздействия иностранного капитала и быстрого роста его позиций в экономике страны. Это вело в конечном итоге к усилению зависимости турецкого сельского хозяйства от иностранного капитала, который по отмеченным выше причинам никак не был заинтересован в подлинном прогрессе сельского хозяйства Османской империи.

В годы абдулхамидовского режима оставалось крайне отсталым и промышленное производство. Природные богатства страны использовались настолько бесхозяйственно, что Османская империя, располагавшая значительными запасами каменного угля, покупала уголь за границей, в основном в Англии. Горнодобывающая промышленность пребывала в поистине жалком положении. Согласно официальным данным, в 80-х годах из

250 открытых залежей руд разрабатывалось только 30 [59, стр. 153—154].

В конце XIX в. иностранные капиталисты завладели многими концессиями на разработку залежей полезных ископаемых. Французская компания «Гераклея», созданная в 1896 г., получила право на добычу каменного угля. Английская компания «Боракс», основанная в 1887 г., получила концессию на разработку залежей борацитовых руд. Созданное в 1892 г. общество «Балиа-Караидып» приобрело право добычи свинцово-серебряных руд и лигнита, общество «Кассандра» (основано в 1893 г.) — право добычи марганцевых руд, меди и других ископаемых [см.: 224, стр. 458; 177, стр. 105]. Весьма характерным для действий иностранного капитала в этой сфере экономики страны было то, что концессионеры не были заинтересованы в прогрессивном развитии производства, их вполне удовлетворяли те возможности получения прибылей, которые были сопряжены с крайне льготными условиями концессий и предельной дешевизной рабочей силы.

Общая картина состояния фабрично-заводского производства Османской империи этого периода довольно верно была обрисована Н. Н. Голобородько, который писал: «Обработывающая промышленность Турции пребывает в жалком состоянии. Электричество, за исключением столицы, почти нигде не применяется, пар пускается в ход в очень ограниченных размерах, машины и капиталистически организованные фабрики крайне редки» [153, стр. 146]. Современный турецкий историк Э. З. Карал отмечает, что среди принадлежавших в этот период частному капиталу предприятий не более 60 фабрик «имели современный вид», а остальные были, в сущности, примитивными мастерскими, где применялись допотопные ручные станки [224, стр. 455].

Страна совсем не имела предприятий машиностроения, сталеплавильных заводов. «Металлургических заводов в Турции нет,— писал Н. Н. Голобородько,— и из 3 млн. пудов добываемой ежегодно руды всех наименований для местного потребления остается не более 100 тысяч пудов. Остальное, побывав на заграничных заводах, возвращается на родину в переработанном виде и стоит втридорога» [153, стр. 145]. Во всей империи в конце XIX в. было лишь пять литейных и железодельных предприятий, шесть лесопильных заводов, не-

сколько десятков хлопчатобумажных, шерстопрядильных, суконных и ковровых фабрик, мыловаренных, кожевенных и дубильных заводов, несколько фабрик по производству одежды, фарфоровый завод. Некоторое развитие получила в этот период мукомольная промышленность. Если к этому добавить упоминавшиеся выше (см. гл. I) предприятия военной промышленности, сосредоточенные главным образом в Стамбуле, то этим будет исчерпан перечень промышленных предприятий, существовавших в то время на всей обширной территории Османской империи¹. При этом промышленные предприятия находились в Стамбуле, Измире и ряде других крупных городов Европейской или прибрежной части Азиатской Турции. В подавляющем большинстве районов Центральной и Восточной Анатолии промышленное производство не получало никакого развития. Вот что писал, например, в 1885 г. русский генеральный консул в Эрзуруме: «Промышленность в здешнем вилайете находится в более или менее первобытном положении и служит лишь для удовлетворения самых неприхотливых требований местного населения. Фабрик и заводов в смысле европейском в вилайете не имеется» [44, л. 40].

Необходимо вместе с тем отметить, что в деятельности существовавших предприятий все более прослеживался процесс дальнейшего развития капиталистических отношений в промышленном производстве. Весьма показательны в этом отношении факты, характеризующие частное предпринимательство в ковровом производстве в районах Ушака и Гёрдеса (Западная Анатолия). Шерсть в Ушак доставлялась из Акшехира, Карахисара и Коньи. Она распределялась для прядения на дому. В каждой ковроткацкой мастерской работало четыре-пять рабочих [267, стр. 249—250]. Существовали и крупные мануфактуры, объединявшие все процессы производства и имевшие до 300 станков и 3 тыс. рабочих [70, стр. 580]. Таким образом, здесь было налицо сочетание капиталистической домашней промышленности, мелких и крупных мануфактур.

¹ Точных статистических данных, относящихся к периоду до революции 1908 г., мы не имеем. Но некоторое сравнительное представление дают данные промышленной переписи 1913 и 1915 гг. В основных промышленных центрах Западной Анатолии в этот период было всего 269 предприятий, на которых было занято 16 975 рабочих [см.: 177, стр. 48—51].

На ряде промышленных предприятий в Западной Анатолии все чаще применялись машины. Так, в 80-х годах в Айдынском вилайете было 69 предприятий, на которых использовались паровые или гидравлические машины [254, стр. 411—412]. В Измире в начале 90-х годов было 11 паровых мельниц, несколько механических лесопилок и крупных литейно-механических мастерских, где изготавливались насосы и паровые машины [267, стр. 262—263].

Но и те немногие промышленные предприятия, которыми располагала страна, были в конце XIX — начале XX в. либо в руках иностранного капитала, либо его агентуры внутри страны в лице инациональной буржуазии, большинство представителей которой, имея подданство какой-либо из европейских держав, пользовались всеми капитуляционными привилегиями, были сравнительно ограждены от феодально-султанского произвола. Экспортируя из Османской империи все продукты первичной переработки продуктов сельского хозяйства — хлопка, табака, садовых культур, все предметы коврового производства, иностранные капиталисты заняли к концу XIX в. абсолютно господствующее положение в этих отраслях промышленности. Упомянувшиеся выше ковровые мануфактуры Ушака и Гёрдеса принадлежали иностранным капиталистам. Из шести лесопильных заводов, действовавших в стране в начале 90-х годов, три принадлежали иностранному капиталу, а три других — грекам. В руках иностранных капиталистов было и большинство предприятий городского хозяйства крупнейших городов страны — Стамбула и Измира. Даже по данным более позднего времени (1915 г.), в руках собственно турецкой национальной буржуазии находилось всего 15% промышленных предприятий страны [151, стр. 96].

Такое положение не было случайным. Турецкому предпринимателю было трудно выстоять в конкуренции с иностранным капиталом или принявшими иностранное подданство предпринимателями — греками, армянами, евреями, пользовавшимися массой льгот и привилегий. Очевидцы в этот период весьма единодушно отмечали, что предприниматель-турок уже на самой первой стадии дела — при решении вопроса об организации предприятия в канцеляриях султанского двора и Порты — вынужден был тратить огромные средства на подкуп. Получе-

ние нужной для организации производства техники тоже было сопряжено с массой мытарств. Турецким предпринимателям приходилось за все ввозимые машины платить более высокие пошлины. И уж если все эти препятствия бывали чудом преодолены, вложенный в предприятие капитал, да и жизнь его владельца, если он был подданным султана, не имели в годы царствования Абдул Хаида никаких гарантий безопасности. Сын Мидхат-паши и один из активных деятелей младотурецкого движения, Али Хайдар Мидхат, писал в книге, посвященной жизни отца, что главной причиной, препятствовавшей развитию промышленного производства в Османской империи, было отсутствие гарантий безопасности личности и имущества. Али Хайдар Мидхат отмечал, что подданные султана не хотели вкладывать капитал в создание промышленных предприятий потому, что «система управления не основана на свободе и в первую очередь права народа не обеспечены законом... Есть много примеров тому, как созданное одним лицом или обществом предприятие не только не имеет никакого покровительства, но даже внезапно ликвидируется» [105, стр. 18]. Другой причиной промышленной отсталости страны Али Хайдар Мидхат справедливо считал отсутствие знаний, нужных для развития производства.

Таким образом, в сфере своей практической деятельности представители молодой турецкой национальной буржуазии могли понять и почувствовать, что означают для них феодально-абсолютистский режим и все возрастающая зависимость Османской империи от иностранного капитала, полное превращение ее в полуколонию империалистических держав.

Полуколониальное положение Османской империи стало особенно очевидным в 80-х годах XIX в., когда империалистические державы установили над ней открытый финансовый и экономический контроль, важнейшим инструментом которого стала Администрация оттоманского публичного долга. День ее создания — 20 декабря 1881 г. — был, несомненно, одним из самых черных дней в истории Турции. Опубликованный в этот день султанский указ (Мухарремский декрет) объявил об организации специального учреждения, которое при помощи своего собственного аппарата могло собирать внутри страны ряд отданных в его полное распоряжение государственных налогов и пошлин для обеспечения вы-

плат по внешнему долгу Османской империи. Этот долг был определен к моменту создания Администрации оттоманского публичного долга в сумме около 2,5 млрд. фр. Для уплаты этого колоссального государственного долга правительство передало с 1882 г. в распоряжение Администрации доходы от табачной и соляной монополии, от гербового сбора, от сбора со спирта, от стамбульского рыбного налога, право сбора десятины с шелковых плантаций в Стамбуле, Бурсе, Адрианополе и Самсуне. Кроме того, Администрация оттоманского публичного долга получила право распоряжаться и некоторыми внешними финансовыми поступлениями, в частности данью, получаемой из Болгарии. В дальнейшем перечень турецких государственных доходов, перешедших в распоряжение Администрации, продолжал расти. Так, к 1890 г. к нему прибавился десятичный сбор еще в ряде районов страны, в результате чего сумма сборов, предоставленных в распоряжение Администрации оттоманского публичного долга, возросла на 634 тыс. лир [21, л. 120—121].

Административный совет этой организации составлялся из делегатов Англии, Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, представителя местных кредиторов султанского правительства и представителя Оттоманского банка. Европейские банки — кредиторы Османской империи — избирали членов этого Совета, который стал почти полновластным хозяином финансов страны, получил широчайшие возможности контроля над ее экономикой. Весь огромный аппарат Администрации оттоманского публичного долга, в котором в 1889—1890 гг. было уже около 10 тыс.), считался состоящим на турецкой государственной службе, и одно только его содержание стоило турецкой казне около 870 тыс. лир в год. «В лице Совета Администрации оттоманского (публичного) долга турецкий народ, в особенности крестьянство, получил нового эксплуататора, помимо феодального, притом он должен был воспринять Совет как часть общегосударственного аппарата. Совет собирал налоги, пользуясь правами государственного аппарата... Таким образом, тесное единение феодальных и империалистических эксплуататоров в деле порабощения турецкого народа можно ощущать здесь почти физически» [177, стр. 197].

Анализируя в 1890 г. деятельность Совета Администрации оттоманского публичного долга, или, как его часто в то время называли, «Совета бондгольдеров», первый секретарь русского посольства в Стамбуле Чарыков совершенно справедливо называл эту Администрацию «государством в государстве». Вот что писал Чарыков о речи английского делегата в Совете, представлявшего и интересы голландских кредиторов Османской империи, Вишента Кальяра, произнесенной в поябре 1890 г. в связи с обсуждением отчета Совета за 1889—1890 гг.: «Речь эта невольно наводит на очень серьезные размышления. Приведенные в ней цифры и факты, ее самоуверенный и властный тон, разнообразие и важность затрагиваемых ею вопросов, охватывающих самые существенные стороны не только внутреннего экономического и финансового строя Турции, но и ее международного положения, договоров ее с иностранными правительствами и имущественных прав и интересов иностранных подданных в Турции, похвала и порицание, кои г. Кальяр свободно расточает крупным и малым слугам султана и даже целому правительству вассальной Болгарии,— все это, вместе взятое, служит мерилом того необычайного положения, которое Управление бондгольдеров присвоило себе в современной Турции» [21, л. 122]. Чарыков писал, что создание Администрации долга лишило Турцию ее экономической и государственной независимости, что «управление Турцией раздвоилось. Установилось *condominium* Порты и Управления бондгольдеров, и с каждым годом сфера деятельности последнего расширяется за счет сферы деятельности первой». Русский дипломат при этом подчеркивал, что султан и Порта до такой степени зависят от Администрации долга, что не только в своей внутренней, но и во внешней политике едва ли могут предпринять что-либо, противоречащее политическим планам Администрации долга и тех европейских держав, которые стоят за нею [21, л. 125]. Русский посол в Стамбуле Нелидов писал в эти же дни, что «сила, принадлежащая бондгольдерам, является политическим фактом» [21, л. 104]. Двумя годами позже тот же Нелидов, характеризуя общее финансово-экономическое положение Османской империи, отмечал, что «экономические силы империи мало-помалу переходят в руки иностранцев и угрожают в недалеком будущем полным истощением гурецкой казны и неизбежною заменою

независимого оттоманского управления финансов каким-нибудь международным учреждением. Сравнение с судьбой Египта невольно приходит на ум» [23, л. 89].

Правительство Абдул Хамида II продолжало между тем пагубную политику изыскания средств для государственной казны при помощи внешних займов. «Новым» в этой политике было, пожалуй, лишь то, что теперь между султанским правительством и европейскими державами-кредиторами кроме Оттоманского банка стоял, как правило, еще один посредник — Совет Администрации оттоманского долга. С 1886 до 1908 г. правительство заключило II займов на сумму 37 млн. лир (более 800 млн. фр.) [224, стр. 430—431].

Займы стали для империалистических держав одним из важнейших средств экономического и политического давления на Османскую империю. Ярким примером этому могут служить переговоры о заключении займов между Портой и правительством Франции и Германии в январе — мае 1905 г. Французское правительство поставило условиями предоставления займа размещение ряда крупных турецких военных заказов на французских оружейных заводах и предоставление права на строительство железнодорожной линии Хама — Алеппо «Французскому обществу Сирийской железной дороги». В свою очередь Германия через своего посла в Стамбуле барона Маршалля предложила более «льготные» условия — выплату 1 млн. лир вознаграждения (из суммы будущего займа) «Австрийскому обществу восточных железных дорог», значительная часть акций которого принадлежала «Дейче банк» (речь шла о вознаграждении за убытки, понесенные названным обществом из-за невыполнения Портой ряда ранее принятых на себя концессионных обязательств) [26, л. 111—114]. Переговоры длились несколько месяцев и сопровождались упорной дипломатической борьбой французских и германских представителей в Стамбуле. В конце концов переговоры были завершены на следующих условиях. Германия получила взамен предоставленного Османской империи «Дейче банк» займа в размере 60 млн. фр. крупнейший заказ артиллерийским заводам Круппа. Кроме того, частично были удовлетворены денежные претензии «Австрийского общества восточных железных дорог». Франция получила за предоставление через Оттоманский банк Порте займа также в сумме 60 млн. фр. заказ для

французских заводов на сумму 18 млн. фр. Сверх этого Порты обязалась выплатить крупные суммы французскому обществу, имевшему концессию на эксплуатацию набережных Стамбула, и «Французскому обществу Сирийской железной дороги». Последнее получило также концессию на строительство линии Хама — Алеппо [см.: 26, л. 457—462, 482—484, 486—489, 556—557]. Выполнение этих поистине грабительских условий привело к тому, что, заключив два займа на сумму 120 млн. фр. (более 4 млн. лир), Османская империя получила на деле свободных средств не более 30 млн. фр. (около 1 млн. лир).

Каждый раз, когда Порты, испытывая финансовые затруднения, обращалась к поискам новых кредиторов, она наталкивалась на подобные требования. Так, когда весной 1907 г. Османская империя обратилась с просьбой о новом займе к Франции, она получила твердый ответ, что Франция только в том случае согласится оказать ей содействие в заключении займа, если Порты даст согласие выдать французским капиталистам концессию на строительство железной дороги от Эрегли до Чубуклу и признает права Франции на Шейх-Саид [31, л. 207]. Так финансовая кабала усиливала экономическую и политическую зависимость Османской империи от империалистических держав.

Важнейшим инструментом финансово-экономического закабаления Османской империи продолжали оставаться иностранные банки, их филиалы и отделения, разбросанные по всей стране. До младотурецкой революции в Турции был только один турецкий банк — Сельскохозяйственный банк, основанный в 1888 г. Основным банком страны продолжал оставаться Оттоманский банк, представлявший интересы англо-французского капитала и имевший, как отмечалось, права государственного банка Османской империи. Этот банк покрыл страну сетью своих отделений, число которых быстро росло (с 14 в 1883 г. до 55 в 1909 г.). В конце XIX в. в стране открывается еще ряд банков, созданных иностранным капиталом. В 1888 г. был основан франко-австро-венгерский Салоникский банк, в 1906 г. немецкие банкиры создали в Стамбуле Немецкий восточный банк, а Венский банк открыл там же свое отделение. Всего в эти годы в Османской империи действовало более десяти иностранных банковских учреждений, которые наряду с Ад-

министрацией долга осуществляли контроль над финансами страны. О том, как наживались иностранные капиталисты, захватившие ключевые позиции в экономике страны, можно судить по тому факту, что Оттоманский банк имел возможность выплачивать своим акционерам в Англии и Франции огромные дивиденды — 12% годовых².

Постоянно возрастающую зависимость Османской империи от иностранного капитала в эти годы прекрасно отражал и баланс внешней торговли страны. Его наиболее характерной чертой был огромный дефицит, неуклонно возрастающий из года в год. В 1880—1882 гг. ввоз составлял 18 992 232 лиры, а вывоз — 11 009 074 лиры. Дефицит, таким образом, равнялся 7 983 198 лирам. В 1897/98 финансовом году ввоз составил 22 840 191 лиру, а вывоз — 14 370 854 лиры. Дефицит торгового баланса был равен 8 469 337 лир. Э. З. Карал отмечает, что в эти годы дефицит турецкой внешней торговли постоянно был не менее 7 млн. лир, а в иные годы доходил до 10 млн. лир [224, стр. 478]. В 1906 г. дефицит внешнеторгового баланса Османской империи дошел почти до 12 млн. лир [165, стр. 151]. Растущий дефицит во внешней торговле покрывался главным образом за счет все новых и новых кредитов, предоставлявшихся иностранным капиталом и еще более усиливавших финансово-экономическую зависимость Османской империи. К этому следует добавить, что иностранные капиталисты и их агентура в лице нетурецкой компрадорской буржуазии практически держали в этот период в своих руках все сколько-нибудь значительные деловые позиции во внешней торговле империи. Условия ее торговых договоров с европейскими державами обеспечивали максимум возможностей для полного подчинения турецкого рынка иностранному капиталу. Известный турецкий литератор и публицист Ахмед Мидхат писал в эти годы: «Нашей торговли не существует... Только иностранцы извлекают выгоду, занимаясь торговлей... И внутренняя и внешняя наша торговля в руках иностранцев» [цит. по: 224, стр. 474].

Несмотря на неоднократные попытки договориться о

² О деятельности иностранных банков в Османской империи в конце XIX — начале XX в. см.: [177, стр. 205—212; 144, стр. 34, 50—51].

пересмотре основных положений торговых договоров, турецкому правительству не удалось этого добиться из-за настойчивого противодействия держав. Правда, в 1907 г. было достигнуто соглашение о временном (на семь лет) повышении ввозных пошлин на 3%, но это решение было обусловлено взиманием дополнительных пошлин под контролем Администрации долга и передаче 25% этих сборов на погашение османского государственного долга. Остальные 75% должны были поступить в распоряжение Оттоманского банка и использованы на нужды Македонии [177, стр. 184—185], «обеспечение интересов» которой было в этот момент одним из инструментов дипломатической борьбы держав в Османской империи.

Сама структура внешней торговли ясно указывала на превращение Османской империи в рынок сбыта и источник сырья для иностранного капитала. Данные за последнее десятилетие XIX в. свидетельствуют об этом достаточно красноречиво [224, стр. 479—480]. Основные предметы экспорта составляли различные виды сельскохозяйственного сырья: хлопок-сырец, шелк-сырец, шерсть, зерновые, оливки, сухофрукты, опиум, кофе, небольшое количество минерального сырья. Вывозя из Османской империи различное сырье, иностранные капиталисты ввозили туда шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани (ввоз этих товаров составлял примерно треть всего импорта), различные предметы народного потребления — сахар, зерно и муку, металлические и кожанные изделия, керосин, спички и т. д.

Одним из важнейших факторов превращения Османской империи в полуколонию империалистических держав было железнодорожное строительство. Крайне невыгодные для нее условия концессионных соглашений, основу которых составлял принцип «километрических гарантий», предельно ясно свидетельствовали о том, что строительство железных дорог стало для иностранного капитала одним из средств финансово-экономического закабаления Османской империи. История железнодорожного строительства в Османской империи в конце XIX — начале XX в. — еще одно яркое доказательство ленинского положения о том, что империализм превратил строительство железных дорог «...в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полуколонии)...» [16, стр. 305]. Выплата «километрических гарантий» обес-

печивалась сбором ненавистного народу ашара более чем на третьей части территории империи. Суммы этих выплат росли из года в год. За два десятилетия (1889—1908) Османская империя выплатила «километрических гарантий» на сумму около 12 млн. лир (примерно 300 млн. фр.). На одни только эти средства могли бы быть выстроены многие сотни километров железных дорог. Если бы средства, уходившие на выплату «километрических гарантий» в период между 1889 и 1914 гг., тратились гурецким правительством на строительство своей собственной сети дорог, то могло бы быть построено более 1400 км железных дорог [177, стр. 166]. Чтобы оценить значение этой цифры, следует отметить, что всего в Османской империи было построено иностранными капиталистами около 4 тыс. км за весь период железнодорожного строительства — с середины XIX в. до первой мировой войны.

Ярчайшим примером экономической экспансии империалистических держав в Османской империи была знаменитая история концессии на строительство Багдадской железной дороги. Борьба за эту концессию, завершившаяся окончательно в 1902 г. победой германских финансово-промышленных кругов, стала одним из наиболее важных проявлений экспансии германского империализма в Османской империи. «Германские монополисты, — отмечает Г. Л. Бондаревский, — умудрялись наживаться на всем — на эмиссии акций Багдадской дороги и на „экономии“ от строительства ее отдельных участков, на километрических гарантиях еще не сданной в эксплуатацию дороги и на поставках оборудования, на строительстве порта Хайдарпаша и на прокладке кабеля Констанца — Константинополь» [144, стр. 295]. Одна только эмиссия акций и облигаций Багдадской железной дороги принесла «Дейче банк» около 140 млн. марок прибыли еще до начала строительства дороги.

Активное вмешательство германских монополий в борьбу за преобладающее влияние в Османской империи было в конце XIX — начале XX в. одним из важнейших обстоятельств, определявших ее экономическое и политическое положение. Экспансия германского империализма в Османской империи нашла свое выражение и в борьбе германской дипломатии за выгодные заказы для немецких промышленников. В короткий срок германские империалисты вложили в экономику и финансы

Османской империи около 1 млрд. марок, сильно потеснив англо-французский капитал на всех его позициях в экономике полукOLONиальной империи.

Таким образом, экономическое положение Османской империи в конце XIX — начале XX в. характеризовалось крайней отсталостью сельскохозяйственного и промышленного производства, полной финансово-экономической зависимостью страны от иностранного капитала, окончательным превращением ее в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав, рынок сбыта их промышленной продукции и выгодную сферу вложения капитала. Османская империя действительно превратилась в одну из важных хозяйственных территорий империалистических держав.

Верным союзником иностранного капитала, нагло и беспощадно грабившего Османскую империю, был феодально-абсолютистский султанский режим, ставший в годы царствования Абдул Хамида II подлинным жандармом для всех народов империи. История создала еще один из своих парадоксов. Именно после провозглашения первой в истории Турции конституции страна пережила едва ли не самый страшный период феодально-абсолютистского правления, оставшийся в памяти народа и в летописи истории под названием «эпоха зулюма». Первый конституционный монарх Турции с полным основанием был назван Абдул Хамидом Кровавым.

В годы царствования Абдул Хамида II в стране воцарилось господство самых реакционных слоев турецкого общества того времени. Крупные феодалы, представители высшего мусульманского духовенства и феодально-султанской бюрократии составляли опору султанского режима. Абсолютное отсутствие каких-либо реальных гарантий жизни и собственности подданных султана, безудержный административный произвол, чудовищная коррупция в государственном аппарате — все эти черты абдулхамидовского режима сделали Османскую империю страной бесправия и произвола, буквально отбросили ее к тем условиям средневековой жизни, которые в середине XIX в. наконец начали постепенно уступать место буржуазным порядкам нового времени. Выдающийся турецкий писатель Халид Зия Ушаклыгыль писал о Турции в годы абдулхамидовского режима: «Вся страна от вилайетов до уездов разъедалась червями изнутри и снаружи. Правительство повер-

нуло все источники богатства к ненасытной, бездонной пасти дворца. Во всех углах страны были шпионы, на них сыпались щедро деньги, одежда, чины. Все, что было в этой злосчастной стране, все уходило в их прожорливые чрева... Здесь из изменников вербовались слуги, из воров — министры. На груди, в которых не было ничего, кроме грязи, нацеплялись ордена с драгоценными камнями; негодяям, упавшим в пропасть, давались высокие посты... И за этими чинами, рангами, деньгами не был виден измученный, угнетенный народ» [142, стр. 17].

Все нити управления страной были сосредоточены в руках крайне деспотичного, одержимого манией преследования султана и дворцовой камарильи, составленной из самых реакционных представителей мусульманского духовенства, а также арабских, черкесских и курдских феодалов, которых Абдул Хамид сделал своей личной опорой. Подлинным символом власти был султанский дворец Йылдыз, снискавший себе мрачную славу. Именно здесь, а не в здании Высокой Порты решались теперь все сколько-нибудь значительные государственные дела, назначались и смещались министры, губернаторы и другие крупные сановники. Абдул Хамид даже создал во дворце специальные бюро, на которые был возложен контроль за положением дел в армии, в ведомствах иностранных дел, экономики и финансов, образования. Эти бюро возглавляли преданные султану люди [224, стр. 265]. С помощью таких мер Абдул Хамид стремился лично управлять всей жизнью страны. Один из турецких историков так характеризует систему управления, избранную Абдул Хамидом: «Он стал человеком, не доверяющим никому... Сам дипломат, сам военачальник, сам администратор, сам финансист, полицейский — тоже сам, даже жандармский унтер-офицер — сам!» [237, стр. 25].

Турецкий историк Э. З. Карал образно и справедливо пишет, характеризуя абдулхамидовский режим: «Шпионаж был духом деспотического режима... Каждый человек и каждое дело были предметом шпионажа» [224, стр. 265]. Многие десятки тысяч людей стали жертвами шпионажа и доносов. Слово «джурнал» (донос) и «хафие» (шлион) были в эти годы самыми страшными, они наводили панический ужас. Никто не был огражден от шпионажа и доносов. «Темные улицы Стамбула за-

стыли от страха,— писал в своих воспоминаниях Халид Зия Ушаклыгыль.— Чтобы перейти из одной части города в другую, нужна была большая смелость... Шпионы, шпионы... Все боялись друг друга: отцы — детей, мужа — жен. Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи, и все старались куда-нибудь укрыться» [цит. по: 142, стр. 19]. Слежка была установлена за всеми государственными сановниками³. Доносили обо всем — о политических настроениях и служебных отношениях, деловых и личных связях, привычках, вкусах. Так, султану доносили о том, кто из сановников ходит в театр и на какие спектакли, кто из них и где пьет спиртное и т. д. [110, стр. 75—77].

«Огульные аресты и ссылки заподозренных в политической неблагонадежности людей,— писал в феврале 1902 г. русский посол в Стамбуле,— стали в последнее время обычным явлением в Константинополе» [25, л. 131]. В этом сообщении посла излагались, в частности, обстоятельства ареста крупного сановника, старшего генерал-адъютанта султана, маршала Фуад-пашы. Вследствие доноса адъютанта султана Фехим-бея к маршалу были приставлены для наблюдения несколько дворцовых шпионов. Возмущенный сановник приказал своим слугам выставить их из дома. Завязалась драка, было пущено в ход оружие. Фуад-паша был вызван во дворец, арестован и сослан. Единственной причиной ареста на деле было стремление султана избавиться от сановника, имевшего весьма независимый характер [25, л. 131—132].

Болезненная подозрительность султана распространялась даже на самых приближенных ему лиц. «Абдул Хамид,— писал в апреле 1892 г. русский посол Нелидов,— видит себя окруженным врагами и заговорщиками, подозревает всех своих приближенных, даже верховного везира, шейх-уль-ислама и министра иностранных дел, которых он на днях подверг допросу по обвинению в сношениях с его братом и наследником Решад-эфенди с целью возвести его на престол. К счастью, эти сановники успели вполне оправдаться. Но за них поплатился начальник стамбульского гарнизона мушир

³ Подробную характеристику системы шпионажа в эту эпоху см.: [119].

Ариф-паша, который был смещен, как уверяют, за то, что по случаю байрама раздавал стоящим под его начальством солдатам сласти и священную воду из меккского колодца „Земзем“. В этом увидели попытки к задабриванию гарнизона и вместе с тем превышение власти, ибо священную воду без особого разрешения султана раздавать не следовало» [22, л. 320—321].

Положение второстепенных чиновников столичной и провинциальной администрации зависело от малейшего каприза их начальства. Руководители ведомств и губернаторы менялись беспрестанно. Грубый произвол, взяточничество и казнокрадство были нормой жизни турецкого чиновничества в эпоху зулюма. Не зная, сколь долгим будет пребывание на том или ином посту, любой сановник или чиновник администрации стремился к быстрому личному обогащению, не брезгуя никакими средствами. Характеризуя деятельность чиновников провинциальной судебной администрации, русский генеральный консул в Эрзуруме писал в апреле 1884 г.: «Шаткость служебного положения заставляет здешних служителей Фемиды заботиться не столько о торжестве правды и наказании преступления, сколько о возможном своем материальном обеспечении... В большинстве случаев места добываются в Константинополе не без затрат, так что служащему приходится не только позаботиться о возвращении израсходованных денег, но и еще о приготовлении новых средств для приобретения другой должности в случае смещения, от которого, как известно, ничего не гарантирует, кроме сильной протекции» [44, л. 22—23].

Для характеристики состояния турецкой правительственной администрации весьма примечателен такой факт. В 1898 г. среди турецких министров, возглавлявших основные правительственные ведомства, не было ни одного человека с высшим образованием [42, л. 10]. Большинство сановников были людьми предельно невежественными, подчас просто безграмотными. Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что в годы зулюма образованность государственного чиновника была признаком его политической неблагонадежности.

В годы царствования Абдул Хамида II, панически боявшегося развития и распространения идей прогресса и свободомыслия, было серьезно заторможено развитие просвещения, начавшееся в годы танзимата [см.:

159, стр. 64—100]. Отношение абдулхамидовского режима к проблемам народного образования довольно точно определил министр просвещения тех лет Хашим-паша, который заявил, что его министерство прекрасно справлялось бы со своими обязанностями, если бы вообще не существовало никаких школ [251, стр. 275]. Султан сам вмешивался в дела школьного ведомства. Все учебные заведения находились под жесточайшим контролем цензоров и инспекторов ведомства просвещения. Из школьных программ изымались все «пробуждающие мысль» предметы. Султанские цензоры либо совсем изымали из программы начальных школ преподавание истории и географии, либо сводили их к рассказам о жизни и путешествиях мусульманских святых. Религиозное влияние в этот период резко усилилось во всех ступенях турецкой школы. В конце XIX в. в системе светских школ (идадийе) появились уроки богословия, количество часов которых все время возрастало. Курсы истории в средних школах ограничивались в лучшем случае кратким изложением деятельности турецких султанов, причем непосредственные предшественники Абдул Хамида даже не упоминались. В конце XIX в. имел место дальнейший рост высшего и среднего специального образования, но он шел с большими трудностями. Хотя в 1900 г. (в связи с 25-летием царствования Абдул Хамида!) вновь был открыт университет в Стамбуле, его положение было просто плачевным. На литературный факультет принимали по 25 человек в год. Лекции по истории и здесь были сведены к краткому изложению фактов истории ислама и османского государства. Правительственные инспектора контролировали не только лекции по богословию, литературе и истории, но и специальные курсы на техническом факультете. Известный турецкий историк просвещения Осман Эргин характеризовал Стамбульский университет в годы зулюма как учреждение «весьма худосочное и безмолвное» [218, стр. 1107—1016].

Предметом особой «заботы» Абдул Хамида были военные учебные заведения. Хорошо помня об обстоятельствах низложения своего предшественника, Абдул Хамид стремился любыми средствами воспрепятствовать распространению либеральных идей среди их воспитанников. Примечательно, что в этот период из программ военных училищ был вовсе изъят курс истории. В 1906 г. правительство, ссылаясь на трудности управления, рас-

средоточило крупнейшее общевоинское училище в Стамбуле, где обучалось около 2 тыс. человек. Было создано несколько училищ в разных городах. Современники, писавшие об этом факте, отмечали с полным основанием боязнь правительства, «что совместное пребывание такого большого числа молодых людей приведет к развитию революционных идей» [164, стр. 61]. У правительства к этому времени были особые основания бояться распространения революционных настроений в военных училищах, которые с конца XIX в. стали основными центрами деятельности младотурецких организаций внутри страны (об этом см. гл. V). Выпускник военно-медицинского училища 1886 г. доктор Джемиль-паша писал в своих мемуарах, что «дух свободомыслия», которым отличалось это учебное заведение, внушал султану «беспокойство и даже страх». Абдул Хамид держал училище в тисках самой жестокой военной дисциплины [116, стр. 50]. Стремясь укрепить свои позиции в армии и флоте, султанское правительство организовало в 80—90-х годах в военных училищах специальные классы для принцев и детей высшей знати. Однако эта мера еще более изолировала феодально-бюрократическую правящую верхушку от основной массы армейского офицерства, которое стало главной опорой младотурецких комитетов в период непосредственной подготовки и проведения революции 1908 г.

Годы абдулхамидовской реакции были худшей порой в истории турецкой прессы, литературы и искусства нового времени. Турецкая журналистика, достигшая в начале 70-х годов значительных успехов, была сведена на нет султанскими цензорами. Один из русских дипломатов, долго живший и работавший в Стамбуле в годы абдулхамидовского режима, писал о положении прессы в эти годы: «Турецкая пресса изнемогала под ярмом самой беспощадной предварительной цензуры и совершенно не могла касаться ни внутренней, ни внешней политики правительства; ей предоставлялось только в самых униженных выражениях пресмыкаться перед султаном» [173, стр. 4]. Резко сократилось и число издававшихся газет. Если в 70-х годах в Стамбуле было около 50 газет и журналов, то к концу XIX в. там издавалось несколько газет, печатавших только угодные султану и правительству статьи. На турецком языке выходило в этот период три газеты тиражом от 2 тыс. до 15 тыс.

экземпляров да несколько малозначительных журналов с крайне ограниченным числом подписчиков [153, стр. 92—93]. Газетам было запрещено даже употреблять такие слова, как «свобода», «равенство», «право», «деспотизм», «тирания», «конституция», «республика», «революция» и т. п. Даже такие слова, как «весна» или «возрождение», казались цензорам крамольными, ибо могли, по их мнению, натолкнуть читателя на либеральные размышления. Дикий произвол невежественных и всесильных цензоров привел к тому, что турецким читателям оказалось недоступно все лучшее в европейской литературе. Среди запрещенных книг были произведения Руссо и Вольтера, Шекспира и Шиллера, Расина и Корнеля, Гюго и Золя, Толстого и Байрона. Запреты цензуры распространялись и на драматургию. Многие пьесы классического репертуара европейских театров — «Гамлет», «Венецианский купец», «Сирано де Бержерак» и др. — были в Турции при Абдул Хамиде под запретом. Строжайшим образом преследовалось чтение произведений Намыка Кемала, Зии, Абдулхака Хамида. Под запретом был турецкий перевод упоминавшейся выше книги Хайреддин-паши «Реформы, необходимые для государств мусульманских». Даже историческое сочинение «Зерцало истины», написанное Ахмедом Мидхатом по поручению самого Абдул Хамида в первый год его царствования, было признано вредным произведением [224, стр. 413—414; 153, стр. 118—119]. Такая же участь постигла многие произведения турецкой литературы, созданные в годы зулума.

Для литературной жизни Османской империи в годы царствования Абдул Хамида было характерно стремление большинства деятелей литературы не касаться политических и общественных проблем. Эта тенденция была определяющей и в литературной деятельности наиболее прогрессивной части турецких писателей этой поры — группы «Сервет-и Фюнун». Под таким названием — «Сокровищница наук» — издавался с 1891 г. в Стамбуле журнал, которым долгое время руководил выдающийся поэт Тевфик Фикрет. Вокруг названного журнала сложилась группа талантливых писателей и поэтов — Халид Зия, Тевфик Фикрет, Мехмед Реуф, Сами-пашазаде Сезаи и ряд других. Для этой литературной группы, которая была очень далека от народа, от важнейших явлений общественной и политической жиз-

ней страны, был характерен пессимизм, упадочнические настроения. Анализируя причины этого явления, Л. О. Алькаева справедливо отмечает, что «это была реакция на окружающую действительность, трагедия буржуазной интеллигенции, начинавшей свою жизнь в годы „зулюма“ в полукOLONиальной стране» [142, стр. 24]. Очень образно выразил состояние писателей «Сервет-и Фюнун» Халид Зия. «Мы были подавлены черной тучей, нависшей над миром,— писал он.— Зачем жить? Что могло быть? К чему стремиться? На горизонте было одно убежище счастья — это голубое небо, голубое царство, мечта» [цит. по: 142, стр. 25].

Недовольство феодально-султанским деспотическим режимом было, несомненно, распространено в этот период среди деятелей культуры, в частности среди литераторов. Однако оно носило пассивный характер, почти не находило отражения в творчестве. В своих воспоминаниях Мехмед Реуф писал: «Мы, серветифюнуновцы, в целом были заклятыми врагами политики султана. Но так как все написанное против него подвергалось писателей чудовищной опасности, приходилось молчать. Мы были врагами не только политики, но и обычаев, нравов, быта, существовавших в стране при этой политике» [цит. по: 142, стр. 25]. Однако даже такая политически пассивная группа литераторов была опасна с точки зрения абдулхамидовской администрации и цензуры. С 1899 г. в списки «вредных книг» попали и произведения писателей группы «Сервет-и Фюнун» [224, стр. 414]. В 1901 г. журнал был закрыт, его литературный кружок перестал существовать. Вместе с ним были ликвидированы последние ростки литературного прогресса, и вплоть до революции 1908 г. литература и публицистика оставались в состоянии полной застойности.

В годы зулюма многонациональная Османская империя была подлинной тюрьмой для всех населявших ее народов. Султанское правительство, следуя древнему принципу «разделяй и властвуй», постоянно разжигало национальную и религиозную вражду. Провоцируя столкновения между различными религиозными и национальными группами, султан Абдул Хамид не только широко использовал свою шпионскую сеть, полицию и жандармерию. Он пополнял арсенал средств насилия и террора печально знаменитой полурегулярной кавалерией, составлявшейся в основном из курдов с помощью пре-

данных султану вождей курдских племен. Названная по имени султана «хамидийе» иррегулярная конница⁴ сеяла смерть и ужас, подвергая особому террору районы, населенные армянами.

Натравливая турок на нетурок, мусульман на немусульман, султан Абдул Хамид и его правительство стремились путем усиления национальных и религиозных распрей отвлекать внимание народных масс от все возрастающего недовольства деспотическим режимом и хозяйничаньем иностранных капиталистов. На совести турецких правящих кругов были страшная резня армян 1894—1895 гг. и резко обострившаяся в начале XX в. национальная вражда в Македонии. Э. Ф. Найт, хорошо знавший политическую жизнь абдулхамидовской империи, писал: «Он (Абдул Хамид. — Ю. П.) сознательно ослаблял Оттоманскую империю, поселяя в ней раздоры и деморализуя своих подданных, чтобы в государстве не могло появиться никакого элемента, никакой группы людей, достаточно сильной для попытки низложить его. Он сеял вражду между различными христианскими сектами и разжигал мусульманский фанатизм... а когда подданные султана отвечали на притеснения мятежами, он гасил их страшными массовыми убийствами» [61, стр. 36—37].

Встав на путь обострения национальной и религиозной розни и пытаясь таким способом отвлечь народные массы от классовой борьбы, султан Абдул Хамид широко использовал в конце XIX — начале XX в. идейно-политическую доктрину панисламизма. При этом подчеркивались и пропагандировались те тенденции в панисламизме, которые были направлены на обеспечение власти султана в качестве халифа мусульман не только над мусульманскими подданными Османской империи, но и над мусульманами всего мира. Абдул Хамид всячески поощрял деятельность панисламистов в Османской империи. В 90-х годах XIX в. он поддерживал, в частности, виднейшего идеолога панисламизма Джемаледдина Афгани [см.: 251, стр. 265—270].

Таким образом, внутривосточное положение Османской империи характеризовалось в конце XIX — начале XX в. установлением режима крайней феодально-

⁴ Сведения о составе и характере использования конницы «хамидийе» см.: [150, стр. 50—58].

султанской деспотии, дальнейшим обострением социальных и национальных проблем, господством феодально-клерикальной реакции во всех областях политической и общественной жизни страны. «Вся государственная система при Абдул Хамиде II была направлена на то, — пишет советский историк А. Ф. Миллер, — чтобы задержать Турцию на самом низком уровне хозяйственного и социально-политического развития» [169, стр. 104].

Международное положение Османской империи на рубеже столетий определялось ее полукOLONиальным положением. Державы постоянно использовали каждый повод, в частности любое обострение национального вопроса (армянский и македонский вопросы, восстание греков на о-ве Крит), для вмешательства в дела Османской империи. При этом менее всего европейская дипломатия заботилась о защите интересов угнетенных нетурецких народов империи. Каждый повод для вмешательства использовался для укрепления экономических и политических позиций какой-либо из великих держав в Османской империи. Султан Абдул Хамид — довольно ловкий политик и дипломат — постоянно использовал противоречия и борьбу держав для укрепления своих личных позиций. Э. Ф. Найт писал об Абдул Хамиде, что, «будучи тонким дипломатом, он умел в своих целях пользоваться соперничеством европейских держав и преуспел в основной задаче своей жизни — в централизации всей власти в своей собственной особе» [61, стр. 36].

Определяющей чертой внешнеполитического положения Османской империи при Абдул Хамиде была почти полная утрата ею самостоятельности в вопросах внешней политики. Турецкая позиция в международных делах весьма часто определялась не в Стамбуле, а в Лондоне, Париже или Берлине. После Берлинского конгресса 1878 г., на котором рамками международного соглашения были определены окончательные условия мира, завершившего русско-турецкую войну 1877—1878 гг., державы открыто навязывали султанскому правительству удобные им решения внешнеполитических проблем страны. Так, когда в результате греко-турецкой войны 1897 г., вызванной восстанием греков на о-ве Крит в 1896 г. и поддержкой восставших Грецией, турецкая армия наголову разбила греческие войска, европейские державы заставили султана подписать мирный договор, по которому Османская империя фактически утрачива-

ла господство над Критом. Остров получил автономию, а его губернатором стал греческий принц, что реально вело к усилению позиций Англии на острове.

К началу XX в. Абдул Хамид начал придерживаться в вопросах внешней политики довольно откровенной прогерманской ориентации, особо рассчитывая на поддержку своего режима немецкими капиталистами и германским кайзером. Вильгельм II, посетив Османскую империю в 1898 г., установил весьма тесный контакт с Абдул Хамидом и объявил себя покровителем мусульман. Вскоре Османскую империю буквально наводнили немецкие советники и инструкторы. Турецкая армия фактически оказалась под контролем германской военной миссии во главе с генералом фон дер Гольцем. Германские советники направляли деятельность большинства гражданских ведомств страны [см.: 144, стр. 37—45].

Подводя итог характеристике экономического и политического положения Османской империи на рубеже столетий, следует еще раз подчеркнуть, что это была страна, потерявшая экономическую и политическую независимость. Народы империи изнывали под гнетом феодально-султанского деспотического режима и иностранного капитала, которые составляли два главных препятствия на пути экономического, политического и культурного прогресса страны.

Хотя деспотический режим Абдул Хамида II обеспечил, казалось, невозможность любого политического противодействия своему безраздельному господству, внутри страны были силы, заинтересованные — социально и политически — в экономическом и культурном прогрессе, в развитии Турции по капиталистическому пути. Отражавшая интересы турецкой национальной буржуазии турецкая интеллигенция, оправляясь постепенно от ударов реакции, нанесенных ей в итоге разгрома конституционного движения 1876—1878 гг., начала накапливать силы для борьбы с феодально-султанской деспотией. «В конце XIX в., — пишет А. Ф. Миллер, — снова возродилось — на этот раз в более четко выраженной буржуазно-революционной форме — движение, направленное на ограничение султанского самодержавия» [169, стр. 116]. Это движение началось с деятельности тайных обществ и организаций, отражавших постепенно зреющее движение политического протеста абдулхамидовскому режиму.

МЛАДОТУРЕЦКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНЦЕ XIX— НАЧАЛЕ XX В

Первое десятилетие царствования султана Абдул Хамида II не было отмечено сколько-нибудь серьезными антиправительственными выступлениями и даже незначительными проявлениями оппозиционных политических настроений. Казалось, заговоры Али Суави и Клеанти Скальери были последними отголосками полностью разгромленного конституционного движения. На самом же деле в недрах образованной части турецкого общества не только сохранились, но и продолжали развиваться буржуазно-либеральные конституционные идеи и настроения. В среде турецкой интеллигенции, особенно в кругах молодого офицерства и учащихся военных и специальных гражданских школ, тайно распространялись произведения Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля и Зии, проникнутые идеями свободолюбия и патриотизма. Именно на этих идеях было воспитано поколение младотурок 80—90-х годов XIX в., принявшее эстафету борьбы с феодально-султанским деспотическим режимом.

Один из участников младотурецкого движения конца XIX — начала XX в., К. Н. Дуру, писал в своих мемуарах, что именно произведения Намыка Кемаля произвели на него, ученика военного идадийе в Монастыре в начале 90-х годов, такое сильное впечатление, что он «почувствовал себя орлом на вершинах свободы. Именно у него я научился понимать, что такое родина, любовь к родине, готовность жертвовать во имя родины любовь

к свободе» [111, стр. 6]. Произведения Намыка Кемалья и Зии тайно читали учащиеся военного училища в Стамбуле. Это отмечал в своих воспоминаниях другой активный участник младотурецких кружков — А. Б. Куран [115, стр. 48]. Примечательно, что книги Намыка Кемалья и Зии — лидеров и идеологов движения «новых османов» — стали первой школой оппозиционной политической деятельности во всех группах младотурецкого движения. Так, в начале XX в., когда уже активно действовали в эмиграции довольно большие центры политической оппозиции абдулхамидовскому режиму и издавались их газеты и журналы, вновь возникавшие революционные группы учащейся молодежи начинали с изучения произведений Намыка Кемалья и Зии. Джемаль Кутай, участник группы «Революционные солдаты» («Ихтилялджи аскерлер»), созданной в 1903 г. учащимися Кулелийского военного идадние, в своих воспоминаниях писал, что члены этой группы не знали о деятельности младотурок в Европе, но читали книги Намыка Кемалья и Зии [114, стр. 194—195]. Исхак Сюкути — один из создателей первой ячейки младотурецкой организации «Единение и прогресс» — был хорошо знаком с произведениями Намыка Кемалья и активно содействовал популяризации его идей [265, стр. 19]. Таким образом, запрещенные произведения идеологов конституционного движения 60—70-х годов XIX в. поддерживали в течение десятилетия в среде турецкой интеллигенции веру в возможность борьбы за политический, социальный и культурный прогресс их страны. Это не только обеспечило преемственность идейных воззрений в младотурецком движении второй половины XIX — начала XX в., но и послужило важным средством активизации политической борьбы с реакционным абдулхамидовским режимом.

В 1889 г. несколько учащихся военно-медицинского училища создали группу, поставившую своей целью борьбу с деспотическим режимом султана Абдул Хамида. Идея создания тайной политической организации в стенах военно-медицинского училища принадлежала воспитаннику училища Ибрагиму Темо, албанцу по происхождению. Он родился в 1865 г. в городке Иструга (каза Охри, Албания). В семье Ибрагима Темо были давние военные традиции, связанные с несением пограничной службы в Османской империи. Приехав в Стам-

бул, юноша, учился вначале в идадийе при военно-медицинском училище, где сблизился с рядом учеников, среди которых были и некоторые его будущие товарищи по созданию организации. Сближение с Исхаком Сюкути произошло, в частности, во время совместного чтения рукописи «Сна» Намыка Кемаля. Ибрагим Темо рассказывал в своих мемуарах, что именно с этого дня началась их дружба. Юноши сами читали и давали читать товарищам не только запрещенные произведения Намыка Кемаля и Зин, но даже приходившие из Лондона через иностранные почтовые отделения газеты, издававшиеся персидскими либералами [118, стр. 11—12]¹. Ибрагим Темо отмечал в своих воспоминаниях, что за три года учебы в идадийе произошло «идейное пробуждение» в нем самом и в его друзьях-единомышленниках; юноши почувствовали себя готовыми к сопротивлению абдулхамидовскому режиму [118, стр. 12]. После окончания идадийе И. Темо, И. Сюкути и многие их товарищи продолжили учебу в военно-медицинском училище, где они приняли участие в забастовке курсантов, вызванной притеснениями администрации. В забастовке приняли участие почти все курсанты (340 человек), однако администрация боясь султанского гнева, сообщила в рапорте во дворец, что забастовщиков было только 32. Это, вероятно, спасло училище, султан милостиво простил забастовщиков. Между тем И. Темо и его друзья во время этой крайне смелой по тем временам акции курсантов смогли подобрать себе группу единомышленников [118, стр. 15]

В мае 1889 г. И. Темо предложил трем своим товарищам по училищу, взгляды которых ему были особенно известны и близки, создать тайное общество с целью спасения родины. Все трое — Исхак Сюкути, Абдуллах Джевдет и Мехмед Решид — согласились с предложением И. Темо. Вскоре состоялось первое собрание членов тайного общества. Ибрагим Темо писал в своих воспоминаниях что старый садовник Алуш-ага, сад которого был избран в качестве места первой встречи членов общества, сказал юным заговорщикам: «Вы устраиваете свидание, напоминающее встречу пашей,

¹ Возможно, что речь идет о газете «Канун» («Закон»), которую издавал в этот период в Лондоне один из видных представителей буржуазно-либеральной персидской эмиграции — Мальком-хан. В этой газете пропагандировались идеи конституционной монархии.

собравшихся в дни моей молодости для свержения султана Абдул Азиза. Аллах да поможет вам!» [118, стр. 21]. Собрание в саду Алуш-аги было условно названо «Собрание под инжиром» («Индираалты ичтимаи»). Юношеское увлечение романтикой сходов и конспирацией проявилось в интересе к деятельности тайных обществ карбонариев и масонских лож. За год до основания общества в военно-медицинском училище И. Темо во время каникул побывал в Бриндизи и Неаполе. Он посетил франкмасонские ложи, многое узнал об истории карбонариев и их организации. Некоторые участники младотурецкого движения, писавшие свои воспоминания по просьбе Э. Ремсора, считали, что именно эта поездка повлияла на решение И. Темо организовать тайное общество [265 стр. 15].

Вряд ли, конечно, само знакомство с историей карбонариев определило стремление И. Темо и его товарищей к борьбе с феодально-деспотическим режимом. Юноши были подготовлены к этому самой жизнью, окружавшей их. Однако они использовали организационные принципы деятельности карбонариев. Созданное ими тайное общество было разбито на небольшие ячейки. Каждая ячейка получала свой номер, а члены ее имели свои номера в виде дробей, числитель когорой означал номер ячейки, а знаменатель — индивидуальный номер члена ячейки. Ибрагим Темо как инициатор создания общества и участник его первой ячейки получил в обществе номер $\frac{1}{1}$. Участник деятельности младотурецких групп Акыл Мухтар Езден писал в своих воспоминаниях, что каждый член организации знал только пятерых членов своей ячейки [265, стр. 16]. Хорошо осведомленный Поль Феш отмечал в своей книге, что каждый член организации знал только того, кто ввел его в общество, и того, кто давал ему задания комитета [258, стр. 330—331].

Кроме четырех учредителей общества (по некоторым сведениям, был и пятый — Бакиюли Хюсейнзаде Али, тоже курсант военно-медицинского училища) в «Собрании под инжиром» участвовали еще около десяти человек. Среди них были курсанты военно-медицинского училища Шерефеддин Магмуми и Асаф Дервиш, журналист Измирли Али Шефик, преподаватель медицинского училища в Дамаске Гиридли Мухаррем. В числе собравшихся был и довольно высокопоставленный чиновник — юрист Херсекли Али Рюштю. Его избрали пре-

зидентом нового тайного общества. Секретарем стал Ш. Магмуми, а казначеем — А. Дервиш. После первого организационного собрания в общество было вовлечено около 25 человек, главным образом курсантов военно-медицинского училища [о первых шагах общества см.: 118, стр. 20—21; 228, стр. 59—63; 239, стр. 108—110; 265, стр. 16—18]. Руководители организации начали устанавливать контакты с другими учебными заведениями с целью создания в них ячеек общества.

Примерно в то же время начал зарождаться первый зарубежный центр оппозиционной деятельности младотурок. Его создание связано с именем одного из видных лидеров и идеологов младотурецкого движения — Ахмеда Риза-бея. Он родился в Стамбуле в 1859 г. в семье видного турецкого чиновника. Его отец — Али-бей — был членом первого сената. За связь с низложенным Мурад V султан Абдул Хамид сослал Али-бея в Конью. Мать Ахмеда Ризы была немкой; в семье было весьма сильно европейское влияние. Али-бей даже известен был под именем Ингилиз Али-бей («Англичанин» Али-бей). Мальчик получил в значительной мере европейское воспитание и образование. Он окончил Галатасарайский лицей в Стамбуле, а затем уехал в Европу, чтобы получить специальное сельскохозяйственное образование. Как писал в своих воспоминаниях Ахмед Риза, это решение было продиктовано впечатлениями о положении турецкого крестьянства во время поездок по деревням Конийского вилайета, которые юноша посетил, побывав в Конье у ссыльного отца [231, стр. 123]. «Я не мог понять причины такой бедности, — писал Ахмед Риза, — и подумал, что надо искать выход в совершенствовании методов ведения сельского хозяйства» [цит. по: 251, стр. 305]. Окончив во Франции сельскохозяйственное училище, Ахмед Риза стал работать в министерстве сельского хозяйства, но вскоре понял, что этот департамент, как и другие правительственные учреждения Османской империи, всего лишь кормушка для бюрократов. Ахмед Риза в этот период приходит к убеждению, что главная причина отсталости сельского хозяйства — невежество крестьянства [251, стр. 306; 231, стр. 123]. Он перешел на работу в министерство просвещения. Некоторое время работал директором школы иадаийе в Бурсе, затем исполнял обязанности директора местного департамента просвещения. Его попытки как-то улучшить народное

образование наталкивались на противодействие местной администрации. В 1889 г. Ахмед Риза вновь уехал в Париж на выставку в связи со 100-летием Французской революции. С этого момента он посвятил себя общественно-политической деятельности, направленной на изменение существующего режима с целью достижения политического, экономического и культурного прогресса Османской империи. Ахмед Риза, как и многие другие турецкие буржуазно-либеральные реформаторы, начал с представления докладных записок султану. С 1889 по 1894 г. он семь раз обращался к Абдул Хамиду с посланиями, в которых призывал султана изменить свою политику, восстановить конституционный режим [см.: 251, стр. 306—307; 231, стр. 124—125]. В этот период вокруг Ахмеда Ризы начала складываться небольшая группа турецких эмигрантов. Часть этих людей покинула родину в знак протеста против кровавого режима Абдул Хамида, другие вынуждены были бежать после первых провалов тайных младотурецких групп в Стамбуле.

Тайное общество, созданное курсантами военно-медицинского училища, довольно быстро установило связи с другими учебными заведениями столицы. Ячейки общества были созданы в военном, военно-морском и инженерно-артиллерийском училищах, школе гражданских чиновников и ветеринарной школе. В военном училище были, в частности, созданы две группы, носившие название отрядов имени Хюсейна Авни-паши и Сулейман-паши [239, стр. 104; 265, стр. 17—18] — видных военных, участвовавших в низложении Абдул Азиза в 1876 г. То обстоятельство, что первые группы младотурок возникали именно в военных и специальных гражданских учебных заведениях, не было случайным явлением. Эти учебные заведения при Абдул Хамиде были наиболее важными центрами формирования турецкой интеллигенции. Молодежь здесь получала сравнительно хорошее образование, изучала иностранные языки, имела хотя бы минимальные возможности для знакомства с экономической и политической жизнью европейских государств. А. Мандельштам, сотрудник русского консульства в Стамбуле, отлично знавший Османскую империю писал: «Молодые офицеры турецкой армии, выходцы из военных школ Константинополя, составляли, без всякого сомнения, наиболее либеральный и цивилизованный элемент в Османской империи» [263, стр. 10]. Несмотря на

жесточайший дисциплинарный режим и шпионаж, среди курсантов ходили по рукам книги, журналы и газеты, изданные в Европе. Эта литература доставлялась в Стамбул по каналам иностранных почтовых служб в Османской империи, существование которых было связано с капитуляционными привилегиями иностранцев².

О существовании тайного общества в военно-медицинском училище султану стало известно спустя два-три года, примерно в 1892 г. Акыл Мухгар Езден писал в своих воспоминаниях, что трое курсантов училища написали донос султану. Абдул Хамид немедленно сместил коменданта училища Али Саиб-пашу, а начальнику военного училища Зеки-паше было дано распоряжение ликвидировать заговор. Арестовали ряд учащихся, в том числе Абдуллаха Джевдета, Мехмеда Решида, Шерефедина Магмуми. Был арестован и журналист, редактор газеты «Саадет» («Счастье») Али Шефик [265 стр. 19—20]. После нескольких месяцев заключения все они получили «высочайшее помилование». Трудно, конечно, точно определить причину столь снисходительного отношения Абдул Хамида к арестованным. Скорее всего султан предпочел считать случившееся юношеской выходкой, чтобы репрессиями не накалять атмосферу в военных училищах. Во всяком случае, арестованные были освобождены и получили даже возможность продолжить учебу. Несмотря на аресты, деятельность общества продолжала расширяться. Один из участников младотурецких кружков отмечал в своих воспоминаниях, что члены общества начали агитацию среди софт — учащихся медресе Стамбула [265, стр. 20].

В 1894 г. в Стамбуле произошло событие, которое взбудоражило столицу. Стремясь привлечь мировое общественное мнение к положению армян в Османской империи и протестуя против начавшейся по указке Абдул Хамида резни армян в ряде городов империи, небольшая вооруженная группа армян на некоторое время захватила Оттоманский банк и совершила налет на здание Высокой Порты [153, стр. 252—253; 229, стр. 138]. Атмосфера в городе была накалена до предела. Началось новое избиение армян. Тогда Ибрагим Темо, Исхак Сюкути и

² Австрийская почтовая служба в Османской империи начала действовать в 1867 г., английская и французская — в 1885 г., русская — в 1863 г., германская — в 1884 г.

Доктор Добруджалы Исмаил Ибрагим-эфенди решили немедленно найти возможность распространить листовку-обращение к населению от имени своего общества [118, стр. 47—48]. Были приобретены в одной из галатских литографий все необходимые средства и материалы. В доме одного из друзей И. Темо, Дебрели Бехчет-эфенди, был отпечатан первый из известных нам пропагандистских документов общества [см.: 118, стр. 48—49]³.

«Мусульмане и возлюбленные соотечественники-турки! — писали авторы листовки, которую И. Темо назвал манифестом. — Армяне настолько осмелели, что совершают палат на Высокую Порту, являющуюся высшей инстанцией в нашем государстве и уважаемую всеми иностранцами, они сотрясают нашу столицу. Эти дерзкие действия наших соотечественников-армян являются причиной нашего огорчения; однако эти вызывающие скорбь и сожаление события порождаются гнетом, деспотизмом и дурным управлением. Мы — турки, подобно всем османам, требуем освобождения от этого деспотического режима, требуем реформ. Наше общество действует с этой целью. Давайте мы сегодня, порицая армян, обрушимся на Высокую Порту, резиденцию шейх уль-ислама и дворец Йылдыз, являющиеся центром гнета, тирании и дурного управления, уничтожим деспотов в этих учреждениях, подадим друг другу руки, соберемся вместе, умножим силы. Докажем цивилизованному миру, что и мы плаем любовью к свободе и достойны ее!

Османское общество „Единение и прогресс“».

Как видно листовка содержала призыв к совместной борьбе народов Османской империи с деспотическим режимом. Ее авторы выступали против самостоятельных антиправительственных акций армянских буржуазно-революционных организаций. Прямо продолжая политическую линию своих предшественников — «новых османов», младотурки 90-х годов выступали с тезисом, что возможна только общая борьба всех «османов» — подданных Османской империи против деспотизма, за прогресс их «общей родины». Эта программная мысль, которая позже стала лейтмотивом младотурецкой пропаганды, отразилась, как видно, уже в первом пропагандистском документе младотурок.

³ А. Б. Куран также воспроизводит в своей книге этот текст, называя его автором Абдуллаха Джевдета [229, стр. 138].

Необходимо отметить, что резня армян в 1894—1895 гг. сыграла значительную роль в идейном пробуждении турецкой интеллигенции. «События 1894—1895 годов, резня сотен тысяч армян произвели, — писал А. А. Алимов, — ошеломляющее впечатление на турецкую интеллигенцию. Армянское движение ярче вскрыло внутренние противоречия абдулхамидовского режима, еще больше обнажило преступную политику абсолютизма. Международное вмешательство в результате сасунских событий показало всей буржуазно-либеральной Турции, какие опасности таит в себе существующий режим для целостности Турции, для сохранения хотя бы призрачной политической независимости Турции. Отсюда, как и в 1876 году, младотурки сильнее развернули критику существующего режима, пользуясь сасунскими событиями для обнажения гнойных болячек на теле турецкого абсолютизма» [140, стр. 17].

Листовка 1894 г. написана от имени «Османского общества „Единение и прогресс“». С какого времени младотурки стали так называть свою организацию? Точный ответ на этот вопрос дать трудно. Первоначальная группа общества, созданная в 1889 г. в военно-медицинском училище, приняла название «Османское единство». Существует мнение, что название «Единение и прогресс» было принято после того, как члены общества установили контакт с Ахмедом Ризой в Париже. К этому времени он уже находился под сильным влиянием позитивистской философии Огюста Конта. Девизом позитивистов был «Порядок и прогресс». Т. З. Туная отмечает, что «первым воздействием позитивизма было превращение названия общества в „Единение и прогресс“» [239, стр. 104].

Листовка была отпечатана в количестве тысячи экземпляров. Ибрагим Темо писал в своих воспоминаниях, что члены группы распространяли ее в разных районах Стамбула среди чиновников, офицеров, курсантов военных училищ [118, стр. 49]. Она, несомненно, попала в поле зрения абдулхамидовской полиции. Вновь начались аресты лиц, подозревавшихся в свободомыслии. Были арестованы Абдуллах Джевдет, Исхак Сюкути, Шерифдин Магмуми, курсант военно-медицинского училища Абулкерим Себат, преподаватель военного училища Чюрюксулу Ахмед-бей и ряд других участников организации. Они были сосланы в разные районы империи;

из мест ссылок многим, в частности Абдуллаху Джевдету, Исхаку Сюкути и Ахмед-бею, удалось бежать в Париж [265, стр. 26]. В конце 1894 г. был арестован и видный деятель конституционного движения 60—70-х годов Тевфик Эбуззия. Сообщая о его аресте, русский посол в Стамбуле писал, что у Т. Эбуззии была, как говорят, обнаружена опасная переписка «с разными турками в империи и за границей» [24, л. 487]⁴. В 1894—1895 гг. из Турции бежало, спасаясь от арестов, значительное число участников младотурецких ячеек в учебных заведениях. Сам И. Темо эмигрировал в 1895 г. в Румынию. Многие эмигранты осели в Париже. Центром притяжения для них стала газета «Мешверет» («Обсуждение»), первый номер которой вышел в декабре 1895 г. Эта газета, выходявшая раз в две недели, была основана Ахмедом Ризой при участии ряда эмигрантов, в частности Халнля Ганема, сирийского христианина, депутата первого парламента, и Селяникли Назыма, воспитанника военно-медицинского училища, продолжавшего в Париже свое медицинское образование. Вначале было решено, что газета будет издаваться на турецком языке и предназначаться для читателей в самой Турции. Но Ахмед Риза стал выпускать и приложение на французском языке. Поскольку к этому времени Ахмед Риза был хорошо известен в кругу парижских позитивистов и даже печатался в их органе — газете «Ревю оксиданталь», она опубликовала специальное извещение в связи с началом издания «Мешверет». «Обращаем внимание наших читателей, — говорилось в „Ревю оксиданталь“, — на появление новой газеты — „Мешверет“ — органа младотурок, выходящего на арабском языке (ошибка составителя извещения. — Ю. П.) с приложением на французском языке; редактор — Ахмед Риза. „Мешверет“ датируется по календарю позитивистов, выходит два раза в месяц под нашим девизом „Порядок и прогресс“» [цит. по: 265, стр. 23—24].

3 декабря 1895 г. в «Мешверет» была опубликована статья под названием «Наша программа», в которой говорилось, что «Османский комитет „Единение и прогресс“ недавно основал в Париже газету „Мешверет“»

⁴ Тевфик Эбуззия не прервал связь с младотурками и в ссылке (он был сослан в Конью), переписывался тайно с младотурецким комитетом в Париже [см.: 114, стр. 178—180].

с целью оповестить о своем существовании, ибо известно, что в Турции прессу заставили замолчать» [цит. по: 265, стр. 24]. В статье далее отмечалось, что цель общества, которое представляет газета, — достижение мирным путем прогресса Османской империи. «Мы стремимся работать не для свержения правящей династии, существование которой мы считаем необходимым для поддержания порядка, но для распространения прогресса и достижения его победы мирным путем. Наш девиз „Порядок и прогресс“, и нам чужды решения, достигнутые с помощью силы. Мы требуем реформ, но не в интересах той или иной провинции, а для всей империи, не в интересах какой-либо одной национальности, а для всех граждан Османской империи, будь то еврей, христианин или мусульмане. Мы хотим идти по пути цивилизации, но мы решительно заявляем, что мы пойдем этим путем, укрепляя османский элемент, уважая присущие ему условия существования. Мы намерены сохранить особенности нашей восточной цивилизации, заимствовав у Европы только основные результаты развития науки, только то, что действительно необходимо, чтобы вести народ по пути свободы... Мы против прямого вмешательства иностранных держав в дела Османской империи. И это проистекает не из фанатизма (религиозный вопрос — сугубо личное дело), а из законного чувства гражданской и национальной гордости» [цит. по: 265, стр. 25].

В этой программной статье «Мешверет» есть пункты, отражавшие сравнительно общие для того периода взгляды младотурок — неделимость империи, невмешательство иностранных держав в ее дела, реформы с целью прогресса страны и всех ее подданных без различия религии и национальности. Вместе с тем ряд ее пунктов, как это справедливо отмечено в исследовании Э. Ремсора, отражал скорее личную точку зрения Ахмеда Ризы. Это касается положения о том, что цели общества могут быть достигнуты только мирным путем. Именно в этот момент остававшиеся в Стамбуле члены организации готовили заговор с целью низложения Абдул Хамида [265, стр. 25].

После арестов и ссылки в 1894—1895 гг. ряда членов Первой тайной организации младотурок она не прекратила свое существование. Был даже создан первый центральный комитет общества, председателем которо-

го стал видный чиновник Хаджи Ахмед-эфенди, занимавший пост начальника бухгалтерии четвертого отделения военного министерства. В комитет входили также курсант военно-медицинского училища Меккели Сабри, к которому после арестов перешло руководство организацией в училище, Хюсейн Авни и директор одной из стамбульских рюштие Надир (секретарь). В этот период в руководстве обществом в Стамбуле принимал участие и шейх одного из дервишеских орденов Наили-эфенди, который принимал участие еще в движении «новых османов». Комитет под руководством Хаджи Ахмед-эфенди принял решение о низложении Абдул Хамида и начал вербовать приверженцев среди солдат дворцовой охраны Йылдыза. Когда об этом решении стало известно младотуркам в Париже, они выступили против него [см.: 228, стр. 65—66; 239, стр. 109—110; 265, стр. 21]⁵.

В этот период тайная организация уже имела свой устав, текст которого дошел до нас. Он опубликован Т. З. Туная по рукописи, найденной А. Б. Кураном среди бумаг личного архива Махмуда Джелаледдин-паши и хранящейся ныне в Институте истории турецкой революции Анкарского университета [239, стр. 117—122]. А. Б. Куран высказал предположение, что этот устав относится к периоду создания организации в военно-медицинском училище. Т. З. Туная, публикуя документ, выразил сомнение по поводу этой точки зрения. Мы не располагаем точными данными относительно даты составления первого устава, но имеем вполне определенное основание считать, что он существовал и действовал в 1895—1896 гг. В 1313 г. х. (1895/96 г.) в Париже была опубликована брошюра под названием «Отечество в опасности», которая на обложке имела пометку: «Первое из произведений Османского общества „Единение и прогресс“». Это была первая или, во всяком случае, одна из первых политических пропагандистских брошюр, изданных младотурками. На ее титульном листе имеется следующее пояснение: «Это рисале, присланное нашему обществу одним из патриотов, печатается в соответствии со ст. 21 нашего устава» [см. 108]. Между тем именно статья 21 устава, найденного

⁵ А. Б. Куран отмечает, что решение о низложении Абдул Хамида было принято впервые в 1897 г.

А. Б. Кураном и опубликованного Т. З. Туная, определяет, что общество должно обеспечивать издание газет и различных листовок и брошюр для их распространения в Османской империи с целью оказания воздействия на общественное мнение как в Европе, так и в самой империи [239, стр. 120]. Таким образом, устав, опубликованный Т. З. Туная, был составлен и начал действовать не позже 1895—1896 гг. Возможно, что этот устав составлен в период создания первого центрального комитета общества в Стамбуле. Статья 6 устава определяла, что руководящий комитет общества, находящийся в Стамбуле, составляется из председателя и четырех членов [239, стр. 118]. Примерно таким и был, как отмечалось, состав первого центрального комитета, о деятельности которого говорилось выше. Положения этого устава имеют важное значение для характеристики политических целей общества в этот период.

Статья 1 устава гласила: «Организовано Османское общество „Единение и прогресс“, оно открыто для всех османов — женщин и мужчин. Его цель — пробуждение всех наших соотечественников — мусульман и христиан — для изменения образа действий нынешнего правительства, которое наносит ущерб таким человеческим правам, как справедливость, равенство и свобода, мешает прогрессу всех османов и отдает родину в руки иностранцев» [239, стр. 117]. В следующих статьях так сформулированы цели общества: «*Статья 2.* — Цель общества — обеспечить интересы всех. Нет среди нас пристрастия [к какой-либо] нации, племени, расе или религии. Член общества свободен и независим в своем мнении. Он не связан ничем, кроме общих интересов. *Статья 3.* — Долг общества — заниматься такой общепользуемой деятельностью, как восстановление вместо нынешнего режима конституционного управления, обеспечивающего человеческие права и являющегося источником цивилизации; вообще служить [целям] человечности и цивилизации. Лица, препятствующие успешному осуществлению этой цели и причиняющие обществу всякого рода вред, будут рассматриваться в качестве врагов родины. *Статья 4.* — По мнению общества, необходимо, чтобы благородный род Османа вечно был на троне султаната и халифата. Однако, если [члены династии] будут совершать действия, противные шариату и закону, не будут согласны с конституционным

управлением и не будут обеспечивать человеческие и гражданские права, в этом случае в отношении них будут приняты нужные меры в соответствии с шариатом и законом. *Статья 5.* — После того как будет установлено справедливое управление, обеспечивающее свободу и прогресс Османской империи, общество будет считать своей священной обязанностью целиком и полностью оказывать помощь и поддержку правительству во всех его начинаниях — таких, как территориальная неделимость и независимость государства, распространение просвещения, улучшение нравов, умножение богатства [страны], увеличение торговли и благосостояния» [239, стр. 117—118].

Устав определял в ст. 25, что членом общества может быть любой подданный Османской империи, достигший совершеннолетия, «имеющий добрый нрав и не имеющий славы труса и шпиона», решительно готовый бороться за достижение целей общества, лишенный чувства личной выгоды. Устанавливалось также (ст. 37), что женщины, вступившие в общество, имеют равные с мужчинами права. Эта статья устава представляется очень важной как показатель того, что среди либеральной турецкой интеллигенции начало расти сознание необходимости равноправия женщин. Это положение отражало начавшийся процесс ломки укоренившегося в турецком мусульманском обществе взгляда на место женщины в обществе [212, стр. 81—94].

Будущий член общества должен пройти период «проверки и испытания», во время которого он не должен знать о существовании организации общества. Вступающий должен поклясться «искренне служить целям общества и действовать в соответствии с этим уставом» (ст. 26—27). Примечательно, что вступающий подкреплял свои слова клятвой «религией или честью, совестью» [212, стр. 121—122]. Таким образом, сама формула клятвы подчеркивала, что в общество привлекаются люди разных религиозных убеждений. Само право клясться по выбору — религией или честью — указывает на определенную свободу в отношении религиозных убеждений, допустимость светской формулы клятвы.

Устав определял весьма строгие правила конспирации. В частности, устанавливалось, что каждого члена общества должны знать не более двух человек кроме

того, кто привлек его в общество (ст. 8). Устав указывал, что пять членов руководящего комитета организуют пять отрядов общества, члены которых имеют свои номера (ст. 9); он устанавливал систему связи по цепочке (ст. 10), порядок сбора средств среди членов общества и их расходования, уплаты ежемесячных членских взносов, размер которых определялся положением и желанием вносящего (но не менее 9,5 куруша в год) (ст. 16, 17, 33). В уставе специально оговаривалась обязанность общества оказывать помощь семьям погибших за дело общества (ст. 34). Устанавливалось, что средства общества идут прежде всего на обеспечение его издательской деятельности, а также семьям погибших и лицам, помогающим в осуществлении начинаний общества (ст. 36) [212, стр. 118—120, 122].

В уставе говорилось (ст. 13) о возможности организации отделений общества внутри страны и за рубежом [212, стр. 119]. Таким образом, к моменту составления устава парижская группа младотурок еще не оформилась организационно в качестве отделения общества. Это произошло несколько позже, но во всяком случае не позднее конца 1895 г., когда начала выходить газета «Мешверет» в качестве органа общества «Единение и прогресс».

В 1895 г. в кругу эмигрантов в Париже появился человек, который вскоре стал одним из лидеров младотурецкого движения. Это был довольно популярный в то время историк и журналист Мурад-бей, широко известный под именем Мизанджи Мурад-бея. Выходец из Дагестана, уроженец даргинского селения Урахи — Амиров Гаджи-Мурад (род. в 1853 г.) учился вначале в Темир-Хан-Шуринском реальном училище, а затем в Ставропольской гимназии. Юношей он проявил серьезные способности к исследовательской работе, занимался изучением фольклора, опубликовал очерк «Среди горцев Северного Кавказа (из дневника гимназиста)». В 1872 г. уехал учиться в Цюрих, откуда не вернулся на родину, а перебрался в 1873 г. в Турцию. Причины этого поступка неясны. И. Абдуллаев, автор небольшой статьи о жизни Мурад-бея, высказывает предположение, что «его эмиграция была вызвана колониальной политикой царизма, который жестоко подавлял попытки горцев Дагестана к волеизъявлению» [136, стр. 43].

Приехав в Турцию, Мурад стал преподавателем истории, написал ряд крупных работ. Его наиболее значительные труды — шеститомная «Всемирная история» и однотомная «Османская история». Его труды довольно высоко оценивались тюркологами, в частности Ф. Бабингером [249, стр. 391—392]. Мурад многое сделал и для ознакомления турецкой интеллигенции с русской литературой. В частности, в 1883 г. он перевел на турецкий «Горе от ума». Он пробовал свои силы и на литературном поприще, написав в 1891 г. на турецком языке роман «Это новость или неожиданность?», в котором была сделана попытка показать настроения молодой турецкой буржуазной интеллигенции того времени. Наибольшую популярность он приобрел, однако, как журналист — издатель газеты «Мизан» («Весы»). Эта еженедельная газета издавалась в Стамбуле с 1886 г. Она позволяла себе изредка критиковать правительство, хотя по отношению к султану проявляла достаточно верноподданнические чувства. Примерно в 1891 г. Мурад был назначен турецким комиссаром в «Управление оттоманского долга»; находясь на этой должности, он довольно энергично отстаивал интересы Османской империи [231, стр. 50—51].

Первые контакты Мурада с обществом «Единение и прогресс» имели место примерно в 1893—1894 гг., но, как писал позже сам Мурад, он не вступил в общество, будучи правительственным чиновником и имея еще большие надежды на то, что султан сам изменит свою политику [231, стр. 53]⁶. В октябре 1895 г. Мурад подал султану докладную записку, в которой предлагал осуществить ряд реформ в системе государственного управления. Султан, однако, не счел нужным прореагировать на эту записку. Мурад-бей решил после этого уехать из Турции. В 1896—1897 гг. он вел активную политическую деятельность, направленную против абдулхамидовского режима. За рубежом Мурад вновь начал издавать газету «Мизан», сделав ее одним из органов общества «Единение и прогресс». Мурад приехал в Париж в конце 1895 г., еще до начала издания «Мешверет». Его первая же встреча с Ахмедом Ризой выявила достаточно определенные политические разногласия.

⁶ Один из участников младотурецкого движения, Фехми Янер, писал в своих воспоминаниях, что Мурад-бей ввел в общество шейх Наили-эфенди [см.: 265, стр. 27].

Мурад выступал как политический деятель с довольно умеренной программой реформ. В общих чертах он писал в первом номере «Мизан», вышедшем в Каире 4 января 1896 г., о необходимости восстановления конституции [36, л. 2]. Однако, когда он в феврале того же года более подробно изложил в «Мизан» свои политические взгляды, они выглядели более чем умеренными. Эти взгляды были представлены читателю в форме опубликованного в «Мизан» «Обращения к султану Абдул Хамиду». В нем отмечалось, что со времени его восшествия на престол государство пришло в упадок, от империи были отторгнуты многие территории, а в тех ее частях, которые все еще остаются под османским владычеством, торговля и сельское хозяйство находятся в тяжелом положении «из-за отсутствия безопасности» [103, стр. 277—278]. В обращении говорилось о необходимости обеспечения «свободы печати в пределах закона», улучшения системы судопроизводства и подсудности чиновников. Обращение призывало к созданию некоего совещательного органа, составленного из государственных сановников и «уважаемых лиц страны». Самой конкретной и радикальной идеей обращения было предложение о создании «ответственного правительства», контролируемого сенатом (меджлис-и аян) [103, стр. 288]. В «Обращении к султану Абдул Хамиду» нет даже слов «конституция» и «палата депутатов».

Ахмед Риза и его единомышленники выступили в этот период с несколько более конкретной и радикальной программой. Она была опубликована в «Мешверет» 15 августа 1897 г. под названием «Программа Молодой Турции» [см.: 216, стр. 258—260]. Здесь весьма резко ставился вопрос о восстановлении конституции 1876 г. «Мы официально требуем, — говорилось в программе, — восстановления действия этой аннулированной конституции. Эта конституция обеспечивает участие страны (народа) в создании законов, свободу печати, свободу личности, свободу совести и дает представителям нации (депутатам) право слушать министров и обсуждать бюджет» [216, стр. 259]. И далее в программе отмечалось, что эта конституция нуждается в совершенствовании, в изменениях, которые нужно будет в нее внести после того, как по мере применения станут видны ее недостатки. «Наш лозунг — „Порядок и прогресс“. Мы отвергаем обращение к силе, — заявляли состави-

тели программы. — Мы требуем реформ не для того или иного вилайета, а для всей страны, не для какого-либо одного народа империи, а для всех [населяющих ее] людей. Основа того, что мы желаем, — единство и нераздельность наших земель. Те, кто стремится отделить от государства часть наших земель, являются врагами отчизны. Мы хотим идти по пути прогресса... Вкратце наша программа такова: единство, целостность и неделимость империи, сохранение на троне династии Османа, равенство всех перед законом, независимость правосудия, свобода совести, участие представителей страны в выработке законов и в особенности в утверждении бюджета, абсолютное выполнение всех существующих законов» [216, стр. 260].

Как видно, программа Ахмеда Ризы и группы, объединившейся вокруг «Мешверет», тоже не отличается революционностью. Отказ от применения силы, заверение в незыблемости прав династии — все это свидетельствовало о том, что группа Ахмеда Ризы не шла в определении программных установок общества «Единение и прогресс» намного дальше конституционалистов 70-х годов. Однако выдвинутые в «Программе Молодой Турции» требования были все же значительно более определенными, чем общие призывы Мурада к созданию «ответственного правительства».

Разногласия между Ахмедом Ризой и Мурадом существовали и в подходе к решению национального вопроса. Ахмед Риза, выступая под лозунгом единства всех османов — подданных султана, резко клеймил Абдул Хамида и его окружение за избивание армян. Мурад в «Мизан» счел возможным открыто выступить в защиту политики султана в армянском вопросе. Ахмед Риза на страницах «Мешверет» стремился в связи с греко-турецкой войной 1897 г. и восстанием греков на о-ве Крит к разоблачению феодально-абсолютистского режима, являвшегося причиной возникновения греческого повстанческого движения [см.: 140, стр. 18—19].

Позиция Мурада в отношении освободительных движений нетурецких народов Османской империи нашла свое отражение в изданной им в июне 1897 г. брошюре, в которой он доказывал, что вопрос о положении христиан в Османской империи — результат дипломатических интриг [132, стр. 27]. Весь пафос этого раздела брошюры сводился к тому, что у нетурецких народов

империи нет оснований бороться за свое освобождение из-под власти турецкого султана. Если же Ахмед Риза пытался, также ратуя за неделимость Османской империи, хоть как-то объяснить возникновение антитурецких освободительных движений пороками султанского абсолютизма, Мурад в резкой форме отвергал само право нетурецких народов стремиться к отделению от империи. Говоря об армянском освободительном движении, Мурад писал, что стремление освободить армян из-под власти султана является «навязчивой идеей» армянских комитетов, которая приводит их к «преступным решениям», к «оскорблению гордости мусульман» и т. д. [132, стр. 48]⁷.

Вместе с тем в рассматриваемой брошюре Мурад-бея есть положения, которые в целом были присущи в этот период всей пропагандистской деятельности младотурок. Заканчивая свою брошюру, Мурад писал: «Мусульманская религия не является непосредственной причиной слабости Османской империи. Она не является тем более препятствием для ее подъема.

Народ молод, силен, вынослив, религиозен. Ему не хватает только хорошего правительства. Его единственная вина состоит в том, что он слепо повинуется недостойным властям. Но так как различные обстоятельства превратили эту покорность в священную обязанность, его не следует слишком упрекать.

Царствующая фамилия деградировала из-за безобразий, творящихся во дворце; но она еще не истощена. Ее эффе́ктивное „очищение“ в рамках программы, предлагаемой партией реформ, вернет ей качества, которыми она некогда была славна. Ее сохранение во главе империи необходимо. Без нее турецкая мощь не будет существовать» [132, стр. 58].

Далее Мурад писал, что недостойные действия пра-

⁷ Надо заметить, что Ахмед Риза, выступавший против политики открытого геноцида в отношении армян, тоже довольно резко реагировал на те действия армянских буржуазно-революционных организаций, которые стремились освободить армян из-под турецкого владычества. Так, личный секретарь Абдул Хамида Тахсин-паша писал в своих мемуарах, что за несколько месяцев до покушения на султана, организованного армянскими комитетами (1905 г.), Ахмед Риза довольно резко выступил против деятельности этих комитетов, обвинив их в стремлении создать свое независимое государство. Абдул Хамид, узнав об этом факте, даже решил вновь предложить Ахмеду Ризе вернуться на родину [см.: 117, стр. 202].

вительства — результат невежества сановников, превратившихся в особую касту, и политики султана Абдул Хамида. Мурад заявлял, что должна быть введена в действие конституция, которая могла бы защитить законы от дворцового произвола. «Турки созрели для конституционного режима, — писал Мурад, — пропорциональное представительство по конституции Мидхата является вдохновляющим примером» [132, стр. 58].

Как видно, в этих программных высказываниях Мурада уже есть много положений, сблизивших его с основными пунктами программы Ахмеда Ризы. Но и здесь у Мурада отчетливо виден интерес к реформам и не в связи с судьбой всех народов Османской империи. Он писал о конституции так, как будто она лишь средство прогресса ее мусульманского, турецкого населения. Он писал и думал именно о нем, ему явно не очень была близка идея «равенства и братства» всех народов империи без различия вероисповедания.

Как и в других младотурецких пропагандистских изданиях этой поры, в брошюре Мурада резко осуждался султан Абдул Хамид, о котором автор писал, что «это не султан, а сам сагана на троне!». Мурад заканчивал свое сочинение словами: «Пока царствует султан Хамид, османский мир и Европа не могут ожидать от него ничего, кроме неприятностей, еще раз неприятностей, всегда неприятностей» [132, стр. 59].

Необходимо отметить, что сведение пороков феодально-абсолютистской власти к недостаткам личности царствующего султана было наиболее характерной чертой для подавляющего большинства изданий младотурок в конце XIX в. Политические памфлеты, содержавшие острую критику самого Абдул Хамида, писались многими младотурками и тайно распространялись в Османской империи. В одном из памфлетов под названием «Надежда пробуждения» об Абдул Хамиде говорилось, что «история человечества не знала монарха более неблагородного, жадного и подлого» [82, стр. 1]. В другой брошюре, изданной в Женеве, Абдул Хамид был изображен на обложке в виде дряхлого старца, идущего по дороге с револьвером в руках и оставляющего за собой кровавые следы. Автор брошюры «Письмо к морякам» называл Абдул Хамида «Новым езидом» (езидами турки называли приверженцев секты последователей дьявола), совершающим безумные поступки

[84, стр. 3]. В другой брошюре говорилось об Абдул Хамиде, что он «не султан, а черная змея», «не повелитель вселенной, а желтый скорпион». Обращаясь к Абдул Хамиду, автор этой брошюры гневно восклицал: «По какому праву ты господствуешь над нами, пьешь нашу воду, ешь наш хлеб, да еще, не стыдясь, называешь себя нашим господином?» [цит. по: 224, стр. 524—525].

Деятели младотурецкого движения в этот период уделяли главное внимание организации антиправительственной пропаганды через печать. Этой цели служили, несмотря на разногласия, «Мешверет» и «Мизан», а также созданная в 1897 г. женевской группой младотурок газета «Османлы» («Османец»), которая начала выходить с 1 декабря 1897 г. В этих газетах подробно обсуждались важнейшие проблемы, связанные с внутренним и международным положением Османской империи, излагались и аргументировались программные взгляды младотурок⁸. Наряду с газетами огромную роль в пропагандистской деятельности младотурецких организаций играли брошюры и листовки для нелегального распространения в пределах Османской империи. Ю. Х. Баюр отмечает, что с помощью брошюр «велась большая пропаганда; напечатанные на тонкой бумаге книжечки в 15—20 страниц, часто размером в 8—10 сантиметров, с легкостью можно было распространять внутри страны» [216, стр. 325].

Как проникали эти материалы в Османскую империю? Ю. Х. Баюр отмечает в своем исследовании, что было два пути. Во-первых, все пропагандистские материалы контрабандой переправлялись через другие сопредельные с Османской империей районы. Во-вторых, младотурки особенно успешно пользовались методом пересылки газет, брошюр и листовок по почтовым линиям иностранных держав в Османской империи [216, стр. 320]. Почту получали иностранные подданные, связанные с движением, прятали ее у себя, а потом передавали агентам младотурок внутри страны. Абдул Хамид и его администрация всячески стремились поме-

⁸ Поскольку в гл. VII будут подробно рассмотрены эти вопросы в связи с изложением политических и идейных воззрений младотурок, мы не останавливаемся здесь подробно на содержании материалов, опубликованных в этих основных органах младотурок до съезда 1902 г.

шать этому — арестовывались турецкие подданные, пощещавшие иностранные почтовые конторы, подкупались почтовые чиновники. Вообще султан тратил немалые средства на то, чтобы через своих дипломатов в Европе помешать издательской деятельности младотурок: подкупались владельцы типографий, скупались шрифты, делались бесконечные представления правительствам тех европейских стран, где печатались пропагандистские материалы младотурок.

Далеко не все брошюры, конечно, ограничивались критикой самого Абдул Хамида. Во многих из них в доступной форме рассматривались и важные проблемы положения Османской империи. Так, в брошюре «Отечество в опасности» говорилось, что страна в опасности, ибо нынешнее управление ею таково, что порождает обстановку, удобную для вмешательства иностранных держав (здесь автор брошюры ссылается на армянские погромы и обязательства Османской империи по Берлинскому трактату относительно реформ в вилайетах с армянским населением), тогда как «все соотечественники» могли бы жить в благоденствии и спокойствии, если бы соблюдались законы. Автор резко критиковал действия Абдул Хамида и его администрации и подчеркивал, что основой решения всех государственных дел должны быть шариат и закон. В брошюре прямо говорилось, что для спасения страны необходимо созвать палату депутатов, составленную из представителей всех народов, населяющих Османскую империю [108, стр. 7, 20].

Мысль о необходимости восстановления конституционного строя и созыве парламента была центральной идеей во всей младотурецкой пропаганде. Другим часто повторявшимся тезисом было утверждение, что конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить раздел Османской империи великими державами. Мысль не новая, ее не раз высказывали, как отмечалось выше, «новые османы». Но в пропаганде младотурок она звучала уже значительно острее, как призыв положить конец засилью иностранных держав. Автор брошюры «Отечество в опасности» отмечал, что если положение дел в стране не изменится, то дело дойдет до раздела Османской империи иностранными державами [108, стр. 20]. В брошюре «Письмо к морякам» также говорилось, что «сегодня европейцев более

всего занимает вопрос о разделе Османской империи» [84, стр. 1].

В газетах и брошюрах иногда делались попытки проанализировать общие черты конституционно-монархических режимов и показать читателям их преимущества перед «абсолютистским правлением». Примечательна в этом отношении брошюра «Способ государственного управления и реформы», изданная в 1901 г. Автор ее, скрывавшийся под псевдонимом «Дипломат», доказывал, что именно система конституционной монархии способна обеспечить быстрый экономический и культурный прогресс Османской империи. Все беды империи он объяснял господством системы абсолютизма, не выполняющей главной функции государства — обеспечения благосостояния его подданных. Автор брошюры призывал положить конец произволу, ограничить рамки закона действия монарха [81, стр. 3—4, 19]. Конституционная система характеризовалась в брошюре как средство, способное положить конец произволу и злоупотреблениям властью, гарантировать безопасность жизни и неприкосновенность имущества подданных, содействовать распространению знаний и просвещения, усилению патриотических чувств [81, стр. 30—38]. В брошюре приводилась сравнительная таблица некоторых данных о состоянии экономики и культуры Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Греции, России, Турции и Ирана. Анализируя ее, автор стремился конкретными примерами иллюстрировать свою мысль о том, что в экономическом и культурном отношении государства, где господствует «система абсолютизма», намного отстают от государств, народы которых имеют «свободу личности и мнений». Наконец, в брошюре разъяснялось, что важнейшей и применимой ко всем странам чертой конституционного строя является создание парламента, контролирующего действия исполнительной власти [81, стр. 46—47, 51].

Немалое число газет, листовок и брошюр младотурок проникало в пределы Османской империи. Русский дипломатический представитель в Каире писал в феврале 1896 г.: «Газета Мурад-бея „Мизан“, в которой он открыто требует от султана реформ, довольно свободно проникает в Турцию, причем наибольшее количество ее экземпляров расходуется в самом Константинополе, а затем в Йемене, служащем местом админи-

стративной ссылки подозреваемых лиц» [36, л. 23]. Известный историк Ахмед Рефик отмечал в 1908 г., что «газеты „Мешверет“, „Шура-и уммет“ и „Мизан“ ввозились в Османскую империю ценою многих жертв» [204, стр. 9]. Газеты и брошюры тайком читали военные и гражданские чиновники, учащиеся светских школ и медресе, офицеры армии и флота, литераторы и журналисты. А. Б. Куран писал в своих воспоминаниях о годах учебы в военном училище, что курсанты тайно передавали из рук в руки экземпляры газет младотурок, издававшихся в Париже, Каире, Женеве, «читали их с жадностью», что со временем эти газеты стали попадать в училище сравнительно регулярно [115, стр. 48, 50].

Руководители младотурецких ячеек в военных училищах не только содействовали распространению изданных за границей материалов, но и стремились привлечь курсантов к активному участию в пропагандистской деятельности младотурок. К. Н. Дуру писал в своих мемуарах, что, когда он поступил в военное училище в 1895 г., один его товарищ по училищу, Халиль Хыркаи-Шериф, однажды предложил ему, имевшему репутацию хорошо владеющего слогом человека, написать брошюру о той атмосфере гнета и притеснений, которая царила в училище. Халиль сказал при этом, что брошюру можно будет послать для опубликования в Париж, где действует революционное общество, с которым у него есть связь. Вскоре, однако, Халиль был арестован. Но Кязим Дуру, по его словам, брошюру эту все же написал и спрятал дома. Так началась для него революционная деятельность. После окончания училища, проходя службу в Тиране, он стал в 1898 г. членом одной из младотурецких ячеек под номером $\frac{8}{31}$, что означало, что он был 31-м членом 8-го отделения общества «Единение и прогресс». Руководителем этого отделения был секретарь вали Иш-кодры (Скутари) Исмаил Исмет. Вместе они создали еще одно отделение общества в Тиране. Через австрийскую почту они получали младотурецкие издания, читали книги Абдуллаха Джевдета. «с особо глубоким интересом читали „Мешверет“» [111, стр. 7—9].

Издательская деятельность младотурок в Европе очень беспокоила Абдул Хамида. Его волновало не только то обстоятельство, что газеты и брошюры мла-

дотурок, проникая на территорию Османской империи, серьезно содействовали распространению в среде турецкой военной и гражданской интеллигенции идей борьбы с феодальным абсолютизмом, против установленного в стране деспотического режима. Султан был не менее озабочен тем фактом, что лидеры младотурок выступали со статьями, в которых критиковали его лично и Высокую Порту не только в эмигрантских газетах на турецком языке, но и в ряде крупных европейских газет. Статьи младотурок в этих газетах, издание французского варианта «Мешверет», ряд брошюр, публиковавшихся на французском языке Ахмедом Ризой, Мурадом и другими видными деятелями движения, — все это способствовало разоблачению деспотической сущности абдулхамидовского режима перед общественным мнением во многих странах. Между тем султан и его правительство, постоянно нуждаясь в финансовой поддержке европейских держав, не хотели иметь ту репутацию, которую им по справедливости создавала пропагандистская деятельность младотурок. Правда, международным банкирам не так уж важна была репутация Абдул Хамида, но их интересовала несомненно стабильность политической ситуации в стране, куда возился большой капитал.

Абдул Хамид через свою дипломатическую и шпионскую службу весьма внимательно следил за деятельностью эмигрантов. Среди регулярно поступавших к нему «джурналов» было немало сообщений о младотурках, их изданиях. Султан был осведомлен и о том, что в среде эмигрантов нет единства; это обстоятельство было умело использовано, когда в 1897 г. Абдул Хамид через своего эмиссара Ахмеда Джелаледдин-пашу сумел склонить ряд деятелей движения к отказу от политической борьбы и возвращению на родину.

Действительно, разногласия и споры буквально раздирали эмигрантов. Всех их объединяло лишь общее стремление положить конец деспотическому режиму Абдул Хамида, но у них не было сколько-нибудь единых взглядов относительно путей, по которым нужно идти к прогрессу их страны. Джемаль Кутай пишет, что разногласия Ахмеда Ризы и Мурада, о которых шла речь выше, «раскололи младотурок на две части» [14, стр. 80]. Пожалуй, можно сказать, что и внутри этих двух лагерей было много групп с различными пози

циями. Для примера укажем, что Халиль Ганем, подерживая в целом Ахмеда Ризу, выступал со своей теорией о том, что для прогресса Османской империи важнейшая задача — забота о должном обучении и образовании принцев османской династии. Он утверждал, что вопрос об образовании принцев настолько важен, что без его решения никакие реформы не будут иметь успеха, ибо «турки так привязаны к своим принципам, что не перенесут никогда низвержения своих идолов» [127, т. 2, стр. 297, 300]. Говоря о разногласиях различных групп и деятелей движения, Т. З. Туная пишет: «Будет ли новый режим политической переменой, сводящейся к простому возобновлению конституции 1876 г., либо он будет означать коренную и социальную революцию? Общества, создававшиеся внутри страны и за границей, вся совокупность младотурок, не имели согласия в своих ответах на эти вопросы и не останавливались на длительное время на их обсуждении. Целью всех лиц, борющихся против деспотизма, было уничтожение деспотизма Абдул Хамида. Это было стержнем всех программ. Вопрос об установлении режима, который займет место деспотии, т. е. вопрос о его созидании, оставлялся ими на втором плане; до такой степени, что для некоторых из них уничтожение деспотии Абдул Хамида не означало даже свержение Абдул Хамида с престола» [239, стр. 103—104]. Надо заметить, что среди участников эмигрантских кружков были и просто попутчики движения, люди, покинувшие Османскую империю по причинам, далеким от идей сопротивления деспотическому режиму. Это были лично обиженные или обойденные султанскими милостями сановники, выходцы из знатных семей, жившие в Европе с целью получения образования, и т. д.

Говоря об идейных разногласиях в движении, следует отметить, что позитивистские симпатии Ахмеда Ризы были также одним из их серьезных источников. «Мизан», в частности, в июне 1897 г. упрекала Ахмеда Ризу за то, что он «хотел низвести наше общество до положения турецкого отделения общества позитивистов» [103, стр. 106]. Э. Ремсор отмечает, что позитивизм Ахмеда Ризы⁹ ставил общество под угрозу обвинения в атеизме, а это могло быть в руках Абдул

⁹ Об этом см. в гл. VII.

Хамида весьма грозным оружием в борьбе против младотурок [265, стр. 29]. Примечательно в этом отношении письмо одного из деятелей женевской группы младотурок, Ариф-бейоглу, Ибрагиму Темо, в котором шла речь об использовании в «Мешверет» позитивистского календаря. В письме, написанном в июне 1896 г., говорилось: «Я опасюсь, что, если Стамбул сообщит об этом невежественной массе, исчезнет и та незначительная симпатия, которую к нам испытывают, и после этого мы уже не сможем предпринять ничего» [118, стр. 82]. Разногласия в движении давали себя знать подчас в весьма резкой форме. Некоторые младотурки-эмигранты критиковали Ахмеда Ризу за то, что он стремился навязать движению свою волю и принципы. Так, Шерифеддин Магмуми в брошюре «Действительное положение вещей», изданной в 1897 г., писал, что Ахмед Риза слишком возносит себя и ведет дело так, как будто и не было таких деятелей, как Намык Кемаль или Мидхат-паша [90, стр. 28—29].

В то время как младотурки в Европе были заняты идейными дискуссиями, стамбульский руководящий комитет общества готовил низложение Абдул Хамида ¹⁰. Как отмечалось выше, группа Ахмеда Ризы не поддерживала это начинание. Тем не менее заговорщики, во главе которых стояли Хаджи Ахмед-эфенди, шейх Наили-эфенди и подполковник Шефик-бей, наметили произвести переворот в августе 1896 г. Возможно, что этот срок был избран в связи с тем, что летом 1896 г. была реальной возможностью вмешательства держав в дела Османской империи в связи с армянской резней. Заговорщики заручились поддержкой Кязим-паши, командира первой дивизии в Стамбуле. Предполагалось захватить наследника престола Решад-эфенди и получить фетву шейх уль-ислама о низложении Абдул Хамида. Заговор провалился из-за предательства одного из его участников ¹¹. Были немедленно арестованы и

¹⁰ Об этом заговоре см.: [258, стр. 331—334; 265, стр. 30—34]. Излагая обстоятельства заговора, Э. Ремсэр использует ценные воспоминания ряда деятелей движения, написанные, как отмечалось, по его просьбе, в связи с работой над книгой,

¹¹ П. Феш называет предателем секретаря стамбульского комитета общества «Единение и прогресс» Надир-бея. Версия о том, что именно он был причиной провала заговора и арестов, есть и в работах других авторов [см., например: 266, стр. 430—432].

сосланы Кязим-паша, Хаджи Ахмед-эфенди, шейх Наили-эфенди и его братья, шейх Абдулькадир¹² и члены его семьи, Меккели Сабри, крупные чиновники Зюхди-бей и Кемаль-бей, Шефик-бей и многие другие. Хаджи Ахмед, сосланный в Мосул, через несколько лет бежал в Париж. Очень быстро удалось бежать в Париж Шефик-бею, который стал одним из активных деятелей младотурецкой эмиграции. Как видно, султан вновь не решился идти на крайние меры наказания. Абдул Хамид надеялся, что ему удастся ликвидировать движение другими путями. С этой целью он в 1897 г. направил в Европу для переговоров с лидерами младотурок маршала Ахмеда Джелаледдин-пашу, имевшего репутацию «главного шпиона» Абдул Хамида.

Перед этим султан сделал несколько попыток помешать изданию газет младотурок. В 1896 г. он обратился к французскому правительству с просьбой закрыть «Мешверет», а ее редактора выслать из Франции. Ахмед Риза был вынужден перенести издание газеты в Швейцарию, но французские газеты единодушно выступили в защиту свободы печати и права младотурок издавать газеты. Султан продолжал и в Швейцарии преследовать издателя «Мешверет». По его указанию был скуплен весь шрифт, которым набиралась газета, и Ахмед Риза, переехав в Бельгию, стал выпускать литографированное издание. В приложении к «Мешверет» от 15 апреля 1896 г. он опубликовал подборку статей из французских газет, в которых высказывалась поддержка борьбы младотурок против Абдул Хамида. Затем, когда Ахмед Риза продолжил издание «Мешверет» в Париже, султан в июле 1897 г. приказал турецкому посольству в Париже подать в суд на издателей «Мешверет» за оскорбление его личности. Однако суд, принимая во внимание «хорошую репутацию обвиняемых, любовь Ахмеда Ризы и Халиля Ганема к Франции..., а также расправу над армянами, вызвавшую в авторах инкриминируемых статей чувство негодования, учитывая также кампанию французской прессы против султана», решил «простить обвиняемым некоторую вольность пера» [цит. по: 265, стр. 37]. Ахмед Риза, Халиль

¹² Э. Ремсор отмечает, что шейх Абдулькадир был в 1925 г. казнен кемалистским правительством за связь с курдскими повстанцами под руководством шейха Саида.

Ганем и француз Валлон, ответственный редактор газеты, были приговорены к уплате штрафа 16 фр. с каждого.

Перед приездом в Европу Ахмеда Джелаледдин-паша раскол в лагере младотурок был явным. В 1897 г. официальной штаб-квартирой общества в Европе был женевский комитет общества «Единение и прогресс». Его руководителем после возвращения из Каира стал Мурад-бей [265, стр. 38]. В Каире Мурад, как отмечалось выше, издавал «Мизан» (с 4 января 1896 г.). Когда в Каире появился еще один печатный орган младотурок, Абдул Хамид пришел в ярость, и было сделано все возможное, чтобы помешать деятельности Мурада. Была сделана даже попытка заставить хедива выдать Мурада турецкому правительству. Вначале Мурада поддерживал английский комиссар в Египте лорд Кромер, но к лету 1896 г. он изменил к нему свое отношение, мотивируя тем, что Мурад и его газета зашли слишком далеко, нападая лично на султана. Русский дипломатический представитель в Каире, сообщая о своем разговоре с лордом Кромером по поводу пребывания Мурада в Каире, отмечал, что Мурад нападал лично на султана и ранее, а потому изменение позиции Кромера вернее объяснять тем, что английское правительство искало сближения с Абдул Хамидом [36, л. 125—127]. Мурад был в данном случае для английского правительства только пешкой в той дипломатической игре, которая шла далеко от Каира, в Стамбуле. В конечном итоге Мураду пришлось летом 1896 г. покинуть Каир [см.: 36, л. 1—3, 6—9, 14—15, 22—27, 115—117, 119—122, 125—127].

После отъезда из Каира Мурад некоторое время продолжал издавать «Мизан» в Париже, а затем переехал в Женеву. Здесь он опять возобновил издание «Мизан» и руководил женевским отделением общества «Единение и прогресс». Весной 1897 г. разногласия между парижской и женевской группами младотурок были крайне обострены. В «Ля Патри» от 4 июля 1897 г. было опубликовано интервью с Ахмедом Ризой, в котором он сообщал о расколе в среде младотурок и намекал, что он был связан с защитой прав немусульман — подданных Османской империи. На страницах «Мизан» появился ответ Ахмеду Ризе, в котором говорилось, что все младотурки независимо от принадлеж-

ности к той или иной фракции стоят за восстановление конституции 1876 г., дающей свободу всем вероисповеданиям. Нескольдо ранее (в июне 1897 г.) «Мизан», нападая на Ахмеда Ризу, писала, что он стремился поставить парижский комитет младотурок в зависимость от общества позитивистов [265, стр. 40].

Момент для миссии Джелаледдин-паши был выбран весьма удачно. Приехав в Женеву, он встретился с Мурадом и после длительных переговоров убедил его, что султан готов осуществить серьезные реформы, но для этого нужно прекратить борьбу против него и вернуться на родину. Мурад дал согласие. Ахмед Риза и члены парижской группы отвергли предложение Джелаледдин-паши; Ибрагим Темо и его группа в Румынии тоже не поддержали идею заключения соглашения с султаном. Тем не менее Мурад прекратил издание «Мизан» и вернулся в Стамбул¹³. Сложно, конечно, оценить этот поступок человека, недавно клеймившего позором султана и убеждавшего своих читателей, что Абдул Хамид не принесет стране ничего, кроме бед и страданий. Чего больше было в этом акте Мурада — остатков наивной веры в «доброег султана» или неверия в конечный успех движения? Об этом судить трудно, но очевидно одно: отъезд Мурада на родину был серьезной победой реакции. Он произвел тяжелое впечатление на верившую младотуркам молодежь, для которой в 1895—1897 гг. именно Мурад был, по словам А. Мандельштама, своего рода идолом [263, стр. 10]. Ряд сторонников Мурада согласился принять назначения на дипломатические посты — Чюрюксулу Ахмед стал военным атташе Турции в Белграде, а Шефик-бей занял такой же пост в Вене¹⁴.

Одновременно султан нанес сильный удар по движению младотурок внутри страны. Были произведены аресты членов вновь начавших действовать ячеек младотурок в военном, военно-медицинском училищах,

¹³ О миссии Джелаледдин-паши и возвращении Мурада см.: [228, стр. 72—76, 96—103; 118, стр. 146—149; 265, стр. 47—51].

¹⁴ Между тем за несколько месяцев до этого Шефик-бей вместе с некоторыми своими товарищами-младотурками организовал в Женеве Османскую революционную партию (Османлы ихтиляль фыркасы), которая установила контакт с армянскими революционными комитетами и намеревалась достать с их помощью бомбы для организации покушения на султана (см.: 228, стр. 98—99).

школе гражданских чиновников. Арестовали также группу молодых офицеров — участников подпольных групп младотурок. В июне 1897 г. военный трибунал под председательством генерала Решид-паши приговорил к ссылке в Триполи после 102-дневного тюремного заключения 78 человек (по другим сведениям — 81). 13 человек из них вначале были приговорены к смертной казни, но она была заменена заключением в крепость Триполи.

Несмотря на серьезные потери, движение младотурок продолжалось. Халиль Ганем опубликовал в «Л'Эклер» открытое письмо, где заявлял от имени тех младотурок, которые не пошли на компромисс с султаном, что они не верят словам и обещаниям Абдул Хамида. «Мы близко к сердцу принимаем проблемы современного положения нашей страны, — говорилось в этом письме, — и хотим иметь гарантии ее завтрашнего дня. Еще раз повторяем, что обещания ничего не стоят, все зависит от принципов» [цит. по: 258, стр. 344].

После тяжелых событий лета 1897 г. в младотурецком движении продолжало действовать несколько зарубежных центров. Ахмед Риза продолжал издавать в Париже «Мешверет». Очень скоро возобновило свою деятельность благодаря активной работе Абдуллаха Джевдета и Исхака Сюкути и женевское отделение. Вместе с Туналы Хильми¹⁵, Нури Ахмедом, Халилем Муваффаком, Решидом, Акылом и Рефиком они решили начать издание новой газеты под названием «Османы» («Османец»), первый номер которой вышел 1 декабря 1897 г. [231, стр. 95]. Издание новой газеты сильно обеспокоило султана и Порту. Султан обратился через своего эмиссара Мунир-бея с предложением к издателям газеты прекратить ее выпуск в обмен на освобождение узников. В начале 1899 г. предложение было принято; султан, правда, выполнил свое обещание лишь частично: узники были выпущены из заключения, но оставались в Триполи в качестве ссыльных [258, стр. 346]. Абдуллах Джевдет и Исхак Сюкути через некоторое время заняли места врачей в турецких

¹⁵ Тупалы Хильми (1863—1928) был в числе первых участников младотурецкой ячейки в военно-медицинском училище. Бежал от ареста в Европу. Был автором многих пропагандистских брошюр младотурок. После кемалистской революции был депутатом ВНСТ от Зонгулдака [229, стр. 715].

посольствах в Риме и Вене, а Туналы Хильми в 1900 г. стал секретарем посольства в Мадриде¹⁶. Вскоре, однако, издание «Османлы» было возобновлено в Лондоне теми членами женевского отделения младотурок, которые не приняли никаких постов от султана и решили продолжать политическую деятельность в эмиграции¹⁷.

Говоря о деятельности отделений общества «Единение и прогресс», необходимо сказать о каирском отделении, созданном в 1897 г. Его председателем был Ходжа Кадри-эфенди, секретарем — Салих Джемаль-бей. Отделение одно время поддерживал египетский принц Мехмед Али-паша. В 1899 г. каирское отделение было реорганизовано и был создан новый руководящий комитет. В этой реорганизации принимали участие Исхак Сюкути и Туналы Хильми, приехавшие в Каир из Женевы. В Каире издавались газеты «Канун-и эсахи» («Конституция» с 1897 г.) и «Басирет уш-шарк» («Мудрость Востока», с 1895 г.) [239, стр. 110]¹⁸.

Характеризуя деятельность различных групп младотурок в этот период, А. Б. Куран пишет: «В те времена с точки зрения интересов дела младотурок на первом плане находились Женева и Каир. Все младотурки были в оппозиции к Ахмеду Риза-бейю. Причина этого состояла в том, что этот человек не хотел участвовать ни в каком действенном акте и был вполне удовлетворен тем, что издавал „Мешверет“» [228 стр. 112].

А. Б. Куран явно пристрастен в этой оценке Ахмеда Ризы. Последний, правда, принципиально не участвовал в заговорах против султана. Вместе с тем он активно пропагандировал цели и программу младотурок, выступая даже на различных международных конгрессах. Так, в 1899 г. Ахмед Риза принимал участие в Конгрессе по разоружению и представил ему меморандум от лица общества «Единение и прогресс». В 1900 г. он же

¹⁶ Туналы Хильми, однако, не отошел от движения младотурок. Даже в период работы в посольстве он поддерживал постоянную связь с каирским центром младотурок.

¹⁷ У газеты «Османлы» была довольно сложная судьба и в дальнейшем. В 1900 г. она издавалась в Лондоне, с 1900 по 1903 г. — в Фолстоуне (Англия), затем в Каире (с осени 1903 г.) и, наконец, вновь в Женеве.

¹⁸ В июне 1897 г. доверенное лицо Ахмеда Джелаледдин-паша Решид-бей предложил каирским младотуркам 1000 ф. ст. за прекращение издания газеты; сделка состоялась [см.: 228, стр. 106].

выступил от имени общества на международном конгрессе по печати состоявшемся в Париже [239, стр. 111—112].

В 1896—1900 гг. действовали также группы младотурок в Румынии (Констанца, Меджидийе) и Болгарии (Русе, Шумен, Пловдив, София, Видин, Казанлык). С 1898 г. ряд отделений общества действовал, как отмечалось выше, и в Албании (Шкодра, Тирана). В создании большинства этих групп принимал участие Ибрагим Темо, врачевавший в Меджидийе и поддерживавший постоянную связь с Парижем, Женевой и Каиром [239, стр. 111]. Дом Темо в Меджидийе был, как вспоминала его жена Нафие Темо, своеобразным перевалочным пунктом для многих политических эмигрантов. Спасавшиеся от преследования младотурки часто находили приют в этом доме. И. Темо прятал их у верных людей в окрестных деревнях, а затем помогал им пробраться в Париж или Женеву¹⁹.

Говоря о деятельности младотурецких эмигрантских центров в конце XIX—начале XX в., необходимо упомянуть и о том, что в этот период в их пропагандистской деятельности определенное место занимала и политическая сатира — фельетоны, памфлеты, реже карикатура. Стремление доходчиво, рассчитывая на весьма широкие слои турецкого общества того времени, излагать свои взгляды и программу сделало политическую сатиру одним из важных инструментов младотурецкой пропаганды. Это нашло свое отражение в появлении значительного числа брошюр и листовок, в которых в острой, подчас гротесковой форме представлялись читателю пороки режима феодально-абсолютистской власти султана Абдул Хамида.

Особенно ярко сатирическая струя в публицистике младотурок проявилась в издании нескольких сатирических газет. Одна из них издавалась в 1898 г. в Женеве под названием «Беберухи» (имя одного из забавных персонажей турецкого теневого театра). Если судить по нескольким дошедшим до нас номерам, издание длилось всего несколько месяцев. Другая газета — «Долаб» («Проделки») — издавалась также очень недолгое время — в 1898—1899 гг. [см. 191]. Обе газеты в острой са-

¹⁹ Нафие Темо рассказывала об этом летом 1961 г. автору настоящей работы во время его пребывания в Меджидийе.

тирической форме бичевали султана Абдул Хамида и его администрацию, возлагая на них всю полноту ответственности за тяжелое экономическое положение страны, царящие в ней произвол и насилие, ухудшение ее внешнеполитического положения, обострение борьбы нетурецких народов за независимость.

Свойственное младотурецкой пропаганде этого периода сведение многих социальных и политических проблем страны к порокам личности царствующего монарха нашло свое отражение и в содержании названных сатирических газет. Критика объективных условий социального и экономического развития страны выражалась лишь в общих рассуждениях о необходимости свободы, прогресса, просвещения народа. Но следует, конечно, учитывать что пропаганда младотурок пробивалась не только через формальные препоны, но и через толщ сложившегося у народа веками представления о неизбежности и священности султанской власти и непогрешимости ее носителей. В этой связи заслуживает упоминания стремление младотурок средствами сатиры развенчать Абдул Хамида в качестве халифа. В одном из номеров «Долаб» было опубликовано вымышленное письмо султана в ад одному из его покойных приспешников. В нем сатирик из «Долаб» вкладывал в уста Абдул Хамида хвастливые рассуждения о том, что ему как халифу — наместнику пророка — все дозволено, любой произвол и угнетение народа сойдут ему с рук, как особе священной. Абдул Хамид заявлял, что ему безразлична критика, которой его подвергают младотурки за нарушение норм шариата. Он утверждал, что у него есть все — деньги ордена, чины, — с помощью чего он всегда найдет послушных ему улемов и даже, если понадобится, создаст свой «хамидовский шариат» [89, № 4, стр. 2]. Нет нужды пространно комментировать этот прием сатирика. Обвинить султана в неуважении к шариату и убедить в этом правоверного турка-мусульманина значило существенно облегчить для младотурок политическую борьбу с Абдул Хамидом II и его деспотическим режимом.

Хотя младотурки не выступали против султанской власти как социального института, само критическое, остросатирическое повествование о конкретных действиях султана и его клики подготавливало почву для распространения идей восстановления конституционного

режима. В опубликованной в «Беберухи» статье «Дворцовые картинки» в лицо султана бросаются такие слова: «Конституция, парламент, свобода печати! Разве все это не было у нас однажды? Будет тебе предъявлен счет за двадцатидвухлетнее время бедствий и преступлений!» [83, № 5, стр. 6]. В «Беберухи» публиковались материалы, в которых в сатирической форме показывалось, что в Османской империи нет даже места таким понятиям, как «свобода» и «безопасность» [83, № 2, стр. 6]. В «Долаб» и «Беберухи» остро и зло высмеивались невежественные султанские министры, сановники и дипломаты [89, № 7, стр. 4; 83, № 3, стр. 2]. На страницах газет различными приемами популяризировалась мысль о том, что с помощью конституции реформ и просвещения народа будут обеспечены экономический и культурный прогресс Османской империи и благоденствие всех населяющих ее народов.

Таким образом, в 1898—1900 гг. деятельность эмигрантских центров младотурок была практически ограничена изданием нескольких газет и пропагандистских брошюр. Между различными группами младотурок не было никакой организационной связи. Их разрозненная деятельность была серьезным препятствием для дальнейшего развития политической борьбы против феодально-абсолютистского режима. Это обстоятельство начали создавать многие активные участники младотурецкого движения.

Первая попытка объединить деятельность различных эмигрантских кружков и групп была предпринята в 1899 г. Идея созвать специальный конгресс для объединения всех групп младотурок в одну сильную организацию была выдвинута каирским отделением младотурок. План созыва конгресса принадлежал Туналы Хильмибею, находившемуся тогда в Каире. 15 сентября 1899 г. всем эмигрантским группам было разослано приглашение принять участие в созываемом конгрессе «новых османов». В этом приглашении говорилось, что конгресс предполагается провести в течение трех дней в Бриндизи [см.: 228, стр. 130—131]. Открытие намечалось на 20 октября. Конгресс должен избрать руководство общества, выработать и утвердить его устав. Примечательно, что приглашения принять участие в конгрессе были направлены не только в эмигрантские центры младотурок, но и ряду видных деятелей турецкой интеллигенции в самой

Гурции, например поэту Тевфику Фикрету, писателям Реджаи-заде Экрему, Абдулхаку Хамиду, публицистам Тевфику Эбуззни, Хюсейну Джахиду и др. [228, стр. 131]. Конгресс, однако, не состоялся, так как обнаружилось, что нет никакой возможности достигнуть согласия между различными группами. Ахмед Риза и его сторонники выступили против созыва конгресса. Возможно, позиция Ахмеда Ризы определялась тем, что каирский комитет, предложивший созыв конгресса, выдвигал идею восстания против правительства, а в качестве его прелюдии — взрыв правительственных зданий и убийство особо отличившихся злодеяниями сановников [228, стр. 132].

Хотя предложение о созыве конгресса не было осуществлено, идея эта получила и своих сторонников; она стала активно обсуждаться в различных изданиях младотурок. Характерной в этом отношении является брошюра, изданная Али Фахри в августе 1900 г. в Женеве. В этой брошюре автор говорил о необходимости вернуться к вопросу о созыве конгресса младотурок, «который занимал в течение года умы либеральных османов, страстно желающих добиться быстрого улучшения положения своей страны, находящейся в плачевном состоянии» [124, стр. 1].

Али Фахри писал, что выдвинутая в брошюре Туналы Хильми «Мурад»²⁰ идея созыва конгресса в Бринди-зи заслуживает нового обсуждения. Али Фахри подробно излагал разделяемое им мнение Туналы Хильми о принципах созыва конгресса: он должен принять решение о будущей системе государственного устройства и определить способы достижения конституционного управления; его участники должны признать решения конгресса обязательными для своей дальнейшей деятельности; конгресс должен избрать комитет, который будет уполномочен реализовать его решения [124, стр. 5]. Али Фахри утверждал, что деятельность младотурок уже дала свои плоды: «Пропаганда, которую вела турецкая либеральная партия в течение этих последних пяти лет, сыграла огромную роль в просвещении многих людей и в распространении либеральных идей во всей империи, и особенно в Стамбуле» [124, стр. 1]. Однако, отмечал автор брошюры сдвиги в общественном мнении явно

²⁰ Она была написана Туналы Хильми в Мадриде и издана в Каире [см.: 228, стр. 143].

недостаточны для обеспечения прогресса и счастья страны. Важнейшей причиной такого положения Али Фахри считал разобщенность в движении младотурок, противоречия между группами, которые должен ликвидировать объединительный конгресс [124, стр. 2]. В брошюре настойчиво проводилась мысль о том, что нужно добиться объединения сил всех народов империи в борьбе с тиранией. Али Фахри призывал к объединению без различия религии и национальности, «оставив в стороне частные интересы, как правило фатальные для общего дела», к совместной борьбе «с целью достичь благоденствия подданных Османской империи» [124, стр. 3]. Автор призывал армянские, македонские, албанские революционные группы и комитеты не вести борьбу, направленную на обеспечение их собственных национальных прав и интересов, а объединиться с младотурками для общей борьбы с Абдул Хамидом и его режимом. Али Фахри заявлял, в частности, что, для того чтобы не повторились события армянской резни, о которых нельзя вспомнить без чувства «ужаса и глубокого сожаления», нужно, чтобы «соотечественники-армяне» пошли в своей борьбе рядом с младотурками. «Нам необходимо прийти к согласию, — писал Али Фахри, — чтобы похоронить это проклятое правительство, запятнанное кровью народа, и достичь свободы и равенства всех граждан» [124, стр. 4]. Возможно, что Али Фахри, подобно некоторым другим деятелям младотурецкого движения, верил в реальность братства всех народов Османской империи. Однако в брошюре явно ощущается свойственное младотурецкой пропаганде отрицание не только смысла, но и самого права нетурецких народов империи вести борьбу за свою независимость.

Али Фахри заканчивал свою брошюру призывом к самым безотлагательным действиям. «Мы уже и так очень задерживаемся, каждая минута ожидания отдаляет нас от цели и ведет к гибели. Это — позор, это — преступление оставаться в таком положении!.. Надо действовать без промедления, так как слишком много невиновных страдает в тюрьмах, слишком многие оплакивают супругов, детей, братьев...» [124, стр. 7—8].

Вопрос о целесообразности и реальности проведения конгресса был в 1900—1901 гг. одним из предметов острых дискуссий среди младотурок-эмигрантов. Одни настаивали на немедленном созыве конгресса, другие

считали, что его целесообразно созвать только после того, когда будет уверенность, что он сможет обеспечить единство в движении. Туналы Хильми, например, издал в Каире небольшую брошюру, в которой он, учитывая, вероятно, свой неудачный опыт, писал, что конгресс крайне необходим, но проводить его кое-как нельзя, а потому «время последнего приглашения еще не наступило» [96, стр. 9, 15].

В этот период произошло событие, которое сыграло важную роль в дальнейшем развитии младотурецкого движения. В борьбу против Абдул Хамида включился один из крупных турецких государственных деятелей — Дамад Махмуд-паша, зять султана (он был женат на сестре Абдул Хамида), человек для турецкой высшей бюрократической среды своего времени довольно широко образованный. Он занимал ряд значительных постов на государственной службе, в частности около года (в 1892 г.) был министром юстиции. Дамад Махмуд-паша был сторонником восстановления конституции 1876 г. После неоднократных попыток склонить Абдул Хамида к осуществлению конституционных реформ он решил эмигрировать из Турции. Вероятно, немаловажной причиной такого решения было и то, что Дамад Махмуд-паша был полностью оттеснен от государственных дел приближенными султана из дворцовой камарильи.

В декабре 1899 г. Дамад Махмуд-паша вместе с сыновьями — принцами Мехмедом Сабахеддином и Ахмедом Лютфуллахом — тайно бежал из Стамбула во Францию на борту французского парохода при содействии одного из служащих пароходной компании [см.: 258, стр. 351—353; 114, стр. 35—59]. Султан делал все возможное, чтобы вернуть беглецов, понимая, что открытое выступление против него одного из крупнейших сановников империи может серьезно усилить антиправительственные настроения. Эмиссары Абдул Хамида один за другим посещали Дамада Махмуд-пашу, уговаривая его примириться с султаном и вернуться в Стамбул. Однако вместо этого Дамад Махмуд-паша направил 21 января 1900 г., через несколько недель после прибытия в Париж, письмо Абдул Хаמידу, в котором писал, что избранный султаном образ правления не только не похож на законный образ действий, подобающий халифу, но даже напоминает правление некоторых тиранов, живших несколько тысячелетий назад [см.: 258.

стр. 355—358; 114, стр. 86—90]. «Вы, Ваше величество. — говорилось в письме, — действуете подобно некоторым деспотичным и эгоистическим правителям и сделали своим принципом злосчастное изречение Людовика XV — „После меня — хоть потоп!“». Дамад Махмуд-паша заявлял далее, что, раз султан не печется о благе страны и народа, он решил бежать в Европу и открыто выступить против существующего режима.

Немедленно после приезда во Францию Дамад Махмуд-паша обратился с письмом к Ахмеду Ризе, в котором писал о необходимости объединить силы всех тех, кому дороги интересы родины, кто полон чувств патриотизма и стремится улучшить бедственное положение страны. В письме в самых высоких выражениях оценивались заслуги и достоинства Ахмеда Ризы. Последний немедленно ответил Дамаду Махмуд-паше письмом, в котором приветствовал предложение о единстве сил в борьбе с деспотизмом. «Беспредельна радость нашей партии, — писал Ахмед Риза, — по поводу того, что ей сам протягивает руку помощи один из членов императорской фамилии»²¹.

В мае 1900 г. после очередных попыток агентов султана склонить Дамада Махмуд-пашу возвратиться на родину последний выдвинул следующие условия своего возвращения: опровержение выдвинутых против него обвинений²² и отставка ряда сановников Абдул Хамида; созыв парламента и ограничение расходов султана суммой в 15 тыс. лир. в месяц. При этом было выдвинуто предложение, чтобы Абдул Хамид, если он против этих условий, отрекся от престола и уехал в Европу [114, стр. 102]. Условия эти, конечно, не были приняты. Дамад Махмуд-паша остался в эмиграции, некоторое время он жил вместе с сыновьями в Каире.

Сын Дамада Махмуд-паши принц Мехмед Сабахеддин вскоре стал одним из активных деятелей младотурецкой эмиграции. Несмотря на свою молодость (род. в 1877 г.), он быстро завоевал популярность среди значительной части эмигрантов. Этому, конечно, способствовало происхождение принца, делавшее его участие в

²¹ Тексты писем Дамада Махмуд-паши и Ахмеда Ризы см. [258, стр. 354—355; 114, стр. 80—82].

²² Дело в том, что первой реакцией султана на бегство Дамада Махмуд-паши было обвинение его в краже драгоценностей жены, убийстве гаремного слуги, насильственном уводе сыновей и т. д.

движении привлекательным для большинства младотурок, веривших в необходимость сохранения царствующей династии. Мехмед Сабахеддин был весьма образованным, проявлял интерес к современной французской социологии и вскоре стал последователем социологической школы Фредерика ле Пле и Эдмонда Демолена²³.

Весной 1901 г. участники эмигрантских кружков младотурок с большим оживлением обсуждали содержание брошюры «Всеобщая декларация», опубликованной за подписями принцев Сабахеддина и Лютфуллаха [см. 85]. Дж. Тютенгиль пишет, что она была опубликована в Каире и ее полный текст напечатала младотурецкая газета «Османлы» (№ 81) [241, стр. 189]. Поскольку этот номер газеты вышел в марте или апреле 1901 г., то можно предположить, что и брошюра была издана в начале весны 1901 г. Ее содержание представляет значительный интерес не только потому, что она была первым серьезным политическим выступлением одного из видных деятелей младотурецкой эмиграции. Декларация сыграла важную роль в решении вопроса о созыве первого конгресса младотурок.

Брошюра начиналась обращением: «Ко всем соотечественникам-османам». Авторы ее заявляли, что «родина сегодня стала ареной решительной борьбы между деспотизмом и свободой» и что «османы ныне изнемогают в когтях деспотического правления». Они подчеркивали, что абдулхамидовский режим является главным препятствием на пути к установлению в Османской империи свободы и справедливости [85, стр. 3—5]. В брошюре говорилось о том, что в Османской империи пресекается всякое проявление свободомыслия; по обвинению в принадлежности к «лицам свободомыслящим» людей бросают в тюрьмы Эрзурума, Акки, Родоса и Триполи [85, стр. 9]. Авторы решительно призывали всех соотечественников к борьбе против деспотического режима.

В брошюре не было сколько-нибудь четко выраженной политической программы. Ее авторы как бы соз-

²³ Фредерик ле Пле (1806—1882) — французский инженер, экономист и социолог. Основатель так называемой социальной экономики; утверждал, что основа прогресса — моральное и социальное совершенствование личности. Эдмонд Демолен (1852—1907) — историк и социолог, последователь Фредерика ле Пле. Об отражении их идей во взглядах Мехмеда Сабахеддина см. в гл. VIII.

нательно не говорили о том, каковы же, по их мнению, должны быть конкретные формы свободного братства всех народов Османской империи, когда рухнет абдулхамидовский режим. Это не случайно. Главная идея брошюры — объединение нетурецких народов империи в борьбе против этого режима. Ее авторы упорно убеждали читателя, что этим народам не надо стремиться к достижению национальной и государственной независимости [85, стр. 10—11]. Авторы писали, что «они ставят своей целью трудиться во имя того, чтобы объединить силы наших соотечественников — турок, арабов, албанцев, армян, македонцев, греков, курдов, евреев и других — и таким образом как положить конец нынешним дурным делам, так и заложить первые камни в фундамент завтрашнего справедливого образа правления» [85, стр. 14].

Как видно, авторы брошюры призывали к объединению всех народов Османской империи в борьбе за лучшее будущее. Собственно говоря, именно эта идея наиболее конкретно выражена авторами и она красной нитью проходит через весь текст брошюры. Начав брошюру обращением «ко всем соотечественникам-османам», ее авторы прямо предлагали, чтобы представители этих народов, боровшиеся за свободу, объединили свои усилия [85, стр. 5]. Продолжая свою мысль, они подчеркивали, что от разрозненных действий отдельных партий наиболее выигрывает деспотический режим. Сабахеддин и Лютфуллах призывали к созыву конгресса всех сил, выступавших против деспотического режима, и заявляли, что от этого конгресса зависит будущее единство [85, стр. 14].

Брошюра принцев Сабахеддина и Лютфуллаха, как видно, была обращена не только к разрозненным группам младотурок. Она призывала к объединению всех тех политических партий и групп Османской империи, которые вели борьбу против султана и его правительства с целью защиты прав и интересов различных нетурецких народов империи. Брошюра отражала стремление наиболее дальновидных деятелей движения к политическому союзу с экономически сильной инациональной буржуазией Османской империи.

После издания этой декларации идея созыва конгресса стала вновь широко обсуждаться в различных центрах деятельности младотурок. На этот раз идея была

поддержана всеми ведущими деятелями младотурецкого движения. Принц Сабахеддин оказал материальную помощь тем, кто нуждался в средствах на поездку для участия в конгрессе. Лидеры движения установили контакты с армянскими, греческими и болгарскими эмигрантскими буржуазно-революционными комитетами. Им удалось, как пишет Э. Ф. Найт, хорошо знавший историю младотурецкого движения, убедить деятелей этих комитетов в своей искренности, «выдвинув на первый план полное равенство в глазах закона всех племен и религий в Турции и указывая на это, как на существенный пункт своей программы» [61, стр. 66]. Ряд деятелей нетурецких эмигрантских групп согласился принять участие в конгрессе, создаваемом младотурками для объединения всех сил, боровшихся с феодально-абсолютистским режимом в Османской империи.

Первый конгресс младотурок состоялся в Париже 4—9 февраля 1902 г. Первое заседание было тайным и проходило в доме французского академика М. Лефевра-Конталиса, сочувствовавшего движению. Причиной этого было запрещение намеченного конгресса французским министерством внутренних дел по просьбе султана. Однако запрет был тут же отменен, дальнейшие заседания проходили в доме Сабахеддина, избранного председателем конгресса. В конгрессе участвовало около 60—70 (по другим сведениям — 47) человек. Среди них были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды, евреи. Вице-председателями конгресса были избраны грек Мусирис Гидис (бывший министр почт) и армянин Сисляян. В числе участников конгресса были такие видные деятели младотурецкой эмиграции, как Ахмед Риза, принц Сабахеддин, принц Лютфуллах, Исмаил Кемаль, Ходжа Кадри, Халиль Ганем, Али Хайдар Мидхат, Ибрагим Темо, Назым, Али Фахри и др. Почетным председателем был избран Дамад Махмуд-паша [см.: 227, стр. 151—154; 239, стр. 106—107; 258, стр. 365—373; 266, стр. 451—464; 265, стр. 62—72].

Открывая конгресс по поручению инициативной группы²⁴, поэт Хюсейн Сирет-бей заявил, что «единственным

²⁴ В нее входили принц Сабахеддин, его ближайший единомышленник Исмаил Кемаль, крупный чиновник, эмигрировавший из Турции в 1900 г., сын Мидхат-паши — Али Хайдар Мидхат, видный чиновник-эмигрант Исмаил Хаккы; армян представлял Сисляян, греков — Фрадхис и Мусирис Гидис.

условием успеха является «сила и только сила»; распыление сил песет неудачу, а объединение — победу [239, стр. 106]. К единству сил призывала и речь председателя конгресса принца Сабахеддина. Он заявил: «Мы повторяем снова и снова: реформы, которых мы требуем и для осуществления которых работаем с такой энергией, должны послужить на благо не тому или иному народу, не тому или иному вероисповеданию в ущерб другим. Мы требуем реформ для всех без исключения осмапов» [258, стр. 368].

Дискуссия на заседаниях конгресса была довольно острой. Делегатов объединяло только одно: все они были противниками существовавшего режима. Но в вопросе о путях и методах его изменения были весьма разные точки зрения. В центре дискуссии оказались два вопроса. Исмаил Кемаль внес на рассмотрение предложение о том, что «революцию нельзя совершить только с помощью пропаганды и печати. Необходимо привлечь к участию в революционном движении вооруженные силы» [227, стр. 152]. Вторым вопросом был поставлен делегатами армянами, которые выдвинули на обсуждение положение о том, что «для осуществления реформ необходимо прибегнуть к вмешательству иностранных держав» [227, стр. 152].

Сторонники Ахмеда Ризы резко выступили против любого вмешательства иностранных держав в дела империи. Сабахеддин, выступая по этому вопросу, заявил: «Мы собрались с целью совершения революции в нашей стране. Но даже если нам и удастся начать восстание, нет уверенности в том, что это движение завершится успехом. Вероятно, что в период мятежа любое иностранное государство сможет вмешаться в наши дела во имя личных интересов. Вот мы и хотим, имея в виду предупредить такое вмешательство, заранее достигнуть соглашения с каким-либо правительством, которое подходит нашим интересам. Таким образом, отвергая вмешательство иностранных правительств с целью извлечения ими выгод в момент, когда мы начнем действовать внутри страны, мы считаем необходимым сейчас договориться со свободными и демократическими правительствами и после этого перейти к революционным действиям» [цит. по: 227, стр. 152].

Это выступление Сабахеддина было в лучшем случае достаточно наивным, ибо всерьез верить в бескорыстную

помощь держав делу реформ и прогресса в Османской империи, превращенной ими в полуколонию, мог только совершенно неопытный политик. Объективно оно могло означать только готовность поставить дело революционного преобразования феодально-абсолютистского строя под опеку великих держав. Такая позиция поддерживалась многими участниками конгресса. Делегаты-петурки и до конгресса постоянно использовали обращение к державам для поддержки своей борьбы за освобождение из-под власти турецкого султана. Ряд делегатов-турок пошел за Сабахеддином, считая, что движение младотурок действительно не может самостоятельно обеспечить успешную борьбу за восстановление конституции.

Участники конгресса раскололись на две группы: сторонники и противники вмешательства. Анализ социальной подоплеки этого раскола представляется довольно сложной проблемой, поскольку многое неизвестно нам о национальном составе, социальном происхождении и положении делегатов конгресса. В самых общих чертах можно говорить о том, что сторонники иностранного вмешательства отражали интересы инациональной компрадорской буржуазии Османской империи и той части турецких помещиков, которая была недовольна абдулхамидовским режимом. Что касается позиции противников вмешательства, то она объективно выражала интересы турецкой национальной буржуазии.

Большинство конгресса пошло за Сабахеддином и «сторонниками вмешательства». Оно одобрило следующую резолюцию:

«1. Мы отвергаем всякое сотрудничество между народами Османской империи и режимом, под властью которого мы находимся 25 лет, режимом угнетения, который является единственным источником всех бед империи и вызывает негодование всего человечества.

2. Мы намерены установить союз между различными народами империи, который обеспечил бы всем без различия пользование правами, дарованными султанскими указами и подтвержденными международными соглашениями, удовлетворив в полной мере их законное желание принимать участие в управлении; этот союз уравнивает всех граждан в правах и обязанностях и вызовет в них чувство верности и преданности трону и династии Османов, которая одна в состоянии обеспечить этот союз.

3. При всех обстоятельствах мы направим свои усилия к тому, чтобы координировать интересы всех народов страны и достигнуть следующих трех целей: а) поддержание целостности и неделимости Османской империи; б) восстановление порядка и мира внутри страны в качестве необходимого условия прогресса; в) уважение к основным законам империи, в частности к конституции 1876 г., которая несомненно очень важна и предлагает прочные и верные гарантии всеобщих реформ, ограждает права и политические свободы народов империи от произвола.

4. Мы подтверждаем наше твердое намерение уважать международные соглашения, в частности Берлинский трактат, поскольку те его положения, которые касаются дел Турции, будут распространены на все провинции империи

Таковы основные положения, на которых основан этот союз. Мы выбрали постоянный комитет, который будет бороться за то, чтобы эти принципы восторжествовали и послужили бы началом переговоров с державами, подписавшими Парижский договор 1856 г. и Берлинский трактат 1878 г., для того чтобы получить их моральную поддержку и расположение, имея своей целью выполнить международные соглашения, вызванные внутренним положением Турции, так же как все вышеприведенные соглашения, и их распространение на все вилайеты империи наиболее выгодным для каждого из них образом» [цит. по: 258, стр. 368—370].

Эта своего рода компромиссная резолюция, одобренная большинством делегатов, не удовлетворила ни армян, которые внесли предложение об обращении к державам за практической помощью, ни группу Ахмеда Ризы, отрицавшую в принципе любые переговоры с державами по вопросу о положении империи и ее будущем.

Делегаты-армяне выступили с заявлением [см.: 258, стр. 370—371; 266, стр. 460], что, поддерживая борьбу прогив существующего режима и будучи готовы к сотрудничеству в этой области, они будут продолжать собственные действия, имея в виду обеспечить немедленное осуществление предусмотренных международными соглашениями реформ в вилайетах империи с армянским населением²⁵.

²⁵ Речь шла, в частности, о выработанном в 1895 г. в результате соглашения России, Франции и Англии и турецкого правитель-

Группа Ахмеда Ризы от имени меньшинства конгресса сделала следующее заявление: «Приняв участие в конгрессе, мы надеялись, что все османы объединятся, и ожидали, что этот союз укрепитя. Мы выражаем чувство глубокого огорчения и разочарования в наших законных ожиданиях.

Большинство конгресса пришло к убеждению, что для проведения реформ в Турции необходимо прибегнуть к вмешательству держав... Но мы, меньшинство, считаем, что великие державы руководствуются собственными интересами, которые не всегда совпадают с интересами нашей страны. Мы отвергаем действия, угрожающие независимости Османской империи.

Тем не менее мы не относимся враждебно к Европе, что можно было бы предположить; напротив, одной из наших главных задач является распространение в нашей стране европейской цивилизации, особенно достижений научного прогресса Европы и его практического применения. Мы идем по пути, указанному Европой, и даже в нашем отрицании иностранного вмешательства нас вдохновляют патриотические убеждения всех европейских народов, ревностно охраняющих свою независимость, которой они справедливо гордятся» [цит. по: 258, стр. 372—373].

Поскольку армянская фракция конгресса заявила, что она не подпишет ни одну из предложенных резолюций, была подготовлена и принята на заключительном заседании еще одна резолюция, в которой говорилось, что участники конгресса, протестуя против нынешнего режима в Османской империи, решили работать вместе для того, чтобы: «1) превратить существующий режим в режим свободы и справедливости, с тем чтобы он мог обеспечить восстановление конституции; 2) напомнить европейским державам, что их долг в интересах человечества выполнить все пункты соглашений и международных актов, заключенных между ними и турецким правительством, на благо всех частей Османской империи» [цит. по: 258, стр. 371]. В этой резолюции, принятой, как в ней было сказано, от имени большинства делега-

ства проекте реформ провинциального управления в этих областях (пропорциональное распределение административных должностей между христианским и мусульманским населением, упорядочение сбора податей, реформа суда, полиции и жандармерии и т. д.). План этот в основном не был реализован.

тов турок, греков и албанцев, говорилось о том, что будет сделано все возможное для того, чтобы обеспечить выполнение требования армян о создании местной администрации областей с армянским населением. При этом подчеркивалось, что лучшей гарантией национальных прав будет создание такого правительства Османской империи, которое руководствовалось бы либеральными идеями. В этой резолюции отразились взгляды Сабахеддина и его единомышленников, считавших целесообразным и возможным значительную децентрализацию административного управления и предоставление широких полномочий местным властям. Как будет показано ниже (см. гл. VII), этим делалась попытка решения национального вопроса в условиях сохранения целостности империи. В отличие от Сабахеддина и его группы Ахмед Риза и его сторонники отстаивали идею строгой централизации власти в условиях конституционной монархии, которая обеспечивала бы равные права всем подданным империи.

Таким образом, первый конгресс младотурок не смог обеспечить единства в движении. Т. З. Туная пишег, характеризуя итоги конгресса: «И снова эти люди, единые в вопросе о том, что надо разрушить, совершенно разошлись в вопросе о том, что надо созидать» [239, стр. 106]. Раскол участников конгресса привел к образованию вскоре же после него двух самостоятельных обществ. Группа Ахмеда Ризы создала «Общество прогресса и единения», Сабахеддин организовал «Общество личной инициативы и децентрализации».

«Общество прогресса и единения» объединило всех тех младотурок, которые были сторонниками централизации и противниками иностранного вмешательства. Оно было — идейно и организационно — непосредственным продолжателем практически переставшего существовать общества «Единение и прогресс». Почти все члены парижского центра нового общества были участниками ранее действовавшего парижского отделения этого общества. Кроме Ахмеда Ризы в него вошли Самипашазаде Сезаи-бей, египетский принц Мехмед Али-паша (сын Мустафы Фазыл-паши), известный историк Ахмед Саиб, издатель газеты «Санджак» («Знамя»), Саид Махир, доктор Назым и Бахаеддин Шакир. Двое последних были основными организаторами связей общества с младотурецкими ячейками внутри страны. А. Б. Куран отме-

чает, что после раскола на конгрессе 1902 г. группа Ахмеда Ризы занялась более активной работой в пределах Османской империи [228, стр. 194]. Печатными органами «Общества прогресса и единения» стали «Мешверет» и новая газета — «Шура-и уммет» («Совет общины»), основанная в апреле 1902 г. Ахмедом Ризой и Самипашазаде Сезаи. Центр общества был в Париже.

Говоря о газете «Шура-и уммет», следует отметить, что ее редактор Самипашазаде Сезаи был видным представителем турецких писателей-просветителей, одним из зачинателей турецкой реалистической прозы. Он эмигрировал из Турции в 1901 г. и стал одним из активных деятелей младотурецкой эмиграции. Будучи во Франции, он встречался со многими видными политическими деятелями. Самипашазаде Сезаи писал в своих воспоминаниях, что в эти годы он познакомился с В. И. Лениным [163, стр. 115].

В первом номере «Шура-и уммет», вышедшем в свет 15 апреля 1902 г., новое общество так сформулировало свою программу: защита политической независимости и целостности Османской империи; восстановление конституции 1876 г.; пропаганда идей единства всех подданных империи и борьба за создание общего чувства патриотизма у всех народов Османской империи; сохранение на троне царствующей династии [231, стр. 186—187]. Как видно, эта программа в целом повторяет основные положения, выдвинутые деятелями общества «Единение и прогресс» в программных заявлениях 1895 и 1897 гг. Правда, здесь как результат полемики с группой Сабахеддина на первый план выдвинут тезис о целостности и независимости империи.

Группа Сабахеддина организационно оформилась в «Общество личной инициативы и децентрализации» в феврале 1902 г. Руководящее ядро общества составили принц Сабахеддин (председатель), Ахмед Фазыл (генеральный секретарь), Исмаил Кемаль, доктор Рифаат, доктор Нихад Решад, доктор Сабри, полковник Зеки, поэт Хюсейн Тосун, до эмиграции преподаватель военного рюштия в Триполи, Миласлы (Аскер) Мурад. Центром этого общества также был Париж²⁶. Общество по-

²⁶ Т. З. Туная отмечает, что документов об организации общества нет. Излагаемые им сведения почерпнуты из личных бесед с активным деятелем общества Сатветом Лютфи Тоганом в 1951 г. [239, стр. 142].

степенно создало ряд отделений как внутри Османской империи (Измир, Эрзурум, Трабзон, Дамаск), так и за ее пределами (Каир).

Вскоре же после конгресса Сабахеддин и Исмаил Кемаль предприняли попытку организовать в Стамбуле государственный переворот [см.: 227, стр. 155—164; 114, стр. 157—160; 216, стр. 299—300; 265, стр. 76—79]. Войдя в контакт с маршалом Реджеб-пашой, албанцем по происхождению, командующим турецким гарнизоном в Триполи, они составили следующий план. Под предлогом маневров несколько батальонов этого гарнизона под командованием верных заговорщикам офицеров должны были быть погружены на суда. Десант предполагалось провести через Дарданеллы под иностранным флагом, высадить в Стамбуле, соединиться со сторонниками заговорщиков в столице, блокировать дворец и правительственные здания и объявить о восстановлении конституции. Сабахеддин и Исмаил Кемаль взяли на себя изыскание средств для найма судов, Реджеб-паша и один из его офицеров, капитан Шевкет-бей, отвечали за подготовку личного состава десанта. Исмаил Кемаль, как он сам писал об этом в своих мемуарах, сообщил о плане заговорщиков английскому послу в Париже и по рекомендации последнего был принят в Лондоне в министерстве иностранных дел. Исмаил Кемаль в своих мемуарах утверждал, что Англия обещала заговорщикам поддержку на тот случай, если вмешается Россия [см.: 265, стр. 76—77]. Заговор, однако, не был осуществлен. Заговорщики довольно долго добывали суда, вели переговоры о сроках выступления войск. Кроме того, у них не оказалось и достаточных для осуществления плана средств. История проекта заговора интересна тем, что показывает, насколько политически незрелы и авантюры были в этот период действия Сабахеддина и его сторонников. Ставка делалась не на организацию массового антиправительственного движения внутри страны, а на военный путч, рассчитанный на внезапность выступления.

Характеризуя деятельность младотурецких организаций в 1902—1904 гг., необходимо упомянуть о создании еще нескольких групп и центров движения. Один из них возник в Женеве в марте 1904 г. под названием «Османское общество единения и революции» [239, стр. 145]. Среди его организаторов и руководителей

были Эдхем Рухи, доктор Абдуллах Джевдет, Мехмед Джемиль и несколько других лиц. Газета «Османлы» стала органом этого общества.

Устав этого общества был опубликован 15 июля 1904 г. в газете «Османлы» (№ 136) [см.: 239, стр. 146—148]. В нем говорилось, что общество создано с целью «преобразования деспотического режима Турции в конституционный» (ст. 1), что оно считает день провозглашения конституции 1876 г. торжественным днем, который должен специально отмечаться (ст. 25). Устав определял, что доступ в общество открыт для всех без различия нации и религии честных лиц, готовых материально или личным участием поддерживать общество и не запятнанных незаконно приобретенными деньгами, чинами и орденами (ст. 11). Сведения о деятельности общества весьма скудны. Известно, что члены его готовили покушение на Абдул Хамида.

Другой центр возник после конгресса 1902 г. в Каире под названием «Общество османского согласия». Его создали члены каирской ячейки общества «Единение и прогресс». «Общество османского согласия» выпустило специальное обращение ко всем народам Османской империи, призывая их к единству в борьбе с деспотизмом. В этом обращении говорилось о необходимости не только вернуть народу права, предоставленные конституцией 1876 г., но и обеспечить в будущей новой конституции соблюдение принципа «расширения прав вилаетов» [227, стр. 173]. Как видно, программные установки этой ячейки младотурок были сходны с принципами «децентрализации» группы Сабахеддина.

В 1904 г. возникла еще одна ячейка младотурецкого движения. Группа юношей — учащихся одного из стамбульских идадийе создала в сентябре 1904 г. тайную организацию под названием «Революционное общество»²⁷. Его руководителями были учащиеся Хамид Сатвет Лютфи, Намык Зеки, Ферит Недждет Мубин и доктор Махмуд. Организация насчитывала более ста членов и строилась на основе строгой конспирации по принципу «пятерок». Члены общества ставили своей целью восстановление конституции 1876 г. Они установили связь

²⁷ Об этом обществе см.: [239, стр. 149—150]. Т. З. Туная излагает его историю по рассказам двух его участников — проф. Хамида Онгунсу и Сатвета Лютфи Тогана, с которыми он, работая над книгой, специально встречался в январе 1951 г.

с учащимися других учебных заведений — военного училища, медицинского училища, юридической школы. С помощью выпускников и адабий, перешедших для продолжения учебы в школу гражданских чиновников, в последней была создана ячейка общества. Постепенно общество начало пропагандистскую деятельность. В нескольких сотнях экземпляров издавался печатный орган общества «Революционный журнал»; выпускались листовки. Все это печаталось в помещении угольного склада дома Ферита Недждета, где помещался центр общества. Листовки даже расклеивались иногда на окнах и дверях домов в столице. В связи с распространением брошюр и листовок был арестован Сатвег Лютфи, оставшийся в заключении вплоть до революции 1908 г. Общество установило контакт с эмигрантскими организациями младотурок; оно стало считать себя отделением «Общества личной инициативы и децентрализации».

Характеризуя в целом деятельность младотурок в 1889—1904 гг., следует отметить следующие основные черты движения в этот период:

1) младотурецкие организации сложились в результате политической активности молодой турецкой, преимущественно военно-чиновничьей, интеллигенции, отражавшей экономические и политические интересы турецкой национальной буржуазии и либеральных помещиков, заинтересованных в ликвидации режима феодальной деспотии и обеспечении условий для капиталистического развития страны. В условиях крайне реакционного феодально-абсолютистского режима к движению примкнуло значительное число представителей феодальной бюрократии, считавших, что безрассудная политика Абдул Хамида ведет империю к гибели. В результате социальный состав младотурецких организаций был весьма разнородным. Это обстоятельство определило постоянные идейные разногласия в движении²⁸;

2) основными лозунгами движения были восстановление конституции 1876 г., созыв парламента, обеспечение равных прав для всех народов империи. В своих политических требованиях младотурецкие организации выступали в качестве непосредственных продолжателей конституционного движения 60—70-х годов;

3) в условиях превращения страны в полуколонию

²⁸ Об этом подробно см. в гл. VII.

империалистических держав и роста национально-освободительных движений нетурецких народов империи в центре пропаганды и дискуссий были проблемы независимости страны в вопросах внутренней и внешней политики. Часть младотурок, отражавшая настроения турецкой национальной буржуазии, отстаивая тезис о полном невмешательстве иностранных держав в дела империи, выдвигала на первый план идею единства всех населявших ее народов в качестве «османов» — равноправных подданных Османской империи. Другая группа младотурок, стремясь обеспечить союз с экономически весьма сильной инонациональной буржуазией страны, пыталась решать эти же проблемы путем административной децентрализации и поисков путей для возможного, по их мнению, равноправного экономического и политического сотрудничества с европейскими державами;

4) практическая деятельность младотурецких организаций в эти годы не выходила, как правило, за рамки движения политического протеста против абдулхамидовского режима. Основным методом политической борьбы была довольно обширная печатная пропаганда. Она давала определенный эффект, содействуя распространению идей борьбы с феодально-султанским абсолютизмом в среде турецкой военной и гражданской интеллигенции;

5) движение не имело в рассматриваемый период связей с массами, его лидеры и не искали их, делая основную ставку на то, чтобы средствами политической пропаганды вынудить султана восстановить конституцию и провести ряд реформ в области государственного устройства. Для некоторых групп младотурок были характерны склонность к заговорщическим методам практических действий, стремление решать проблему изменения режима дворцовыми переворотами или организацией покушений на султана;

6) движение отличалось крайней организационной слабостью и разобщенностью, которую не смог преодолеть ввиду идейных разногласий и первый конгресс младотурецких организаций. После конгресса 1902 г. политическая активность младотурецких организаций заметно снизилась.

Дальнейшая активизация младотурецкого движения была результатом подъема революционного движения в Османской империи под влиянием революционных событий 1905 г. в России.

**ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МЛАДОТУРОК В 1905—1907 гг.**

Русская революция 1905 г. оказала огромное влияние на развитие буржуазно-национальных антиимпериалистических и демократических движений во всей Азии. В. И. Ленин писал, что «мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застою, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [13, стр. 146].

Революционные события 1905 г. в России получили живой отклик в Османской империи. Известия о «кровавом воскресеньи» в Петербурге вызвали в Стамбуле немедленную реакцию. Это обстоятельство отмечал русский посол в Стамбуле Зиновьев, телеграфировавший 11 (24) января министру иностранных дел о том, что «здесь распространяются самые невероятные слухи о движении среди фабричного населения Петербурга, грозящем будто бы безопасности столицы и государственному порядку» [62, стр. 33]. Турецкие власти всеми способами старались установить преграды проникновению из России революционных настроений, конкретных сведений о происходящих в России событиях. Были приняты меры для укрепления пограничной и таможенной охраны. Усиленная служба шпионажа была сориентирована на особую слежку за всеми приезжавшими из России лицами, было запрещено принимать в высшие учебные заведения учащихся-мусульман, приезжавших из

России. Газетам строжайшим образом было запрещено что-либо писать о России [см.: 200, стр. 17—18].

Хотя султанская цензура делала все возможное, чтобы не допустить проникновения в Турцию сообщений о революционных боях в России, сведения о них доходили через иностранные газеты, о них писали и в распространявшихся в стране изданиях младотурок. Так, издававшаяся в Софии газета «Ферьяд» («Стон»), выходявшая с подзаголовком «Газета, изобличающая произвол абдулхамидовского режима», касаясь революционных событий в России, прямо заявляла 2 ноября 1905 г., что она страшно напугала султана Абдул Хамида, который боится, что «его подданные последуют этому примеру, а войска обратят оружие против него» [99, № 3]. Действительно, Абдул Хамид и его клика были серьезно напуганы революционными выступлениями в России, особенно восстаниями в русском флоте. Личный секретарь Абдул Хамида Тахсин-паша писал в своих воспоминаниях, что восстание моряков на броненосце «Потемкин» страшно обеспокоило султана, который опасался, что этот пример может оказаться вдохновляющим и для турецких войск. Мысль, что в Стамбуле станет известно о том, «что мятежное судно уведено по собственной воле его командой», буквально лишила султана сна [117, стр. 174]. Были приняты меры для укрепления средств защиты проливов на тот случай, если мятежный корабль попытается пройти через Босфор.

Русский посол в Стамбуле писал 29 июня (12 июля) 1905 г. в своем секретном донесении в Петербург: «Ни одна из перипетий, пережитых Россией за последнее время, не произвела здесь столь глубокого впечатления, как известие о бунте на нашем броненосце и распространившиеся одновременно слухи о мятежном настроении, охватившем будто бы экипажи большинства судов нашего черноморского флота. Этому впечатлению поддался в особенности султан, не забывающий, что заговор, организованный в среде чинов турецкого флота, стоил престола и жизни его предшественнику султану Абдул Азизу¹. Под влиянием внушаемого ему означенными известиями страха султан сделал немедленно распоряжение о тщательном расследовании в видах выяснения

¹ Посол имеет в виду участие моряков турецкого флота в низложении Абдул Азиза в 1876 г.

настроения умов среди экипажей турецких военных судов и в то же время, потребовав к себе военного министра Риза-пашу, главного начальника артиллерии Зеки-пашу и мушира Эдхем-пашу, приказал им немедленно изготовить проект мер, необходимых для обеспечения Константинополя от возможной попытки взбунтовавшегося экипажа нашего броненосца силой прорваться через Босфор» [27, лл. 308—309]². Султан и его правительство с полной готовностью откликнулись на просьбу царского правительства к Румынии и Турции о полицейской помощи против матросов восставшего корабля, по поводу которой В. И. Ленин писал как о позорном шаге русского самодержавия [см.: 9, стр. 345].

Абдул Хамид не без оснований боялся, что пример русских революционных моряков окажется заразительным для турецкой армии и флота. Революционные выступления черноморских моряков русского флота нашли самый живой отклик среди турецкого офицерства. Ярким свидетельством этого стало письмо 28 турецких флотских и армейских офицеров к семье казненного царским правительством лейтенанта П. П. Шмидта. В нем говорилось: «Доблестный лейтенант Петр Петрович Шмидт казнен... речь лейтенанта Шмидта, произнесенная им над трупами борцов в Севастополе, уже разнеслась по всем закоулкам нашей империи, как и каждое произнесенное им слово. Клянемся и мы великому гражданину Шмидту, клянемся его дорогим для нас трупом, вместе с русским народом, что будем бороться до последней капли крови за святую гражданскую свободу, во имя которой у нас погибло немало наших лучших граждан. Мы клянемся и в том, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в России, чтобы общими усилиями завоевать себе право жить по-человечески... Лейтенант Шмидт никогда не умрет в наших сердцах, и слава о нем, как он погиб за свою родину, перейдет из рода в род. Вместе с русским народом мы присоединяем свой крик: „Долой смертную казнь!“, „Да здравствует гражданская свобода!“» [62, стр. 52—54]. Это письмо подписали офицеры разных рангов — от командиров кораблей и полковников

² В этом донесении отмечалось одновременно, что, хотя «Потемкин» уже сдался румынским властям, турецкие власти не прекращают начатые работы, используя сложившиеся обстоятельства для усиления обороноспособности проливов.

до лейтенантов, военный врач, преподаватель военного училища; среди подписавшихся были представители разных национальностей — черкесы, турки, курды, араб, албанец и др. Письмо не дошло до адресата, так как было перехвачено весной 1906 г. царской охранкой. Как сообщила Х. М. Цовикянц сестра лейтенанта П. П. Шмидта А. П. Избаш, она позже получила из Вены аналогичного содержания письмо, написанное Мухтар-беем по поручению Лиги революционных офицеров оттоманской армии и флота [200, стр. 21]³.

Революционные события в России активизировали те антиправительственные настроения в среде турецкого офицерства, которые давали себя знать уже и в 1902—1903 гг. Они проявлялись в том, что часть офицеров имела непосредственное отношение к деятельности младотурецких организаций, многие из них оставляли службу и эмигрировали за границу. По некоторым данным, только в 1902 г. к младотуркам примкнуло более ста турецких офицеров. Среди них были и генералы [200а, стр. 26]. Летом 1902 г. в Багдаде было арестовано «за революционный и преступный образ мыслей и поступки» 16 офицеров, а 5 человек успели бежать. При обыске в казармах были найдены (не только у офицеров, но и у солдат) младотурецкие газеты и прокламации, в частности экземпляры газет «Османлы» и «Ферьяд». В марте 1906 г. произошли массовые аресты армейских офицеров (более 200 человек, среди них 5 генералов) [200а, стр. 29, 34].

В 1906—1907 гг. в турецкой армии и флоте имел место ряд открытых выступлений солдат и матросов против начальства. Так, в декабре 1906 г. около 450 матросов, недовольных задержкой в выплате жалованья и превышением сроков службы, напали на дом начальника морского штаба Ахмед-паши, рапив хозяина и избив трех его офицеров. Примечательно, что правительство не только не рискнуло прибегнуть к репрессиям, но даже немедленно выплатило задержанное жалованье и уволило в запас матросов, отслуживших свой срок [29, ч. II, л. 507—508]. Беспорядки такого характера происходили в ряде мест. По сообщению русского консула в Эдирне,

³ Нам неизвестны факты о деятельности организации под таким названием. Скорее всего так называла себя в письме одна из младотурецких ячеек в турецкой армии, которые начали складываться в 1906—1907 гг.

в июне 1906 г. значительная группа турецких солдат II армейского корпуса во главе с офицером дезертировала из-за крайне тяжелых условий службы в Болгарию [30, л. 10]. Еще более значительными фактами неповиновения солдат начальству были случаи отказа от участия в карательных экспедициях для подавления антиправительственных выступлений. 800 солдат стамбульского гарнизона отказались в 1906 г. ехать в Йемен для подавления антитурецкого восстания арабов [200, стр. 26—27]. Русский консул в Трабзоне Брандт сообщал в июле 1906 г., что один из пароходов, которые везли в Йемен солдат для подкрепления войск, участвовавших в операциях против повстанцев, вынужден был возвратиться в Трабзон из-за бунта солдат [30, л. 149]. Случаи дезертирства из войск, направляемых в Йемен, также имели место неоднократно. Оценивая все эти факты, следует отметить, что они возникали стихийно и, как пишет А. Ф. Миллер, «носили неорганизованный и локальный характер, не приобретаая еще общеоттоманского значения» [167, стр. 36].

В 1906—1907 гг. ареной довольно значительных по характеру и масштабам антиправительственных выступлений стала Анатолия. Здесь к этому времени увеличилась прослойка турецкой буржуазии. После армянской резни 1894—1895 гг. в руки турок перешла в большой степени местная торговля. «Богатая анатолийская скотопромышленность и все растущий экспорт скота в Англию, Францию, Германию и Италию, — писал один из современников событий, — сосредоточились в руках турок. Но тотчас же турки-предприниматели встретились с новой опасной конкуренцией: иностранными капиталистами, легко добывавшими себе всякие привилегии» [198, стр. 168]. Молодая анатолийская турецкая буржуазия, ощутившая на себе все тяготы феодально-деспотического режима, возглавила антиправительственные выступления в ряде городов Анатолии. Важную роль в активизации там оппозиционных настроений сыграли, несомненно, многочисленные политические ссыльные — младотурки, рассеянные по отдаленным уголкам Малой Азии. Весьма осведомленный пемецкий автор писал, ссылаясь на видного деятеля младотурецкого движения Али Хайдара Мидхата, что «Малая Азия, куда былоoslано большинство неугодных Йылдызу лиц, была главным местопребыванием многочисленных младотурецких комитетов.

которые несли в народ идеи конституции. Из центра в Эрзуруме был подан сигнал к целому ряду восстаний в Эрзуруме, Ване, Битлисе и Диярбакыре для того, чтобы устранить неугодных чиновников, неспособных и кровопийц» [261, стр. 173].

Эрзурумские события 1906—1907 гг. были действительно началом целой серии антиправительственных выступлений в Анатолии. Русский генеральный консул в Эрзуруме Скрябин так описывал начало волнений: «Возникшее среди мусульман пограничных с Россией вилайетов недовольство властями из-за чрезмерных налогов еще усилилось в последнее время вследствие запрещения турецкого правительства выдавать паспорта для выезда на заработки в Россию. Эта мера лишила нескольких тысяч мусульман всех средств существования. К волнениям в среде рабочих присоединилось и купечество, также недовольное действиями турецких властей, и взяло движение в свои руки; в состав созданного купечеством общества „Джан-верир“ вошло большинство обывателей Эрзурума» [30, л. 71].

С 5 по 22 марта 1907 г. в Эрзуруме прошло несколько массовых манифестаций, участники которых требовали отмены ряда налогов и смещения с должностей особо ненавистных населению чиновников, в частности эрзурумского вали Назим-паши⁴. Этими выступлениями руководило общество «Джан-верир» (букв. «Жертвующий собой»). Дважды, 8 и 11 марта, общество направляло по телеграфу в Стамбул требование сместить Назим-пашу, но оно не было удовлетворено. 15 марта двадцатитысячная толпа жителей города окружила телеграфное бюро. Манифестанты потребовали к телеграфному аппарату самого султана и изложили ему свои жалобы и настоятельную просьбу сменить эрзурумского вали. 22 марта правительство вынуждено было уступить требованиям манифестантов, которые все эти дни практически были хозяевами города. Был назначен новый вали, но деятельность общества «Джан-верир» на этом не прекратилась. Вскоре был составлен список требований султану; руководители общества организовали сбор подписей среди населения, от имени которых были выдви-

⁴ Подробное изложение этих событий дано А. М. Валуйским [см.: 145, стр. 49—65]. Данные, содержащиеся здесь, дополнены нами материалами из донесений русского посла в Стамбуле Зиновьева министру иностранных дел [31, л. 115—122].

нуты эти требования. Их перечень содержал положения об освобождении населения от ряда налогов, установлении более строгого контроля над финансами вилайета и деятельностью местной администрации. Кроме того, речь шла о необходимости урегулировать выплату жалования военным и упразднить ненавистные населению формирования конницы «хамидийе» [145, стр. 54]. «Возникшее на Кавказе революционное движение отразилось в прошлом году в Эрзурумском вилайете,— писал русский посол в Стамбуле Зиновьев 28 апреля (11 мая) 1907 г.,— где из различных слоев населения образовался комитет, принявший название „Джан-верир“, который не замедлил вступить в борьбу с местными властями и оттоманским правительством с целью положить конец злоупотреблениям администрации и добиться отмены тягостных налогов, разорявших население. Около этого комитета сгруппировалось большинство населения, и пропаганда его проникла даже в ряды турецкой армии» [31, л. 116—117]. Как видно, крупный царский сановник признавал, что возникновение антиправительственных настроений в Эрзуруме связано с влиянием революционных событий 1905—1907 гг. в России.

Народные выступления против султанской администрации продолжались в Эрзуруме в течение 1906—1907 гг. В октябре 1906 г. в ответ на арест властями ряда руководителей весенних манифестаций общество «Джан-верир» арестовало вали; местный полицмейстер и один из полицейских были убиты населением. Власти опять вынуждены были уступить, арестованные были освобождены и возвратились в Эрзурум, где их торжественно встретило население. Одной из причин уступчивости властей было, несомненно, то, что части местного гарнизона не оказали никакого противодействия восставшим. В одной из телеграмм послу в Стамбул в связи с октябрьскими событиями консул Скрябин отмечал, что эрзурумский вали недоумевал, «почему военная власть не помещала его пленению и убийствам полицейских» [30, л. 146]. В январе 1907 г. он же писал в своем донесении, что «революционеры не боятся репрессий правительства, ибо более чем когда-либо уверены в поддержке войска» [цит. по: 145, стр. 57]. Пропаганда среди солдат местного гарнизона велась очень активно. Было даже выпущено специальное обращение к ним, в котором солдат призывали не выступать против восставшего населения.

«Как мы заботимся о вашем покое,— говорилось в обращении,— так и вы, в свою очередь, не повинуйтесь своим офицерам и начальникам в случае, если вам прикажут: „бей“. Ввиду того что мы заботимся о спасении нашего отечества, нашей веры, нашей чести, и вы не откажите в вашей помощи; в противном случае мы не простим вам вашего долга. Мы получили фетву от наших ходжей и муфтиев о том, что наши начинания не противны божьему повелению и что на них имеется согласие пророка» [цит. по: 147, стр. 90].

Не видя иной возможности ликвидировать опасный очаг антиправительственной деятельности, Абдул Хамид в феврале 1907 г. вынужден был пойти на новые уступки. «Убедившись в невозможности остановить народное движение, султан решился,— писал Зиновьев,— в начале минувшего февраля отменить палочи личный и на крупный скот, на тягость коих уже давно жаловалось население; мера эта подействовала успокоительно на население, но все усилия вали Нури-бея побудить мусульман торжественно выразить султану благодарность за его милость оставались тщетными» [31, л. 119].

Русский посол отмечал при этом, что одновременно с отменой некоторых податей султанское правительство прибегло к своей излюбленной мере — начало натравлять турок на армян, усилило строгости во взимании налогов с армянского населения Эрзурумского вилайета, провоцируя протесты армян против произвола администрации [31, лл. 120—121].

Антиправительственные выступления, подобные эрзурумским, произошли и в других городах Анатолии. Так, в Кастамону в марте 1906 г. население отказалось участвовать в муниципальных выборах. Руководители устроенной в связи с бойкотом выборов манифестации заявили представителям военных властей, что население протестует против действий губернатора, присваивающего часть доходов города, и против взимания «личного налога», идущего якобы на нужды армии. Пяти тысячная толпа демонстрантов захватила затем почту. Один из офицеров — участников демонстрации передал по телеграфу в Стамбул требования восставших. Султан вынужден был частично удовлетворить их [200, стр. 30]. Абдул Хамиду и Высокой Порте в этот период не раз приходилось смещать губернаторов и других чиновников местной администрации, пытаясь этими мерами приглу-

шить народное возмущение против правительства. Так, русский консул в Трабзоне Брандт, комментируя смещение эрзурумского вали Назим-паши и его перевод на новый пост в Диярбакыр, писал в апреле 1906 г., что «за последнее время это уже третий случай смещения властей вследствие жалоб на них местного населения, недовольного их незаконными поборами» [30, л. 148]. Вскоре к этим фактам прибавилась и смена губернатора в самом Трабзоне. На этот раз само восставшее население города отстранило губернатора Ибрагим-пашу от исполнения его функций; султан вынужден был немедленно направить в Трабзон нового губернатора. Антиправительственные выступления, участники которых требовали, как правило, снижения налогов и ликвидации произвола чиновников местной администрации, прошли в Синопе и Диярбакыре.

В 1907 г. общество «Джан-верир» распространило в Эрзуруме прокламацию, в которой требовалось ввести в действие конституцию и создать палату депутатов. В прокламации говорилось о деспотизме султанского режима, продажности высшей бюрократии, засилии иностранцев в стране, тяжести налогового бремени. Авторы прокламации обращали внимание читателя на революционные события в России и Иране. Они призывали к совместным действиям соотечественников — мусульман и христиан — в борьбе за освобождение от деспотического режима [145, стр. 63]. В ответ на эти призывы правительство решилось прибегнуть к репрессиям. Были произведены массовые аресты в Эрзуруме и в окрестных городах и селах. Среди арестованных были представители местной турецкой буржуазии, интеллигенции, духовенства. По данным русского консула, к середине ноября 1907 г. было арестовано 92 человека, из них 80 «из среды купцов и лиц зажиточных». Арестованных судили; 8 человек приговорили к смертной казни, 18 — к пожизненной каторге, остальных — на разные сроки тюремного заключения [145, стр. 64—65].

Какова была роль младотурецких организаций в активизации антиправительственных настроений и выступлений в городах Восточной Анатолии? Прежде всего необходимо отметить, что немалое значение имели младотурецкие нелегальные издания и устная пропаганда ссыльных младотурок. Один из первых турецких историков младотурецкой революции отмечал, что эмигрант-

ская пресса сыграла свою роль в подготовке напугавших правительство восстаний в Эрзуруме, Кастамону, Диярбакыре и других городах Анатолии, «подготовил к восстанию общественное мнение» [208, стр. 34]. По некоторым сведениям, деятели зарубежных эмигрантских комитетов приняли и личное участие в народных выступлениях в Эрзуруме. В частности, Дж. Кутай утверждает, что один из руководителей «Общества личной инициативы и децентрализации», Хюсейн Тосун-бей, специально пробрался через Кавказ в Эрзурум по поручению принца Сабахеддина. Он имел поручение организовать в Эрзуруме отделение общества. Приехав в Эрзурум, он стал одним из руководителей восставшего населения [227, стр. 192—193]⁵. По другим сведениям, Хюсейн Тосун-бей тайно приехал из Европы в Анатолию, около двух лет вел пропаганду в различных ее городах и готовил вместе с группой подобранных им единомышленников военное восстание, но был арестован [208, стр. 35]. Возможно, что эти факты и не противоречат друг другу. Хюсейн Тосун мог готовить тайно военное восстание, принимая участие в руководстве антиправительственными выступлениями населения Эрзурума. Однако утверждение Т. З. Туная, что восстание в Эрзуруме против налогов было организовано местным отделением «Общества личной инициативы и децентрализации» [239, стр. 142], представляется нам преувеличением. Единственный факт — участие Хюсейна Тосуна в эрзурумских событиях — не дает достаточных оснований для такого утверждения. Конечно, младотурецкие организации за границей стремились к контакту с движением, возникшим в городах Восточной Анатолии, следили внимательно за его развитием⁶. Но об организованном участии младотурецких комитетов в этом движении говорить нельзя, для этого нужны дополнительные факты.

Также требуют, на наш взгляд, дополнительной про-

⁵ Для организации отделений общества, созданного Сабахеддином, одновременно были направлены: в Стамбул — Сатвет Лютфи-бей, в Измир — Неджет-бей и Фаиз-бей, в Трабзон — Сатырзаде Хиджаби и Санджакбейзаде Мехмед-бей. В Эрзурум вместе с Хюсейном Тосун-беем был направлен Сердарзаде Сыткы-бей.

⁶ Газета «Тераккы» («Прогресс»), которую издавала группа Сабахеддина, писала в начале 1907 г. о событиях в Эрзуруме, отмечая, что они перекинулись на Трабзон, Сивас, Кайсери и султан вынужден был уступить восставшим — упразднить налог на скот и личный налог [239, стр. 142].

берки и подтверждения фактами из достоверных источников сведения о деятельности партии «Мусульманская федерация» и комитетов «турецких либералов». В ряде работ, посвященных истории младотурецкой революции, рассказывается о деятельности этих организаций и излагаются их программы [см.: 140, стр. 32—33; 151, стр. 102—103]. Единственным источником этих сведений является опубликованная в сентябре 1908 г. статья А. Тер-Арутюнова, из которой некоторые факты попали в книгу Н. Н. Голобородько «Турция» [см.: 198, стр. 171—173; 153, стр. 214—216]. Однако ни А. Тер-Арутюнов, ни Н. Н. Голобородько не ссылаются, приводя факты о деятельности «Мусульманской федерации» и комитетов «турецких либералов», ни на какие источники. В известных нам источниках о деятельности названных организаций никаких сведений нет.

А. Тер-Арутюнов весьма подробно изложил в своей статье программу партии «Мусульманская федерация», созданной, по его утверждению, в 1902 г. Эта программа требовала провозглашения конституции и созыва палаты депутатов, которая должна будет законодательным путем «закрепить полное народовластие и управление страной через представителей национальностей». В программе говорилось о свободе слова, совести и печати, неприкосновенности личности, жилища и частной переписки, равных правах и обязанностях всех подданных империи. Программа выдвигала требование коренного изменения налоговой системы и способов взимания налогов. В ней было сказано, что безземельным крестьянам должны быть предоставлены те земли, которые они обрабатывали в течение пяти лет, а малоземельные должны получить дополнительные наделы за счет казенных земель. Наконец, в программе говорилось о необходимости повышения заработной платы рабочим и установления десятичасового рабочего дня, учреждении мелкого кредита для нужд крестьян, ремесленников и мелких лавочников [198, стр. 171—172].

Как видно, программа «Мусульманской федерации» в изложении А. Тер-Арутюнова содержала ряд весьма прогрессивных требований, она намечала даже пути решения аграрного вопроса. Ни одна из организаций младотурок в этот период не включала в свои программные документы и заявления конкретные требования, направленные на улучшение положения крестьянства и рабо-

чего класса. Возможно, что партия «Мусульманская федерация» была выразительницей интересов наиболее революционной части буржуазии Османской империи. Однако мы не считаем возможным делать какие-либо выводы о достоверности фактов о ее деятельности до тех пор, пока они не будут подтверждены данными заслуживающих доверия источников.

Восстания населения в городах Восточной Анатолии, участвовавшие случаи неповиновения властям, волнения в армии и флоте, дальнейший рост национально-освободительных антифеодалных движений нетурецких народов империи (в частности, в Македонии) — все это свидетельствует о том, что в 1905—1907 гг. в Османской империи имел место революционный подъем. «Коренные причины этого подъема, — пишет А. Ф. Миллер, — были, разумеется, внутренними, но решающий толчок пришел извне — от русской буржуазно-демократической революции 1905 г.» [168, стр. 24].

Нарастание революционной ситуации в стране привело к активизации деятельности младотурецких организаций как за рубежом, так и в самой Османской империи. Большинство деятелей младотурецкого движения рассматривало русскую революцию 1905 г. как вдохновляющий пример в борьбе с феодально-абсолютистским режимом. Так, газета младотурок «Тюрк», издававшаяся в Каире с 1903 г., заявляла: «Мы должны брать пример с великолепных идей русской революции». Другая газета младотурок — «Догру сёз» («Правдивое слово»), обращая внимание читателей на революционные события в России и в Иране, призывала следовать этим примерам [см.: 200, стр. 23—24]. Абдуллах Джевдет писал в изданной им в 1905 г. в Женева брошюре, призывавшей к прекращению в Баку армяно-мусульманской резни, что за эту резню «ответственны царь, султан и их агенты». Автор брошюры заявлял, как бы стремясь подчеркнуть, что именно деспотические режимы являются причиной страданий народов: «Событие 9 января, когда улицы Петербурга были обогрены невинной кровью жителей, способно открыть самые заspanные глаза» [цит. по: 168, стр. 37]. В другой брошюре под названием «Пробуждайтесь! Пробуждайтесь!» Абдуллах Джевдет писал, обращаясь ко всем соотечественникам — мусульманам и немусульманам: «Объединяйтесь! Бедные и богатые, слабые и сильные, женщины и мужчины.

молодые и старые, объединяйтесь! Население Трабзона, Эрзурума и Кастамону, героическое население этих вилайетов, героические наши братья уже сделали первые шаги. Посмотрите на Россию, посмотрите на Иран!» [97, стр. 15]⁷. Ю. Х. Баюр отмечает, что для деятелей младотурецкого движения революционные события в России были «примером для османов». С февраля 1905 г. газета «Шура-и уммет», например, публиковала статьи и материалы, направленные против царя и в защиту восставших. Эти материалы неоднократно печатались под заголовком «Читайте, берите пример!» [216, стр. 339].

Несомненное влияние на развитие антиправительственного движения в городах Восточной Анатолии имели и революционные события в Иране, которые привели 5 августа 1906 г. к провозглашению конституции в Иране [161, стр. 67—107]. Конституционное движение в Иране и деятельность первого иранского парламента были для младотурок важным примером борьбы с феодально-абсолютистским режимом.

Правда, некоторые из деятелей младотурецкого движения, говоря о русской революции, заявляли, что не следует брать пример с вооруженной борьбы против царизма, приводящей к гражданской войне. Ахмед Риза, например, писал в «Мешверет», что не нужно восхищаться «ужасами гражданской войны в России» и стремиться перенести этот опыт в Турцию [200, стр. 25]. Высказанное Ахмедом Ризой мнение было, конечно, связано и с его принципом об отказе от использования силы в борьбе с деспотизмом, принципом, от которого он позже вынужден был отказаться под натиском революционных событий в Турции. Однако эта точка зрения Ахмеда Ризы отражала не только его личные теоретические принципы. Умеренное крыло младотурок отнюдь не стремилось к массовой революционной борьбе против феодально-султанского режима, все еще лелея надежду мирным путем добиться конституционных свобод. Их идеалом в событиях русской революции были, конечно, не баррикадные бои в Москве или восстание на «Потемкине», а царский манифест о «свободах» и Государственная дума.

Как было отмечено выше, после конгресса 1902 г.

⁷ В предисловии ко второму изданию этой брошюры (1908 г.) Абдуллах Джевет отмечал, что брошюра была распространена в Турции в количестве 2 тыс. экземпляров.

двумя основными организациями в младотурецком движении стали «Общество прогресса и единения» под руководством Ахмеда Ризы и «Общество личной инициативы и децентрализации», возглавлявшееся принцем Сабахеддином.

О программных установках и принципах организации «Общества прогресса и единения» дает представление «Основной регламент Османского общества прогресса и единения», опубликованный в Каире в 1907 г. В нем следующим образом были сформулированы цели общества:

«Ст. 1. Османскими патриотами, желающими благополучия и счастья родины и нации, создано постоянное османское политическое общество под названием „Общество прогресса и единения“.

ЦЕЛЬ ОБЩЕСТВА:

Ст. 2. Трудиться во имя укрепления добрых национальных нравов, являющихся во всех случаях причиной успеха; в соответствии с нашими народными обычаями и местными потребностями трудиться во имя распространения знаний и просвещения и достижений современной цивилизации в Османской империи.

Ст. 3. Созидать искреннее единство различных османских элементов (т. е. различных народов империи. — Ю. П.), основанное на патриотических ощущениях и человеколюбии; побуждать и поощрять османов к совместной работе во имя прогресса и подъема родины.

Ст. 4. Прилагать все старания для защиты и восстановления политической независимости и территориальной неприкосновенности Османской империи и сохранения ее силы и могущества.

Ст. 5. Сохраняя династию Османа на троне высокого султаната и халифата, трудиться во имя защиты национальных прав и богатства на благо революции для установления справедливого конституционного управления вместо нынешнего режима произвола и деспотизма, во имя осуществления положений конституции 8 зильхидже 1293 (23 декабря 1876 г. — Ю. П.) и всеобщей реформы» [98, стр. 3]⁸.

⁸ Экземпляр этого регламента был получен нами в 1961 г. от вдовы Ибрагима Темо — Нафие Темо. Т. З. Туная публикует текст этого документа по экземпляру, хранящемуся в Стамбульской му-

Как видно, эти статьи регламента повторяют в основном главные пункты программы общества «Единение и прогресс», сформулированные Ахмедом Ризой в 1897 г. в «Мешверет». Но если в программе 1897 г. были слова о том, что общество отвергает обращение к силе и требует реформ, то в регламенте 1907 г. прямо говорится о «революции», хотя и не уточняются средства, необходимые для ее победы.

Регламент 1907 г. определял, что членами «Общества прогресса и единения» могут быть без различия расы и религии все османы, достигшие совершеннолетия, имеющие «добрый нрав и чистое прошлое», признающие и выполняющие устав общества (ст. 6—7). Членам общества вменялось в обязанность «лично и всеми средствами» оказывать помощь обществу (ст. 25) (в том числе регулярными денежными взносами, размер которых должен быть не ниже абонементной платы за газету общества — ст. 32) и привлекать в него новых членов (ст. 27); всеми способами содействовать распространению знаний и просвещения. В этой связи даже специально подчеркивалась необходимость «внедрения в существующие школы учителей из числа членов общества» (ст. 26) [98, стр. 4, 7—9].

Регламент устанавливал, что отделения общества могут создаваться везде, они должны признавать устав и выполнять решения центрального комитета общества, члены которого избираются в отделениях общества как внутри страны, так и за рубежом сроком на один год (ст. 8, 9, 14) [98, стр. 4—5]. В регламенте было сказано, что центральный комитет руководит всей деятельностью общества, направленной на уничтожение существующего в стране деспотического режима, защищает интересы всех османов за границей (ст. 30) [98, стр. 8]. Последнее положение показывает, что «Общество единения и прогресса» не только пропагандировало идею единства всех подданных империи, но и претендовало на то, чтобы выступать перед мировым общественным мнением в качестве выразителя интересов всех народов Османской империи.

В регламенте говорилось о том, что общество осу-

ниципальной библиотеке [239, стр. 123—126]. В публикации есть, к сожалению, важная неточность. В тексте ст. 5 вместо «идаре-и меш-руте» (конституционное управление) напечатано «идаре-и мес'уде» (режим благоденствия).

ществляет издательскую деятельность и имеет свои печатные органы, которыми руководит центральный комитет (ст. 31) [98, стр. 9]. Официальными органами общества в приложении к регламенту были названы газеты «Мешверет» и «Шура-и уммет». Приложение содержало также следующий текст клятвы, которую должны были давать члены центрального комитета общества: «Клянусь верой и честью, что, пока будет продолжаться произвольное и деспотическое правление султана Абдул Хамида II и пока не будут осуществляться положения османской конституции, я не сдамся османскому правительству и не буду служить ему, всегда буду верен цели общества, не разглашу его тайну и немедленно буду передавать обществу направленные ему пожертвования» [98, доп.].

«Общество прогресса и единения» в 1905—1906 г. стало расширять свою пропагандистскую деятельность в Османской империи. Кроме газет «Мешверет» и «Шура-и уммет» оно выпускало для распространения в стране различные прокламации. Так, в 1906 г., когда появились слухи о тяжелой болезни и возможной кончине султана, в Турции распространялось специальное воззвание общества, обращенное к турецкому народу⁹.

В этом воззвании говорилось, что султан умирает и день его смерти «будет большим праздником для турецкого народа». Воззвание призывало выступить против попыток клеветов султана возвести на престол сына Абдул Хамида — Бурханеддина вместо законного наследника принца Мехмеда Решада [29, ч. I, л. 113—114]¹⁰. Авторы воззвания предупреждали турецкое население, что в случае кончины султана и возникновения междоусобия иностранные державы и «некоторые комитеты, враждебные туркам» (имеются, конечно, в виду политические организации национальных меньшинств) могут попытаться создать в стране смуту, чтобы получить повод для вмешательства держав в дела Османской

⁹ Его перевод на русский язык сохранился в фондах Архива внешней политики России [см.: 29, ч. I, лл. 110—116].

¹⁰ По традиции османской династии после кончины султана трон переходил к старшему члену династии. Принц Мехмед Решад был братом Абдул Хамида. Султан и его приближенные хотели изменить порядок наследования престола, с тем чтобы наследником стал сын Абдул Хамида — Бурханеддин, на которого они возлагали надежды, связанные с продолжением политики Абдул Хамида.

империи. Чтобы не допустить этого, авторы воззвания призывали турок к спокойствию и соблюдению порядка, к защите прав «соотечественников христиан» [29, ч. I, л. 112—114]. В воззвании говорилось, что все соотечественники — мусульмане и христиане — «должны потребовать восстановления и осуществления конституции, признанной беспорочным правом народа в 1293 году гиджры, с уничтожением неограниченной монархической власти, похищенной через два года после этого Абдул Хамидом. Эта конституция спасет народ и вдохнет жизнь в страну» [29, ч. I, л. 114—115]. Воззвание призывало государственных служащих и улемов в столице и провинциях посылать письма и телеграммы с просьбой к новому султану восстановить конституцию. Обращаясь к «турецким гражданам-немусульманам», авторы воззвания предлагали им «вместе работать на поприще свободы». «Если вы хотите добиться равенства, справедливости и свободы,— говорилось в воззвании,— то действуйте заодно с нами. Мы добиваемся человеческих прав не для одних мусульман, а для всех турецких граждан, для всех наших соотечественников» [29, ч. I, л. 115—116]. Воззвание заканчивалось такими словами: «Все наши соотечественники! Соединимся, не станем упускать последнего удобного момента, будем жить по-человечески или умрем героями!» [29, ч. I, л. 116].

Опасаясь возможной кончины султана и перехода трона к принцу Бурханеддину, деятели «Общества прогресса и единения» в конце 1906 г. обратились к правительствам шести европейских держав с призывом не допустить изменения порядка престолонаследия [см.: 28, лл. 276—281, 298—301, 314—317]. Этот факт показывает, что, когда речь шла о реальных политических целях и интересах общества, его руководители сами же нарушали свой принцип о невмешательстве иностранных держав в дела империи.

«Общество прогресса и единения» вело обширную переписку со своими единомышленниками в Турции. В этих письмах уже в начале 1906 г. содержались призывы к созданию ячеек общества внутри страны¹¹. Общество специально выделило двух особо активных членов руко-

¹¹ Об этом писал, например, 25 марта 1906 г. в письме, направленном в Стамбул, один из руководителей общества — д-р Сервер [см.: 228, стр. 196].

водства — д-ра Бахаеддина Шакир-бея и д-ра Назым-бея — для наблюдения за перепиской общества и организации связей с его отделениями [228, стр. 204].

Достоин внимания и то обстоятельство, что руководители общества стремились наладить связь с мусульманами и тюркоязычными народами в других странах. Примечательно, в частности, письмо, направленное Бахаеддином Шакиром «братьям-мусульманам Кавказа» 23 ноября 1906 г. Из этого письма видно, что парижский комитет общества имел связь с какими-то лицами или организациями кавказских мусульман. В письме предлагалось прилагать усилия «для объединения мусульман Кавказа и даже всей России», создавать тайные общества, но не выступать открыто против царского правительства [228, стр. 214—215]. Таким образом, руководителям общества не были чужды идеи единения мусульман под эгидой Турции. В одном письме, направленном на Кавказ 22 сентября 1906 г., прямо говорилось о единении всех мусульман от берегов Адриатики до Китая. В нем утверждалось, что только укрепление Османской империи спасет всех мусульман от гибели [228, стр. 209—210].

В 1906—1907 гг. «Общество личной инициативы и децентрализации» также стало активизировать свою деятельность. Выше уже отмечалось, что ряд членов руководства специально был направлен в Анатолию для создания отделений общества. В 1906 г. принц Сабахеддин начал издавать в качестве органа общества газету «Тераккы» («Прогресс»). В первом номере газеты были изложены цели общества: «Популяризация среди соотечественников „социальной науки“ (фени-и ичтима) ¹², которая учит свободе личности и общественному счастью»; перевод на гурецкий язык наиболее важных книг, где изложены принципы этой науки; постепенное преобразование существующих между народами империи раздоров в чувство дружбы; защита прав османов перед лицом цивилизованных государств и содействие идейному течению в пользу тюркизма; введение упорядоченной организации в тех местах страны, где в этом ощущается необходимость [216, стр. 273]. Как видно, это

¹² Речь идет о принципах социологической школы Фредерика ле Пле, известных под названием «теории социального отбора» или «социальной науки».

весьма общие и туманные формулировки. Более ясное представление о целях общества дает его программа, опубликованная в том же году¹³.

Эта программа состояла из десяти статей. Статья 1 гласила: «Политические реформы, которые будут осуществлены в Османской империи, должны проводиться в интересах всех классов и подданных страны без исключения на основе принципа децентрализации управления существующими вилайетами и расширения их прав. Принцип децентрализации и расширения прав вилайетов будет основываться на принципе, изложенном в ст. 108 конституции 1876 г.¹⁴, и эта конституция также будет подвергнута изменениям, которые потребуются в зависимости от времени и обстоятельств». В ст. 2 говорилось о том, что всеми местными делами в провинциях — генерал-губернаторствах (вилайетах) и уездах (нахиях) — должны ведать муниципальные советы, членами которых будут избираться тайным голосованием, а одна пятая (так называемые постоянные члены)¹⁵ — назначаются. Обсуждение всех вопросов в этих советах должно быть публичным. Во всех делах, касающихся финансов, законов и их исполнения, эти муниципальные советы будут обладать всей полнотой власти. Советы будут иметь право определять размеры и распределение податей и способы их взимания. Часть полученных доходов будет по согласованию между вилайетскими властями и центральным правительством оставаться в вилайете для покрытия расходов по местным нуждам. В ст. 3 программы говорилось о том, что для укрепления связей между вилайетами, а также связей вилайетов с центральным правительством должна быть создана в столице империи палата депутатов, члены которой должны избираться муниципальными советами провинций.

¹³ Эта программа воспроизведена в книге А. Б. Курана по тексту, опубликованному в «Шура-и уммет» 27 июля 1906 г. [228, стр. 234—235]. В исследованиях Т. З. Туная и Ю. Х. Баюра она дана со ссылкой на книгу А. Б. Курана [239, стр. 143—144; 216, стр. 289—290].

¹⁴ Эта статья гласила: «Администрация вилайетов будет иметь основной принцип децентрализации. Подробности этой организации будут установлены законом» [199а, стр. 232].

¹⁵ В данном случае речь идет, конечно, о чиновниках местной администрации. Ю. Х. Баюр даже вносит в текст этой статьи в своем изложении слово «чиновники».

Таким образом, содержание ст. 1, 2 и 3 сводилось к значительной децентрализации управления. В ведении центрального правительства оставались практически вопросы внешней политики, руководство военными и таможенными делами государства. В сущности, программа «Общества личной инициативы и децентрализации» намечала план превращения Османской империи в федерацию ее провинций.

Статья 4 определяла, что должны быть предприняты необходимые меры для того, чтобы все народы могли быть представлены своими уполномоченными во всех вилайетских выборных собраниях; это ликвидирует разделяющие народы распри и споры. В ст. 5 говорилось о полном равенстве прав и обязанностей всех подданных империи независимо от их принадлежности к тому или иному народу; здесь же определялось, что всем подданным будет открыт доступ во все высшие школы, в том числе в военные. Статьи 6—8 устанавливали, что центральное правительство должно назначать вали, мутесаррыфов, дефтердаров и председателей судов и прокуроров, а остальные чиновники местного аппарата управления должны назначаться местными властями из представителей разных народов, населяющих данную провинцию; полиция должна быть подчинена гражданским властям; жандармерия вилайетов должна комплектоваться лицами из всех народов данной провинции пропорционально их численности. При этом говорилось о том, что временно будут использованы для обучения жандармерии иностранные инструкторы. Последнее положение представляется весьма существенным. Известно, что присутствие иностранных жандармских офицеров-инструкторов в Македонии было следствием вмешательства держав после македонского восстания 1902—1903 гг. Таким образом, в этом положении программы группа Сабахеддина вновь подтверждала, что она не отвергает категорически иностранное вмешательство, хотя и считает его временным явлением. В отличие от «Общества прогресса и единения» в программе Сабахеддина и его организации не было положения о целостности и неделимости империи. Зато в ней было сказано (ст. 10) о необходимости уважать международные соглашения.

Статья 9 программы определяла, что должны быть выработаны такие законы, которые определяли бы простые и разумные способы взимания налогов и податей,

а также обеспечивали безопасность недвижимого имущества. В этой же статье было сказано, что имущество, незаконным путем присвоенное султаном за последние 30 лет, должно было возвращено государству либо прежним владельцам, а султанская казна должна быть ограничена определенной суммой.

В программных установках «Общества прогресса и единения» и «Общества личной инициативы и децентрализации» были коренные различия, касавшиеся важнейших проблем государственного устройства страны. Если Ахмед Риза и его единомышленники боролись за конституцию, имея в виду строго централизованное управление страной, то Сабахеддин и его группа, выступая под тем же лозунгом восстановления конституции 1876 г., предлагали план федерализации государственного устройства. Если для Ахмеда Ризы «османизм» означал просто равные права всех подданных централизованной империи, то для Сабахеддина он был средством создания федеративного объединения всех народов страны. В конкретных условиях Османской империи начала XX в. идеи программы Сабахеддина не имели сколько-нибудь реальной перспективы их осуществления. Они, в сущности, не удовлетворяли никого. Турецкая национальная буржуазия, выступая против феодально-абсолютистской власти, стремилась сохранить империю и власть султана над всеми ее народами. Нетурецкие народы империи, борющиеся за свою независимость, никак не могла устроить перспектива полуавтономного существования в составе Османской империи вместо того права на самостоятельное государственное развитие, к которому они стремились. Программа Сабахеддина отвечала только интересам инонациональной компрадорской буржуазии, которая была тесно связана с турецкой правящей верхушкой и иностранным капиталом. Она отражала также стремление части турецкой бюрократии и либеральных помещиков к компромиссному решению национального вопроса в Османской империи.

В 1906 г. началась новая полоса активной деятельности младотурок внутри страны. Она связана прежде всего с организацией нового тайного общества в Салониках. Здесь в июле 1906 г. состоялась первая встреча организаторов общества. Среди них были: директор военного рюштия Бурсалы Мехмед Тахир-бей (впоследствии видный историк), преподаватель французского язы-

ка того же рюштие Наки-бей, почтовый чиновник Талаат-бей (позже один из членов младотурецкого триумвирата — Талаат-паша), учитель идадийе Мидхат-бей, несколько офицеров — Кязим Намы-бей, адъютант салоникского мушира, капитан Омер Наджи-бей, капитан Исмаил Хаккы-бей, лейтенант Исмаил Джанбулат-бей и несколько молодых человек из числа учащихя средних школ. Кязим Намы Дуру, один из участников этой встречи, пишет в своих мемуарах, что некоторые из собравшихся были ранее членами групп общества «Единение и прогресс». На этой встрече было принято решение создать «Османское общество свободы» («Османлы хюрриет джемиети») [111, стр. 13; 239, стр. 113—114]. Общество поставило своей целью борьбу с деспотическим режимом и иностранным вмешательством. Оно начало вербовку сторонников, при этом особое внимание было уделено работе в армии. Общество строилось на началах строгой конспирации. Его члены были разбиты на тройки. Церемония приема новых членов выглядела так. В назначенное время принимаемого вели с завязанными глазами в дом, где проходила церемония. Новый член общества давал присягу и клялся в верности обществу на Коране. Принимавшие присягу были в масках [111, стр. 15]. Эта церемония носила на себе явные следы влияния организационных принципов масонских лож, которые были в Салониках весьма активны. По некоторым сведениям, ряд членов общества были связаны с масонскими ложами в Салониках, в частности пользовались иногда их помещением для своих тайных встреч¹⁶. По другим данным, члены общества имели контакт и с дервишескими орденами, в частности с орденом бекташи [см.: 265, стр. 109—111]. Однако к сведениям о связях салоникской группы младотурок с масонами и дервишескими орденами следует отнестись с большой осторожностью, ибо их основной источник — европейские газеты, корреспонденты которых после поразившей Европу своей неожиданностью революции 1908 г. в Турции искали сенсационные объяснения ее причин и характера.

¹⁶ Об этом, в частности, заявлял в интервью корреспонденту «Ле Тан» в 1908 г. участник младотурецкого движения Рефик-бей. Э. Ремсор, сообщая об этом факте, справедливо отмечает, что нет оснований говорить о связи младотурецкого движения в целом с масонством [см.: 265, стр. 106—109]. Во всяком случае, для такого утверждения нет серьезных оснований.

В конце 1906 г. возникла еще одна ячейка младогүрецкого движения. Она была создана в Дамаске, где к этому времени сложилась небольшая патриотическая гайная группа, носившая название «Ватан» («Родина»). Ею руководил один из политических ссыльных — Мустафа-бей — бывший студент медицинского училища, который после трех лет тюремного заключения занимался в Дамаске торговлей. В его группу входило несколько человек — доктор Юсуф, ветеринар Мехмед, аптекарь Рашид Тахсин, химик Хюсейн и ряд других лиц. На основе этой группы было затем создано «Общество родины и свободы» («Ватан ве хюрриет джемиети»), организация которого связана с именем будущего основателя Турецкой Республики — Мустафы Кемалья Ататюрка. Молодой тогда офицер Мустафа Кемаль был сослан в Дамаск для прохождения службы. Здесь он организовал группу офицеров, готовых к борьбе с деспотическим режимом. Они и создали вместе с членами группы «Ватан» новое тайное общество, ставившее своей целью восстановление конституции 1876 г.¹⁷ Большинство членов общества (их было всего 20—25 человек) было военными. Общество в Дамаске не имело своего печатного органа, но активно распространяло издания младотурок — газеты и брошюры. Оно создало два своих отделения — в Иерусалиме и в Яффе. Их организаторами были армейские офицеры и чиновники. Мустафа Кемаль, побывав полулегально в Салониках, установил связи с некоторыми офицерами расквартированного в Македонии III армейского корпуса. Предполагалось создать здесь отделение «Общества родины и свободы». Контакты с салоникскими младотурками поддерживались и позже. Накануне революции 1908 г. «Общество родины и свободы» присоединилось к «Османскому обществу прогресса и единения».

В 1906 г. активизировались также антиправительственные настроения среди учащихся военных и специальных гражданских учебных заведений. Группа курсантов военного училища начала распространять издания младотурок в учебных заведениях столицы. Члены этой группы, как об этом пишут в своих мемуарах ее участники А. Б. Куран и Дж. Кутай, начали в них искать

¹⁷ О деятельности «Общества родины и свободы» и Мустафы Кемалья см.: [170, стр. 71; 239, стр. 150—152; 226, стр. 619—625; 123, стр. 339—349; 265, стр. 95—110; 261, стр. 174—175].

единомышленников. В результате были установлены связи с военно-медицинским, военно-морским и артиллерийским училищами, а также с сельскохозяйственной школой и лицеем Дарушефака. В результате был создан «Союз военных и высших гражданских школ» (Харбие ве юксек мектеблер игтихады). Руководители групп регулярно встречались и распределяли полученные нелегальные издания младотурок. Делались даже попытки достать средства для покупки оружия. Один из членов группы, действовавшей в военном училище, Босналы Вели, имел поручение установить контакт с эмигрантскими центрами младотурок, но был арестован на пароходе; при обыске у него была найдена нелегальная литература. Деятельность союза была пресечена властями в конце 1906 г. Ряд активных участников его групп был арестован. Им было предъявлено обвинение в подготовке покушения на султана и министров. Арестованные пробыли в заключении до самой революции 1908 г. [см. 115, стр. 48—76; 114, стр. 197—211].

Однако в мае 1907 г. в военно-медицинском училище организация была создана вновь, причем на этот раз в ее деятельности принимали участие не только курсанты, но и некоторые преподаватели. 22 декабря 1907 г. в училище состоялось тайное собрание организации. На стенах училища появились написанные углем лозунги: «Да здравствует свобода, справедливость, равенство! Да будут прокляты тирания и насилие!» Когда для расследования этого события в училище прибыл инспектор Исмаил-паша, то на стенах появились такие надписи: «Сегодня в училище прибыла скотина из породы собак. Сила не сможет одержать победу над правом!» [227, стр. 228—230].

В 1906—1907 гг. в Стамбуле действовала еще одна организация, созданная группой учащихся юридической школы. Она называла себя «Клубом всеобщего благоденствия» («Селямет-и умумие кюлюбю»). У этой организации не было своей программы, ее участники были вдохновлены общими идеями борьбы за свободу. Их конкретная деятельность не выходила за пределы тайного распространения изданий младотурок [см.: 239, стр. 152; 238, стр. 36].

Важнейшим событием в процессе активизации деятельности младотурок внутри страны стало состоявшееся осенью 1907 г. объединение «Османского общества

прогресса и единения» и «Османского общества свободы», которое к этому времени приобрело значительное число сторонников, преимущественно среди армейских офицеров. В Салониках тайно побывал эмиссар «Османского общества прогресса и единения» д-р Назым-бей [111, стр. 16]. После его встреч и переговоров с руководителями салоникиской группы младотурок началось сближение двух обществ. Из Парижа в Салоники регулярно направлялись газеты, брошюры и листовки, предназначенные для распространения в Турции. Наконец, 27 сентября 1907 г. было заключено соглашение об объединении общества. Оно было подписано «уполномоченным „Османского общества прогресса и единения“ по внутренним и внешним вопросам» д-ром Бахаедином Шакиром. Документ содержал следующие положения [см.: 228, стр. 238; 239, стр. 128—129; 265, стр. 123—124]:

«„Османское общество прогресса и единения“ с центром в Париже и „Османское общество свободы“ с центром в Салониках с 27 сентября 1907 г. объединяются под названием „Османское общество прогресса и единения“ на следующих условиях:

Ст. 1. У общества будут два общих центра — внутренний и внешний. Внешний центр будет находиться в Париже, а внутренний — в настоящее время в Салониках. Оба центра будут иметь отдельных руководителей.

Ст. 2. Основной целью общества является обеспечение восстановления и применения конституции Мидхат-паши, опубликованной в 1876 г. Для достижения этой цели будут существовать два отдельных устава внешнего и внутреннего центров, касающиеся организации и обязанностей членов общества в соответствии с местными потребностями.

Ст. 3. При всей финансовой независимости общих центров друг от друга они должны в случае необходимости оказывать друг другу помощь.

Ст. 4. Отделения и члены общества внутри страны, считающие рискованными связи с внутренним центром, будут осуществлять переписку с ним при помощи парижского центра, но будут подчинены внутреннему.

Ст. 5. Внешний центр осуществляет кроме руководства зарубежными отделениями обязанности представителя всего общества перед зарубежным миром. Вся ответственность за сношения с иностранными правительствами и прессой лежит на внешнем центре, а вся ответ-

ственность за внутренние мероприятия и действия — на внутреннем центре общества.

Ст. 6. Оба центра имеют право влиять на действия друг друга только путем убеждения.

Ст. 7. В настоящий момент органами общества на турецком языке являются газеты „Мешверет“ и „Шура-и уммет“, а на французском — „Мешверет“. Газета „Шура-и уммет“, как и все другие издания на турецком языке, издается под наблюдением внешнего центра при помощи и участии внутреннего. Хотя [в осуществлении изданий на турецком языке] принимаются во внимание предложения внешнего центра, в ответственности за издание участвует и внутренний центр».

После подписания этого соглашения, имевшего немалое значение для подъема младотурецкого движения накануне революции 1908 г., оба центра — внешний и внутренний — активизировали свою деятельность. Салоникский комитет младотурок, в котором руководящую роль играли Бурсалы Мехмед Тахир-бей и Талаат-бей, усиленно продолжал вербовку новых членов и расширял пропаганду в армейских частях, расквартированных в в Европейской Турции. Парижский комитет в это время был занят подготовкой к проведению объединительного конгресса всех партий и групп, боровшихся против абдулхамидовского режима.

В этот период наметилось сближение младотурецких организаций с революционными партиями и группами нетурецких народов Османской империи. Это обстоятельство, весьма важное для успеха борьбы с феодальным абсолютизмом, отмечал, характеризуя младотурецкое движение в первые же дни после революции 1908 г., поверенный в делах России в Париже Неклюдов. «Более десяти лет, — писал он, — Париж является одним из центров младотурецкого движения... С постепенным обострением борьбы между младотурками и Иылдыз-киоском участники движения начали все более и более склоняться к использованию всяких средств и всяких событий внутри Турции для достижения намеченных ими целей. За последние три-четыре года возникло мало-помалу сближение младотурецких комитетов с революционными комитетами армянскими, а затем и македонскими, с заграничными революционными и даже анархическими кружками, — между прочим и с русскими...» [35, л. 291].

Сближение младотурок с армянским буржуазно-национальным движением действительно началось за три-четыре года до конгресса, на котором представители этих организаций начали совместно обсуждать план свержения абдулхамидовского режима. Первые контакты между деятелями младотурецкого движения и лидерами созданной в 1890 г. армянской буржуазно-национальной партии «Дашнакцутюн» имели место, по некоторым сведениям, в 1903 г. [61, стр. 66]. К этому времени лидеры армянского национально-освободительного движения, видя, что надежды на решение армянского вопроса путем вмешательства держав и международных соглашений не оправдались, начали делать ставку на изменение существовавшего в Османской империи режима. С этим были связаны и попытки покушений на Абдул Хамида, с личностью которого особо связывались все крайности феодально-абсолютистского режима¹⁸. Неудачи в самостоятельной борьбе армянских революционных комитетов против деспотического режима также подталкивали их к сближению с младотурками. А. М. Валуйский отмечал, что разгром восстания армянского крестьянства в Зейтуне в 1904 г. «привел к тому, что представители армянских буржуазных организаций под давлением широких слоев населения в свою очередь пошли на сближение и единство действий с турецкими организациями» [145, стр. 217]. К 1907 г. руководители дашнаков пришли к выводу о целесообразности совместных с турецкими буржуазно-революционными группами действий против султана и его окружения, за провозглашение конституции и созыв парламента, депутаты которого представляли бы все народы империи. После восстания в Македонии в 1902—1903 гг. македонское освободительное движение тоже начало делать поворот «в сторону объединения с турецким движением против абсолютизма», а его руководители стали избавляться «от иллюзий освобождения македонского крестьянства при помощи „великих“ держав» [140, стр. 26—27]. Такой поворот был связан с тем, что практика осуще-

¹⁸ Одна из таких попыток была сделана в июле 1905 г. В момент выхода Абдул Хамида из мечети у ее ограды была взорвана бомба; в результате взрыва погибло более 20 и было ранено около 60 человек. Султан, однако, не был даже ранен. Покушавшиеся не были найдены, но было произведено много арестов [см.: 27, лл. 355—357].

ствления реформ, проводившихся в Македонии после восстания 1902—1903 гг. под наблюдением и при участии иностранных жандармских офицеров, показала руководителям македонского крестьянского движения, что иностранные державы выступают фактически в роли пособников феодально-абсолютистского режима. В программе возглавлявшей македонское движение «Внутренней македонской революционной организации» накануне 1908 г. появились пункты, отражавшие тенденцию к общей борьбе всех народов империи против деспотического режима. В этой программе содержались требования о провозглашении конституции Османской империи, широких избирательных правах населения, свободе слова, печати, собраний, отмене национальных привилегий и т. д. Правда, в этой программе были и такие пункты, которые делали ее значительно более радикальной, чем самые прогрессивные требования младотурок. В ней говорилось о наделении крестьян землей, отмене натуральных податей, введении прогрессивного налога, национализации железных дорог, копей, почты и телеграфа, отделении церкви от государства [140, стр. 27]. Но поскольку на первый план были выдвинуты вопросы об общеимперской конституции и буржуазных свободах, появилась реальная возможность объединения македонского движения с деятельностью организаций младотурок.

Общий подъем революционного движения в Османской империи в 1905—1907 гг. — брожение в армии и флоте, антиправительственные манифестации в городах Восточной Анатолии, а также наметившиеся возможности объединения младотурецких организаций с нетурецкими буржуазно-национальными партиями и группами — благоприятствовал попытке созыва объединительного конгресса политических сил сопротивления режиму Абдул Хамида.

Инициатива в созыве конгресса для обсуждения вопроса о совместных действиях всех организаций, борющихся с деспотическим абдулхамидовским режимом, принадлежала армянским буржуазно-национальным организациям. Комитет «Дашнакцутюн» обратился к лидерам основных групп младотурок — принцу Сабахеддину и Ахмеду Ризе с предложением созвать конгресс для выработки единого плана действий. На предварительной встрече представителей групп младотурок и дашнаков

было решено воздерживаться от нападков друг на друга и, сохраняя автономность, объединять усилия в борьбе против абсолютизма [228, стр. 234—235]. Ю. Х. Баюр, говоря о подготовке к конгрессу, отмечает, что, судя по материалам из досье переписки парижского центра общества «Единение и прогресс»¹⁹, Ахмед Риза и его группа сами, независимо от инициативы, проявленной армянскими буржуазно-революционными группами, вели дело к созыву нового конгресса всех сил сопротивления абсолютистскому режиму [216, стр. 388—389].

Для общей подготовки конгресса и выработки программы его работы была создана специальная комиссия, в которую вошли: от общества «Единение и прогресс» — Ахмед Риза-бей и Сезаи-бей (редактор «Шура-и уммет»); от «Общества личной инициативы и децентрализации» — принц Сабахеддин-бей, Фазыл-бей и др. Нихат-бей; от партии «Дашнакцутюн» — ее председатель Малумян. После длительного обсуждения всех вопросов было принято решение созвать 27 декабря 1907 г. в Париже конгресс всех партий и групп, борющихся против режима деспотизма. Как сообщалось в письме, направленном парижским центром общества «Единение и прогресс» салоникскому центру этого общества, в результате работы подготовительного комитета было достигнуто соглашение по следующим основным пунктам: государственная и политическая независимость Османской империи, изменение существующего в ней режима, создание конституционного управления и созыв парламента [216, стр. 393].

Конгресс состоялся в Париже 27—29 декабря 1907 г. Его открыл по поручению оргкомитета конгресса Сезаи-бей. После проверки полномочий делегатов²⁰ были избраны три председателя для поочередного руководства тремя намеченными заседаниями — принц Сабахеддин, Ахмед Риза и Малумян. На первом заседании, на котором председательствовал Сабахеддин, был оглашен доклад оргкомитета, готовившего конгресс. Поскольку его содержание весьма важно для правильной оценки принципов, на которых было основано соглашение между весьма различными политическими партиями и группа-

¹⁹ В документах этого времени вновь появляется старое название общества: «Единение и прогресс».

²⁰ К сожалению, данных о численности и составе делегатов в известных нам источниках нет.

ми, участвовавшими в конгрессе, мы приводим текст этого доклада в том виде, в каком он был опубликован в отчете о работе конгресса, напечатанном в «Мешверет» [см.: 35, л. 295]²¹.

«Потрясенные тенденцией, — говорилось в этом докладе, — которую проявляет в течение некоторого времени народ с целью солидаризации в борьбе против общего врага, и ободренные недавними событиями в некоторых провинциях Малой Азии, которые сделали очевидным это новое состояние духа, три группировки — „Армянская революционная федерация“, „Османская лига частной инициативы, децентрализации и конституции“ и Османский комитет „Единение и прогресс“ — предложили создать оргбюро с целью подготовить конгресс, способный превратить эту солидарность в общее дело. Эти три комитета выделили каждый двух делегатов в качестве членов оргбюро, и они начали незамедлительно свою работу, которая заняла около 20 заседаний. На первом заседании они пришли к согласию по основным пунктам их программы действий. Имевший место опыт соглашения сделал невозможным настойчивое отстаивание каждой группировкой своей политической программы. Было решено не обсуждать никакой программы будущих законоположений, чтобы избежать трудностей, которые могли бы возникнуть на этой почве и остановить нас в движении к нашей цели.

Чтобы придать этому делу солидарности достойный размах, бюро решило обратиться ко всем национальностям империи без исключения, приглашая их прислать своих представителей на конгресс для участия в нашей работе. Как говорилось выше, было достигнуто предварительное соглашение по трем пунктам:

- 1) свержение существующего режима;
- 2) установление представительного режима (созыв парламента);
- 3) поиски мирных или революционных способов для достижения этих целей.

Что касается первого пункта, то члены бюро единодушно решили вынудить султана отречься от престола и сложить свое оружие только после достижения этой це-

²¹ Текст этого отчета на французском языке был приложен (в виде вырезки из «Мешверет») к донесению русского поверенного в делах в Париже Нсклюдова от 7(20) августа 1908 г.

ли. Что касается второго пункта, они признали автократический режим недостойным и провозгласили установление представительного режима, который гарантировал бы права народу, свободу и равенство для всех. Чтобы избежать всяких трудностей, возможных источников разногласий, члены оргбюро ограничились, не входя в детали, общим термином „представительный режим“, уважая при этом принцип неделимости и независимости империи. Что же касается третьего пункта, члены оргбюро предлагают создать постоянный комитет, в полномочия которого войдет исполнение решений конгресса. Члены этого комитета должны относиться к внутреннему организационному комитету. Этот постоянный комитет будет иметь свой регламент. В качестве способов действий бюро принимает и представляет на одобрение конгресса следующие меры:

- 1) всеобщее восстание;
- 2) вооруженное сопротивление правительству; невооруженное сопротивление: подготовка политических забастовок — полицейских, железнодорожных и т. д.;
- 3) отказ от уплаты налогов;
- 4) пропаганда в армии: принять необходимые меры для того, чтобы привлечь армию на сторону антиправительственной оппозиции и помешать ей действовать против населения и тех детей родины, которые работают во имя ее спасения».

В заключительной части доклада оргкомитет заявлял, что решения его должны сохраняться в строгой тайне, а потому в докладе не излагались более подробно и конкретно детали, касавшиеся планируемых конкретных действий. Оргкомитет, наконец, предлагал опубликовать во всех печатных органах партий и групп — участников конгресса его решения, которые должны послужить «основой будущей линии поведения всех участвующих в конгрессе организаций». При этом, правда, делалась оговорка, что все эти органы прессы будут свободны в обсуждении и трактовке тем, не относящихся к решениям конгресса.

В этом важном документе обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что его авторы сами признают, что главной причиной активизации политической оппозиционной деятельности эмигрантских организаций и групп послужили народные антиправительственные выступления в Анатолии в 1906—1907 гг. Другой харак-

терной чертой процесса консолидации сил сопротивления режиму Абдул Хамида, нашедшей отражение в докладе оргкомитета, было стремление заключить конкретное политическое соглашение с целью свержения режима без попытки согласовать позиции в вопросе о конкретном содержании будущего государственного устройства страны. В докладе не были даже сформулированы общие принципы для выработки будущих законоположений. Единственным вопросом, по которому было достигнуто общее согласие, был, как видно, вопрос о неделимости и независимости империи, превращенной в конституционно-монархическое государство. Значительно более конкретный характер носил план действий, направленных к свержению существующего в стране режима. Впервые были выдвинуты на первый план вопросы о всеобщем восстании, вооруженном сопротивлении правительству, политических забастовках и борьбе за влияние на армию.

В течение двух дней шла дискуссия по вопросам, поставленным в докладе оргкомитета. Несмотря на то что оргкомитет сделал все возможное, чтобы на заседаниях не возникли конфликты, разногласия все же дали о себе знать. Ахмед Риза, в частности, потребовал, чтобы конгресс «признал права султаната и халифата». Делегаты-армяне выразили протест против выступления Ахмеда Ризы, заявив, что они прибыли на конгресс отнюдь не для того, чтобы защищать эти права. Ахмед Риза в связи с этим отказался от поста сопредседателя конгресса, и его функции выполнил Фазыл-бей — представитель группы Сабахеддина [227, стр. 236—237]. Фазыл-бею с трудом удалось урегулировать конфликт, возникший между Ахмедом Ризой и армянскими делегатами. Компромисс был практически достигнут тем, что вопрос о правах султаната и халифата был просто не затронут в окончательной редакции принятой конгрессом «Декларации». Стремление к согласованным действиям в борьбе с феодально-султанским абсолютистским режимом оказалось в этот момент сильнее проявившихся разногласий. «Особенностью этого конгресса, — пишет Т. З. Туная, — было то, что на первый план была выдвинута цель уничтожения режима, временно были оставлены в стороне всевозможные критические и реформаторские идеи, внимание было сосредоточено на согласовании программы конкретных действий» [239, стр. 107—

108] «Декларация» была подписана всеми организациями, принявшими участие в конгрессе²².

«Конгресс оппозиционных партий, которые действуют в Турции, — говорилось в „Декларации“, — собравшийся с 27 по 29 декабря, объявляет о достижении единства народов Османской империи, страдающих под игом деспотического режима, угнетающего страну и сделавшего отвратительным в глазах всего мира благодаря ужасающим преступлениям современного правителя Абдул Хамида II. Это тридцатилетнее правление было гибельным не только, как ошибочно полагают, для христианских народов, которые султан преследовал и уничтожал в своих собственных интересах, но также и для самих мусульман, разоренных, закабаленных, ссылаемых и убиваемых и, наконец, невинно осуждаемых перед лицом цивилизованных народов, которые могли их считать ответственными за преступления против человечества, совершенные правителем и окружающими его негодяями. Все нации империи были по очереди жертвами преступного безумия Абдул Хамида. Последовательно он натравливал одних на других, возбуждая искусственно ненависть между народами и религиозную вражду. Турки, армяне, греки, болгары, валахи, арабы, евреи, друзы, курды — все испытывали на себе преследования, ссылки, депортации и резню. И армянская резня, венчая все эти деяния, принесла ее инициатору, который продолжает свои преступные злодеяния в Аравии, титулы „великого убийцы“, „кровавого султана“» [35, л. 296].

«Декларация» звучала как обвинительный акт, предъявляемый Абдул Хамиду. В ней говорилось, что политика султана привела к постепенному уничтожению «всех живых сил Турции». Султан обвинялся в том, что своей политикой он буквально парализовал «всю интеллектуальную, экономическую и социальную жизнь» страны, затормозил развитие образования и культуры, поставил школы и прессу под контроль беспрецедентной цензуры, окружил страну «стеной незнания и лжи». Характеризуя экономическое положение страны, авторы «Декларации» писали, что в стране царят разруха, ни-

²² Текст «Декларации» см.: [35, лл. 296–297 (франц. текст из «Мешверет»); 227, стр. 238–242; 239, стр. 153–156]. Текст этого документа излагается и цитируется нами по публикации в «Мешверет».

щета и голод, а непомерные и несправедливые налоги обогащают самого султана и его клику. «Налоговое обложение, отсутствие спокойствия и безопасности в деревнях, конфискация зерна, ростовщичество, отсутствие средств связи — все это, — говорилось в „Декларации“, — разрушило земледелие. Районы с наиболее благоприятными природными условиями, бывшие некогда мировой житницей, ныне пустыни. Богатства недр и лесов остаются неиспользованными, и концессии, предоставленные международным банкирам, которые хищно набрасываются на империю, не способствуют всеобщему благосостоянию, а служат личной выгоде нескольких алчных лиц» [35, л. 296].

В «Декларации» резкой критике подвергалась и внешняя политика Абдул Хамида и его правительства. В ней говорилось, что «личная дипломатия Абдул Хамида полностью дискредитировала Османскую империю», что невыполнением многократно торжественно обещанных реформ султан подорвал доверие «либеральных государств» и вызвал возмущение подданных, «законные движения протеста и многочисленные вмешательства европейских держав». «Эта гибельная политика, — отмечалось в „Декларации“, — привела к территориальному уменьшению империи. И если такое положение продлится еще некоторое время, то и другие районы, такие, как Албания и Македония, Аравия и Армения, будут в короткий срок неизбежно отторгнуты от империи и попадут в алчные руки держав, которые стремятся к увеличению своих территорий или увеличению области своих колоний либо к финансовым выгодам» [35, л. 296].

«Декларация» призывала к общей борьбе всех народов империи против существующего режима. «До сих пор, — говорилось в ней, — революционное движение, вызванное таким положением вещей, было разобщенным. Сегодня общие действия мусульман и христиан в нескольких местах доказали, что все народности империи устали наконец страдать и поняли, что их суверен ведет их к пропасти. Сегодня тот, кто способен размышлять, ясно понимает, что только немедленное изменение в правительстве Турции может помешать окончательной катастрофе и расчленению империи. Необходимо опрокинуть как можно скорее и любыми возможными способами режим, который был причиной стольких бедствий. Вот почему мы предлагаем:

- 1) отречение султана Абдул Хамида,
- 2) радикальное изменение существующего режима,
- 3) установление представительного режима (парламент)» [35, лл. 296—297].

Для осуществления этих целей «Декларация» призвала к совместной борьбе всех жителей Османской империи. «Мы призываем всех — ученых, лишенных возможности свободного исследования, трудящихся деревень и городов, лишенных земли и хлеба, задавленных незаконными поборами, измученных и ограбленных чиновниками фиска, торговцев, которые не могут вести свою торговлю в условиях полной безопасности и свободы, солдат, не получающих жалованья, раздетых и голодных, которых их господин вынуждает идти против их же соотечественников, — короче говоря, мы призываем все нации империи, раздавленные чудовищным гнетом, — пусть все объединятся в этой священной борьбе, пусть вдохновятся вместе с нами идеями свободы, реформы и революции, чтобы опрокинуть режим позора и тирании всеми доступными для них способами» [35, л. 297].

«Декларация» отмечала, что поскольку на все попытки повлиять на султана он отвечал применением силы, то участники конгресса единодушно решили, что «все оппозиционные группы должны отныне прибегать к революционным способам». В «Декларации» были сформулированы следующие конкретные меры для борьбы против абдулхамидовского режима:

1. Вооруженное сопротивление властям.
2. Невооруженное сопротивление путем политических и экономических забастовок — забастовок государственных служащих, полицейских и т. д.
3. Отказ от уплаты налогов.
4. Пропаганда в армии: солдат призвут не выступать ни против населения, ни против революционеров.
5. Всеобщее восстание.
6. Другие способы действий, диктуемые обстоятельствами» [35, л. 297].

Под этим важным документом стоят подписи следующих организаций и партий:

«Османский комитет „Единение и прогресс“» (официальные органы «Шура-и уммет» и «Мешверет»);

«Армянская революционная федерация — Дашнакцунтун» (официальный орган «Дрошак»);

«Османская лига личной инициативы, децентрализации и конституции» (официальный орган «Тераккы»); «Египетский еврейский комитет»;

Редакция газеты «Хилафет» (орган пропаганды на арабском и турецком языках, издаваемый в Лондоне);

Редакция журнала «Армения» (орган пропаганды, издаваемый в Марселе);

Редакция газеты «Размиг» (революционный орган, Балканы);

Редакция газеты «Хайреник» (революционный орган, Америка);

Комитет «Османское согласие» (Египет)²³.

В «Декларации» конгресса 1907 г. есть несколько особо примечательных обстоятельств. Во-первых, весь документ построен на том, что вопросы будущего государственного устройства Османской империи в нем сознательно обойдены. Посвящая едва ли не половину довольно пространной «Декларации» гневному бичеванию самого Абдул Хамида, ее авторы сочли возможным ограничиться, характеризуя будущее государственное устройство Османской империи, словами о том, что «будет создан представительный режим, благодаря которому все народы империи будут иметь равные права и обязанности, смогут выражать свои нужды и пожелания. Этот режим обеспечит всем справедливость и свободу в условиях мирного согласия» [35, л. 297]. Эти общие фразы отражали тот факт, что все разногласия по принципиальным вопросам будущего государственного и политического устройства были не ликвидированы, а сняты временно с обсуждения. Дальнейшие события, последовавшие за революционным взрывом в июле 1908 г., с достаточной очевидностью показали, на какой зыбкой почве было построено это временное согласие.

Другой особенностью документа было сведение всех

²³ «Египетский еврейский комитет» — еврейская рабочая организация Египта «Лавора»; газеты «Хайреник» и «Армения» издавались армянскими буржуазно-национальными организациями; «Хилафет» — один из органов младотурецких организаций, издававшийся с 1899 г.; комитет «Османское согласие» — одна из групп младотурок, созданная в Каире после конгресса 1902 г. под названием «Общество османского согласия». Все эти организации были значительно слабее тех трех политических группировок, которые подготовили конгресс. Именно соглашение двух групп младотурок и организации дашнаков определило содержание и направленность «Декларации».

пороков феодально-абсолютистского режима к личным недостаткам царствующего монарха. В «Декларации» утверждалось, что если Абдул Хамида не будет на троне, «вместе с ним исчезнет система административного и политического деспотизма» [35, л. 297]. В этом утверждении проявляется то полное отсутствие классового анализа социальной и политической жизни страны, которое было присуще всем буржуазным политическим партиям и группам, участвовавшим в конгрессе.

Наконец, «Декларация» показывает, что длительный процесс превращения младотурецкого движения из буржуазно-либерального в буржуазно-революционное завершился ко времени созыва конгресса. Хотя «всеобщее воостание» и «вооруженное сопротивление властям» стояли в одном ряду с другими мирными методами политической борьбы, общий курс на восстание против существующего в стране режима отражен в «Декларации» с достаточной очевидностью. Если во время конгресса 1902 г. его участники дискутировали вопросы о возможности достижения целей движения посредством применения силы и целесообразности иностранного вмешательства, то на конгрессе 1907 г. даже Ахмед Риза и его единомышленники вынуждены были признать правомочность и необходимость революционных методов борьбы. Правда, как будет показано ниже, последовательность младотурок в этих вопросах давала себя знать и позже, непосредственно в период революционных событий весны и лета 1908 г., когда младотурки вновь и вновь пытались «угворить» Абдул Хамида провозгласить конституцию.

Кроме «Декларации» конгресс принял приветственное послание иранскому меджлису (парламенту), в котором выражалась надежда на то, что после установления в Османской империи конституционного строя укрепятся дружба и добрососедские отношения обоих государств. Это послание подписали Малумян, Ахмед Риза и Сабахеддин [см. 239, стр. 156]. Конгресс принял также решение о создании тайного комитета, составленного из членов тех организаций участвующих в конгрессе партий, которые действуют внутри страны [239, стр. 156—157]. Конгресс обратился к отрядам македонских четников с призывом прекратить междоусобную борьбу и «вернуть оружие против хамидовского правительства» [239, стр. 157]. Участники конгресса приняли также привет-

ствие политическим заключенным и ссыльным в Османской империи. Были приняты резолюции о наказании предателей и о расширении пропаганды через газеты, издаваемые на различных языках народов империи. Наконец, было принято решение о созыве следующего конгресса в конце 1908 г., если обстоятельства не продиктуют другой срок [239, стр. 157].

Парижский конгресс 1907 г. сыграл немалую роль в консолидации политических сил сопротивления абдулхамидовскому режиму. После этого съезда с особой активностью начали действовать организации младотурок внутри страны. В одном из писем, направленных в Турцию парижским комитетом общества «Единение и прогресс» в феврале 1908 г., было сказано, что в ближайшие два-три месяца все усилия должны быть направлены на организацию групп общества во всех уголках страны [239, стр. 389—394]. Салоникский комитет общества «Единение и прогресс», с которым парижский центр этого общества постоянно поддерживал контакт в период подготовки конгресса и после принятия его решений [216, стр. 405], стал после конгресса 1907 г. основным центром практической подготовки восстания против правительства; при этом основной упор делался на пропаганду в армейских частях, расквартированных в Македонии.

Таким образом, под воздействием революционного подъема в Османской империи, вызванного влиянием русской революции 1905 г., в младотурецком движении произошли значительные качественные изменения его стратегии и тактики. Младотурки пошли на объединение с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи и вступили на путь революционной борьбы с феодально-абсолютистским режимом. Однако решающим фактором, окончательно определившим сроки и формы восстания, были не решения конгресса 1907 г., а события в Македонии, ставшей в начале 1908 г. основным центром деятельности младотурок внутри страны.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ИДЕЙНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ МЛАДОТУРОК

В политической истории Турции младотурки выступили в качестве непосредственных продолжателей дела турецких конституционалистов 60—70-х годов XIX в. В идеологии и политике младотурецкого движения нашли свое отражение основные программные установки «новых османов» — замена феодально-абсолютистского режима конституционно-монархическим строем и единение всех народов многонациональной турецкой державы в пределах «общей родины» — Османской империи.

Лидеры и идеологи младотурок продолжали развивать впервые в Турции сформулированное «новыми османами» положение о неотчуждаемости верховной власти, в частности идеи Намыка Кемаля о том, что принадлежащее народу право верховной власти передоверяется ответственному перед людьми правителю. Младотурки тоже говорили и писали о том, что монарх ответствен за свои действия перед народом. Абдуллах Джебдет утверждал, в частности, что власть и права султана законны только в том случае, если он выступает в качестве «полномочного представителя нации», является «лицетворением народовластия» [97, стр. 8]. Мысль о том, что верховная власть принадлежит всему обществу и от его лица передается правителям, развивалась и в работе Лютфи «Нация и правительство» [100, стр. 10—11]. Мехмед Мурад писал в «Мизан», что «всеобщее право, право нации никогда не подвластны произволу одной личности» [103, стр. 53].

Младотурки вели свою политическую деятельность под общим для всех группировок и лидеров движения

лозунгом восстановления конституции 1876 г. В отличие от идеологов конституционного движения 60—70-х годов, которые выдвигали принципиально новую в условиях Турции того времени идею о возможности установления в Османской империи парламентарного строя, лидеры младотурок могли опереться на конкретный опыт конституции 1876 г. и первого турецкого парламента. Идеологи младотурецкого движения не только развивали в своих работах идеи «новых османов» о приемлемости конституционной монархии для Османской империи, но и стремились к обоснованию преимуществ конституционного управления перед режимом абсолютистской власти. Сама по себе идея эта была для Турции новой. Мысль о преимуществах конституционного управления в сравнении с абсолютистским строем была выдвинута «новыми османами» под непосредственным влиянием идей французского просветительства. Для работ младотурок было, однако, характерно, что эта проблема рассматривалась не только в теоретическом аспекте, но и на основе анализа опыта применения системы конституционного управления в ряде стран. В частности, в одной из книг, изданных младотурками, весьма детально анализировались характерные черты «абсолютистского правления» и «конституционного режима». В работе приводилась сравнительная таблица некоторых данных, характеризовавших состояние экономики и культуры Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Греции, России, Турции и Ирана. Анализируя ее, автор стремился конкретными примерами убедить читателя в том, что в экономическом и культурном отношении государства, где господствует абсолютизм, намного отстают от государств, в которых утвердилась конституционная система управления [81, стр. 46—47].

Выступая в целом под лозунгом борьбы за восстановление конституции 1876 г., идеологи младотурок по-разному оценивали смысл и значение конституционных реформ. Одни, следуя идеям «новых османов», считали, что конституция и парламент сами по себе являются средством экономического и культурного прогресса. Другие говорили и писали о том, что установление парламентарного режима может стать отправной точкой прогресса только при условии изменений в «социальной структуре общества».

Первую из названных двух точек зрения отстаивали

Ахмед Риза и его единомышленники, составлявшие основное ядро «Общества прогресса и единения». Ахмед Риза, находившийся под влиянием позитивистской идеологии Огюста Конта, рассматривал конституционный строй как установление того «порядка» в общественной системе, который реально обеспечивает общественный прогресс. Один из турецких исследователей вопроса о влиянии позитивизма на взгляды Ахмеда Ризы отмечает, что статьи, публиковавшиеся Ахмедом Ризой в «Мешверет», пропагандировали конституцию «как средство прогресса в рамках порядка» [219, стр. 12]. Ахмед Риза и его сторонники считали, что ликвидация произвола и беззакония, свойственных абсолютизму, и установление системы законодательства, опирающегося на принципы конституционной монархии и парламентаризма, обеспечат свободу личности и экономический прогресс. Видный деятель «Общества прогресса и единения», известный историк Ахмед Саиб писал в книге «Путеводитель революции», изданной в Каире в 1900 г.: «Для того чтобы достичь благополучия страны, необходимо разрушить абсолютизм, являющийся источником всех зол... и создать систему конституционного управления» [79, стр. 61]. Установление режима конституционной монархии и созыв палаты депутатов Ахмед Саиб характеризовал как «средство спасения» страны [79, стр. 65—66].

Ахмед Риза и его приверженцы, продолжая просветительскую линию идеологии «новых османов», постоянно подчеркивали, что важнейшее условие реального обеспечения принципов конституционной монархии — просвещение народа. «Просвещение, — писал Ахмед Риза, — основа культурного прогресса. Просвещение обеспечивает богатство и процветание страны, величие государства и его будущее, права, жизнь и имущество людей» [цит. по: 224, стр. 533]. В одной из своих программных статей в «Мешверет» Ахмед Риза еще более категорически отмечал, что просвещение — важнейший инструмент общественного прогресса. «Свобода и независимость народа могут быть обеспечены, — говорил Ахмед Риза, — посредством осознания этой необходимости всеми людьми. Нация, обладающая свободой совести и мнений в результате распространения знаний и просвещения, свободна даже тогда, когда закон не благоприятствует этому, тогда как народ, живущий при самых сво-

бодных законах, ведет, если он невежествен, жизнь, ничем не отличающуюся от рабства» [цит. по: 231, стр. 136]. Ахмед Риза высказывал и мысль о том, что причиной неудачи конституционного движения 60—70-х годов была неподготовленность масс к восприятию конституционных идей [231, стр. 137]. Значение просвещения народа в качестве средства пробуждения в людях «сознания политического долга и чувства ответственности по отношению к государственным делам» подчеркивалось и в статьях, опубликованных в «Шура-и уммет» [231, стр. 194].

Поскольку султан Абдул Хамид стал в полном смысле этого слова олицетворением самых худших черт феодально-абсолютистского режима, то критика абсолютистской власти часто принимала у младотурок характер личной критики султана. «Я стыжусь назвать монархом человека, — писал в „Мешверет“ Ахмед Риза, — не озабоченного ничем, кроме своей персоны, готового во имя своего спокойствия и благополучия пожертвовать всем — честью и достоинством государства, правами нации» [цит. по: 224, стр. 524]. В одной из статей, опубликованных в мае 1902 г. в «Шура-и уммет», говорилось о необходимости «спасти родину от гнета правителя, который обеспечивает свою силу и власть, разделяя и противопоставляя друг другу подданных» [цит. по: 216, стр. 263]. Деспотизм и произвол султана Абдул Хамида рассматривались младотурками как главное зло, с устранения которого должно начаться переустройство Османской империи на конституционных началах.

Таким образом, младотурки-иттихадисты и их идеолог Ахмед Риза в основном отстаивали выдвинутые в 60—70-х годах идеи «новых османов» о том, что ликвидация абсолютизма, установление режима конституционной монархии и просвещение народа могут обеспечить экономический, политический и культурный прогресс Османской империи.

Иной была позиция принца Сабахеддина. Соглашаясь с тем, что первым шагом на пути социального и культурного прогресса страны должна стать конституционная реформа, он во многих работах выступал с идеей, что сами по себе конституция и парламент не смогут обеспечить прогресс страны, если дело ограничится только изменением способа управления и не произойдет изменения в «социальной структуре общества». Сабахед-

дин считал, что низвержение абсолютистской власти только тогда принесет ощутимые положительные результаты, если оно будет сопровождаться серьезными изменениями в «образе нашей жизни». «Мы никогда не сможем обеспечить свободу и независимость личности, — писал он в одном из писем, посланных своим единомышленникам в Стамбул, — простым свержением Абдул Хамида. Если мы не выявим и не устраним коренные причины нашей нищеты, место сегодняшнего Абдул Хамида никогда не будет пустовать — уйдет он, на место его придут другие!» [91, стр. 3].

Однако, как видно из работ Сабахеддина, его планы коренных изменений в «социальной структуре» общества носили идеалистический характер, свидетельствовали о непонимании природы социально-экономических формаций, классового характера общественных отношений. Под изменением «социальной структуры общества» и «образа нашей жизни» Сабахеддин имел в виду настойчиво пропагандировавшуюся им мысль о том, что только в результате воспитания в людях «личной инициативы» может быть обеспечен социальный и культурный прогресс. Эта идея была воспринята Сабахеддином от видных французских социологов Фредерика ле Пле и Эдмонда Демолена, которые видели перспективу социального прогресса в превращении семьи в основную социальную ячейку, обеспечивающую воспитание людей в духе деловой инициативы и предприимчивости. Фредерик ле Пле был создателем «теории социального отбора», согласно которой счастье человека могло быть обеспечено не совершенствованием форм управления, а посредством морального и социального развития личности.

Принц Сабахеддин писал о том, что человек должен получать такое воспитание, чтобы он мог везде — в семье и в общественной жизни — полагаться на свои способности и возможности. Он утверждал, что традиции турецкой системы воспитания таковы, что они не формируют в людях качества, необходимые для созидательной деятельности. В результате, писал Сабахеддин, «мы хотим жить, не зарабатывая, богатеть, не работая» [92, стр. 16]. Принц утверждал, что благополучие Османской империи может быть обеспечено при помощи коренного изменения системы национального воспитания. Он писал о необходимости воспитывать в людях стремление к знаниям, накоплению опыта, усердие, упорство

и предусмотрительность — все те качества, которые нужны для успешных занятий сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, составляющих «три источника богатства» [92, стр. 16].

В отличие от Ахмеда Ризы и его единомышленников Сабахеддин утверждал, что само по себе конституционное управление не может излечить пороки общества, вытекающие из особенностей его социальной структуры. Эту мысль он очень четко сформулировал, выступая с разъяснением своих взглядов на конференции, устроенной его сторонниками в Стамбуле 3 сентября 1908 г., после победы младотурецкой революции. «Если мы не умножим производительные силы своими личными усилиями, — говорил Сабахеддин, — то мы снова станем рабами, каким бы большим благом ни была конституция... Нас спасут не законы, не государственные деятели... Только наша собственная работа» [цит. по: 241, стр. 198]. В книге «Как может быть спасена Турция» он писал, что конституционная монархия существует и в Англии и в Испании, хотя в социальной и общественной жизни этих стран огромные различия. По его мнению, такие же различия были характерны для живущих по формально одинаковым законам республики южных и северных штатов Америки [236, стр. 155—156].

Сабахеддин, следуя принципам социологической школы Фредерика ле Пле, утверждал, что причины прогресса одних и отсталости других стран объясняются их принадлежностью к различным типам «общественной структуры». Он писал, что существуют два основных типа «общественной структуры» — «общинная структура» (тешеккюлю теджеми) и «структура партикуляризма» (тешеккюлю инфиради). Сабахеддин утверждал, что только второй из названных типов «общественной структуры» формирует в людях качества активных производителей, способных обеспечить экономический и культурный прогресс. Идеалом такого общества была в глазах Сабахеддина англо-саксонская система общественных отношений, обеспечивавшая, по его мнению, наибольший простор для развития производительных сил общества [91, стр. 69—76].

Все эти рассуждения Сабахеддина характеризуют его как идеолога свободного капиталистического предпринимательства. Будучи, как и все идеологи и лидеры младотурецкого движения, далек от понимания классового

характера общественных формаций, Сабахеддин идеализировал общественную и экономическую жизнь таких развитых капиталистических государств, как Англия. Он рассматривал их экономическое и политическое развитие как результат успешного применения «структуры партикуляризма», обеспечивающей создание общества свободных и инициативных производителей¹.

Одной из важных причин политических и идейных разногласий в среде младотурок был вопрос о принципах, на которых должно строиться управление империей, превращенной в конституционно-монархическое государство.

Деятели «Общества прогресса и единения» считали, что принципом административного управления должен быть строгий централизм. Э. З. Карал отмечает, что, по мнению иттихадистов, централизм в управлении страной должен был наряду с единением «всех османов» и просвещением народа обеспечить укрепление государства [224, стр. 532]. В отличие от деятелей «Общества прогресса и единения» Сабахеддин и его сторонники считали, что применение методов конституционного управления принесет успех только в том случае, если будет обеспечен принцип децентрализации административного управления. Сабахеддин писал в журнале «Тераккы» накануне революции 1908 г., что после провозглашения конституции и созыва парламента должны быть немедленно приняты меры к тому, чтобы вопросы местного управления, в частности право распоряжения доходами того или иного вилайета, стали полностью компетенцией провинциальных советов, избираемых населением. Сабахеддин подчеркивал, что, если налоги будут оставаться в компетенции монарха и правительства, «страна останется под гнетом деспотии». Сабахеддин считал, что если даже эти вопросы станут компетенцией парламента в столице страны, то «система управления будет централистским конституционализмом и нация из раба одного человека превратится в раба нескольких сотен деспотов» [цит. по: 216, стр. 278]. Формула «не вилайеты для центра, а центр для вилайетов» кратко выражала суть децентралистской программы Сабахеддина [241, стр. 195].

¹ Эти взгляды Сабахеддина послужили основой идейного течения «профессионалистов» в общественной жизни Турции после младотурецкой революции [см.: 158, стр. 134].

Эта установка вызвала острую критику со стороны иттихадистов, обвинявших Сабахеддина в том, что он предает интересы империи и турок, ведя линию на предоставление автономии нетурецким народам империи. Отвечая своим критикам, Сабахеддин говорил осенью 1908 г.: «Некоторые наши соотечественники рассматривают децентрализацию как автономию. Это мнение должно быть исправлено. Существует две стороны децентрализации — политическая и административная». И далее Сабахеддин утверждал, что им предлагается децентрализация административная, означающая не автономию, а расширение прав местных органов администрации и самоуправления [см.: 241, стр. 197—198; 34, л. 260—261]. Разъясняя свои идеи, Сабахеддин говорил и писал о том, что он и его единомышленники не являются сторонниками автономии, осуществляемой под прикрытием программы децентрализации [92, стр. 6—7]. Сабахеддин говорил, выступая на упомянутой выше конференции в Стамбуле, что в вилайетских центрах должны быть созданы генеральные советы по примеру тех, которые существовали во Франции; эти советы должны будут контролировать действия областной администрации [34, л. 260].

Оценивая эти высказывания Сабахеддина, следует отметить, что он, вероятно, не понимал, что административная децентрализация так или иначе влечет за собой, особенно в условиях многонациональной империи с районами компактного расселения различных национальностей, политическую автономию. Возможно, что искусственное противопоставление административной и политической сторон децентрализации было и полемическим приемом в борьбе с политическими противниками.

Несмотря на все оговорки и разъяснения, программа Сабахеддина, направленная на расширение прав местных органов власти, в частности провинциальных выборных органов, находила отклик не у иттихадистов, а в среде нетурецкой национальной буржуазии и ее общественных и политических организаций. В известном смысле программа Сабахеддина послужила платформой для того компромисса, который в 1907 г. сделал возможным объединение младотурецких организаций и групп с партиями и организациями нетурецких народов империи. Однако исторической перспективы идеи Сабахеддина в конкретных условиях Османской империи начала XX в.

не имели. Основная часть турецкой национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции поддержала централистские лозунги иттихадистов, считая, что с помощью централизованного управления можно сохранить империю и власть турок над покоренными народами. Что касается инациональной буржуазии страны, то она в конечном итоге стремилась не к расширению своих прав и возможностей в рамках децентрализованной империи, а к созданию собственных национальных государств. Программа Сабахеддина устраивала только национальную компрадорскую буржуазию, деловые интересы которой были теснейшим образом связаны с иностранным капиталом и его позициями в стране. Это буржуазия, издавна умело сотрудничавшая с турецкими феодально-бюрократическими кругами, вполне могла усмотреть в программе Сабахеддина условия, обеспечивающие более благоприятные возможности для своей деятельности в рамках империи, сохранение целостности которой не противоречило экономическим интересам компрадоров. Представителям компрадорской буржуазии вполне импонировали идеи Сабахеддина о том, что хотя займы обременительны, но они в конкретных условиях Османской империи — необходимое средство развития ее экономики. Нельзя не отметить, что в этом вопросе Сабахеддин проявлял себя отнюдь не как социолог-идеалист. Он трезво и практически взвешивал вопрос о том, где следует изыскивать средства в виде займов. Отмечая, что нужные займы Османская империя скорее всего получит в Париже или Лондоне, он призывал укреплять дружеские связи Стамбула с «кабинетами Парижа и Лондона», связи, которые послужат «политическим и экономическим интересам нашей родины» [91, стр. 121].

Характеризуя в целом взгляды младотурок по вопросам общественного и государственного устройства Османской империи, следует обратить внимание на тот факт, что младотурки в своем подавляющем большинстве стремились согласовать буржуазно-либеральный реформизм с нормами и принципами ислама.

Младотурки придавали большое значение доказательствам совместимости норм и принципов ислама и конституционного управления. Ахмед Риза, в частности, не раз выступал в печати со статьями, в которых он полемизировал с рядом европейских авторов, считавших мусульманскую религию причиной отсталости и упадка

Османской империи. Продолжая в этом вопросе линию «новых османов», Ахмед Риза утверждал, что «ислам с социальной точки зрения может считаться почвой, пригодной для прогресса» [231, стр. 133]. Ахмед Риза говорил о том, что принцип выборности халифа был установлен исламом; он писал, что халиф был ответствен перед народом за свои действия. Ахмед Риза утверждал, что ислам не только не выступает против принципов конституционного управления, но даже «ни в коем случае не является врагом республиканского строя» [231, стр. 132—133]. Ходжа Кадри (Мехмед Кадри Насих) — один из руководителей стамбульской ячейки младотурок в 1896—1897 гг. — утверждал в одной из своих работ, изданных в эмиграции, что принципы ислама никак не противостоят идее конституционной монархии. Ходжа Кадри, подобно Ахмеду Ризе, также ссылался на то, что в халифате в период его основания существовал принцип выборности главы государства. Ходжа Кадри, представлявший группу примкнувших к движению младотурок улемов, доказывал, что все беды и несчастья страны — результат нарушений предписаний шариата со стороны султана и его министров. Говоря о конституционном управлении, Ходжа Кадри обращал особое внимание на то обстоятельство, что самые видные улемы Османской империи одобрили созыв первого турецкого парламента [102, стр. 70—71, 85].

Лидеры и идеологи младотурецкого движения придавали большое значение тому, чтобы идеи о соответствии конституционных принципов и норм ислама пропагандировались среди широких масс мусульманского населения империи. Буквально на следующий день после восстановления конституции в июле 1908 г. в Стамбуле была издана брошюра, обращенная к жителям провинций. В ней разъяснялись сущность конституционного строя и система выборов в палату депутатов. Брошюра содержала специальный раздел «Ислам и конституция», где подробно рассказывалось о том, что конституционное управление полностью соответствует духу и канонам мусульманской религии [95, стр. 33—37].

Даже Сабахеддин, реже других обращавшийся к авторитету ислама в своих теоретических работах, считал необходимым при разъяснении принципа «личной инициативы» опираться на положения Корана [92, стр. 15].

Младотурки как идейно-политическое течение отличались умеренным буржуазно-либеральным реформизмом, который только в 1906—1907 гг. стал перерастать в буржуазную революционность. «Общество „Единение и прогресс“, — пишет Ю. Х. Баюр, — с момента его основания и до середины 1906 г. было противником восстания, т. е. выступало против использования восстаний в борьбе за достижение своих целей» [216, стр. 266]. Как было показано выше, до съезда 1907 г. младотурки стремились к достижению своих целей лишь с помощью антиправительственной пропаганды или заговоров против султана. Однако сама идея восстания против деспотического режима была высказана в среде младотурок задолго до конгресса 1907 г. Ее выдвигали на страницах газеты «Османлы» лидеры женевской группы младотурок (Исхак Сукюти, Абдуллах Джевдет и Туналы Хильми). В 1898 г. эта газета опубликовала статью под названием «Восстание», в которой говорилось: «Восстание — единственное средство, которое дает новую жизнь слабой и больной нации. Обратимся к примерам истории, и мы увидим, что нация, забывшая свое человеческое достоинство, ставшая игрушкой деспота, впавшая в невежество и приблизившаяся к животному существованию, может избавиться от этого состояния только при помощи восстания...» [цит. по: 231, стр. 116]. Такого рода идеи высказывались в «Османлы» неоднократно [см.: 231, стр. 117]. Однако точку зрения издателей «Османлы» длительное время не разделяло большинство младотурок, искавших решение политических проблем страны не на путях революционной борьбы, а в компромиссах с феодально-абсолютистской властью, в поисках «доброто» конституционного монарха. К сказанному следует добавить, что и призыв «Османлы» к восстанию отнюдь не был равнозначен призыву к народной революции против деспотизма. Скорее это был призыв к активным действиям революционеров-младотурок, направленным на свержение султана Абдул Хамида. Шериф Мардин считает, что, обращаясь к «народу», издатели «Османлы» имели в виду «своего рода османский средний слой», возникший в результате некоторого культурного и экономического развития страны [231, стр. 99]. Очевидно, что даже революционно настроенные младотурки апеллировали к нарождавшейся буржуазии и буржуазной по умонастроению интеллигенции, были далеки от того, чтобы

возглавить борьбу народных масс против феодального абсолютизма.

Абсолютное большинство младотурок не шло в своих политических проектах и убеждениях дальше идеи конституционной монархии. Однако некоторые радикально настроенные лидеры движения выступали, правда в косвенной и осторожной форме, против монархии. Антимонархические настроения мы находим в ряде высказываний Абдуллаха Джевдета. Именно ему приписывают опубликованные в «Османлы» статьи, в которых был поставлен вопрос о том, достаточно ли будет установить в стране конституционный режим и не правильнее ли будет передать государственные дела в руки «осторожной партии» [231, стр. 113]. В журнале «Ичтихад» («Рвение»), который издавал в эмиграции Абдуллах Джевдет, высказывалась и мысль о том, что преградой деспотизму и произволу может быть не конституция, а правительство, ответственное перед «общественным мнением». Абдуллах Джевдет писал о «кабинете министров, назначаемом и смещаемом с помощью общественного мнения» [231, стр. 185].

Заслуживает внимания и тот факт, что в высказываниях некоторых деятелей младотурецкого движения, на страницах газет младотурок стала звучать такая важная новая тема, как обсуждение вопроса о роли и значении политической партии в жизни общества. «Шура-и уммет» утверждала, что центром общественной жизни должна быть «политическая партия, которая будет пробуждать народ и призывать его к единству». Мысль о политической партии в качестве «лидера народа» высказывал и Ахмед Риза [231, стр. 198]. Таким образом, деятельность и взгляды младотурок в значительной мере способствовали формированию политического самосознания турецкой национальной буржуазии.

В системе идейных воззрений младотурок центральное место занимала идейно-политическая доктрина паносмачизма, основы которой были заложены «новыми османами». Идея единения всех народов Османской империи в рамках парламентарно-монархического государства была присуща подавляющему большинству младотурок. Характеризуя идеологию младотурецкого движения, А. Ф. Миллер отмечает, что младотурецкая идеология опиралась на османизм [170, стр. 72].

Основное идейно-политическое содержание доктрины

паносманизма довольно четко определялось в многочисленных статьях на эту тему, публиковавшихся в газетах и журналах, издававшихся младотурками в эмиграции. В газете «Османлы» от 15 июня 1899 г. изложение целей младотурок начиналось со слов о необходимости единения всех народов империи [231, стр. 105]. В программном номере «Шура-и уммет» от 10 апреля 1902 г. также говорилось о необходимости «создать искреннее единение различных османских элементов, порожденное патриотическими переживаниями, прилагать усилия для достижения единства взглядов османских подданных — мусульман и немусульман — по политическим вопросам» [цит. по: 231, стр. 186].

В общей характеристике значения доктрины паносманизма взгляды Сабахеддина совпадали с воззрениями идеологов «Общества прогресса и единения». Сабахеддин неоднократно говорил и писал о том, что именно единство «всех соотечественников-османов» обеспечит успех в борьбе с деспотизмом и прогресс всех народов империи. Он призывал «трудиться во имя того, чтобы объединить силы наших соотечественников — турок, арабов, албанцев, армян, македонцев, курдов, евреев и других, — и таким путем положить конец нынешним злоупотреблениям и заложить первые камни в фундамент завтрашнего справедливого образа правления» [85, стр. 14].

Однако во взглядах лидеров младотурок на проблему единения всех народов империи было определенное различие. Ахмед Риза рассматривал доктрину паносманизма как средство достижения единства народов империи в рамках строго централизованного государства с безусловным сохранением господствующего положения турок. Сабахеддин связывал воедино идеи паносманизма с децентрализацией управления, предоставлявшей нетурецким народам определенную перспективу дифференцированного участия в местном самоуправлении и развития национально-культурной автономии.

Младотурки в своем подавляющем большинстве были сторонниками централистского паносманизма. В теоретических работах и пропагандистских статьях центр тяжести переносился при изложении доктрины османизма на обоснование идеи о возможности слияния всех народов империи в «османскую нацию». Исходной точкой рассуждений на эту тему была обычно мысль о том, что Османская империя — общая родина для всех населяю-

дких ее народов. Самипашазаде Сезаи-бей утверждал, например, на страницах «Шура-и уммет», что у всех народов империи — одна родина. «Они рождены под одним небом,— писал Сезаи-бей,— выросли в одном климате, дышали одним воздухом... Для них лоно родины — исцелитель страданий и убежище от тревог» [цит. по: 231, стр. 195].

Среди идеологов младотурецкого движения могли быть отдельные идеалисты, всерьез верившие в возможность воспитать «чувство общей родины» у различных народов Османской империи. Но определяющим моментом в пропаганде идей паносманизма было другое — сознательное стремление младотурецких лидеров насаждать это утопическое «ощущение общего патриотизма» с совершенно определенными политическими целями. Османистская концепция младотурок возникла как результат их настойчивого стремления сохранить в целостности создававшуюся веками империю, сохранить власть турецкого султана над всеми ее народами. Для той части младотурок, которая шла за Сабахеддином, паносманизм был средством, с помощью которого они рассчитывали достичь политического союза с весьма сильно инонациональной буржуазией Османской империи, который, как это понимали наиболее дальновидные деятели движения, мог существенно облегчить младотуркам борьбу с деспотическим режимом Абдул Хамида.

Особенно активно велась пропаганда идей паносманизма в связи с подготовкой парижского конгресса 1907 г. Мысль о единстве в пределах «общей родины» красной нитью проходила через многие письма, направлявшиеся младотурецким центром итихадистов в Париже различным деятелям национальных нетурецких буржуазно-революционных организаций Османской империи. В одном письме утверждалось, в частности, что Османская империя не принадлежит одним туркам, или болгарам, или арабам. «Эта страна,— говорилось в письме,— собственность и достояние каждого лица, называющего себя османом». И далее авторы письма заявляли, что цель их деятельности — «обеспечить равенство всех соотечественников — турок, курдов, болгар, арабов, армян и других — и добиться их единодушия, доля между ними радости и беды родины» [цит. по: 216, стр. 373].

Доктрина паносманизма, призванная, по мысли идеологов младотурецкого движения, стать основным идей-

ным оружием в борьбе за объединение народов империи, на деле препятствовала созданию подлинного союза революционных сил всех народов страны, выступавших против феодального абсолютизма. В начале XX в. в условиях мощного роста национально-освободительных движений чаяния и устремления нетурецких народов империи практически невозможно было втиснуть в русло «общей борьбы с деспотией султана». Во всяком случае, даже для достижения хотя бы временного соглашения о единстве действий нужны были не громкие фразы об «общем чувстве патриотизма», а как минимум четкие и определенные гарантии равных политических прав и развития национальных культур народов империи.

Между тем у централистски настроенных лидеров младотурок в общих рассуждениях о «равенстве прав всех османов» то и дело проскальзывали элементы великодержавных шовинистических настроений. Подчеркивание особой роли и значения турок в истории и современном положении Османской империи было в пропаганде младотурок нередким явлением. Эта тема не раз звучала в статьях, печатавшихся в «Османлы». Примечательно, что, касаясь этих фактов, Шериф Мардин считает необходимым разъяснить, что это подчеркивание роли турок нельзя отождествлять с более поздним шовинизмом партии «Единение и прогресс». Шериф Мардин утверждает, что в высказываниях лидеров младотурок об особом месте турок в империи не было никаких элементов пренебрежения к другим народам империи и речь шла лишь о признании исторической роли турок в создании Османской империи [231, стр 103]. Однако этот тезис Ш. Мардина не очень согласовывается с реальными фактами.

В работах младотурок отчетливо была видна мысль о том, что условием совместной антиабсолютистской борьбы всех народов империи должен стать безусловный отказ нетурецких народов от национальных чаяний и устремлений. Многие младотурецкие идеологи настойчиво стремились внушить этим народам отказ от целей национально-освободительной борьбы. Так, Мехмед Мурад писал в газете «Мизан», что греки Крита или албанцы Македонии должны искать решение своих проблем только на путях борьбы за прогресс Османской империи. «Самая священная обязанность наших албанских братьев, так же как и наших едиповцев в Египте и наших

соотечественников-армян,— заявлял М. Мурад,— состоит в том, чтобы совместно, самоотверженно, состязаясь в усердии, привести государство и халифат² в долину благополучия» [цит. по: 231, стр. 92]. Примечательно, как представляли себе младотурки участие нетурок в деятельности комитетов «Общества прогресса и единения». В одном из писем, направленных из парижского центра младотурок одному из активистов общества в Казанлык (Болгария), говорилось: «Если придет некий армянин и скажет: „Я — осмаец, я предан османнзму, готов служить османнзму в рамках вашей программы“, — то великодушие и гостеприимство, свойственные мусульманам и туркам, требуют назвать этого армянина соотечественником и сказать ему: „Добро пожаловать...“. Если мы допустим в наше общество османа-немусульманина, то только при соблюдении этого условия» [цит. по: 216, стр. 372].

Заслуживает в связи с рассмотрением доктрины паносманнзма и тот факт, что в «Османлы» был опубликован ряд статей, в которых говорилось о необходимости стремиться к созданию общей для всех «османов» культуры. Авторы оговаривались, что у них нет намерения затрагивать язык и другие национальные особенности народов империи. Тем не менее у них было желание создавать новую «общую культуру», отдавая предпочтение турецкому языку и турецкой культуре. Во всяком случае, в одной из статей на эту тему говорилось, что после установления конституционного управления, которое сможет обеспечить равенство прав всех народов, произойдет постепенное распространение турецкого языка среди народов империи [231, стр. 109].

Очевидно, что стремление в той или иной форме навязывать нетурецким подданным султана свое представление о принципах единения и смысле доктрины паносманнзма не смогло способствовать притоку в младотурецкое движение революционных сил нетурецких народов. Предлагаемые условия объединения означали практически отказ от национальных устремлений, унижали национальное достоинство нетурецких народов.

Однако, даже если бы в пропаганде младотурок бо-

² Нельзя не отметить, что здесь Мехмед Мурад настолько утрачивает чувство реальности, что призывает христиан к укреплению мусульманского института — халифата.

лее последовательно отстаивались принципы подлинного равенства всех «соотечественников-османов», идея паносманизма не могла в условиях Османской империи начала XX в. овладеть нетурецкими массами. Идеологи младотурок явно не учитывали тот исторический факт, что социальное и национальное развитие неизбежно вело нетурецкие народы Османской империи к борьбе за национальную независимость. В рассматриваемый период перед ними постоянно был пример успешной борьбы сербов, греков и болгар, добившихся национального освобождения. Стремлению к освобождению от векового турецкого владычества, к созданию самостоятельных национальных государств наивно было противопоставлять довольно туманную перспективу «братства и равенства» в рамках реформированного на конституционный лад турецкого государства. Сама по себе пропаганда идей паносманизма не принесла бы ощутимых политических результатов, если бы отмеченные выше конкретные условия политической ситуации не привели в 1907 г. к временному соглашению младотурок и инонациональных буржуазно-революционных партий и группировок.

Доктрина паносманизма не имела реальной исторической перспективы. Ее появление и использование в практике политической борьбы молодой турецкой национальной буржуазии определялись главным образом поисками путей сохранения целостности Османской империи в новых социальных и политических условиях. Наконец, эта доктрина стала одним из проявлений стремления турецкой буржуазии установить свое политическое господство на всей территории Османской империи.

Надо отметить, что среди деятелей младотурецкого движения находились люди, критически относившиеся к идеям паносманизма, сомневавшиеся в реальности их использования в жизни. Эту точку зрения высказывал, в частности, один из участников первого младотурецкого кружка и активный деятель эмиграции — Шерефеддин Магмуми [231, стр. 204]. Особенно критиковали доктрину паносманизма те немногие деятели младотурецкого движения, которые стали впервые выдвигать идеи тюркизма и пантюркизма. Юсуф Акчура писал в 1903 г., что «невозможно, объединив различные народы империи, создать из них одну нацию» [цит. по: 224, стр. 561]. Юсуф Акчура считал, что это единение неосуществимо как из-за различия религиозных и национальных устремлений,

так и из-за сильной вражды между этими народами. Идеологи тюркизма, разумеется, критиковали концепцию паносманизма со своих позиций как представители загромождавшегося турецкого национализма.

В конкретных условиях бурного развития национально-освободительных идей и устремлений доктрина паносманизма была столь же реакционна, сколь и утопична. Практика деятельности младотурок после победы буржуазной революции 1908 г. быстро доказала полную иллюзорность этих идей.

Характеризуя идеологию младотурецкого движения, необходимо отметить, что появившиеся в результате деятельности «новых османов» антиимпериалистические настроения стали звучать в работах младотурок-иттихадистов отчетливее и резче. Это было естественным следствием отражения фактов полуколониального положения Османской империи в сознании ряда лидеров и идеологов младотурок. Они активно выступали против экономического и политического засилья европейских держав в Османской империи. В первом же номере «Шура-и уммет» среди важнейших программных установок «Общества прогресса и единения» было сформулировано требование младотурок обеспечить политическую независимость Османской империи и защиту ее от всех видов иностранного вмешательства [216, стр. 262].

Во многих статьях и книгах, написанных видными деятелями младотурецкого движения, особенно подчеркивалась мысль о необходимости всеми средствами воспрепятствовать стремлению империалистических держав разделить Османскую империю или отторгнуть от нее часть территории. Как было показано выше, принцип неприкосновенности и неделимости империи был одним из важнейших пунктов всех программ младотурок, объединившихся вокруг «Общества прогресса и единения». Эта идея неприкосновенности и неделимости имела, конечно, и другую сторону, будучи направлена к сохранению турецкого господства над покоренными народами. Так своеобразно переплелись в воззрениях младотурок прогрессивные и реакционные идеи. Это было естественным результатом двойственного положения молодой турецкой национальной буржуазии. Принадлежа к господствующему народу империи, она в то же время сама постоянно испытывала гнет феодального абсолютизма и иностранного капитала.

В ряде номеров газеты «Мизан» публиковались статьи, направленные против капитуляционных привилегий иностранцев, против иностранных купцов, грабивших страну при помощи предоставляемых им льгот, против иностранного вмешательства во внутренние дела и т. д. [231, стр. 73].

Ахмед Риза писал в «Мешверет» (на турецком языке) в апреле 1896 г.: «Мы считаем не только хозяйничанье иностранцев внутри нашей страны, но даже их вмешательство в наши дела извне позором для чести и достоинства нации» [цит. по: 231, стр. 140]. Резкое осуждение капитуляционного режима и всех форм иностранного вмешательства во внутренние дела страны содержалось во многих статьях в «Мешверет». Ахмед Риза протестовал против любого вмешательства иностранных держав в решение национальных проблем империи, постоянно подчеркивал, что европейские державы преследуют при этом свои корыстные политические и экономические цели. Резкие статьи, направленные против экономической и политической зависимости Османской империи от империалистических держав, публиковал в «Мешверет» Халиль Ганем. В этих статьях, в частности, он обвинял Абдул Хамида в том, что султан сделал честь своих подданных игрушкой в руках иностранцев [231, стр. 142].

Младотурки остро реагировали на передачу о-ва Крит под власть генерал-губернатора, назначенного в результате международного соглашения. В «Османлы» публиковались в этой связи статьи, в которых было показано, что вмешательство держав в критский вопрос вызвано не «миротворчеством», а стремлением обеспечить свои выгоды. «Османлы» обвиняла европейские великие державы в том, что проводимая ими политика в отношении Османской империи воскрешает времена крестовых походов [231, стр. 108].

В газете «Шура-и уммет» также публиковались статьи, направленные против империалистической политики великих держав. Правда, подчас антиимпериалистические идеи облекались в форму общей «азиатской солидарности» против европейских государств. Примечательна в этом отношении оценка итогов русско-японской войны, сделанная «Шура-и уммет» в апреле 1905 г. Победа Японии в этой войне была расценена газетой как показатель способности азиатских народов «остановить

движение Европы по пути алчности и завоеваний» [231, стр. 211].

Следует отметить, что младотурки, касаясь полукolonиального положения Османской империи, проявляли явное непонимание его подлинных причин и характера. Читая их работы, можно было подумать, что при другом султane Османская империя не была бы в такой экономической и политической зависимости от империалистических держав. Несомненная близорукость младотурок в подходе к проблемам, связанным с полукolonиальным положением Османской империи, была следствием социальной слабости и политической незрелости младотурок как выразителей экономических и политических интересов турецкой национальной буржуазии.

Идеи противодействия экономической экспансии империалистических держав, протест против полукolonиального положения Османской империи сочетались в воззрениях младотурок с мыслями о необходимости обеспечить условия для независимого всестороннего развития экономики страны.

Деятели младотурецкого движения уделяли в своих политических статьях и брошюрах внимание критике современного состояния экономики Османской империи. Они говорили о том, что деспотический режим Абдул Хамида довел сельское хозяйство, промышленность и торговлю страны до крайне бедственного положения. Абдуллах Джевдет с горечью писал, что в стране «нет ни торговли, ни промышленности, ни даже сельского хозяйства» [97, стр. 6]. Многие статьи в «Мизан», «Мешверет», «Османлы» и других газетах младотурок были посвящены бедственному положению сельского хозяйства, нищете и страданиям крестьян. В «Мешверет», в частности, говорилось о том, что деспотический режим довел крестьян до рабского состояния людей, отдающих правительству все плоды своего труда. Газета писала, что крестьяне разорены, ведут полуголодное существование [224, стр. 525]. Сабахеддин писал, что именно крестьянин, который кормит все общество плодами своего труда, более всех страдает от гнета. По мнению Сабахеддина, развитие сельского хозяйства должно было стать отправной точкой экономического прогресса Османской империи [91, стр. 80—81].

Однако никто из идеологов младотурок не предлагал конкретных мер, направленных на решение аграрного

вопроса. Даже такая мера, как ликвидация натурального налога — ашара, появилась в программных документах младотурок только накануне революции 1908 г. Все практические предложения иттихадистов до этого не шли дальше общих призывов к ликвидации деспотизма и распространению знаний. Сабахеддин, как отмечалось, видел решение экономических и социальных проблем страны в воспитании «личной инициативы». Крайняя умеренность младотурок в подходе к решению социально-экономических проблем страны объяснялась прежде всего слабостью турецкой национальной буржуазии, теснейшим образом связанной с феодально-помещичьим землевладением.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в среде младотурок стали появляться первые признаки интереса к положению и проблемам рабочего класса. Эта тема впервые была затронута в мае 1898 г. на страницах «Османлы». Газета обращала внимание читателей на то, что «близится время разрешения рабочего вопроса». В числе породивших его причин газета называла безработицу, а с перспективами решения рабочего вопроса связывала будущие перемены в жизни человечества [231, стр. 108].

Однако статьи, содержавшие такие мысли, были в целом случайным явлением. Подавляющее большинство младотурок было весьма далеко от осознания классового характера общественных явлений и отношений. Примечательна в этой связи и приверженность Ахмеда Ризы к позитивизму Огюста Конта. Отрицание классовой борьбы было краеугольным камнем позитивистских теорий общественного развития. Ахмед Риза и подавляющее большинство иттихадистов искали решение социальных проблем страны только на путях установления «порядка» в общественной жизни, не видя скрытых пружин классового механизма общества, которое они стремились реформировать.

Хотя основной идейной концепцией младотурок был паносманизм, ряд деятелей движения начал проявлять интерес к зарождавшимся идеям тюркизма (тюркчюлюк). Эти идеи возникли как результат появления первых слабых проблесков национального турецкого самосознания. Они нашли свое отражение в деятельности просветительского общества «Национальное обучение и воспитание» (Милли талим ве тербие), издававшего в 1899—1900 гг.

одноименный журнал. Это общество ставило своей задачей просвещение турецкого народа и пробуждение его национального самосознания [152, стр. 35].

В идейных воззрениях младотурок тюркизм обнаруживался в форме интереса к развитию турецкой культуры. Одним из проявлений этого интереса было стремление продолжать борьбу «новых османов» за приближение турецкого литературного языка к народному, за его «тюркизацию». Сезаи-бей, в частности, ратовал на страницах «Шура-и уммет» за язык, доступный народу. Он призывал литераторов отказаться от языка произведений турецкой средневековой литературы, считая, что это должно быть важнейшим условием просвещения турецкого народа [231, стр. 201]. Другим проявлением проблесков национального самосознания в идеологии младотурок был интерес к Анатолии. Одна из групп младотурок даже издавала в Каире в 1902 г. газету «Анадолу», в которой об Анатолии говорилось как о «старой земле турок», «священной родине», изнывающей под игом деспотизма [231, стр. 201].

Подобные же чувства и настроения нашли свое выражение в одной из анонимных брошюр, изданных младотурками. В этой брошюре Анатолия была названа «надеждой будущего государства и нации» [224, стр. 531, 561]. В таком повороте от «общемперского» к анатолийско-турецкому патриотизму намечаются политические контуры тюркизма, центральной идеей которого стала впоследствии идея создания турецкого национального государства.

В 1904 г. в Каире группа младотурок во главе с Али Кемалем (сыном Намыка Кемалея) издавала газету «Тюрк», где публиковались статьи, пробуждавшие национальное самосознание турок. Хотя издатель газеты Али Кемаль стоял в основном на позициях паносманизма, в газете печатались статьи Юсуфа Акчуры, в которых на первый план выдвигались вопросы, связанные со становлением национальной культуры, ростом национального самосознания турок [см.: 152, стр. 35; 231, стр. 203—207].

Одновременно со становлением тюркизма как формы выражения национального турецкого самосознания в идеологии младотурок проявились и ростки реакционных пантюркистских идей. Пантюркистские идеи высказывал, например, Хюсейинзаде Али, член первого младотурецко-

го кружка, созданного в военно-медицинском училище. Он был одним из первых проповедников идей единения всех тюрков, проявлял интерес к идеям пантурсизма [231, стр. 204]. Материалы переписки парижского центра «Общества прогресса и единения» свидетельствуют о том, что в 1906 г. некоторые деятели младотурецкого движения думали и писали об объединении всех тюркоязычных народов. Высказывалась мысль о возможности создания империи «от берегов Адриатики до границ Китая», основой которой должно было стать языковое, религиозное и национальное единство населяющих эту обширную территорию народов. То обстоятельство, что Турции и туркам отводилось в этих планах господствующее место, видно хотя бы из утверждения, что быстрый прогресс всех тюркоязычных народов возможен только путем освоения стамбульского говора турецкого языка [228, стр. 209—210].

Характеризуя идейные воззрения младотурок, нельзя не отметить, что отдельным представителям движения не совсем чужды были и панисламистские идеи, хотя в целом до младотурецкой революции панисламизм имел среди младотурок мало сторонников. Выше было показано, что в 1906—1907 гг. лидеры «Общества прогресса и единения» уделяли внимание установлению контактов с мусульманами в других странах, в частности с мусульманами России. В переписке этих деятелей младотурецкого движения с зарубежными мусульманами выдвигалась идея, что реформированная конституционная Турция может стать оплотом освободительного движения мусульман, направленного против иностранного империализма. Одновременно пропагандировалась мысль, что Турция сможет стать центром демократизации и культурного прогресса мусульманских народов [см.: 228, стр. 195—216; 216, стр. 345—349].

Говоря о панисламизме в воззрениях младотурок до революции 1908 г., необходимо отметить, что внимание идеологов движения к панисламизму привлекала в этот период кажущаяся возможность использования идеи «единения ислама» как оружия в борьбе с экспансией империалистических держав на Востоке. В письме, направленном парижским центром «Общества прогресса и единения» группе кавказских мусульман, говорилось, в частности: «Европейские христианские государства боются даже слов „единение ислама“. Разве не является

Этот страх наших врагов прекрасным доказательством того, насколько необходимо мусульманам единство?» [цит. по: 228, стр. 209]. Даже Сабахеддин, весьма отрицательно относившийся к идеям панисламизма, считал необходимым отметить в одной из своих статей, что причиной возникшего на Востоке движения за объединение всех мусульман был «не религиозный фанатизм, а недовольство, порожденное постепенной экспансией Европы» [цит. по: 241, стр. 193]. Примечательно, что Сабахеддин считал при этом необходимым разграничить вызванные антиимпериалистическими настроениями идеи и абдухамидовский панисламизм. Он писал, что официальная Турция избрала «клерикальную форму» не в результате склонности к идее единения всех мусульман, а «из-за вражды к свободе» [241, стр. 193].

Таковы были в общих чертах социально-политические и идейные воззрения младотурок до революции 1908 г. Их рассмотрение показывает, что основные идейно-политические позиции младотурок были в целом восприняты ими от первых турецких конституционалистов. Продолжая деятельность «новых османов», идеологи младотурецкого движения оставались на позициях умеренного буржуазно-либерального реформизма. Только накануне революции 1908 г. в обстановке общего революционного подъема в Османской империи буржуазный реформизм младотурок начал постепенно уступать место буржуазно-революционным идеям. Другой важной чертой идеологии младотурок, османистской в своей основе, было появление в ней первых признаков буржуазно-национальных настроений.

Оценивая систему идейных воззрений младотурок, нельзя не отметить, что они были предельно далеки от понимания социальной природы общества, которое они стремились реформировать. Идеалистическое восприятие исторического процесса, непонимание социально-экономической подоплеку общественных явлений, естественно, вели к тому, что идеологи младотурок анализировали главным образом явления надстроечного характера, не касаясь коренных вопросов социально-экономического развития.

Социальная и политическая незрелость младотурецкого движения, определявшаяся слабостью и узостью его социальной базы, проявилась и в идейной разобщенности младотурок, в их неспособности выработать сколь-

ко-нибудь оригинальную политическую или идейную доктрину. Можно, пожалуй, говорить о том, что младотурки конца XIX — начала XX в. больше проявили себя в сфере политической жизни Турции и не оставили такого заметного следа в истории ее общественной мысли, как их предшественники — «новые османы». Тем не менее общественно-политическая деятельность младотурок способствовала становлению политического самосознания турецкой национальной буржуазии, формированию ее идеологии.

**МЛАДОТУРКИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД
БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1908 г.**

В первой половине 1908 г. Македония стала тем районом страны, где социальные и национальные противоречия, типичные для всей Османской империи, проявлялись с особой остротой и силой. Многократные восстания крестьянства Македонии, в частности восстание 1902—1903 гг., были следствием крайне тяжелого экономического положения. «В высшей степени интересным является тот факт, — отмечал один из русских исследователей, — что революционное движение было сильнее именно в тех вилайетах Македонии, в которых крестьяне больше страдают от малоземелья. Этот факт показывает, что причины македонской революции надо искать не в националистических стремлениях, хотя национальные лозунги и выставлялись на революционном знамени, а в тех социально-экономических условиях, в которых жили восставшие крестьяне» [155, стр. 256]. Безземелье и малоземелье, невыносимое налоговое бремя, произвол местной администрации, национальные распри и религиозные противоречия, разжигавшиеся султанскими властями, — все это делало Македонию постоянным очагом антифеодальных и антитурецких движений. Положение еще более усложнялось тем, что многонациональное население Македонии не раз оказывалось объектом политической и дипломатической борьбы ряда балканских государств, борьбы, которую умело использовали в своих интересах великие европейские державы. Постоянное вмешательство великих держав в македонские дела под предлогом «умиротворения» использова-

лось для укрепления их экономических и политических позиций в Османской империи. Не случайно одним из пунктов Мюрцштегской программы реформ в Македонии после восстания 1902—1903 гг. было требование об установлении над Македонией финансового контроля Оттоманского банка. Практически Македония была поставлена под финансовый контроль европейских держав. Что касается остальных пунктов Мюрцштегской программы (реформа административного деления и управления с учетом национального состава населения, упорядочение взимания налогов и т. д.), то они свелись лишь к наведению некоторого внешнего порядка в администрации. Направленные в Македонию европейские жандармские офицеры стали одновременно и орудием постоянного вмешательства держав в македонские дела и средством укрепления абдулхамидовского режима.

В начале 1908 г. обстановка в Македонии вновь крайне обострилась; положение было чревато новым крупным революционным взрывом. Четническое движение сделало Македонию ареной непрерывных кровавых столкновений между различными народами. Султанский генерал-инспектор в Македонии Хильми-паша постоянно прибегал в традиционному для турецкой администрации натравливанию друг на друга греков, болгар, сербов и албанцев. Вместе с тем в начале 1908 г. наметились новые разногласия держав в македонском вопросе. В январе 1908 г. Австро-Венгрия добилась у Абдул Хамида концессии на строительство железной дороги к Салоникам, «что фактически означало намерение Австрии поставить Македонию под свое безраздельное господство» [167, стр. 38]. Ответом на эту акцию Австро-Венгрии явилось русско-английское сближение в македонском вопросе, обусловленное и рядом других международных обстоятельств. Между представителями Англии и России начались переговоры о новом плане «реформ» в Македонии. Состоявшееся в Ревеле в июне 1908 г. свидание русского царя Николая II с английским королем Эдуардом VII привело к англо-русскому соглашению об усилении иностранного контроля в Македонии, в частности о вводе в Македонию специальных иностранных войсковых контингентов в целях «поддержания порядка». В ходе встречи Англия выдвигала также предложение о назначении в Македонию специального губернатора, действующего под международным контролем [см.:

140, стр. 37]. Таким образом, угроза окончательного отторжения Македонии от Османской империи стала с весны 1908 г. реальной политической проблемой.

Острота македонского вопроса и неспособность султанского правительства решать внутренние и международные проблемы, возникшие в связи с ним, усугублялись финансово-экономическим положением страны, которое в начале 1908 г. вновь резко ухудшилось; возникла угроза нового финансового банкротства. Русский посол в Стамбуле Зиновьев, характеризуя в январе 1908 г. финансовое положение Османской империи, отмечал, что султанское правительство использует последние источники для обеспечения новых займов и в скором будущем может очутиться в положении банкрота [32, стр. 427].

Патриотически настроенные деятели младотурецкого движения решили в создавшихся условиях перейти к немедленной подготовке антиправительственного выступления армии, добиться силой восстановления конституции 1876 г. и воспрепятствовать тем самым иностранному вмешательству в дела империи. «Было нетрудно предвидеть, — пишет А. Ф. Миллер, — что если упустить момент, то либо победит самостоятельное македонское национально-освободительное движение, либо Македонию захватят империалистические державы. Младотурки решили воспрепятствовать как той, так и другой возможности» [167, стр. 38].

В феврале — марте 1908 г. парижский центр младотурок в циркулярных письмах, направленных своим единомышленникам в Турцию, настоятельно рекомендовал вербовать сторонников общества в армии, среди молодежи, создавать из них тайные группы. В частности, в письме от 2 марта 1908 г. говорилось, что необходимо принять меры для создания организации общества во II армейском корпусе, расквартированном в Эдирне [216, стр. 405].

Вопрос о деятельности организаций и групп общества внутри страны стал в этот период главной заботой младотурок. Примечательно, что в 1908 г. существовал даже специальный устав, определявший причины и правила деятельности организаций общества внутри страны¹. Его первая статья гласила, что целью общества яв-

¹ Этот устав опубликован в книге Т. З. Туная по экземпляру, напечатанному в 1908 г. и переданному Т. З. Туная генералом Дж. Т. Эгильмезом [239, стр. 129—135].

ляется спасение родины, находящейся в тяжелом положении, избавление нации от гнета деспотизма и восстановление конституции 1876 г., которая обеспечит права всех подданных империи без различия расы и вероисповедания. Устав определял, что деятельностью организаций общества, создаваемых повсеместно, руководит центральный комитет «внутренней организации», состоящий из пяти человек; местонахождение комитета, располагающегося «в пределах Османской империи», должно оставаться в тайне (ст. 3) [239, стр. 129]. Устав предусматривал строгую конспиративную внутреннюю организацию первичных ячеек общества, подчиненных центральному комитету. Среди положений устава выделяются статьи об организации группы федаев («жертвующих собой»), в которых говорилось о том, что эти группы формируются из числа добровольцев, готовых «жертвовать жизнью во имя священных целей общества» (ст. 48). При этом устанавливалось, что члены этих групп должны быть в любой момент готовы к действиям по приказам руководства своей группы (ст. 51) [239, стр. 134]. Как видно, деятели «Общества прогресса и единения» готовили свои организации внутри страны к активным действиям. Сама идея организации групп федаев была, скорее всего, подсказана младотуркам опытом иранской революции.

Принятый в сентябре 1907 г. устав тайной иранской революционной организации муджахидов предусматривал организацию отрядов вооруженных федаев [161, стр. 141]. Ряд положений этого устава, касающихся федаев, сходен с аналогичными статьями рассматриваемого устава внутренней организации младотурок. Правда, в отличие от иранской революции, где отряды федаев стали важной формой вооруженной революционной борьбы масс, группы федаев в младотурецком движении были одним из инструментов антиправительственной борьбы буржуазно-революционной организации младотурок.

Основным центром деятельности младотурок внутри страны к весне 1908 г. стали Салоники. Главное внимание было сосредоточено на пропаганде антиабсолютистских конституционных идей и вербовке членов общества в армейских частях, расположенных в Македонии. «Салоникский комитет, — пишет Имхофф, — постановил распространить пропаганду на части II и III армейских кор-

пусов и имел неожиданный успех — вскоре он насчитывал сотни членов [261, стр. 175]. Офицеры-младотурки внушали своим солдатам идею о том, что султан и его министры действуют против интересов страны, нарушают Коран и шариат, продают страну иностранцам. Эта пропаганда имела среди солдат и младших и средних офицеров турецких войск, расквартированных в Македонии, особый успех потому, что солдатам и офицерам этих частей сама жизнь постоянно напоминала о пороках феодально-абсолютистского режима. «В тяжести налогового бремени и в связи с ним в системе административного произвола, всем своим бременем падающим на низший и средний земледельческие классы, нужно искать, — отмечал в 1908 г. один из исследователей, — главную причину неудовольствия режимом самих турок, включая и офицерство, которое в большинстве случаев так или иначе связано с землей» [199, стр. 16]. Непрерывная борьба с четниками, полуголодное существование плохо обмундированных солдат и офицеров, жалование которым не выплачивалось месяцами, хозяйничанье иностранных жандармских офицеров и финансовых агентов — все это подготавливало солдат и офицеров турецкой армии к восприятию идей младотурецкой пропаганды. Э. Ф. Найт, хорошо знавший со слов участников движения факты о деятельности младотурок в армейских частях, подчеркивал, что молодые офицеры, разъяренные солдатам свои идеи, «приводили выдержки из Корана, осуждавшие тиранию, и доказывали, что султан не сохранил верности по отношению к своей стране и потерял потому право на те особые преимущества, какие дал ему бог. Тот факт, что Австрия и Германия получили концессии на проведение железных дорог по турецкой территории... с полной очевидностью доказывал солдатам, что правительство действительно продает иноземцам страну, кусок за куском» [61, стр. 91]. Один из русских авторов, писавших о революции 1908 г., отмечал, что деятельность европейских держав в Македонии и реальная опасность отторжения ее от империи сыграли наряду с пропагандой младотурок особо важную роль в революционном подъеме турецкого населения Македонии, в частности в распространении революционных антиправительственных настроений в армии [174, стр. 27—29]. Французский исследователь Рене Пинон также выделял это обстоятельство как наиболее важную причи-

ну того, что восстание против правительства, которым началась революция 1908 г., возникло именно в частях турецкой армии, расквартированных в Македонии. Рене Пинон писал, что присутствие и действия многочисленных иностранных инструкторов и советников сильно задевали патриотические чувства, «младотурки все более и более замечали, что султан представляет собой только ширму, за которой скрывается настоящее правление иностранцев» [192, стр. 126].

Надо отметить, что, активизируя антиправительственную пропаганду в Македонии и вербуй сторонников в армии, руководители младотурок все еще продолжали верить, что удастся «уговорить» султана восстановить конституцию. Об этом, в частности, свидетельствует письмо, направленное 30 апреля (13 мая) 1908 г. султану от имени комитета «Единение и прогресс». «Мы подвергаем,— говорилось в нем,— нижеследующее Вашей высокой императорской оценке. Комитет „Единение и прогресс“ не имеет никакой враждебности и горьких чувств по отношению к Его величеству султану. У нас только одна претензия, которая вызвана самим Его величеством, заявлявшим в своей тронной речи 19 марта 1877 г. (при открытии парламента.— Ю. П.), что „злоупотребления и помехи являются неизбежным следствием деспотического правления одного человека или узкой группировки...“. Идеалом комитета является применение на практике конституции, которую Вы сами некогда оценили и похвалили. Будьте уверены, что вся нация солидарна с нами в стремлении к осуществлению этого всеобщего желанья и стремления. Комитет „Единение и прогресс“ никогда не отделял интересы императорской фамилии от интересов нации. Мы глубоко убеждены, что применение конституции весьма далеко от нанесения малейшего материального или морального ущерба Вашим правам главы государства и Вашему достоинству и, наоборот, будет опорой для императорского трона» [цит. по: 250, стр. 270]².

Как видно, младотурки, или во всяком случае какая-то часть их руководителей, и весной 1908 г. сохраняли некоторые иллюзии относительно возможности мирным путем добиться конституционных реформ. Правда, необ-

² Этот документ, как сказано в примечании, был опубликован в «Корреспонданс д'Орьен» 15 мая 1910 г.

ходимо помнить о том, что не только в народных массах турок-мусульман, но и в среде образованных младотурок достаточно сильны были традиционные представления о священности династии и незыблемости ее прав. Только крайние обстоятельства, связанные с угрозой открытого вооруженного вмешательства держав в дела Османской империи, выдвигали на первый план в практической деятельности младотурок революционные методы борьбы против султана.

Ревельское свидание привело к тому, что сознание неизбежности открытого вооруженного выступления против правительства стало преобладать у руководителей организаций младотурок внутри страны. Пропаганда среди населения в Македонии и в воинских частях стала еще более активной. Отмечая успех младотурецкой пропаганды в III армейском корпусе, управляющий русским Гражданским агентством в Македонии Петряев писал 12 июня 1908 г., что «революционное движение охватило почти всех офицеров. Не стесняясь, в беседах между собой и с иностранцами, они резко критикуют существующий режим, громко высказывают недовольство теперешними правителями, ведущими Турцию к гибели, и требуют введения представительного правления. В большинстве провинциальных городов, где имеются гарнизоны, офицерами образованы политические кружки, находящиеся в оживленных сношениях с представителями младотурецкой партии за границей, несмотря на строгий полицейский и цензурный надзор. Иностранцы почты, пользующиеся здесь привилегированным положением, в значительной мере облегчают распространение как революционных изданий, так и всякого рода заграничной корреспонденции» [38, л. 10]. Один из русских авторов лично встречавшийся до революции с участниками младотурецких кружков и групп, писал, что пропагандистская деятельность младотурок имела, несмотря на все усилия властей помешать ей, большой успех; вся армия буквально наводнилась революционной литературой [196, стр. 414]. Русский консул в Ускубе Орлов в своем донесении 17 июня 1908 г. также отмечал громадный успех «революционной младотурецкой пропаганды среди офицерского состава турецкой армии, 75 процентов которого признается принадлежащим к младотурецкой партии» [38, л. 16]. Э. Ф. Найт писал, что к моменту провозглашения конституции, т. е. к июлю 1908 г., младотурецкие

организации в Македонии насчитывали 15 тыс. человек [61, стр. 87]. К младотуркам примкнули многие чиновники местной администрации, что позволяло руководителям организации быть в курсе многих правительственных мероприятий. Важным фактором стало присоединение к младотуркам ряда высших армейских офицеров. Так, Петряев писал в середине июня, что «движению сочувствуют старшие командиры частей и, как говорят, начальник штаба III корпуса генерал-майор Али Риза-паша, отрешенный ныне от должности и вызванный в Константинополь» [38, л. 12].

Один из наиболее активных организаторов военного восстания против правительства в июле 1908 г., майор Ахмед Ниязи-бей, писал в своих воспоминаниях, что накануне восстания младотурки добились огромного влияния среди населения и в войсках; «общество действовало как организованное тайное правительство. Оно располагало сведениями о действиях и качествах всех государственных чиновников. Отныне власть и моральное влияние генерал-инспектора, губернаторов, командующих были уничтожены» [80, стр. 36]. Тайные агенты младотурецких комитетов к началу лета 1908 г. были практически во всех правительственных ведомствах в Салониках и провинциальных городах Македонии; по решениям этих комитетов было убито немало особо выделяющихся своей жестокостью чинов военной и гражданской администрации, султанских шпионов.

Отличительной чертой пропагандистской деятельности младотурецких комитетов было стремление разъяснить населению и солдатам, что все беды страны происходят не столько из-за личных недостатков сановников султана и чиновников местной администрации, сколько являются результатом общих пороков существующего режима управления страной. «В этот период общество „Единение и прогресс“, — писал Ахмед Ниязи-бей, — стремилось внушить всем мысль о том, что источником зла являются не плохие качества отдельных лиц — командующих, инспекторов, губернаторов, сераскера и великого везира, а пороки существующего способа управления» [80, стр. 35—36]. 23 июня 1908 г. комитет «Общества прогресса и единения» распространял в Монастыре воззвание [см.: 204, стр. 45—51; 239, стр. 137—139], в котором говорилось, что «современное правительство антиконституционно», поскольку его образ действий

носит абсолютистский характер и противоречит основным законам страны, которые были установлены конституцией. О распространении такого содержания прокламации 23 июня 1908 г. сообщал п русский консул в этом городе [38, лл. 29—30].

Как видно, в пропаганде младотурок в 1908 г. и особенно накануне революции произошел определенный сдвиг. Идеи конституционной реформы ранее нередко заслонялись критикой личности султана Абдул Хамида. В пропагандистских материалах младотурок до 1907—1908 гг. чаще всего все беды страны объяснялись пороками личности царствующего монарха и его приближенных. В пропаганде младотурок накануне революции на первый план выдвигается идея борьбы с абсолютизмом как системой. Это обстоятельство было одним из показателей превращения младотурок из буржуазно-либеральных реформаторов в буржуазных революционеров.

Пропаганда младотурок имела большой успех и среди гражданского населения. «Все чаще и чаще приходится сталкиваться со случаями, — писал 17 июня 1908 г. русский консул в Ускюбе Орлов, — доказывающими, что младотурецкие идеи глубоко проникли в среду мусульманского населения, даже и сельского. Пока дело редко заходит дальше публичного обсуждения вопросов, возбуждающих недовольство этого населения и связывающихся с несостоятельностью существующего режима... но разве возможны были даже и разговоры на такие темы всего несколько лет тому назад?» [38, л. 18].

Хотя всю практическую деятельность младотурецких ячеек и групп в вилайетах Европейской Турции направлял и координировал салоникский комитет «Общества прогресса и единения», парижский центр общества не только был в курсе происходящих событий, но и участвовал в них своими советами и рекомендациями. Сохранившиеся материалы переписки парижского центра с Салониками показывают³, что руководители парижской группы младотурок уже в марте 1908 г. рекомендовали своим товарищам внутри страны переходить к активным действиям: захватывать турецкие почтовые конторы и направлять правительству телеграммы, в которых

³ К сожалению, как отмечает Ю. Х. Баюр, сохранились и дошли до нас только материалы переписки до конца марта 1908 г.

«будет выражаться протест против назначения иностранного или независимого от правительства губернатора и категорическое несогласие мусульман с разделом их страны или передачей ее в управление иностранцам»; направлять протесты против вмешательства в дела Македонии; выпускать воззвания, призывающие все народы, населяющие Македонию, к совместной борьбе против деспотического режима [216, стр. 416—417].

Эти рекомендации использовались младотурками внутри страны. В частности, в конце мая 1908 г. комитет младотурок в Монастыре направил консулам всех держав (исключая русского консула) специальный меморандум, в котором содержался протест против вмешательства иностранных держав во внутренние дела Македонии. «Единственной причиной всех зол не только в Македонии, но и во всех вилайетах Османской империи, — говорилось в меморандуме, — является деспотический образ действий существующего правительства» [цит. по: 216, стр. 420]. 4 июня примерно такого же содержания меморандум был вручен местным младотурецким комитетом английскому и французскому консулам в Ускюбе [38, лл. 40—41]. Сразу же после ревельского свидания младотурецкие комитеты направили иностранным консулам в городах Македонии резкие ноты протеста против принятых в Ревеле решений. В этих нотах говорилось, что реализация ревельских решений может привести к событиям, похожим на Варфоломеевскую ночь [204, стр. 32].

Султан Абдул Хамид и Высокая Порта были достаточно хорошо осведомлены о положении в Македонии и о деятельности младотурецких комитетов. Генерал-инспектор Македонии Хюсейн Хильми-паша доносил во дворец секретарю султана Тахсин-паше 2 июня 1908 г.: «В соответствии с решением последнего общего собрания крамольных младотурецких, армянских и македонских комитетов (имеется, возможно, в виду конгресс 1907 г. — Ю. П.) в Салониках или в Монастыре создан революционный комитет под названием „Центральный исполнительный комитет“, который в скором времени перейдет к действиям» [117, стр. 242]. Особое беспокойство султана и его приближенных вызывало все нараставшее брожение в войсках. Было сделано несколько попыток пресечь революционные настроения в армии с помощью репрессий. Прежде всего султан в начале июня сместил

командира III армейского корпуса генерала Эсад-пашу и назначил на его место маршала Ибрагим-пашу, широко известного своими крайне реакционными взглядами и готовностью к принятию крутых военных мер против волнений христианского населения. Одновременно в Салоники была направлена под началом Исмаила Махир-паши специальная комиссия, расследовавшая обстоятельства покушения на начальника салоникинского гарнизона подполковника Назым-бея, имевшего репутацию крайнего реакционера и султанского шпиона⁴. Комиссия произвела аресты среди офицеров гарнизона, но в ответ на эти меры возбуждение среди офицеров еще более усилилось и дошло до открытого отказа отдавать честь генералам — членам комиссии. 7 июня в Монастырском вилайете был убит инспектор полиции Хюсейн Самизфенди и ранен сопровождавший его офицер. Они направались в г. Крушово для расследования дела об участии офицеров местного гарнизона в младотурецкой пропаганде [38, лл. 10—11]. Другим ответом на начавшиеся репрессии было и упоминавшееся выше воззвание «Общества прогресса и единения» от 23 июня 1908 г., в котором был выражен решительный протест против присылки из Стамбула следственных комиссий. «Мы не желаем, — говорилось в воззвании, — отправлять невинных в такие учреждения инквизиции, как Йылдыз, Ташкышла (казармы, где содержали подсудимых. — Ю. П.) и управление полиции, и требуем положить этому конец. В противном случае ответственность ляжет на Вас (на монастырского губернатора, которому было адресовано воззвание. — Ю. П.)» [204, стр. 50].

В такой обстановке началось в начале июля 1908 г. вооруженное восстание, которое возглавили офицеры-младотурки. К этому моменту младотурецкая пропаганда, умело использовавшая все внутренние и международные факторы, достаточно подготовила почву для открытого выступления против султана. Ю. Х. Баюр отмечает, что именно деятельность младотурецких орга-

⁴ Назым-бей был родственником известного впоследствии члена младотурецкого триумвирата Энвер-бея (паши); он был женат на сестре Энвера. Салоникинский комитет младотурок решил убить Назыма, поскольку последнему стало кое-что известно о деятельности комитета. 29 мая один из офицеров-младотурок стрелял в Назым-бея и ранил его. Энвер-бей после этих событий покинул город [216, стр. 439].

низаций в Монастырском вилайете, во всей Македонии сделала возможным выступление армии против правительства [216, стр. 443]. Первым выступил отряд, созданный Ахмедом Ниязи-беем, офицером ресненского гарнизона. Корреспондент «Ле Тан», сообщая 7 (20) августа 1908 г. о беседе с Ниязи-беем, писал: «Ниязи-бей, как и многие другие офицеры, перешел в ряды членов комитета „Единение и прогресс“, потому что для него было невыносимо видеть, как иностранные державы занимались нашими (т. е. турецкими.— Ю. П.) делами, а константинопольское правительство благодаря своей плохой политике оправдывало это вмешательство» [цит. по: 174, стр. 30]. Ниязи-бей писал в своих мемуарах, что непосредственным толчком к его действиям было сообщение о ревельском свидании монархов Англии и России, которое буквально лишило его сна и покоя [80, стр. 63]. Инициатива вооруженного выступления против правительства исходила от самого Ниязи-бея и его единомышленников. 28 июня Ниязи-бей объявил своим товарищам, которые пользовались его доверием, что он решил создать чету, уйти в горы и начать восстание [80, стр. 64]. Э. Ф. Найт пишет, что Ниязи-бей сообщил о своем плане своему другу Джемаль-бею — главе муниципального совета Ресны, а затем было организовано специальное собрание членов местной организации младотурок, на котором присутствовало около 50 человек. Ниязи-бей выступил на собрании с горячей патриотической речью, заявив, что необходимо выступить против правительства, которое довело дело до того, что страна вот-вот будет разделена иностранными державами. Ниязи-бей сказал, что восстание будет направлено против существующей системы управления, которая разжигает вражду между народами империи. Оратор заявил, что цель восстания — достижение «свободы, равенства и братства» [см.: 80, стр. 67; 61, стр. 109—111]. Собрание приняло решение начать в Ресне восстание и направило Джемаль-бея в Монастыр, чтобы согласовать вопрос о предстоящем выступлении с местным комитетом младотурок, которому, согласно уставу внутренней организации «Общества прогресса и единения», была подчинена ресненская ячейка младотурок. Таким образом, инициатива в деле решительного перехода от антиправительственной агитации к вооруженной борьбе принадлежала не салоникскому центру, а одной из маленьких низовых

организаций общества. Инициатива восстания исходила от рядовых членов общества и толкала его руководителей к отказу от мирных методов борьбы и «увещеваний» султана. Просьбы о восстановлении конституции должны были уступить место требованиям, подкрепленным силой оружия.

Монастырский центр младотурок через два дня после описанного выше собрания сообщил через Джемаль-бея, что центральный комитет общества согласен с планом Ниязи-бея [61, стр. 111]. 3 июля 1908 г. никому не известный офицер ресненского гарнизона, до этого ничем не выделявшийся среди других офицеров-младотурок, возглавил группу солдат и офицеров гарнизона, захватил оружие и полковую казну и во главе отряда, состоявшего из 160—200 человек, ушел в горы. Отряд Ниязи быстро рос, через две недели он насчитывал уже 500 человек; еще через неделю отряд увеличился до 3 тыс. человек [см.: 167, стр. 39; 38, лл. 55, 61]. Ниязи обратился 5 июля со специальным воззванием к болгарскому населению Македонии, в котором говорилось, что причинами всех страданий населения страны являются деспотический режим, а также разжигаемые иностранными державами распри между различными народами края [см.: 216, стр. 444—447]. Ниязи, обращаясь к «соотечественникам-христианам», предлагал объединить все силы для борьбы с деспотическим режимом, за свободу и равенство всех народов империи: «Турки, видящие, что нынешний режим лишает их жизни и счастья, трудятся во имя объединения различных наций и племен Османской империи. С этой целью они создали „Османское общество единения и прогресса“. Лица, основавшие это общество с такой священной целью,— это генералы и офицеры армии, гражданские чиновники, местные жители, — горожане и крестьяне. Все они — люди чести; они жертвуют собой во имя своей священной родины. Основными целями общества являются достижение свободы для всех народов Османской империи в пределах ее нынешних границ без различия расы и вероисповедания, обеспечение безопасности их чести, жизни и имущества, создание условий для их братского существования, приличествующего роду человеческого. Это может быть достигнуто путем достижения свободы, провозглашения равенства, упрочения братства и установления справедливости... Нынешний деспотический режим должен быть

заменен конституционным строем» [цит. по: 216, стр. 445—446].

Воззвание Ниязи и действия его отряда, который, посещая как мусульманские, так и немусульманские деревни Монастырского вилайета, призывал к неповиновению правительственным чиновникам и изгонял их, пропагандировал идеи братства всех народов, населяющих Македонию, не допускал никаких насилий и грабежей, способствовали поддержке восставших населением. Болгарское население ряда округов (в Ресне, Охри, Персепе и других районах) организовало собрания, на которых была выражена готовность поддержать отряд Ниязибея [61, стр. 126]. Вскоре на сторону восставших младотурок перешли многие болгарские, сербские и албанские четы. «Наибольшее значение при этом имели поддержка младотурок македонской „левицей“, возглавляемой Яне Санданским, и решение многотысячного собрания албанцев в окрестностях Феризовича, также постановившее поддержать младотурецкое восстание» [167, стр. 39].

Руководитель «левицы» Яне Санданский и его единомышленники поддержали восставших младотурок весьма активно. Этому способствовали и те контакты, которые имели место между руководителями «левицы» и лидерами младотурок после конгресса 1907 г., решения которого «левица» поддержала. Когда началось восстание, организованное офицерами-младотурками, Яне Санданский и его четники поддержали лозунги восстания [245, стр. 43—44, 56—57].

Между албанскими национальными организациями и комитетом младотурок в городах Албании довольно тесный контакт установился задолго до начала восстания. В Дибре, например, албанский национальный комитет с 1907 г. объединился с местным комитетом младотурок. В Гьирокастре члены младотурецкого комитета были одновременно членами местного албанского комитета, а в состав младотурецкого комитета в Ускубе входили многие представители местной албанской знати, в частности владелец единственной в этой области механической лесопилыни Драга-бей [195, стр. 31—32]. Комитет «Единение и прогресс» обращался к албанцам со специальными воззваниями, в которых разоблачалась захватническая политика империалистических держав в Европейской Турции и пропагандировалась идея братст-

ва народов Османской империи и конституционных реформ [195, стр. 33].

В начале июля 1908 г. в окрестностях Феризовича собралось несколько тысяч вооруженных албанских крестьян. Поводом для этого явилось строительство австрийцами в двух километрах от Феризовича летней эстрады, где предполагалось отпраздновать окончание учебного года в ускюбской школе для иностранцев. Албанцы расценили это как оскорбление национальных и религиозных чувств; постройки австрийцев были сожжены. Возбуждение усилилось, когда начали распространяться слухи о начавшемся якобы движении австрийских войск на Косову. По рассказу одного из очевидцев событий — Сулеймана Кюльче, в Феризовиче действовали несколько агитаторов из числа офицеров-младотурок. Прибывший из Ускюби начальник жандармерии Галиб-бей тоже был членом ускюбского комитета младотурок. Галиб-бею и офицерам-младотуркам удалось убедить собравшихся в Феризовиче албанских крестьян и представителей албанской знати и духовенства поддержать лозунги и требования младотурок. В результате 20 июля 1908 г. в Стамбуле была направлена телеграмма, в которой от имени албанского населения Ускюбского вилайета было выражено требование восстановить конституцию 1876 г. созвать палату депутатов [см.: 195, стр. 33—34; 204, стр. 88—89; 239, стр. 139—140].

Присоединение к восставшим младотурецким офицерам и солдатам нетурецкого населения Македонии было одним из наиболее существенных факторов, определивших быстрый и почти бескровный ход событий, которые привели вскоре к восстановлению конституции. Когда русский посол в Стамбуле характеризовал движение, вызвавшее султанский указ о восстановлении конституции, он отмечал, что «движение протекает пока спокойно, с соблюдением порядка, при равномерном участии как христианской, так и мусульманской части населения» [34, л. 181]. Нетурецкое население Македонии, измученное междоусобной борьбой и гнетом султанской администрации, потерявшее за три-четыре года деятельности иностранных инструкторов и советников всякую надежду на действительную помощь извне, увидело в действиях и призывах восставших против султана младотурок путь к избавлению от социального и национального гнета. В этот момент конкретные исторические обстоятельства сложи-

лись так, что оказалось возможным объединение младотурок с национально-освободительным движением нетурецких народов Македонии.

Ниязи-бей и его сподвижники обратились с воззванием и к мусульманскому населению края. Так, прибыв в Охри, отряд Ниязи, получив поддержку всего турецкого населения города, захватил военный склад и расклеил по городу листовку «Обращение к мусульманскому населению», в которой говорилось, что все народы Османской империи — армяне Вана, Битлиса и Диярбакыра, болгары Румелии, арабы Йемена, турки Трабзона, Эрзурума и Кастамону — поднялись на борьбу с режимом тирании. Листовка, выпущенная от имени «Османского комитета прогресса и единения», призывала всех мусульман бороться против существующего режима, «уничтожить это жестокое правительство» и добиться перехода власти в руки «людей честных и избранных нацией» [38, лл. 56—60]⁵.

Учитывая сложившееся международное положение страны и понимая, что европейские державы могут в любой момент перейти к интервенции в Македонии, младотурки еще до начала восстания старались обеспечить доброжелательное отношение держав к начавшемуся антиправительственному движению. Среди иностранных консулов в Салониках распространялось, в частности, отпечатанное тилографским способом «Воззвание к державам», подписанное «Османской реформистской партией»⁶. В воззвании описывалось тяжелое положение Османской империи и в резких выражениях говорилось о деспотизме и произволе Абдул Хамида. «Турция сегодня — добыча придворных», — писали авторы воззвания. В воззвании подчеркивалось, что от гнета и произвола страдают не только христиане, но и все подданные империи без различия расы и вероисповедания. Авторы воззвания писали, что наступило время положить всему этому конец, и призывали державы, озабоченные реформами в Македонии, «попытаться сделать новые усилия в пользу массы турецкого народа». Таким образом, воззвание призывало европейские державы заниматься не положением дел и реформами в одной Македонии, а

⁵ Текст этой листовки в переводе на французский язык приложен к донесению русского консула в Монастыре. Русский перевод листовки см.: [64, стр. 18—20].

⁶ Текст этого воззвания на французском языке см.: [38, л. 776].

помочь борьбе за улучшение положения всех народов империи. Это «Воззвание к державам»⁷ своим тоном и обстоятельствами, вызвавшими его появление, напоминает «Манифест мусульман-патриотов», направленный державам в 1876 г. сторонниками «новых османов».

Когда же стало ясно, что выступление отряда Ниязи-бея переходит во всеобщее восстание против султана и правительства, салоникский комитет младотурок решил открыто уведомить правительства европейских держав о характере и целях начавшегося восстания. 8 июля 1908 г. через итальянскую почтовую контору в Салониках было разослано консулам держав письмо, подписанное салоникским центром «Общества прогресса и единения» [см.: 38, лл. 88—89; 64, стр. 15—16]. В этом письме говорилось, что «Общество прогресса и единения» борется против тирании и деспотизма в интересах всех без различия расы и религии народов империи. Младотурки заявляли, что их цель — восстановление конституции 1876 г., обеспечивающей права и интересы всех народов страны. Характеризуя этот документ, Коханский писал, что комитет младотурок «еще раз категорически заверяет, что освободительное движение направлено лишь против настоящего деспотического режима в Турецкой империи и повсеместно, а не только в Македонии, которой для младотурок как отдельной политической величины не существует, и ничем не угрожает христианскому населению, которое как часть оттоманского народа имеет равные с остальными частями права» [38, л. 86]. Авторы письма, обращенного к консулам держав, выражали надежду, что общественное мнение Европы поддержит движение, а державы не будут вмешиваться в ход событий. Письмо заканчивалось заявлением, что «Общество прогресса и единения» не сложит оружия до тех пор, пока не добьется победы.

Вскоре после выступления Ниязи-бея в Македонии уже действовало несколько отрядов повстанцев, организованных по примеру Ниязи другими офицерами-младотурками. Отряд из 50 солдат под руководством офице-

⁷ Русский консул в Салониках Коханский писал, явно имея в виду этот документ, хранящийся в АВПР среди донесений Коханского начала июля 1908 г., что 1 июля «Мешверет» опубликовала (в № 201 французского приложения) меморандум, представленный послам держав в Париже, а затем разосланный консулам в Салониках.

ра Мустафа-эфенди действовал в районе г. Тиквеша в Салоникском вилайете; двое старших офицеров гарнизона г. Кайлар (Монастырский вилайет) создали отряд повстанцев численностью около двух рот. В Салониках офицеры-младотурки стали открыто проводить свои собрания; одно из них было даже организовано вблизи резиденции генерал-инспектора Македонии Хильми-паши. Сообщая об этих фактах, управляющий русским Гражданским агентством в Македонии Петряев писал 6 июля 1908 г.: «Младотурецкая пропаганда продолжает с успехом распространяться среди военных чинов III корпуса, и в этом отношении каждый день приносит новые разочарования турецкому правительству, все еще надеющемуся на мирное улажение этих волнений» [38, л. 63].

Число повстанческих отрядов продолжало расти. В районе Охри был организован отряд под начальством офицера-младотурка майора Эйюба Сабри-бея. Этот офицер, участвовавший в деятельности младотурецкой организации вместе с майором генштаба Энвер-беем с конца 1907 г., захватил на складе оружия в Охри 900 винтовок и 95 ящиков патронов и вооружил отряд, созданный из местных жителей. В горах около Тиквеша начал действовать отряд, созданный Энвер-беем после его бегства из Салоник в связи с неудавшимся покушением на Назим-бея — начальника салоникского гарнизона. Монастырский комитет младотурок сообщил Ниязи-бею, что его друг Энвер-бей во главе отряда федаев выступил против правительства в Тиквешском округе [см.: 61, стр. 127; 239, стр. 116; 216, стр. 441—442, 474].

Султан и Порта пытались всеми средствами ликвидировать очаги начинавшегося восстания. Генералу Шемси-паше было поручено решительными действиями ликвидировать отряды повстанцев. Однако Шемси-паша по прибытии в Монастырь 7 июля был убит лейтенантом Бигалы Атыфом в тот самый момент, когда выходил из почтовой конторы после отправки телеграмм во дворец с сообщением о положении дел в вилайете. В одной из телеграмм Шемси-паша сообщал о появлении новых отрядов повстанцев, руководимых офицерами Салахеддин-беем и Хасаном Тосун-беем [239, стр. 116; 216, стр. 441—442]⁸. Монастырский комитет младотурок в

⁸ Ю. Х. Баяр отмечает, что лейтенант Атыф стал впоследствии, в годы республики, депутатом ВНСТ от Чанаккале (Атыф Камчил).

этот же день уведомил о случившемся Ниязи-бей. В письме было сказано: «Здесь публично казнен Шемси-паша, самоотверженный (т. е. покушавшийся офицер-младотурок.— Ю. П.) находится в безопасности» [216, стр. 457].

Султан решил изменить тактику. 17 июля в Монастырь была направлена телеграмма, в которой говорилось, что султан прощает восставших офицеров, если они сложат оружие. Реакция офицеров-младотурок была в полном смысле слова мгновенной. Не успел генерал Осман Хидает-паша прочитать собравшимся в казарме офицерам текст телеграммы, как в него выстрелил один из молодых офицеров; генерал — командир бригады, расквартированной в городе, был тяжело ранен [38, л. 55].

В эти дни части III армейского корпуса стали одна за другой открыто присоединяться к повстанцам. Восстание нашло поддержку и в частях II корпуса, расположенных в районе Эдирне. Здесь активно действовали сторонники «Общества прогресса и единения», которые были связаны с салоникиским центром младотурок через Талаат-бей, бывшего весной и в начале лета 1908 г. одним из наиболее активных членов салоникиского центра [227, стр. 255—256; 228, стр. 243—244]. В дни, когда началось восстание в Монастыре, известный деятель парижского центра младотурок д-р Назым-бей находился в Измире, где он вел активную антиправительственную пропаганду в тех воинских частях, которые султанское правительство вскоре неудачно попыталось использовать для подавления восстания войск в Македонии [228, стр. 246].

16 июля 1908 г. правительство морем перебросило из Измира в Салоники 27 батальонов. Однако в этих частях уже было очень сильно влияние младотурок. «Благодаря деятельности д-ра Назым-бея и других агентов младотурецкой партии,— писал Э. Ф. Найт,— революционные взгляды имели широкое распространение в рядах и этих войск еще до отправления их из Малой Азии, а в момент посадки их в Смирне [Измире] эмиссары Комитета энергично работали в их среде, беседуя с офицерами, с целью установить, кто из них сочувственно относится к революции, и убеждая нижних чинов» [61, стр. 136]. В результате войска, направленные на подавление восстания, в течение нескольких дней перешли на сторону восставших. «Батальона азиатской дивизии, посланные в Салоники, а оттуда в Монастырь,— писал в

своих воспоминаниях Ниязи-бей,— не замедлили оценить высокие цели Общества („Единение и прогресс“.— Ю. П.). Они оружием оказали поддержку Обществу, нации» [80, стр. 220].

Вечером 22 июля двухтысячный отряд повстанцев во главе с Ниязи-беем занял Монастырь [38, лл. 103, 105]. В ночь с 22 на 23 июля двое молодых офицеров из отряда Ниязи-бея захватили маршала Османа Февзи-пашу, назначенного командующим войсками в Монастыре после убийства Шемси-паши. Плененный маршал был доставлен в горы, в район дислокации отрядов Ниязи-бея и Эйюба Сабри-бея [216, стр. 467—468; 61, стр. 141—146].

Наконец, 23 июля повстанческие отряды и присоединившиеся к ним воинские подразделения повсеместно начали брать в свои руки власть в административных центрах Македонии. Революционные войска захватили власть в Салониках, Монастыре, Ускюбе и других крупных городах. В этот день Петряев телеграфировал поверенному в делах России в Стамбуле: «Сегодня в Солуни на площади в центре города начались митинги. Ораторы от младотурок, военные и штатские, попеременно на разных языках обращаются к народу с пламенными призывами содействовать водворению конституционного строя и идей свободы и равенства, а толпа отвечает шумными аплодисментами. Полиция и жандармерия, присутствующие тут же, остаются безучастными зрителями. На завтра назначены собрания в мечетях для провозглашения конституции. Пока порядок нигде нарушен не был. Такие же сведения о младотурецком движении получаются из Монастыря, Ускюба, Сереса, Кёпрюлю и Иштиба» [38, л. 102].

Весьма типичной для этих дней была акция по захвату власти в Ускюбе. Вечером 22 июля местный младотурецкий комитет предложил командующему ускюбским военным округом генералу Хюсейну Рамзи-паше присягнуть на верность конституции либо покинуть Ускюб. Когда названный генерал отправился утром 23 июля на квартиру губернатора, чтобы обсудить с ним создавшееся положение, дом губернатора окружил военный отряд. Двое офицеров в звании майоров вошли в дом и заявили Рамзи-паше, что, поскольку он проявляет колебание в ответе на предложение комитета, ему надлежит немедленно покинуть город. Генерала под стра-

жей доставили на вокзал и под охраной отправили поездом в Салоники. После этого офицеры и чиновники — сторонники младотурок — в сопровождении оркестра и роты солдат проследовали в город [38, лл. 96—97].

Повсеместно на митингах выдвигалось требование немедленно восстановить конституцию 1876 г. Так, выступая 23 июля 1908 г. на митинге в Монастыре, начальник местного военного училища майор Вехиб-бей провозгласил: «Конституция или смерть!» Оратор горячо говорил о том, что борьба, которую ведет «Общество прогресса и единения», ставит своей целью достижение «справедливости, равенства, свободы и братства». Вехиб-бей закончил свою речь здравицей в честь родины и нации [см.: 204, стр. 84—86; 239, стр. 141—142].

В ночь на 23 июля монастырский комитет младотурок направил султану телеграмму, требуя немедленно издать ираде о восстановлении конституции и созыве палаты депутатов; в телеграмме говорилось, что, «если до воскресенья (26 июля.— Ю. П.) не будет издан высочайший ферман о созыве палаты депутатов, могут произойти события, противоречащие (!) императорской воле» [цит. по: 122, стр. 122].

Практически султан и правительство были поставлены перед свершившимся фактом. 23 июля во многих городах Македонии младотурецкие комитеты, захватившие власть, сами провозгласили восстановление конституции. В Монастыре была организована в связи с этим торжественная церемония; 21 залп артиллерийского салюта прозвучал после объявления о том, что отныне в стране восстанавливается конституция 1876 г. В Стамбул стали поступать телеграммы от высших должностных лиц Македонии, в которых сообщалось, что восставшие войска и население требуют немедленно издать султанский указ о восстановлении конституции; в некоторых случаях эти требования сопровождалась угрозой двинуться на Стамбул, чтобы добиться силой этого решения. Губернатор Монастыря Хыфзы-паша направил главному секретарю султана телеграмму с предложением выполнить требование младотурок. Маршал Ибрагим-паша сообщал в этот же день из Салоник, что «цели и чаяния „Общества единения“ приобрели почти что всеобщий характер» см.: [122, стр. 122—123; 216, стр. 476—477].

У султана и правительства в сложившейся ситуации не было иного выхода, кроме принятия требований вос-

ставшей армии. Днем 23 и в ночь на 24 июля 1908 г. во дворце шло заседание кабинета министров. Обсуждалось положение в Румелии, изучались телеграммы, поступившие во дворец от гражданских и военных должностных лиц в Македонии. Общее их содержание сводилось к следующему: конституция фактически уже провозглашена, отряды повстанцев действуют заодно с комитетами общества «Единение и прогресс», если требования восставших не будут приняты, армия двинется на Стамбул. Боясь гнева султана, министры старались либо обходить вопрос о конституции, либо не высказывать определенного суждения. Понимая, что дальнейшая затяжка решения может стоить ему трона и даже жизни, Абдул Хамид сам сообщил министрам, что он решил восстановить конституцию. 24 июля 1908 г. стамбульские газеты опубликовали султанское ираде о восстановлении конституции 1876 г. и предстоящем созыве палаты депутатов [216, стр. 478—479].

В этот день русский военный агент в Стамбуле писал: «Все войска, не только III, но и II корпуса, в том числе и редифы (части запаса.—*Ю. П.*), симпатизировали революции, присоединяясь к ней по первому зову, как-кое обстоятельство указывает на глубоко вкоренившееся в населении неудовольствие с существовавшею (так в тексте.—*Ю. П.*) до сих пор системою произвола, деспотизма и фаворитизма. Особенно резко выразилась ненависть народа к шпионству и беззастенчивому казнокрадству. Движение было настолько единодушным, что освободительная волна даже не встретила ни малейшего сопротивления, и обошлось почти без кровопролития. Последние дни чувствовалось, что всякое противодействие бесполезно. Султану ничего другого не оставалось делать, как даровать требуемые конституцию и амнистию» [38, л. 240].

В течение нескольких недель после капитуляции султана и правительства вся Македония, Стамбул и многие другие крупные города Османской империи стали ареной восторженных политических манифестаций, сопровождавшихся братанием турок с нетурецкими народами империи. Страна переживала в полном смысле этого слова свою «конституционную весну».

В Салониках три дня с утра до вечера по улицам двигались демонстранты; они несли флаги империи, их сопровождали оркестры. На площади города, названной

площадью Свободы⁹, непрерывно шли митинги, речи произносились со столиков, балконов, экипажей. Ораторы выражали свою радость по поводу восстановления конституции, воздавали почести героям-младотуркам, говорили о светлом будущем. Провозглашались лозунги: «Да здравствует свобода! Да здравствует народ! Да здравствует армия!» [38, л. 219].

Несколько дней шли манифестации и митинги и в Стамбуле. «Громадные сборища народа прошли до сих пор без всякого нарушения порядка (при проходе через мост сорокатысячная толпа даже уплатила за проход), — писал 28 июля русский военный агент. — Власти ни разу не вмешались, даже при выпуске заключенных они не помешали овациям. Говорили речи: выступали женщины, сыновья министров и шейх уль-ислама, имамы, офицеры; все подчеркивали значение дарованной свободы и кончали провозглашением здравия за султана. При каждом удобном случае толпа выражает свою благодарность армии... Офицеры, разукрашенные эмблемами свободы и флагами, разъезжали по городу, смешиваясь с толпой. Следует еще отметить, что мусульмане всячески афишируют, что считают христиан своими братьями» [38, л. 326].

Как видно из сообщения военного агента, в Стамбуле в манифестациях активно участвовали и женщины. В этой связи следует отметить, что в дни младотурецкой революции появились первые признаки женского движения. В частности, в Салониках в день провозглашения конституции по улицам проследовал кортеж из 40 экипажей, в которых сидели женщины-турчанки, провозглашавшие здравицу свободе. Многие из них, в том числе жена губернатора Сереса, были с открытым лицом, без вуали, заменявшей сосвательным турецким горожанкам чадру [38, л. 227]. Этот факт знаменателен как одно из первых проявлений политической активности турецких женщин.

Одной из самых типичных черт манифестаций и митингов, проходивших по стране, было братание турок с нетурками, мусульман с немусульманами. Особенно характерно было в этом отношении положение в Македо-

⁹ По решению младотурецкого комитета две площади в Салониках были названы «площадь Свободы» и «площадь Единения», а улица Хамидийе была переименована в улицу Прогресса [38, л. 139].

нии. В Салоники в течение нескольких дней после провозглашения конституции прибывали одна за другой болгарские, греческие и сербские четы, их торжественно встречали члены младотурецкого комитета, а вечерами в городском саду шло «братание вновь прибывших с младотурками и населением Салоник» [38, лл. 220—221]. Салоникский комитет младотурок действовал в эти дни в непосредственном контакте с руководителями четников. Были достигнуты соглашения о разоружении чет в связи с победой революции и восстановлением конституции. Однако оружие четники сдавали не турецким властям, а своим национальным комитетам и сохраняли свою организацию [38, лл. 222—223, 274]. Как видно, выступая вместе с младотурками, руководители освободительного движения нетурецких народов проявляли осторожность и стремились сохранить все позиции на случай, если обещания и заверения младотурок будут нарушены. Политика младотурок после революции показала, что эти опасения были обоснованными.

Наиболее энергично поддерживал в эти дни младотурок руководитель македонской «левицы» Яне Санданский. В конце июля 1908 г. он издал специальный манифест «Ко всем народностям империи» [см.: 38, лл. 303—305]. В манифесте говорилось: «Дорогие соотечественники! Столь ожидавшийся луч свободы возгорелся. Наше измученное отечество возрождено. Позорный абсолютизм в агонии. Против него восстал целый народ в лице всех составляющих его национальностей. Революционный призыв братской нам младотурецкой революционной организации нашел радушный отклик в сердцах стель измученного народа. И народ-раб стал господином. И его священный приговор: „Смерть абсолютизму! Смерть угнетателям!“». Яне Санданский призывал все народы империи — «соотечественников-турок» и «соотечественников-христиан» — в братском союзе бороться за свободу и солидарность. «Ныне вы подали друг другу братскую руку, — писал он, — и только в таком союзе завоеуете столь желанную... свободу. Закрепите этот союз. Погребем вместе с абсолютизмом и созданную им национальную самоистребительную борьбу». На митинге в Кавалле в день провозглашения конституции греческий поэт Константинопидис читал стихи, в которых говорилось, что народы империи слились «в одно тело с одной душой», все сделались братьями и народы

империи не нуждаются более в иностранных «благотельях» [38, л. 311].

Такие чувства и настроения выражало население не только в городах Македонии. В городах Албании шли митинги, на которых братались представители различных вероисповеданий. В окрестностях Шкодера, в Тузи, где находился значительный гарнизон, произошло братание солдат с местным населением. Во Влоре 25 июля были расклеены по городу листовки на турецком и албанском языках, в которых говорилось: «Соединимся и общими силами будем работать, подобно другим нациям, для блага и процветания нашей родины». Во многих городах Южной Албании были созданы «османские комитеты единства» [195, стр. 35].

Весть о провозглашении конституции восторженно была встречена населением в арабских провинциях империи. «Это событие,— писал один из очевидцев,— подняло энтузиазм по всей Сирии. Христиане и мусульмане, даже священники и муллы, обнимались на публичных собраниях. Писатели приветствовали новую эру свободы, равенства и братства» [цит. по: 166, стр. 294]. В Бейруте мусульмане и христиане, по словам русского консула, «забыли вековую вражду» и поочередно торжественно угощали друг друга. Консул отмечал, что героями этих дней были в Бейруте турецкие офицеры [38, л. 183]. «В первые дни после революции,— писал В. Б. Луцкий,— в кругах арабской национальной буржуазии широкое распространение получили иллюзии о возможности радикальных преобразований и национального раскрепощения арабов в рамках обновленной Турции» [166, стр. 295]. К сентябрю 1908 г. была даже создана в Стамбуле организация «Арабо-османское братство», открывшая филиалы в арабских провинциях империи. Эта организация стояла на позициях младотурок. Ее руководителями были арабы, входившие в организацию младотурок. В частности, председатель «Арабо-османского братства» Садык-паша аль-Азм был офицером турецкого генштаба и дипломатом, эмигрировал в Европу и в эмиграции редактировал газету младотурок на арабском языке [166, стр. 296].

Однако атмосфера праздничного подъема первых недель после восстановления конституции не могла скрыть тот факт, что участники революционного взрыва в июне — июле 1908 г. имели разное представление о целях

и задачах революционного переворота. Это выявилось прежде всего в различном отношении к султану. В Македонии в первые дни после 24 июля даже не упоминалось имя султана. «Уже три дня, — телеграфировал послу в Стамбул русский консул в Призрене, — солдаты не кричат в честь султана обычного привета» [38, л. 141]. «Следует отметить, — писал на следующий день после восстановления конституции Петряев, — что имя султана, восстановившего конституцию, совершенно игнорировалось. Группа полицейских чинов, попробовавшая было пройти со значками, на которых было написано: «падишахымыз чок яша» (да здравствует наш государь), подверглась осмеянию и должна была скрыться» [38, л. 119]. В Янине председатель местного комитета младотурок Назым-бей выступил 24 июля на митинге с речью, в которой было сказано, что конституция не дарована султаном, а «провозглашена самостоятельно патристическим комитетом, который не прекратит своей деятельности, доколе не получит гарантий точного выполнения обещанных правительством свобод» [38, л. 168].

В эти дни некоторые руководители освободительных движений нетурецких народов выступали даже против самого монархического режима. Так, когда Яне Санданский 28 июля прибыл в Салоники, где его торжественно встречала делегация младотурок во главе с Энвером, руководитель «левицы» выступил на митинге с речью, которую он закончил словами: «Долой султана и всех султанов на свете! Да здравствует свобода!» [245, стр. 44]. Идея о том, что провозглашение конституции — только начало революции, звучала на митинге в Кукюше в речи одного из деятелей македонского освободительного движения — П. Делирадова, который заявил: «Первый наш враг — это поколебленный, но *непоборотый окончательно* (курсив наш. — Ю. П.) абсолютизм» [38, л. 308]. Таким образом, в представлении некоторых участников революционных событий июля 1908 г. борьба с абсолютизмом не завершалась провозглашением конституции.

Руководители младотурок, напротив, с первых же дней после восстановления конституции стремились не допустить дальнейшего разворачивания революционной борьбы против монархии. Примечательно, что на следующий день после митинга, на котором выступал с речью Яне Санданский, салоникский комитет младотурок счел необходимым объявить, что он требует «считать лич-

ность султана во всех случаях и при всех обстоятельствах священной и неприкосновенной» [38, л. 220]. Это решение было реакцией комитета на выступление против личности султана и монархии. В брошюре, изданной в Стамбуле на следующий день после провозглашения конституции и обращенной к населению провинций, восторженно воздавалась хвала султану, даровавшему народу конституцию [см. 95]. В Эдирне один из членов младотурецкого комитета выступил в августе с возражением против наметившегося соглашения младотурок с султаном, заявив, что «не может быть речи о благодарности тому, у кого конституция вырвана силой». В ответ на это местный комитет младотурок призвал своих членов к сдержанности и осторожности [140, стр. 43].

Необходимо отметить, что такое отношение к султану и династии было вызвано не только крайней умеренностью лидеров младотурок. Массы мусульманского турецкого населения еще не были подготовлены к восприятию идей борьбы с монархией как системой. У младотурок были достаточные основания считать, что резкие выступления против священной в глазах простого турецкого крестьянина и солдата особы султана могут помочь феодально-клерикальной реакции в борьбе со сторонниками конституции и буржуазно-либеральных реформ. В Эдирне в эти дни был случай выступления солдат против офицеров-младотурок. 1 августа 1908 г. часть солдат местного гарнизона заявила, что не желает подчиняться изменникам-офицерам, и двинулась с оружием в руках на станцию, намереваясь отправиться в Стамбул, чтобы увидеть своего «отца-султана». Сообщивший об этом факте русский консул отмечал, что волнения среди солдат были вызваны «слишком резким образом действий членов младотурецкого комитета» [38, лл. 202—203]. Возможно, что именно после этих событий комитет младотурок в Эдирне стал призывать своих членов к осторожности.

Однако определяющим в отношении младотурок к султану и султанату была их готовность удовлетвориться первым достигнутым успехом, готовность к компромиссу с капитулировавшей феодально-абсолютистской властью. Лидеры младотурок не стремились, вырвав у Абдул Хамида ираде о восстановлении конституции, даже к смене монарха, который был для них в течение десятилетий олицетворением деспотии и произвола.

По-разному смотрели участники революционного взрыва в июле 1908 г. и на национальные проблемы страны. Младотурки старались внушить всем нетурецким народам мысль о том, что конституционный режим разрешил национальный вопрос, провозгласив равенство прав и обязанностей подданных империи. Но это формальное равенство не могло удовлетворить национальные устремления нетурецких народов. В Албании в первые же дни после революции происходили выступления с требованием автономии. В Ускюбе, например, четырехтысячная толпа вооруженных крестьян потребовала автономии Албании с центром в Ускюбе. Младотурецкий комитет проявил готовность пустить в ход против своих недавних союзников оружие. В день празднования конституции высоты у Ускюба заняли турецкая артиллерия и пехота. Затем комитет объявил в целях «успокоения» населения, что албанские народные собрания будут участвовать в управлении краем вместе с комитетом младотурок [195, стр. 37]. Значительно шире, чем младотурки, представляли себе права нетурецких народов империи и руководители македонской «левицы». В результате возникших разногласий длившиеся около двух месяцев переговоры младотурок и Яне Санданского в Салониках закончились разрывом [167, стр. 42]. В первые же недели после революции младотурки проявили свое стремление решить национальный вопрос страны только в духе проповедававшейся ими доктрины «османизма».

Руководители младотурецкого движения восприняли султанское ираде, восстанавливавшее действие конституции 1876 г. и объявлявшее о предстоящих выборах в палату депутатов, как полную победу революции. Умеренная буржуазная революционность младотурок была вполне удовлетворена этим успехом, открывавшим турецкой буржуазии и либеральным помещикам путь к участию в политической жизни страны. Именно поэтому младотурки после 24 июля 1908 г. довольно круто взяли курс на свертывание революции, на обуздание возникшего революционного порыва масс. Один из лидеров младотурок, д-р Назым, говорил: «Когда вспыхнула революция и конституция была провозглашена, комитет понял, что его революционная роль окончена и что он должен отныне в своей работе следовать эволюционному и мирному методу» [140, стр. 44]. Эта умеренность, стремление ограничить буржуазно-реформаторскими рам-

ками возникшее революционное движение, готовность сохранить монарха на троне и даже сотрудничать с его администрацией свидетельствовали о том, что свершившаяся младотурецкая революция «сама по себе была не сильной, а слабой, ограниченной узкобуржуазной революцией» [168, стр. 36]. В. И. Ленин говорил в июле 1908 г.: «В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию» [11, стр. 177].

В первые же недели после революции младотурки показали, что их вполне устраивает эта полупобеда революции. На смену громким революционным лозунгам пришли призывы к порядку и спокойствию. Когда в ряде районов Анатолии крестьяне, воспринявшие восстановление конституции как избавление от ненавистных чиновников и налогового бремени, начали отказываться от уплаты налогов, местные комитеты младотурок с помощью жандармов умирляли неплательщиков [140, стр. 45—48].

Если в начале августа младотурки, уступая нажиму македонской «левицы», включили в свое программное заявление пункт о наделении крестьян землей, то через два месяца от этого вынужденного революционного порыва не осталось и следа. Предложения младотурок по аграрному вопросу свелись в официальной программе партии «Единение и прогресс», опубликованной в начале октября 1908 г., накануне выборов в парламент, к замене ашара денежным налогом, рассчитанным на основании результатов последних пяти лет. Сообщая об этих изменениях в программных установках младотурок, русский посол в Стамбуле Зиновьев писал, что требования о наделении крестьян землей в последнее время «были признаны чрезмерными» центральным комитетом партии «Единение и прогресс» [38, лл. 221, 224—225]¹⁰. В программу младотурок, опубликованную в октябре, был включен пункт о предоставлении кредита крестьянам для приобретения земельных участков. «Пункт этот, — писал Зиновьев, — введен в программу с целью успокоения землевладельцев-мусульман, которые были

¹⁰ Текст программы (на франц. яз.) приложен к этому донесению посла (см.: 38, л. 227). Текст этого донесения посла см. также: [64, стр. 15—16].

до крайности раздражены дошедшими до них небезосновательными слухами о намерении младотурок прибегнуть к экспроприации» [38, л. 224].

Младотурки подавляли в июле — августе 1908 г. и первые выступления рабочего класса Турции. С помощью войск были прекращены забастовки грузчиков угля в Стамбуле, железнодорожников Измита и Эскишехира, портовых рабочих Измира. В сентябре — октябре султанское правительство, фактически полностью контролировавшееся младотурками, приняло законы, запрещающие забастовки на общественно полезных предприятиях [см.: 140, стр. 48—49; 179, стр. 9].

Предельно точно охарактеризовал политику младотурок после июльского революционного взрыва 1908 г. В. И. Ленин, который писал в октябре 1908 г.: «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов...» [12, стр. 223]. В. И. Ленин подчеркивал, что это похвалы младотуркам со стороны империалистов, которые продолжают грабить Турцию.

После восстановления конституции 1876 г. младотурки «ставили своей главной задачей введение революции в „законные“, „конституционные“ рамки и поддержание „порядка“ в стране, под которым они понимали пресечение малейших проявлений классовой и национально-освободительной борьбы» [167, стр. 42]. Революционные события июля 1908 г. завершили историю младотурок как движения политического протеста против феодально-абсолютистского режима.

Младотурецкое движение, начатое в 60-х годах XIX в. деятельностью «новых османов», завершилось первой в истории Турции буржуазной революцией. Младотурки, превратив свою организацию в политическую партию «Единение и прогресс», взяли фактически (хотя и не сразу формально) в свои руки управление страной. Однако характеристика их внутренней и внешней политики после революции 1908 г. выходит за рамки настоящего исследования¹¹.

¹¹ Эта тема весьма основательно разработана в трудах советских историков-тюркологов [см.: 169, стр. 123—166; 178, стр. 118—132; 176, 152; 138].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Младотурецкое движение стало наиболее ярким и значительным фактором общественно-политической истории Турции в эпоху нового времени. В этот период определяющей чертой исторического процесса в Османской империи была борьба между отживавшим свой век, тормозившим социально-политический и культурный прогресс феодализмом и зарождавшимся в недрах феодального строя капиталистическим укладом. В политической и общественной жизни страны этот процесс нашел свое отражение в борьбе между слабеющим, но еще цепко держащимся за власть феодально-абсолютистским режимом и нарождающимся новым буржуазным классом.

Уже в первой половине XIX в. эта борьба отразилась в многочисленных попытках с помощью реформ сверху обеспечить условия для экономического и культурного прогресса страны, не затрагивая основ существующего феодального строя. Но со второй половины столетия началась борьба с феодально-абсолютистским режимом, направленная на создание необходимых исторических условий, обеспечивающих экономический и культурный прогресс страны, ее развитие по капиталистическому пути. Младотурецкое движение стало наиболее ярким проявлением этого процесса в общественной и политической жизни Османской империи во второй половине XIX — начале XX в.

Младотурецкое движение возникло и развивалось как политическое движение молодой феодально-бюрократической по происхождению турецкой интеллигенции, отражавшей интересы формировавшейся турецкой национальной буржуазии и либерально настроенных турецких

помещиков. Экономические и политические интересы именно этих социальных слоев определяли политическую программу и идейные принципы младотурецкого движения на всех его этапах. Движение первых турецких конституционалистов — «новых османов» и младотурок конца XIX — начала XX в. — мы в целом рассматриваем, исходя из социальной направленности их деятельности, как непрерывный процесс становления и развития политического самосознания турецкой национальной буржуазии. В идейно-политическом отношении деятельность «новых османов» и младотурок до революции 1908 г. составила основное содержание сложного процесса формирования политики и идеологии турецкой буржуазии. Идейные воззрения «новых османов» — младотурок стали важнейшей вехой в развитии общественно-политической мысли Турции в новое время, послужили фундаментом формирования буржуазного либерализма на турецкой почве.

Борьба между феодальными силами и порядками и нарождавшимися силами буржуазии прошла несколько этапов, прежде чем завершилась первой в истории Турции буржуазной революцией.

В 60—70-х годах XIX в. эта борьба вылилась в конституционное движение. Изучение общественно-политической деятельности и идеологии первых турецких конституционалистов позволяет характеризовать это движение как буржуазно-либеральное реформаторское течение в общественной жизни Турции. Требование конституционных реформ отражало направление буржуазно-либерального реформизма в воззрениях «новых османов», которые представляли силы, стремившиеся к развитию капиталистических отношений, формированию буржуазных норм и порядков. Лидеры и идеологи движения, будучи в основном выходцами из феодально-бюрократической среды, выступили впервые в истории Турции в качестве выразителей социальных и политических интересов нарождавшейся турецкой национальной буржуазии. Оценивая общественно-политическую деятельность первых турецких конституционалистов, следует признать их исторической заслугой то, что они первыми в истории Турции подняли знамя борьбы с феодальным абсолютизмом. Деятельность «новых османов» стала принципиально новым явлением в общественной жизни Османской империи. Впервые в истории этой страны

начали проявлять инициативу в деле коренного переустройства государственного управления представители политической оппозиции феодально-абсолютистскому режиму.

Общественно-политическая деятельность «новых османов», их литературно-публицистическая и пропагандистская работа привели к известному распространению конституционных идей и настроений в среде турецкой интеллигенции. Следует отметить, что, хотя деятельность «новых османов» подготовила почву для борьбы за первую турецкую конституцию, ее провозглашение в 1876 г. было главным образом следствием ряда благоприятно сложившихся и умело использованных конституционалистами обстоятельств, в основном внешнеполитических факторов. Тем не менее сам факт провозглашения буржуазных свобод и созыва парламента был, несомненно, важным шагом вперед в условиях феодально-абсолютистской Османской империи.

Крайняя слабость и узость социальной базы конституционного движения, нежелание его лидеров опереться в борьбе с феодально-султанской реакцией на народные массы и неспособность установить союз с буржуазно-национальными движениями нетурецких народов империи — все это привело к поражению конституционного движения 60—70-х годов. Однако оно не прошло бесследно и сыграло немалую прогрессивную роль в истории Турции. Борьба за конституцию 1876 г. и участие в первом турецком парламенте стали первой школой политической борьбы нарождавшейся турецкой национальной буржуазии и ставшей выразительницей ее интересов прогрессивной турецкой интеллигенции. Идеи конституционного движения 60—70-х годов, его политическая программа были восприняты и развиты в новых исторических условиях лидерами и идеологами младотурецкого движения на рубеже столетий.

В конце XIX в., в условиях нового резкого обострения социальных и национальных противоречий в Османской империи и превращения ее в полуколонию империалистических держав, борьба прогрессивных сил страны против феодального абсолютизма возобновилась с новой силой. Возникшие в конце XIX в. различные организации младотурок сложились в результате политической активности турецкой интеллигенции, преимущественно военно-чиновничьей, которая выступала, как

и в период конституционного движения 60—70-х годов, в качестве борца за экономические и политические интересы турецкой национальной буржуазии и либеральных помещиков.

До 1905 г. борьба младотурок не выходила за рамки движения политического протеста против деспотического режима султана Абдул Хамида II. В этот период младотурецкое движение продолжало сохранять в основном воспринятый от «новых османов» буржуазно-либеральный реформизм. Основными лозунгами движения были восстановление конституции 1876 г., созыв парламента, обеспечение равных прав для всех народов империи. В политике и идеологии младотурецкого движения на рубеже столетий нашли свое отражение основные программные установки «новых османов» — установление в стране конституционно-монархического строя и единение всех народов, населявших турецкую державу, в пределах «общей родины» — Османской империи. Идеологи младотурок, также следуя идейным традициям «новых османов», стремились согласовать буржуазно-либеральный реформизм с нормами и принципами ислама. Для идейных воззрений младотурок характерны антиимпериалистические тенденции, хотя младотурки и проявляли значительную политическую близорукость в подходе к проблемам, связанным с полуколониальным положением их страны.

В условиях превращения страны в полуколонию империалистических держав и роста национально-освободительных движений угнетенных нетурецких народов империи одной из центральных проблем были для младотурок вопросы целостности и независимости империи. Одна часть младотурок, отражавшая в основном интересы турецкой национальной буржуазии, решительно выступала против иностранного вмешательства в дела страны, боролась за строго централизованное управление в рамках конституционно-монархического строя. Вместе с тем в младотурецком движении было течение, идеологи которого пытались решать проблемы страны на путях децентрализации управления. Эта группа младотурок, выдвигая идеи децентрализации, стремилась к компромиссному решению национального вопроса в империи. Лидеры этой группы стремились получить поддержку европейских держав в деле борьбы за восстановление конституционных порядков. Эта позиция отра-

жала главным образом интересы компрадорской буржуазии Османской империи.

Оценивая систему общественно-политических взглядов младотурок, следует подчеркнуть, что идеологи движения были весьма далеки от понимания социальной природы того общества, которое они стремились реформировать. Для них было характерно идеалистическое восприятие исторического процесса, непонимание определявших его социально-экономических причин. Именно этим объясняется тот факт, что идеологи младотурок пытались анализировать главным образом явления надстроечного характера, не касаясь коренных вопросов социально-экономического развития страны.

Как и в годы деятельности «новых османов», к младотуркам примыкало немало представителей феодальной бюрократии, недовольных режимом Абдул Хамида. Это приводило к большой разнородности социального состава движения и было также важной причиной серьезных идейных разногласий в среде младотурок. Характерной чертой движения в этот период было отсутствие связей с массами; лидеры движения делали основную ставку либо на изменение политики султана, либо на осуществление конституционных реформ в результате дворцовых переворотов. Основным средством политической борьбы была довольно обширная печатная пропаганда.

Младотурецкое движение поднялось в своем развитии на новую ступень под воздействием общего революционного подъема в Османской империи, вызванного влиянием русской революции 1905—1907 гг. Значительные восстания населения в городах Восточной Анатолии, волнения в армии и флоте, новый подъем национально-освободительной антифеодальной борьбы иегурецких народов Османской империи — все эти факты являются свидетельством серьезного революционного подъема, который младотурки могли бы использовать для организации массовой революционной борьбы против феодального абсолютизма. Однако младотурецкое движение оказалось неподготовленным как идейно, так и организационно к руководству революционными выступлениями масс в тот период, когда они были в разгаре. Младотурки активизировали свою деятельность и начали готовиться к восстанию только в конце 1907 г., когда революционный подъем в Малой Азии резко пошел на убыль.

Тем не менее этот революционный подъем привел к значительным качественным изменениям в стратегии и тактике младотурецкого движения.

В 1907 г. основные организации младотурок пошли на союз с буржуазно-национальными партиями нетурецких народов Османской империи. В этот период в идейных воззрениях и пропаганде младотурок буржуазный реформизм стал уступать место буржуазно-революционным взглядам и настроениям. На первый план в деятельности в системе идейных воззрений младотурок выдвинулась идея борьбы с феодальным абсолютизмом как системой, которая до этого времени нередко заслонила критику личности царствующего монарха. К этому времени созыва конгресса 1907 г. завершился длительный процесс превращения младотурецкого движения из буржуазно-либерального в буржуазно-революционное. Об этом определенно свидетельствуют как решение конгресса 1907 г. о подготовке всеобщего восстания против феодально-абсолютистского режима, так и резкая активизация деятельности младотурок в армии.

Деятельность младотурок подготовила турецкую интеллигенцию, военно-бюрократическую в своем большинстве и буржуазную по умонастроениям, к революционному взрыву в июле 1908 г. Однако непосредственным толчком к революционному выступлению турецкой армии против феодально-абсолютистского режима послужили резкое обострение социальных и национальных проблем в Македонии и угроза иностранной интервенции. Быстрая и почти бескровная победа младотурецкой революции была определена не только предельной гнилью феодально-султанского режима. Она была прежде всего результатом объединения вокруг выдвинутых младотурками лозунгов свободы, равенства и братства революционных сил всех народов империи, увидевших в программе младотурок единственный реальный путь к свержению ненавистного феодально-абсолютистского режима. Многим деятелям инациональных буржуазно-революционных организаций в тот момент казалось, что ликвидация деспотического режима и провозглашение конституции откроют перед нетурецкими народами империи дорогу к социальному прогрессу и национальному освобождению.

Оценивая итоги и последствия младотурецкого движения, следует прежде всего подчеркнуть, что оно было

первым важным проявлением политического пробуждения турецкой национальной буржуазии, первой школой ее политической деятельности. Младотурецкое движение стало одним из серьезных факторов, способствовавших национальному пробуждению турецкого народа, становлению его национального самосознания. В идеологии младотурецкого движения накануне революции стали проявляться признаки буржуазно-национальных настроений.

Завершившая младотурецкое движение турецкая буржуазная революция 1908 г. стала одним из важных звеньев в цепи тех событий, которые В. И. Ленин назвал «пробуждением Азии». Оценивая историческое значение турецкой буржуазной революции, следует подчеркнуть, что она была первым выступлением турецкого народа против феодально-султанского самодержавного режима. Младотурецкая революция стала первым значительным проявлением процесса политического пробуждения турецкого народа, первой пробой его сил в антифеодальной и антиимпериалистической борьбе. Она положила начало новому этапу в истории Турции — этапу «буржуазно-демократических и национально-освободительных революций турецкого народа» [168, стр. 46].

Верхушечный характер младотурецкой революции был определен экономической и политической слабостью турецкой национальной буржуазии, крайней узостью социальной базы революционного движения. В. И. Ленин, определяя характер младотурецкой революции, писал: «Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но „народной“ ни та, ни другая не является, ибо массы народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают» [17, стр. 39].

Младотурецкая революция в своем дальнейшем развитии фактически потерпела поражение, оставив нетронутыми основы феодального строя Османской империи. Крайняя умеренность младотурок в подходе к решению коренных проблем страны, в частности аграрного вопроса, была важнейшей отличительной чертой политики и идеологии младотурецкого движения на всех его этапах до революции. Экономическая слабость и политическая незрелость турецкой национальной буржуазии, ко-

горая была теснейшим образом связана с феодально-помещичьим землевладением, определили верхушечный характер революции, подготовленной и совершенной младотурками. Не поднявшись в своей политике и идеологии до борьбы против основ феодального уклада, младотурки с первых же дней после революции проявили готовность к компромиссу с феодально-абсолютистской властью. В конечном итоге младотурки, боровшиеся против феодального абсолютизма, сделали опорой своей диктатуры после революции 1908 г. основы старого общественного строя. Этим была predeterminedена реакционная внутренняя и внешняя политика младотурок в период их пребывания у власти.

Тем не менее буржуазная революция 1908 г. сыграла большую роль в истории Турции. В. И. Ленин, характеризуя младотурецкую революцию как «полупобеду или даже меньшую часть победы», подчеркивал, что «...такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие массы народа, перипетий гражданской войны» [11, стр. 177].

Младотурецкое движение второй половины XIX — начала XX в., подготовившее прогрессивные силы Турции к первой в ее истории буржуазной революции, стало важнейшей вехой в общественно-политической жизни Турции в новое время. Оно было значительным этапом в формировании классового самосознания турецкой национальной буржуазии. В годы младотурецкого движения зародились и начали крепнуть те социальные силы, которые возглавили буржуазно-национальную революцию 1918—1923 гг., завершившуюся созданием независимого турецкого буржуазно-республиканского государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА*

1. Маркс К., Капитал, т. III, т. 25, ч. II.
2. Маркс К., Революция в Китае и Европе, т. 9.
3. Маркс—Энгельсу, 25 мая 1876 г., т. 34.
4. Маркс—Вильгельму Либкнехту, 4 февраля 1878 г., т. 34.
5. Энгельс Ф., Турецкий вопрос, т. 9.
6. Энгельс Ф., Что будет с Европейской Турцией, т. 9.
7. Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма, т. 22.
8. Энгельс—Вильгельму Бракке, 26 июня 1877 г., т. 34.
9. Ленин В. И., Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана, т. 10.
10. Ленин В. И., Аграрный вопрос в России к концу XIX века, т. 17.
11. Ленин В. И., Горючий материал в мировой политике, т. 17.
12. Ленин В. И., События на Балканах и в Персии, т. 17.
13. Ленин В. И., Пробуждение Азии, т. 23.
14. Ленин В. И., К вопросу об аграрной политике современного правительства, т. 23.
15. Ленин В. И., Крах II Интернационала, т. 26.
16. Ленин В. И., Империализм как высшая стадия капитализма, т. 27.
17. Ленин В. И., Государство и революция, т. 33.

II. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики России

18. ф. Канцелярия, д. 49, 1866 г.
19. ф. Канцелярия, д. 30, 1867 г.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по «Сочинениям» 2 изд., произведения В. И. Ленина — по «Полному собранию сочинений».

20. ф. Канцелярия, д. 28, 1876 г.
21. ф. Канцелярия, д. 25, 1890 г.
22. ф. Канцелярия, д. 23, 1892 г.
23. ф. Канцелярия, д. 25, 1892 г.
24. ф. Канцелярия, д. 25, ч. II, 1894 г.
25. ф. Канцелярия, д. 23, 1902 г.
26. ф. Канцелярия, д. 30, 1905 г.
27. ф. Канцелярия, д. 31, ч. II, 1905 г.
28. ф. Канцелярия, д. 40, 1906 г.
29. ф. Канцелярия, д. 41, ч. I—II, 1906 г.
30. ф. Канцелярия, д. 436, 1906 г.
31. ф. Канцелярия, д. 32, 1907 г.
32. ф. Канцелярия, д. 34, 1907 г.
33. ф. Канцелярия, д. 36, 1908 г.
34. ф. Канцелярия, д. 39, 1908 г.
35. ф. Канцелярия, д. 104, 1908 г.
36. ф. Политархив, д. 834, 1896 г.
37. ф. Политархив, д. 1642.
38. ф. Политархив, д. 3083, 1908 г.
39. ф. Гл. Архив, VA², д. 940.
40. ф. Гл. Архив, VA², д. 1083.
41. ф. Гл. Архив, VA², д. 1086.
42. ф. Секретный архив, д. 178.
43. ф. Турецкий стол (старый), д. 2027.
44. ф. Турецкий стол (старый), д. 2083.
45. ф. Посольство в Константинополе, д. 1428.
46. ф. Посольство в Константинополе, д. 1431.

Центральный государственный военно-исторический архив

47. ф. ВУА, оп. 1, д. 4.
48. ф. ВУА, оп. 1, д. 6.
49. ф. ВУА, оп. 1, д. 12.
50. ф. ВУА, оп. V, д. 2.
51. ф. 401, д. 266.
52. ф. 450, д. 64.
53. ф. 450, д. 88.
54. ф. 450, д. 89.

Архив АН СССР

55. ф. 152, оп. 1, д. 7.

III. ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

56. «Военно-статистический сборник на 1868 г.», вып. 2, под ред. Н. Н. Обручева, СПб., 1868.
57. «Заметки по физической и исторической географии Малой Азии, сделанные полковником Чарльзом Уильсоном во время его пу-

- тешествий в 1879—1882 гг.— «Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества» (далее — ИКОИРГО), т. VIII, вып. 2, Приложение, Тифлис, 1885.
58. «Извлечения из салнаме Эрзерумского вилайета», — ИКОИРГО, т. VIII, вып. 2, Приложение, Тифлис, 1885.
 59. Мак Коан К., Наш новый протекторат (описание географических и экономических свойств Турецкой Азии), пер. с англ., М., 1884.
 60. «Народы Турции (двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула)», пер. с англ., т. I, СПб., 1879.
 61. Найт Э. Ф., Революционный переворот в Турции, пер. с англ. Б. Брадиса, СПб., 1914.
 62. «Отражение событий 1905 г. за границей. Публикация С. Залкина», — «Красный архив», М.—Л., 1925, т. 2(9).
 63. «Отчеты В. Джиффорда Пальгрева о провинциях Анатолии за 1867—68, 1862 и 1872 годы», пер. с англ.— «Приложение» к VII т. ИКОИРГО, Тифлис, 1882.
 64. Попов А., Турецкая революция 1908—1909 гг., — «Красный архив», 1930, т. 6(43).
 65. «Путешествие по Малой Азии (графа Мутье)», — «Всемирный путешественник», т. V, 1869.
 66. Рагозина Е. А., Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг., СПб., 1910.
 67. «Россия и Англия в Турции в 1876—1877 гг.», — «Русская старина», т. 86, 1896.
 68. С. Н., Константинопольские письма (1861—1866 гг.), — «Русский вестник», т. 69, 1867.
 69. Теплов В., Адрианополь в 1874 г. (из воспоминаний путешественника), СПб., 1877.
 70. Теплов В., Смирна (из путевых заметок), — Русское обозрение», т. II, 1891.
 71. Теплов В., Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (записки очевидца), СПб., 1897.
 72. Торос Ахияр, Путеводитель по Армении (путевые очерки архимандрита Гарегина Срвапдзтянца), сокр. пер. с арм. А. О. Кишмишева, — ИКОИРГО, т. IX, вып. I, Приложение, Тифлис, 1887.
 73. Чихачёв П. А., Великие державы и Восточный вопрос, составитель, автор предисловия и примечаний В. В. Цыбульский, М., 1970.
 74. Щербачёв Ю., Из Константинополя в Каир в 1876 г., — «Русский вестник», т. 140, март 1879.
 75. «Экспедиция инженера Иосифа Черника для исследования в техническом отношении бассейнов Евфрата и Тигра, а также описание путей, пройденных по Северной Сирии», пер. с нем., — ИКОИРГО, т. VI, Приложение, Тифлис, 1879.

IV. ИСТОЧНИКИ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

76. ابوالضيا توفيق، جمال منتخبہ کمال، استانبول. ۱۲۹۹.
77. ادیب محترم مرحوم ضیا پاشانک رویہ سی، دوسعدت، ۱۳۲۶.

78. احمد مدحت، اسی انقلاب، قسم ۲-۱، استانبول، ۱۲۹۴.
79. احمد صائب، رہنمای انقلاب، مصر، ۱۳۱۸.
80. احمد نیازی، خاطرات نیازی یاخود تاریخچہ انقلاب کبیر عثمانیدن بر صحیفہ، استانبول، ۱۳۲۶.
81. اصول اداره و اصلاحات، محرری بر دیپلومات، ۱۳۱۹.
82. اسید ایقاظ [6.M., 6.F.]
83. بہ بہ روحی، ۱۸۹۸.
84. بحریہ لیلرہ مکتوب [6.M., 6.F.]
85. بیاننامہ عمومی [6.M., 6.F.]
86. پارسدن بر مکتوب، درسعادت، ۱۳۲۶.
87. حریت، ۱۲۸۵.
88. حیرالدین، وثایق تاریخیہ و سیاسیہ، کتاب ۴، استانبول، ۱۳۲۶.
89. دولاب، ۱۳۱۶.
90. شرف الدین مغمومی، حقیقت حال، پارس، ۱۸۹۷.
91. صباح الدین، اتحاد و ترقی جمعیتہ اچق مکتوبلر، مسلکمز حقندہ اوچنچی و صوک بر ایطاح [استانبول]، ۱۳۲۷.
92. صباح الدین، م. م. تشبیس شخصی و توسیع مادونیت حقندہ بر ایطاح، درسعادت [۱۳۲۴].
93. صباح الدین، تشبیس شخصی و عدم مرکزیت حقندہ ایکنچی بر ایطاح، استانبول، ۱۳۲۴.
94. ضیا پاشانک عرضحالی، استانبول، ۱۳۲۷.
95. طشرہ وطند اشاریمزہ ہدیہ حریت، [استانبول، ۱۳۲۴].
96. طونہ لی حلمی، قونغرہ، مصر القاہرہ، ۱۳۱۹.
97. عبدالاء جودت، اوینکزا اوینکزا! مصر، ۱۹۰۸.
98. عثمانلی ترقی و اتحاد جمعیتی نظامنامہ اساسی، مصردہ طبع اولونمشدر، ۱۳۲۳.
99. فریاد، ۱۹۰۵.
100. لطنی، ملت و حکومت، [استانبول]، ۱۳۳۴.
101. م. ق.، ترکبادہ مجلسی مبعوثان، مصر، ۱۹۰۷.

102. [م.ق. ناصح]، استنصاف، ۱۳۱۵.
103. محمد مراد، تحریرى استقبال، ۱۳۲۹.
104. محمود جلال الدين پاشا، مرآت حقيقت، جلد اول، درسعادت، ۱۳۲۶.
105. مدحت پاشا، مرآت حيرت، جلد ۲، استنبول، ۱۳۲۵.
106. مدحت پاشا، ممالك عثمانيه تك ماضى و حال و استقبالى، درسعادت، ۱۳۲۴.
107. نامق كمال، روياء و ماغوسه مكتوبى، مصر، ۱۹۰۸.
108. وطن تهلكه ده، پارس، ۱۳۱۳.
109. Ali Canip, Türk edebiyatı antolojisi, İstanbul, 1934.
110. Demiroğlu F., Abdülhamide verilen jurnaller, İstanbul, 1955.
111. Duru K. N., İttihat ve Terakkî Hatıralarım, İstanbul, 1957.
112. Gözbüyük A. Ş., Türk anayasa metinleri, Ankara, 1957.
113. Kemal N., Vatan-yahut Silistre, İstanbul, 1943.
114. Kutay C., Prens Sabahattin Bey, Sultan II Abdülhamit, İttihad ve Terakkî, İstanbul, 1964.
115. Kuran A. B., Harbiye mektebinde hürriyet mücadeleri, İstanbul, 1958.
116. Operatör Cemil paşa hatıraları, Canlı tarihler, VIII, İstanbul, 1945.
117. Tahsin Paşa, Abdülhamit ve Yıldız hatıraları, İstanbul, 1931.
118. Temo I., İttihad ve Terakkî cemiyetinin teşekkülü ve hedematı vataniye ve inkilâbı milliyeye dair hatıratım, Romanya, Mecidiye, 1939.
119. Tuğay A., İbret, Abdülhamid'e verilen jurnaller ve jurnalciler [İstanbul, 1961].
120. Uzunçarşılı I. H., Namık Kemal'in Abdülhamide takdim ettiği arızalarla Ebüzziya Tevfik Beye yolladığı bazı mektuplar,— «Belleten», 1947, cilt XI, № 42.
121. Uzunçarşılı I. H., Sultan Abdülazız vakasına dair vakânüvis Lütfi efendinin bir risalesi,— «Belleten», 1943, cilt VII, № 28.
122. Uzunçarşılı I. H., 1908 yılında ikinci Meşrutiyetin ne suretle ilân edileceğine dair vesikalar,— «Belleten», 1956, cilt 20, № 77.
123. Unat F. R., Atatürkün II Meşrutiyet inkilâbının hazırlanmasındaki rolüne ait bir belge,— «Belleten», 1962, cilt XXVI.

V. ИСТОЧНИКИ НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

124. Ali Fahri, Congrès de la Jeune Turquie, Genève, 1900.
125. Ali Haydar Midhat, Midhat-pacha, sa vie, son oeuvre, Paris, 1908.
126. Georgiades D., Smyrne et l'Asie Mineure au point de vue économique et commercial, Paris, 1885.
127. Halil Ganem, Les sultans Ottomans, t. 1—2, Paris, 1901.
128. Le General Khéreddine, Réformes nécessaires aux états musulmans, Paris, 1868.
129. Midhat-Pacha, La Turquie, son passé, son avenir, Paris, 1873.

130. Millingen F., La Turquie sous le règne d'Abdul-Aziz (1862—1867), Paris, 1868.
131. Mouy C., Souvenirs d'un diplomate [une essai de régime parlementaire en Turquie (1876—1878)], — «Revue des deux Mondes», 1900, 1 fevrier.
132. Murad-Bey, La Force et la Faiblesse de la Turquie. Le coupables et les innocents, Geneva, 1897.
133. «Письмо отправлено до негово величества султана от н. выс. Мустафа-Фазиль-паша», [б. г., б. м.].
134. «Stambul und das moderne Türkenium (politische, soziale und biographische Bilder), von einem Osmanen, Bd I—II, Leipzig, 1877—1878.
135. Young G., Cops de droit ottoman, vol. II, V, Oxford, 1905.

VI. ИССЛЕДОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

136. Абдуллаев И., Человек удивительной судьбы,— «Советский Дагестан», 1968, № 1.
137. Авни Х., Как Турция стала полуколонией, пер. с тур. А. Н. Копонова, под ред. А. А. Алимова, стеклограф., Л., 1934.
138. Алиев Г. З., Младотурецкая революция и внутренняя политика турецкого правительства в 1908—1918 гг. (автореф. дисс.), Баку, 1967.
139. Алимов А. А., Борьба за конституцию 1876 г. в Турции,— «Историк-марксист», 1929, т. 14.
140. Алимов А. А., Революция 1908 г. в Турции,— сб. «Пробуждение Азии», М., 1935.
141. Алимов А., Турция,— сб. «Очерки по истории Востока в эпоху империализма», М., 1934.
142. Алькаева Л. О., Творчество Халида Зин Ушаклыгиля, М., 1956.
143. Арсланиан Д., Система землевладения в Османской империи, пер. с нем. Н. В. Чеботарёвой, под ред. и с предисл. А. Д. Новичева, Л., 1932.
144. Бондаревский Г. Л., Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903), Ташкент, 1955.
145. Валуйский А. М., Восстания в Восточной Анатолии накануне младотурецкой революции (по материалам московских архивов),— «Турецкий сборник», М., 1958.
146. Валуйский А. М., К вопросу о создании первых младотурецких организаций,— «Ученые записки ИВ АН СССР», т. XIV, 1956.
147. Валуйский А. М., Новые архивные документы о народных волнениях в Малой Азии в период русской революции 1905—1907 гг.,— «Краткие сообщения Института востоковедения», XXII, 1956.
148. «Всемирная история», т. VI, М., 1959.
149. Водовозов В., Старый режим в Турции,— «Турецкий сборник», под ред. Г. М. Бикермана, СПб., 1909.
150. «Вооруженные силы Турции», Издание главного управления Генерального штаба, СПб., 1907.
151. Габидуллин Х. З., Младотурецкая революция, М., 1936.

152. Гасанова Э. Ю., Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914). Баку, 1966.
153. Голобородько Н. Н., Турция, М., 1912.
154. Гордлевский В. А., Очерки по новой османской литературе, — Избранные сочинения, т. II, М., 1961.
155. Горцев, Младотурки и рабочий вопрос, — «Современник», СПб., апрель 1912.
156. Деборин А. М., Социально-политические учения нового времени, т. I, М., 1958.
157. Долинина А. А., Очерки истории арабской литературы нового времени, М., 1968.
158. Желтяков А. Д., К вопросу о вестернизации Турции в новое время, — «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», вып. II, изд. ЛГУ, 1968.
159. Желтяков А. Д., Петросян Ю. А., История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.), М., 1965.
160. Желтяков А. Д., Петросян Ю. А., Младотурецкое движение в трудах турецких историков, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 3.
161. Иванов М. С., Иранская революция 1905—1911 годов, М., 1957.
162. «История дипломатии», т. II, М., 1963.
163. Кямилев Х., У истоков современной турецкой литературы (турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.), М., 1967.
164. К. С., Турция, — «Известия штаба Кавказского военного округа», Тифлис, 1906, № 17—18.
165. Лавринович Ю., Экономическое положение и финансы Турции, — «Турецкий сборник», под ред. Г. М. Бикермана, СПб., 1909.
166. Луцкий В. Б., Новая история арабских стран, М., 1965.
167. Миллер А. Ф., Буржуазная революция 1908 г. в Турции, — «Советское востоковедение», № 6, 1955.
168. Миллер А. Ф., 50-летие младотурецкой революции, М., 1958.
169. Миллер А. Ф., Краткая история Турции, М., 1948.
170. Миллер А. Ф., Формирование политических взглядов Кемала Ататюрка, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 5.
171. Миллер А. Ф., Мустафа-паша Байрактар, М.—Л., 1947.
172. Малюковский М. В., Начальный этап мусульманской реформации в Египте, — «Краткие сообщения ИВАН СССР», XVII, 1959.
173. Мандельштам А. Н., Младотурецкая держава (историко-политический очерк), М., 1915.
174. Масвский В., Турецкая конституция, — «Известия штаба Кавказского военного округа», Тифлис, 1908, № 23.
175. Муратов Х., Роль Англии в восточном кризисе, — «Историк-марксист», кн. 7, 1940.
176. Новичев А. Д., Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935.
177. Новичев А. Д., Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.
178. Новичев А. Д., Турция. Краткая история, М., 1965.
179. Новичев А. Д., Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции, — «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, вып. 14, Л., 1962.

180. Новичев А. Д., Экономические и социальные сдвиги в Малой Азии и на Балканах и начало танзимата,— «Первый конгресс балканских исследований, Сообщения советской делегации», М., 1966.
181. Овсяный Н. Р., Современная Турция, СПб., 1877.
182. Осман-бей, Турецкое дервишество и дервиши,— «Русский вестник», 1874, т. 113, сентябрь 1874 г.
183. Осман-бей, Кто будет султаном после Абдул-Азиза,— «Русский вестник», т. 112, июль 1874 г.
184. Петросян Ю. А., «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.
185. Петросян Ю. А., К вопросу о характере Кузелийского инцидента 1859 г. и его место в истории Турции,— «Народы Азии и Африки», 1961, № 6.
186. Петросян Ю. А., К характеристике общественно-политических взглядов Намыка Кемалья,— «Краткие сообщения ИНА АН СССР», XXX, 1961.
187. Петросян Ю. А., Из истории общественно-политической мысли Турции в XIX в.— «Краткие сообщения ИНА АН СССР», 71, 1964.
188. Петросян Ю. А., Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции,— «Народы Азии и Африки», 1963, № 4.
189. Петросян Ю. А., К изучению идеологии младотурецкого движения,— «Тюркологический сборник», М., 1966.
190. Петросян Ю. А., К характеристике основных черт идеологии младотурецкого движения,— «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение)», М., 1968.
191. Петросян Ю. А., Политическая сатира младотурок,— «Народы Азии и Африки», 1969, № 6.
192. Пиннон Р., Новая Турция, пер. с франц. Н. Н. Малиновского,— «Братская помощь», 1909, № 6—7.
193. Реутов Н. Г., Из истории захвата Кипра Англией,— «Вопросы истории», 1958, № 3.
194. Стамбулов В., Намык Кемаль, М., 1935.
195. Сенкевич И. Г., Младотурецкая революция и албанское национальное движение,— «Советское востоковедение», 1958, № 1.
196. Тагагине М., Военная революция в Турции (в области действительных фактов),— «Офицерская жизнь», 28 июля/10 августа 1908, № 129—130.
197. Тверитинова А. С., Младотурки и пантюркизм,— «Краткие сообщения ИВАН СССР», XXII, 1956.
198. Тер-Арутюнов А., Политические партии в современной Турции,— «Русская мысль», сентябрь 1908 г.
199. Тотомиянц В., Экономическая почва турецкой революции,— «Современный мир», октябрь 1908 г.
- 199а. Убичии А. и де Куртейль П., Современное состояние Османской империи (статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр.), СПб., 1877.
200. Цовикян Х. М., Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции,— «Советское востоковедение», т. III, 1945.
- 200а. Шелковников Б., Младотурки как политическая партия

- и роль их в турецкой армии (по турецким источникам),— «Известия штаба Кавказского военного округа», 1904, № 1—2.
201. Шпилькова В. И., Антимонархический заговор 1859 г. в Турции, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
202. Шпилькова В. И., Обзор французской литературы о молодотурецкой революции, — «Народы Азии и Африки», 1967, № 2.
203. Шабанов Ф. Ш., Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата, Баку, 1967.

VII. ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

204. احمد رفيق، انقلاب عظيم، دسعادت، ۱۳۲۶.
205. احمد صائب، تاريخ سلطان مراد خامسى، مصر القاهرة.
206. احمد صائب، عيد الحميدك او ايل سلطنتى، مصر، ۱۳۲۶.
207. احمد صائب، وقعة سلطان عبدالعزيز، مصر، ۱۳۲۰.
208. جورى، انقلاب نيچين و ناصل اولدى، مصر، ۱۹۰۹.
209. رجلى استائستيق عمومى، استانبول، ۱۹۳۰.
210. عثمان نورى، عبدالحميد ثانى و دور سلطنتى استانبول، ۱۳۲۷.
211. محمد ضياء، يكى قپو مو او خانهسى: دارالخلافة العايمه، ۱۳۲۹.
212. Afetinan A., Atatürk ve türk kadın haklarının kazanılması, Istanbul, 1968.
213. Ali Ekrem, Namık Kemal, Istanbul, 1930.
214. Baykal B. S., 93 meşrutiyeti, — «Belleten», 1942, cilt VI, № 21—22.
215. Baykal B. S., Midhat paşanın gizli bir siyasi teşebbüsü. — «III Türk tarih kongresi», Ankara, 1948.
216. Bayur Y. H., Türk inkilâbı tarihi, cilt I, kısım 1, Ankara, 1963.
217. Danişmend I. H., İzahlı osmanlı tarihi kronolojisi, cilt 4, Istanbul, 1955.
218. Ergin, Osman, Türkiye maarif tarihi, cilt 3, Istanbul, 1941.
219. Fındıkoğlu Z. F., Auguste Comte ve Ahmed Rıza, Fakülteler matbaası, Istanbul, 1962.
220. Hüsrev I., Türkiyede köy iktisadiyatı, Istanbul, 1934.
221. İgdemir U., Kuleli vak'ası hakkında bir araştırma, Ankara, 1937.
222. İnal M. K., Osmanlı devrinde son sadrâzamlar, cüz III, Istanbul, 1942.
223. Karal E. Z., Osmanlı tarihi, cilt VII, İslahat fermanı devri, 1861—1876, Ankara, 1956.
224. Karal E. Z., Osmanlı tarihi, cilt VIII, Ankara, 1962.
225. Kaynar R., Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, Ankara, 1954.
226. Kızıldoğan H. S., Vatan ve Hürriyet — İttihat ve Terakkî, — «Belleten», cilt I, 1937.
227. Kuran A. B., İnkilâp tarihimiz ve Jön türkler, Istanbul, 1945.
228. Kuran A. H., İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakkî, Istanbul, 1948.

229. Kuran A. B., Osmanlı imparatorluğunda inkilâp hareketleri ve millî mücadele, İstanbul, 1956.
230. Kuntay M. C., Namık Kemal, Devrinin insanları ve olayları arasında, cilt I—II (kısım I), İstanbul, 1949.
231. Mardin Ş., Jön türklerin siyasi fikirleri, 1895—1908, Ankara, 1964.
232. Nüzhet S., Türk gazeteciliği (1831—1931), İstanbul, 1931.
233. Sarc O. C., Tanzimat ve sanayımız,— «Tanzimat», I, İstanbul, 1940.
234. Sungu I., Tanzimat ve yeni osmanlılar,— «Tanzimat», I, İstanbul, 1940.
235. Şakir Z., Büyük türk inkilâbı, I kitap, İstanbul, 1956.
236. Tanyol C., Prens Sabahattin,— «Sosyoloji dergisi», İstanbul, 1949, № 4—5.
237. Tepedelenlioğlu N. N., İlân-ı hürriyet ve Sultan II-ci Abdülhamit Han, İstanbul, 1960.
238. Tökin F. H., Türk tarihinde siyasi partiler ve siyasi düşüncenin gelişmesi, 1839—1965, İstanbul, 1965.
239. Tunaya T. Z., Türkiyede siyasi partiler, İstanbul, 1952.
240. Tunaya T. Z., Türkiyenin siyasi hayatında batılılaşma hareketleri, İstanbul, 1960.
241. Tütengil C., Prens Sabahaddin (1877—1948), — «Sosyoloji dergisi», İstanbul, 1949, № 4—5.
242. Uzunçarşılı I. H., Ali Suâvi ve Çırağan Sarayı vak'ası, — «Belleten», 1944, cilt VIII, № 29.
243. Uzunçarşılı I. H., V Murad tekrar padişah yapmak isteyen K. Skalyeri.—Aziz —bey komitesi,— «Belleten», 1944, cilt VIII, № 30.
244. Uzunçarşılı I. H., Midhat Paşa ve Taif mahkûmları, Ankara, 1950.

VIII. ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

245. Влахов Т., България и младотурската революция,— «Годишник на Софийския университет», т. LIX, кн. III, История, София, 1965.
246. Димитров Стр., За политиката на турските либерални кръгове в навечераето на априлското въстание. Априлското въстание (1876—1966), София, 1966.
247. Татарлъ Ибрахим, Художествени методи и литературни направления в новата турска литература в нейния начален стадий на формиране (просвещенският реализъм), — «Годишник на Софийския университет», том LXI, 2, 1967.
248. Акуйз К., Les jeunes turcs et les réformes dites du Tanzimat,— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. II, М., 1963.
249. Babinger F., Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke, Leipzig, 1927.
250. Bernard V., La mort de Stamboul, Paris, 1913.
251. Berkes N., The Development of Secularism in Turkey, Montreal, 1964.
252. Bianconi F., La question d'Orient dévoilée ou la Verité sur la Turquie, Paris, 1876.

253. Charmes G., L'avenir de la Turquie (le panislamisme), Paris, 1883.
254. Cuinet V., La Turquie d'Asie, t. I—IV, Paris, 1891—1895.
255. Davison R. H., Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876, Princeton, 1963.
256. Devereux R., The First Ottoman Constitutional Period, Baltimore, 1963.
257. Engelhardt E., La Turquie et le Tanzimat, vol. I—II, Paris, 1884.
258. Fesch P., Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid, Paris, 1907.
259. «Geschichte des islamischen Länder», Dritter Abschnitt, Neue Zeit, Leiden—Köln, 1959.
- 259a. Gibb E. J. W., A History of Ottoman Poetry, vol. V, London, 1909.
260. Jonquière de la A., Histoire de l'Empire Ottoman depuis les origines jusqu'au traité de Berlin, Paris, 1881.
261. Imhoff, Die Entstehung und der Zweck des Comites für Einheit und Fortschritt (Die Welt des Islams, Bd I, H. 3—4, 1913).
- 262 Léouzon L., Midhat-Pacha, Paris, 1877.
- 262a. Lewis B., The Emergence of Modern Turkey, Oxford, 1965.
263. Mandelstam A., Le sort de l'Empire Ottoman, Lausanne—Paris, 1917.
264. Mardin Ş., The Genesis of Young Ottoman Thought, Princeton, 1962.
265. Ramsaur E. E., The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908, Princeton, New Jersey, 1957.
266. Rizas G., Abdul Hamid. Sa vie politique et intime. 33 ans de tyrannie, Constantinople, 1909.
267. Rougon R., Smyrne (situation commerciale et économique), Paris, 1892.
268. Schweiger-Lerchenfeld A., Serail und Hohe Pforte, Wien—Pest—Leipzig, 1879.
269. Stern B., Jungtürken und Verschwörer, Leipzig, 1901.

229.			
230.	<i>Введение</i>		3
231.	Глава I.	Османская империя в 60—70-х годах XIX в.	13
232.	Глава II.	Предшественники младотурок. «Новые османы»—	
233.		первые турецкие конституционалисты	38
234.	Глава III.	Социально-политические и идейные воззрения ту-	
235.		рецких конституционалистов 60—70-х годов	103
236.	Глава IV.	Превращение Османской империи в полуколонию	
237.		и абдулхамидовский режим	137
237.	Глава V.	Младотурецкие организации и их деятельность	
238.		в конце XIX—начале XX в.	164
238.	Глава VI.	Подъем революционного движения в Османской	
239.		империи и деятельность младотурок в 1905—	
240.		1907 гг.	216
241.	Глава VII.	Социально-политические и идейные воззрения	
241.		младотурок	254
242.	Глава VIII.	Младотурки накануне и в период буржуазной	
243.		революции 1908 г.	279
243.	Заключение		309
244.	Список использованных источников и литературы		317

Юрий Ашотович Петросян

МЛАДОТУРЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(вторая половина XIX—начало XX в.)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М. И. Штелпель
Художник Г. К. Писманик

Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор М. М. Фридкина
Корректоры В. В. Воловик и Р. Ш. Чемерис

Сдано в набор 23/III 1971 г. Подписано к печати 15/VI 1971 г.

А-11204. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1

Печ. л. 10,25. Усл. п. л. 17,22. Уч.-изд. л. 18,52. Тираж 2300 экз. Изд. № 2752
Зак. № 340. Цена 1 р. 37 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
143	1 сн.	[177, стр. 48 — 51]	[176, стр. 48 — 51]
177	10 сн.	212	239
178	15 и 19 св.	212	239
203	1 сн.	гл. VIII	гл. VII
225	14 св.	[227, стр. 192 — 193]	[227, стр. 220 — 221; 114, стр. 192 — 193]
252	20 сн.	последовательность	непоследовательность
253	17 св.	[239, стр. 389 — 394]	[216, стр. 405]
	21 св.	[216, стр. 405]	[216, стр. 389 — 394]
255	13 св.	была	не была

Зак. 739

лжм-1